

Ирина Котова, Ольга Куно

СНЕЖНЫЙ КОРОЛЬ

ГЛАВА 1

Я знала, что вот-вот расплачусь, и ничего не могла с собой поделать. Рыдать при всех не хотелось, но остановить поток слез, рвущихся наружу с яростью штормовой волны, было не в моей власти. Окружающий мир расплылся, спрятался за пеленой первых слезинок, и я поспешила вытереть глаза тыльной стороной ладони, стараясь не прерывать при этом своего занятия. Крепко сжала зубы и постаралась полностью сосредоточиться на работе, перебороть себя, не поддаваться. Не тут-то было. Слезы все подступали и подступали к глазам, словно нескончаемые ряды врагов, штурмующих крепость. Увы, защита оной уже дала брешь. Я сдалась до постыдного скоро и, перестав сопротивляться, тяжело оперлась обеими руками о край стола.

Я больше ничего не могла видеть; комната и окружавшие меня люди надежно спрятались в застилавшем глаза тумане. Но слышать я могла и слышала... смех. Они бездушно смеялись над моими слезами и даже не старались этого скрыть. Ни тени сочувствия, ни малейшего признака — ни в одном из них. Все прекрасно знали, что со мной происходит, но, как видно, не побывав в чужой шкуре, невозможно по-настоящему понять чувства ближнего. Что ж, я давно знала, какие люди меня окружают. Ничего нового я для себя сегодня не открыла. Слезы уже бежали по щекам, но легче все не становилось. Наконец не выдержав, я бросилась прочь из комнаты, сопровождаемая новым взрывом хохота, на ходу вытирая лицо руками. Выбежав в полутемный коридор, я остановилась и прижалась к прохладной стене, глубоко и размеренно дыша. Отделенная от остальных толстой стеной, я полушепотом, словно мантру, повторяла простую истину, открывшуюся мне уже давно, но оттого, увы, не переставшую быть актуальной. Я ненавижу резать лук!

...В тот день в королевском дворце царила суматоха, небывалая даже для этого, что и говорить, весьма беспокойного места. Тщательно чистились огромные пушистые ковры, драились до зеркального блеска узорчатые каменные полы, многолетняя пыль стиралась с тяжелых фамильных портретов. В одном из залов, обыкновенно предназначенных для танцев (в обеденном попросту не хватило бы места), расставлялись многочисленные длинные столы, которые затем накрывались с учетом самых тонких и заковыристых правил этикета. Соседний зал, (там должен был состояться собственно бал) украшали и приводили в порядок особенно тщательно. Расположившиеся на балконе музыканты то настраивали инструменты, то репетировали отдельные мелодии, распространяя по этажу звуки арфы, флейты, скрипки, фортепиано и прочих средств как услаждать слух, так и делать жизнь его обладателей невыносимой. По коридорам в противоположных направлениях, то и дело натываясь друг на друга и ругаясь на чем свет стоит, бегали слуги, несущие в тот или иной зал предметы мебели, роскошные канделябры, фарфоровую посуду, картины или просто дрова. Лакеи, статус которых не позволял им носиться как угорелым, старались ходить более степенно, но не намного менее быстро, и оттого выглядели они порой, признаться, весьма забавно. Ну, а уж мажордом — тот и вовсе сбился с ног, что было совсем неудивительно. Как-никак сегодня должен был состояться торжественный прием в честь двадцать первого дня рождения (а, стало быть, и совершеннолетия) его высочества наследного принца, и такое торжество следовало провести без сучка без задоринки.

Было с сегодняшним празднеством связано и еще одно немаловажное и несколько скользкое обстоятельство. По им одним ведомой причине король и королева решили, что, достигнув столь важного возраста, принцу настало самое время остепениться, а потому необходимо срочно подобрать ему невесту. Ни для кого во дворце (в особенности для слуг, зачастую знающих много больше вельмож) было не секрет, что его высочество не разделяет точку зрения своих венценосных родителей на этот счет. Однако если в каких-то других делах с принцем, возможно, и считались, то в данном случае их величества определенно решили идти напролом, полностью проигнорировав мнение главного действующего лица в предстоящем торжестве. И потому сегодня во дворец должны были прибыть многочисленные незамужние баронессы, княжны, графини, а также первые красавицы королевства, завоевавшие своими очаровательными личиками те привилегии, которыми другие обладали по праву рождения.

Само собой разумеется, охватившая дворец суматоха не обошла стороной и кухню, в особенности сейчас, когда первые гости уже собирались в зале, временно принявшем на себя роль обеденного. Конечно, некоторые яства уже какое-то время ожидали своего часа, однако большая часть блюд, в том числе горячее, сладкое и некоторые салаты, должна была быть приготовлена непосредственно перед подачей на стол. При этом если хоть с одним кушаньем произойдет задержка, и гусь с яблоками или фаршированный рябчик не попадет на королевский стол в точно назначенное для этого время, немедленно полетят чьи-то головы, а

потому старались мы на совесть. Дворцовая кухня состояла из нескольких примыкающих друг к другу комнат, и мне нередко удавалось спокойно работать в одной из них в гордом одиночестве, однако сегодня ни о чем подобном не могло быть и речи. Столы были завалены и заставлены всевозможными продуктами, готовыми и полуготовыми блюдами; комнаты заполнили бегущие туда-сюда люди, звон посуды и самое невообразимое сочетание разнообразных запахов.

— Пончик, принеси еще одно серебряное блюдо. Да смотри вытри его как следует!

— Куда ты несешь капусту?! С каких пор в этот салат добавляется капуста? Сейчас заставлю тебя самого сожрать весь кочан!

— У тебя не осталось нескольких луковиц? Хорошо, я принесу из кладовки.

— Куда вы задевали перец, изверги? Вы что, задумали совсем меня сегодня извести?

— Проверьте кто-нибудь, соус, наверное, уже закипел!

Возвратившись в шум и гам кухни, я прошла к столу и снова взялась за нож.

— Смотри, Золушка, больше не плачь! А то как бы у тебя салат пересоленным не вышел!

— Помолчала бы, а то я сейчас припомню, как кое-кто вчера порезался, — беззлобно отозвалась я. — Интересно, сколько людей стали вампирами, покушав то блюдо.

Золушкой меня прозвали за то, что во время работы на кухне то руки, то лицо, то старое поношенное платье рано или поздно оказывались перепачканы в золе. Сказать по правде, абсолютно то же самое происходило и с остальными, но к тому моменту, как я начала работать во дворце, у всех них уже были свои прозвища. К примеру, Пончик, шестнадцатилетний поваренок, уже высоченный и при этом мягко говоря довольно-таки полный, получил свое прозвище за комплекцию и любовь к одноименным продуктам. Главную повариху называли Дама, не из-за происхождения, самого что ни на есть непримечательного, а за ее необыкновенное самообладание, умение держать себя и при любых обстоятельствах сохранять спокойствие. Можно сказать, даже за своего рода манеры. Стрела — еще одна повариха лет тридцати пяти, начавшая работать во дворце на год раньше меня; ее называли так за быстроту и точность движений. Или, к примеру, Портняжка, двадцатилетний парень, в отличие от остальных не приставленный непосредственно к кухне, а выполнявший во дворце самые разные поручения, в том числе помогавший и у нас, когда в этом возникала необходимость, вот как сегодня. Как-то раз он проявил неожиданную для всех ловкость в обращении с иглой, когда понадобилось срочно зашить порвавшуюся внизу портьеру и поблизости не оказалось ни одной свободной женщины. Как правило, выполняемые им работы носили значительно более мужской характер, но прозвище закрепилось, и теперь иначе, как Портняжкой, его не называли. Так что Золушка, так Золушка. Я не обижалась.

Подойдя к столу, я обнаружила, что Стрела проявила все же сострадание и забрала луковицу себе. Сейчас та стремительно превращалась в мелко нарезанные белые лоскутки, все как две капли воды похожие друг на друга, не отличаясь ни формой, ни размером. Единственная часть нашей работы, с которой мне никогда не удавалось справиться как следует. Разумеется, в заправленном густым соусом салате разницы никто не заметит, но все равно обидно. С благодарностью взглянув на Стрелу, я принялась за помидоры. Затем за красный перец, потом за укроп...

Время шло, трапеза уже началась; блюдо за блюдом уходило с кухни на королевский стол, а вскоре сверху к нам стала возвращаться опустевшая посуда. Разумеется, о том, чтобы ее мыть, сейчас речи не шло; посуда постепенно скапливалась в громоздком чане с разогретой водой. Я заканчивала процеживать красный соус, когда из-за соседнего стола раздался голос Дамы:

— Пончик! Скорее отнеси этот салат наверх.

— Э нет! — категорично отозвалась Стрела. — Пончика я сейчас не отпущу, он помогает мне с муссом. Пусть Портняжка отнесет.

— Портняжки нет, его отослали куда-то еще. Так кто же отнесет?

— Ну, не знаю. Но только не Пончик.

— Золушка? — позвала Дама. — Ты ведь как раз закончила. Отнеси это блюдо в зал.

— Кто, я?!

Мне никогда не приходилось носить еду наверх! Мои обязанности всегда ограничивались кухней, и я пребывала в полной уверенности, что так оно и к лучшему.

— Может, ты сама отнесешь? У тебя это лучше получится.

— Там получаться нечему. Поставила на свободное место на столе и исчезла, будто тебя и не было. А я не могу оставить кухню. Как ты себе это представляешь?

— Но я в таком виде... — предприняла я последнюю отчаянную попытку отвертеться. Это была не пустая отговорка: я была абсолютно уверена в том, что мое лицо, как обычно, перемазано золой, даже помнила, когда именно успела запачкаться.

— Твой вид там никого не интересует, уж можешь мне поверить, — ободрила меня Дама. — На вот, вытри правую щеку. — С этими словами она перебросила мне почти чистый серый платок, бывший в свои лучшие времена белым. Последний год он не возвращался к своему изначальному цвету даже после стирки в кипящей воде. — Вот так хорошо. Очень милое личико. Намного милее, чем у большинства из тех, кто сидит сейчас за королевским столом, поглощая все то, над чем мы тут вкалываем.

Я фыркнула, выражая скептическое отношение к комплименту. Ну, еще бы, добрые слова ничего не стоят, почему бы не использовать их, дабы заставить ближнего делать то, что тебе хочется? Тяжело вздохнув напоследок — просто чтобы выразить свое отношение к ситуации; я уже понимала, что от путешествия в трапезную не отвертеться, — я взяла изысканную фарфоровую вазу с салатом и, стараясь на нее не дышать, медленно вышла в коридор. Еще два десятка шагов, и передо мной — крутая лестница, разумеется, не парадная, а предназначенная в основном для слуг. На бережное отношение к блюду меня хватило ступенек на семь. Затем я взяла вазу покрепче, начала подниматься быстрее, перестала через каждые полсекунды с содроганием сердца проверять, не примялись ли листья салата, и преодолела оставшуюся часть лестницы более привычным для себя шагом. Свернув налево в широкий, хорошо освещенный коридор, я открыла низкую незаметную дверь в стене, и оказалась в другом мире.

Это была не преисподняя, не рай и даже не страна эльфов, в которую по слухам можно попасть через сокрытые в скалах ворота. Но дело в том, что во дворце, параллельно миру роскошных залов, парадных лестниц и богатых покоев существовал еще один мир, разительно отличающийся от первого и соприкасающийся с ним лишь посредством таких вот почти не заметных непосвященному глазу дверей. Как известно, вельможи не могут обходиться без помощи слуг — горничных, лакеев, поваров, плотников и многих других, — однако предпочитают, чтобы последние оставались как можно более незаметными, появляясь строго тогда, когда это необходимо, и исчезая в то мгновение, когда их услуги перестают быть нужны. Специально для того, чтобы слуги могли передвигаться по дворцу, не мозоля господам глаза и не тревожа их слух, здесь была создана сложная система коридоров, располагавшихся прямо в стенах здания. Это был самый настоящий лабиринт, охватывавший два этажа: этаж, предназначавшийся в основном для личных покоев членов королевской фамилии — спален, комнат для переодеваний, чайных, личных кабинетов и прочее, — а также этаж, на котором располагались различные залы для приема гостей, обеденный зал и личные покои кое-кого из придворных. Найти в нем дорогу мог только тот, кто знал эти полутемные коридоры досконально. То есть слуги, большинство из которых могли с закрытыми глазами отыскать нужную дверь, выводящую именно в ту комнату, где их присутствие было необходимо в данный момент. В отличие от хорошо освещенного дворца, где в темное время суток не жалели дорогих, почти на вес золота, свечей, это был мир полутьмы. Мир тех, кто видит и знает все, но сам остается невидимым. Мир слуг.

Быстро сориентировавшись в хорошо знакомом пространстве, я бесшумно отворила очередную невысокую дверь и, пригнувшись, вошла в просторный зал. Я тут же прищурилась, мучительно привыкая к хлынувшему со всех сторон яркому свету. Постепенно среди спящей глаза белизны сформировались очертания роскошно накрытых столов, ломившихся от многочисленных яств, шикарные вазы, картины и канделябры, украшавшие зал, а также красные ливреи стоящих ко мне спиной лакеев. Последние внимательно следили за каждым движением гостей, готовые предупредить малейшее их желание. Нацелившись в свободное пространство между двумя спинами, я незаметно скользнула к столу и сразу же отступила в тень, осторожно поставив вазу с салатом на совсем недавно освободившееся, судя по примятой скатерти, место. Все это время я не забывала о том, чтобы внимательно смотреть и слушать, что творится вокруг. Коли уж мне довелось разок оказаться в таком месте в столь ответственный момент, грех было упускать такую возможность, и я жадно ловила все

доступные моим органам восприятия жесты, обрывки разговоров и запахи. Их величества восседали во главе стола, вернее, вереницы стоящих друг за другом столов; их стулья отличались от остальных более высокими спинками, наличием подлокотников и особенно изысканной резьбой, однако, на мой скромный взгляд, оставались несмотря на все эти отличительные признаки крайне жесткими и неудобными. Принц сидел на некотором расстоянии от родителей, отделенный от них тремя или четырьмя гостями; вид у него был самый что ни на есть кислый. Признаться, его высочество можно было понять. Во время трапезы он был окружен одновременно тремя дамами: две по правую и левую руку от него и еще одна напротив. Без сомнения, постарались венценосные родители, но сделанный ими выбор заставлял искренне посочувствовать юноше. Одной из усиленно развлекавших его разговором женщин оказалась княжна Амалия Тельсская, наследница весьма приличного состояния, девица на выданье лет этак... сорока пяти. С другой стороны — вся из себя загадочная, но при этом не менее говорливая леди Матильда Стольная, юная дочь одного из герцогов северной части королевства, дама более чем среднего кокетства и весьма солидных пропорций. Ну а напротив — леди Миранда, дочь графа Лунского, в отличие от своих соперниц, девушка и вправду красивая: белокурые кудри изящно обрамляют милое личико, большие зеленые глаза бросают на принца многозначительные томные взгляды, немного курносый нос лишь придает лицу дополнительное очарование... Вот только всем известно, что леди Миранда чересчур глупа даже для своего Круга Благородных Дам, хотя с мозгами в этом уважаемом кружке дело и без того обстоит не слишком благополучно. Неудивительно, что скучающий взгляд принца устремился мимо благородных дам и остановился на предмете, который его высочество, по-видимому, посчитал более достойным собственного внимания, а именно на молочном поросенке, возлежащем на серебряном блюде в обрамлении душистых головок чеснока. К сожалению, возможности увидеть дальнейшее развитие событий у меня не было. Следуя строгим дворцовым правилам, я поспешила исчезнуть из зала столь же незаметно, сколь появилась.

С тех пор, как я возвратилась в духоту кухни, прошло не менее двух часов. Трапеза наверху давно уже окончилась, и ритм работы резко снизился, позволяя вздохнуть свободнее. Кое-кого из помощников и вовсе отпустили домой. Грязная посуда более не помещалась в предназначенном для нее чане и возвышалась двумя неровными горками на одном из столов. Большая часть десертов уже отправилась вверх, дабы развлекать тех, кто случайно заскучает на начавшемся недавно балу, и утолить голод поздних гостей, не попавших на трапезу. Дама вдохновенно колдовала над последним оставшимся тортом, с видом подлинной художницы раскладывая вишенки среди воздушных кремowych башенок. Стрела смотрела в распахнутое окно, что-то тихонько напевая себе под нос. Заправив, наконец, фруктовый салат, я со вздохом опустилась на табурет, вытирая пот со лба. Вот сейчас сяду и буду ничего не делать. Даже не шевелиться. Только дышать. Целый час, или даже два.

Дама подняла глаза и посмотрела на меня исподлобья. Я ответила ей взглядом, начисто лишенным осмысленности.

— Золушка, ты ведь вроде бы хотела пойти посмотреть на бал?

— М-м-м, — промычала я.

Дама не удостоила мой ответ словесной реакцией, только вопросительным взглядом. Усилием воли я заставила себя озвучить свою мысль.

— Уже не хочу.

— Да брось! Ты молодая, сил у тебя много, разойдешься быстро.

«Угу, сил много, как у лошади», — подумала я, равнодушно глядя перед собой. И почему это все считают, будто у молодых силы прямо-таки неисчерпаемые? Все, кроме самих молодых, но их мнением в этом вопросе почему-то никогда не интересуются.

— Если бы мне предложили там потанцевать, силы, может, и нашлись бы, — призналась я, машинально стряхивая со стола крошки. — А так... Ну, подсмотрю я за ними, а что толку? И потом, я ведь и здесь могу еще понадобиться.

— Здесь сегодня делать уже нечего, — вмешалась Стрела, отходя от окна и прикрывая ставень. — Иди-иди, сама ведь хотела. Свои желанья надо осуществлять. Хотя бы какие-то.

— Ты думаешь?

Я забарабанила пальцами по столу, лениво взвешивая за и против.

— Марш отсюда, — подытожила Дама. — Мы женщины взрослые, нас балы уже не интересуют, сами тут все доделаем. Чай, успеешь еще завтра наработаться.

Словом, из кухни меня практически вытолкали в шею, и я вновь зашагала вверх по старой скрипящей лестнице, сперва еле переставляя ноги, а потом все быстрее и бодрее. Не знаю, в молодости ли тут дело, но отчасти Дама была права. Когда сидишь на месте, кажется, что сил никаких нет и никогда больше не появится, хоть сразу в могилу ложись, только чтобы ее непременно вырыл кто-нибудь другой. Но стоит встать на ноги и начать что-нибудь делать, как они мгновенно появляются неведомо откуда и кажется, будто особой усталости и не было.

Снова проскользнув в другой мир через ту же самую дверь, что и в прошлый раз, я прошла по длинному узкому коридору до конца, повернула налево, потом еще раз налево и, наконец, остановилась. Здесь стена немного выступала вглубь зала, затем снова возвращаясь к прежней линии, и в результате во внутреннем коридоре образовывалось небольшое углубление, своего рода ниша, позволяющая остановиться, не мешая проходящим мимо людям, и даже с большой степенью вероятности остаться для них незамеченным. Разумеется, нормальному человеку нечего было бы делать в пустой нише однообразного темного коридора, если бы не одно обстоятельство. В районе этой самой ниши в стене, отделявшей коридор от большого танцевального зала, уже много месяцев назад образовалась длинная узкая щель. Разумеется, ее следовало немедленно заделать, однако время шло, а каменщик все никак не принимался за работу. По официальной версии, которая потребовалась бы, если бы о бреши в стене неожиданно вспомнили, он просто забегался, занимаясь другими делами, и успел совсем позабыть о такой мелочи. В действительности же, думаю, причина столь вопиющей забывчивости была совсем иная. Данная щель позволяла видеть немалую часть зала, а также прекрасно пропускала звуки, позволяя подобным образом с относительным удобством наблюдать за проходящими там церемониями. Конечно, никаких дворцовых тайн узнать таким образом было нельзя (кто же станет секретничать в огромном зале, предназначенном для торжественных приемов?!); иначе к щели наверняка отнеслись бы значительно более серьезно. А так все быстро привыкли к ее существованию, и каменщик, как видно, получил неофициальное указание ничего не предпринимать. С противоположной же стороны щель была совершенно незаметна среди многочисленных картин, гобеленов и высокого массивного канделябра, который, подозреваю, специально был приставлен так близко к стене кем-то из лакеев, чтобы господам и в голову не пришло, что за ними могут наблюдать.

Кроме меня в этой части коридора никого не было. Для того чтобы через очередную секретную дверь пройти в танцевальный зал, надо было свернуть направо на дюжину шагов раньше, а в комнатах, располагавшихся дальше по коридору, слуги сейчас не требовались. Встав на цыпочки, я прильнула к щели.

Бал начался не слишком давно, и танцевали пока мало. Время от времени церемониймейстер торжественно-равнодушным голосом объявлял запоздалых гостей. Король и королева восседали на возвышавшихся у дальней стены тронах, приветствуя подданных милостивыми кивками. Вскоре в поле моего зрения появился и принц. Оказывается, трапеза — это были всего лишь цветочки. Тогда, во всяком случае, его высочество окружали всего лишь три девицы на выданье, своим непрерывным щебетанием позволявшие ему думать о своем, разглядывая лежавшие на столе кушанья. Теперь же вокруг юноши столпился по меньшей мере десяток потенциальных невест, каждая из которых из кожи вон лезла, чтобы обратить на себя его внимание. Сосредоточиться на собственных мыслях в такой обстановке вряд ли было возможно. Неумолкающие голоса девушек доносились до меня вполне отчетливо; голоса принца я не услышала ни разу.

— Сегодня прекрасная погода, не правда ли, ваше высочество? — многозначительно заметила одна таким тоном, словно хорошая погода была исключительно ее личной заслугой.

— Такой теплый безветренный день, — мгновенно подхватила другая.

— Слишком много солнца, — томно возразила третья. — Это вредно для кожи. Разумеется, для по-настоящему белой кожи. — Она как бы невзначай выставила напоказ свою безупречную аристократическую ручку.

— Моя матушка говорит, что бывает два вида солнца. Одно опасное, а другое совершенно безвредное.

— Тем, кто правильно заботится о своей коже, солнце никогда не причинит вреда, — авторитетно заявила очередная красавица, давая понять, что уж она-то никогда не опозорила бы венценосного супруга здоровым загаром.

Принц держался с достоинством, ни разу не перебив ни одну из дам и вообще не забывая о хороших манерах, но судя по его бледности и слегка осоловелому взгляду, столь содержательный разговор продолжался уже достаточно долго.

Легкий шелест за спиной заставил меня резко обернуться. Я тут же с облегчением вздохнула, увидев перед собой юное создание лет шестнадцати-семнадцати с прямыми светлыми волосами и ярко-голубыми глазами. Девушка была одета в легкое розовое платье с короткими рукавами; ее волосы были перевязаны тонкой лентой, тоже розовой. В неожиданной свидетельнице моего занятия не было бы ровным счетом ничего необычного, если бы не та легкость, с которой она передвигалась по коридору независимо от того, касались ли ее ноги пола или нет.

Нельзя сказать, чтобы феи часто встречались у нас в королевстве. Их невозможно было случайно увидеть на улице, в городском парке или в лавке булочника. Они показывались людям на глаза лишь тогда, когда сами того желали. Тем не менее бывали случаи, когда феи являлись кому-нибудь из простых смертных, чтобы сделать предсказание, предупредить об опасности или просто поболтать. И с тех пор как с полгода назад юная светловолосая фея внезапно возникла у меня за спиной в запертой на замок комнате и буднично поинтересовалась, который теперь час, испугав меня до полусмерти, я уже ничему не удивлялась. После того случая фея навещала меня довольно часто — раз в неделю — в две, иногда пропадала по месяцу, но рано или поздно возвращалась, исключительно для того, чтобы поболтать о том о сем.

— Что показывают? — поинтересовалась она, зависнув в воздухе и самозабвенно болтая ножками.

— Осаду замка, — ответила я, отрываясь от щели.

— Ну и как? Замок сдается?

В руках феи прямо из воздуха появилось большое зеленое яблоко, которое она не замедлила надкусить со вполне реальным хрустом.

— Не похоже. Скорее тщательно готовится к длительной осаде. Хочешь посмотреть? — Вспомнив о правилах приличия, я отодвинулась, давая ей возможность приблизиться к щели.

Фея и не подумала сдвинуться с места.

— Неужели ты думаешь, что мне может помешать какая-то хрупкая стенка? — фыркнула она, дожевывая очередную порцию яблока.

— Ты что же, умеешь видеть сквозь стены?

— А то!

— Завидная способность! Хотела бы и я так же...

Она молча развела руками — мол, рожденный ползать летать не может.

— Ты что же, и в чужие спальни можешь заглядывать? — в ужасе спросила я.

Фея многозначительно кивнула.

— Кошмар какой... Скажи-ка, а мужчины среди вас, фей, есть? Они что, тоже умеют видеть сквозь стены?

— Не надо вникать в излишние подробности, — посоветовала она и, дожевывая яблоко, выбросила огрызок. Вернее, бросила прямо мне в лицо, но, оказавшись всего в нескольких дюймах от моего носа, он растворился в воздухе. Поскольку я давно уже привыкла к ее выходкам, это происшествие ничуть меня не смутило. Ну, в крайнем случае, получила бы по носу предметом неизвестного происхождения. Я ведь не леди из высшего общества, мне не привыкать. Равнодушно пожав плечами, я вернулась к щели в стене. Осада не прекращалась, а, напротив, стала еще более настойчивой.

— ...в наше время по-настоящему хорошие певцы стали большой редкостью.

— Вы уже слышали Дайану, эту новую певичку из Южного графства? Говорят, у нее прелестный голос.

— Нет, не слышал, — впервые за все это время подал голос принц. — И, признаться, не стремлюсь. По-моему, прелестных голосов более чем достаточно и здесь.

Дамы заахали и заохали, восторгаясь комплиментом, а фея покатила со смеху.

— Вообще-то их можно понять, — проговорила я, в задумчивости глядя на собственные ладони. — Они ведь совсем его не знают. Наверняка видят первый раз в жизни, или уже встречались, но только на таких вот шумных праздниках. Откуда им знать, о чем ему интересно разговаривать?

— Если совсем его не знают, почему же так рвутся выйти за него замуж?

Я в удивлении уставилась на фею. Понадобилось немного времени, чтобы я сообразила, что они ведь живут в несколько ином мире, чем наш, и порой совершенно очевидные вещи могут оказаться им непонятны. Что ж, придется попытаться объяснить...

— Видишь ли, родиться дочерью в знатной и богатой семье — это, конечно, замечательно. Но тут есть одно «но». Им ничего нельзя делать со своей жизнью. Они не могут вести дела, отправиться путешествовать, освоить профессию или заняться науками. Единственное, что они могут изменить в своей жизни — это выйти замуж. В сущности именно к достижению этой цели направлены все их усилия, почти с самого рождения. Ради этого они учатся хорошим манерам, ухаживают за своей кожей, сидят на безумных диетах, принимают ванны с лепестками роз. Ради этого учатся вышивать крестиком, петь и играть на арфе. Возможно, у кого-то из них окажется прекрасный голос, достойный самой лучшей сцены, но ведь благородной девушке нельзя становиться певицей. О чем-то подобном и речи быть не может. Единственное, для чего ей дозволено использовать свой ангельский голос — это завлечь в сети будущего мужа. И раз уж единственная цель, которую они могут поставить перед собой в жизни — это выйти замуж, надо во всяком случае сделать это как можно более удачно. А что может быть удачнее, чем стать женой наследника престола?

Взглянув на фею, я тут же пожалела о том, что напрягалась, подбирая слова для этого глубокомысленного монолога. Было очевидно, что на мою слушательницу данная речь не произвела никакого впечатления.

— Откуда они так уверены, что этот брак окажется удачным? — продолжала гнуть свою линию она. — Ведь они ничего о нем не знают. А может, он маньяк вроде Синей Бороды, или еще похуже?

Я с сомнением покосилась на стену, будто умела, подобно фее, видеть сквозь преграды такого рода.

— Если бы это было так, все держалось бы в строжайшей тайне. А значит, об этом знал бы весь двор. А раз весь двор, то и все королевство.

С грустью убедившись в том, что таланты феи мне не даны, я вновь прильнула к щели. В глазах сразу зарябило от бриллиантов, изумрудов, шелков и кружев. Мне в голову вдруг пришла одна шальная мысль, и я снова обернулась к фее, хитро улыбаясь.

— А знаешь, если бы я только могла оказаться там совсем ненадолго, мне бы удалось их разогнать, — заявила я, как-то быстро позабыв о собственной недавней тираде в защиту потенциальных невест. — На короткое время, конечно, но все же достаточно, чтобы дать ему немного передохнуть. Жаль только, что это невозможно.

— А что, мне нравится эта идея! — с неожиданным энтузиазмом воскликнула фея. — Почему бы тебе и вправду не отправиться туда?

— Ты не понимаешь, — отмахнулась я. — Я, конечно, могу проскользнуть в зал, но мне ведь надо будет все время оставаться незаметной, а для того, о чем я говорю, необходимо как раз привлечь к себе внимание.

— А я и не предлагаю тебе оставаться незаметной. Наоборот, почему бы тебе не отправиться туда в качестве гостыи?

— Гостыи? — нахмурилась я. — Но меня вроде бы никто не приглашал. Уверена, король так и порывался заскочить на кухню обо всем договориться, но, видать, слишком забегался и забыл.

Я, конечно, все понимаю, может, ее мир и здорово отличается от нашего, но существуют же вещи, которые очевидны всем.

— Неужели ты и правда думаешь, что всех, кто находится там сейчас, действительно пригласили? — рассмеялась моей наивности фея. — Вон, к примеру, леди Стела из провинции. Сочла, что имеет право присутствовать здесь, поскольку ее отец не так давно сколотил себе огромное состояние. Приданое у нее, разумеется, немалое, но дочь купца остается дочерью купца, и об этом прекрасно помнили те, кто рассылал приглашения. Или, скажем, младшая княжна Веренская. Ей еще нет и шестнадцати, соответственно, ни о каком приглашении речи идти не могло, но она благоразумно сочла, что два пуда косметики надежно скроют этот недостаток. Так что давай не будем придирааться к подобным мелочам. Скажем так: ты будешь... неожиданной гостьей.

— Угу. А ты знаешь, что ждет кухарку, которая появляется на королевском балу в качестве неожиданной гостьи? В лучшем случае увольнение.

Фея нетерпеливо притопнула ножкой, что смотрелось несколько странно, поскольку она все еще продолжала висеть в воздухе.

— Ну хорошо, так и быть, мы не станем вешать тебе на спину плакат с надписью «КУХАРКА», — язвительно пообещала она. — Не пытайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле. Не хочешь на бал — так и скажи.

— Ну... — нерешительно протянула я. Разумеется, туманные намеки феи вызвали немало вопросов и опасений, но — что кривить душой? — кому из нас не хотелось бы один раз в жизни оказаться по ту сторону стены, почувствовать себя на балу гостьей, не скользить вдоль стен, притворяясь бесплотной тенью, а торжественно прошествовать через весь зал, в свете сотен свечей, под звуки восхитительной музыки и гомон беззаботных голосов? В течение одного вечера для разнообразия потанцевать вальс не с Портняжкой, с которым мы как-то разучили этот танец забавы ради, а с кем-нибудь из более поднаторевших на этом поприще придворных или гостей. Вдохнуть полной грудью пьянящий воздух бала, проникнуться ощущением свободы — до озноба, до боли в мышцах, — чтобы завтра возвратиться к привычным занятиям и сохранить на всю жизнь воспоминания об этом волшебном, удивительном дне. Уверена, ни для одной дамы из высшего общества, ни для одной принцессы королевский бал никогда не значил так много. — Но как ты себе это представляешь? — Я поспешила прикрыть собственное смятение голосом здравого смысла. — У меня даже нет подходящей одежды. Пойти в этом, — я жестом указала на свое перепачканное золой платье, — это все равно, что повесить на себя табличку.

— Думаю, тут я смогу кое-что сделать.

Откуда ни возьмись, так же, как недавно яблоко, у феи в руках появилась волшебная палочка, слегка похожая на указку, какую используют гувернеры, обучающие детей знатного сословия полезным и бесполезным для них наукам. Фея направила острие палочки прямо на меня и, прикрыв глаза, беззвучно зашевелила губами. Я почувствовала, как волосы у меня на голове встают дыбом.

— Эй, ты что собираешься делать? — испуганно спросила я.

Фея открыла глаза и посмотрела на меня с раздражением.

— Ты мне мешаешь, — укоризненно заявила она. — Мне надо как следует сосредоточиться, а я ведь еще не совсем опытна. — Не дожидаясь моих объяснений, она снова закрыла глаза и принялась беззвучно произносить заклинание.

Не могу сказать, чтобы ее слова сильно меня успокоили, но я больше не решалась прервать колдовство. Прошло, должно быть, совсем немного времени, хотя я раз десять успела подумать о том, чтобы бежать прочь без оглядки, когда фея открыла глаза, а с острия палочки беззвучно сорвалась яркая фиолетовая искра. У меня мгновенно потемнело в глазах, голова закружилась, но не успела я толком испугаться, как мир снова начал принимать прежние очертания. Фея торжественно протянула мне круглое зеркальце на длинной ручке, и я поспешила им воспользоваться, стремясь поскорее понять причину самодовольного выражения на ее лице.

Женщина, смотревшая на меня с той стороны зеркальной глади, казалась знакомой и чужой одновременно. Толстый слой белил, чрезвычайно модных в высшем обществе, полностью изменил цвет лица, попутно скрыв неровный загар и пятнышки родинок. Губы, напротив, сделались более яркими благодаря помаде нежно-розового цвета. Ресницы, окрашенные какой-то черной смесью, стали казаться более длинными и объемными. Волосы были аккуратно уложены в высокую прическу, закрепленные неимоверным количеством невидимых заколок. Кажется, они стали немного темнее, но, впрочем, такое впечатление могло

возникнуть из-за слабого освещения.

Я медленно опустила зеркало, чтобы рассмотреть платье, и лишь спустя несколько секунд сообразила, что для этого не требуется сподручных средств. Платье было великолепное. Белое, воздушное, изящное, совсем не строгое, но в то же время элегантное. Кружевное, юбка расшита жемчугом, но не вычурное, без всяких рюшечек и бантиков. Узкие рукава до локтя, в меру глубокий вырез и, разумеется, корсет. Наверняка светским дамам это изобретение давно уже действует на нервы, но для разнообразия даже забавно.

— Ну, как? — довольно поинтересовалась фея.

— Странно, — выдохнула я, снова поднося зеркало к лицу.

— И это все, что ты можешь сказать? — фыркнула она. — Ну да ладно, я не из обидчивых. А если честно, то работа бесподобная. У меня такое в первый раз получилось. Только вот, кажется, я про что-то забыла... Ах, да! Ну, конечно же, туфли! Хороша бы ты была, если бы принялась танцевать вальс в этих башмаках.

На ногах у меня и вправду по-прежнему оставались старые стоптанные башмаки, хотя под длинными юбками это не сразу бросалось в глаза.

— Думаю, я все равно навряд ли решусь танцевать, — призналась я. — Так, посмотрю немного, смешаюсь с гостями, а потом так же незаметно исчезну.

— Это ты сейчас так говоришь, — возразила фея. — А потом будешь готова стоптать хоть три пары башмаков.

— Почему ты так думаешь? — улыбнулась я, бережно разглаживая кружева уже ставшего мне дорогим платья. — Слишком хорошо знаешь, как проходят балы?

— Слишком хорошо знаю тебя.

Она взмахнула волшебной палочкой, я зажмурилась, но на этот раз никаких перемен со мной не произошло. Пара элегантных серебристых туфельек просто появилась у феи в руках.

— Вот, держи, — сказала она, протягивая их мне.

— Спасибо.

— Правда, у них есть один недостаток, — призналась она. — Так, странное свойство. Их сможешь обуть только ты одна. Видишь ли, у них нет фиксированного размера; они ориентированы только на тебя. Так что всем остальным они будут оказываться либо малы, либо велики.

— Ужасный недостаток, — согласилась я. — А я-то как раз собиралась подороже толкнуть их на барахолке. Или сдавать напрокат. Кстати, думаю, желающих было бы немало, — заметила я уже более серьезно. — Они просто очаровательны. Так же, как и все остальное. Я очень тебе благодарна, правда!

— Наконец-то оценила, — констатировала фея. — Но все это не только моя заслуга. Надо признать, что сама девушка не менее очаровательна, чем то, что на ней надето. Я всего лишь позаботилась о соблюдении гармонии. Вот о чем еще я должна тебя предупредить, — продолжила она, не позволяя мне ни возразить, ни поблагодарить, ни определиться, что из этого следует сделать в первую очередь. — Весь твой наряд, за исключением этих туфель, ровно в полночь исчезнет.

— То есть как — совсем исчезнет?!

— Да, и вместо него на тебе снова окажется твое старое платье.

— Ах, ну хотя бы старое платье вернется, — немного успокоилась я. — А почему именно в полночь?

Мне было жаль расставаться с этим необыкновенным платьем так скоро.

— Видишь ли, — фея опустила глаза, — я все-таки еще не очень опытная, у меня пока не получается что-то более постоянное. Вот только с туфлями удалось. — Она развела руками, как бы извиняясь.

— Ну что ты, это все равно прекрасно, — заверила я. — До двенадцати, так до двенадцати. Наверное, это даже слишком долго. Я все же немного боюсь...

— Чего же?

— А вдруг меня все-таки узнают? Придворные навряд ли, а если кто-нибудь из лакеев?

План феи был, бесспорно, соблазнителен, а единожды увидев себя в этом сказочном платье, я едва ли была бы готова отступить, и тем не менее меня не переставали терзать сомнения. Это была бесспорная авантюра, а я никогда не любила авантюры.

— Я понимаю, что с этим макияжем и новой прической узнать меня нелегко, но все же...

— Тут дело вовсе не в прическе и не в макияже. Лакеи смотрят на господ совершенно иными глазами, чем на слуг. Поэтому они никогда не признают в светской даме кухарку, и наоборот. Но это не так уж важно. Если ты волнуешься, достаточно будет еще одного мелкого штриха.

Она в третий раз подняла волшебную палочку. У меня лишь слегка потемнело в глазах на долю секунды, а затем я обнаружила белую полупрозрачную вуаль, прикрывающую верхнюю половину моего лица. Как следует поглядевшись в зеркало, я поняла, что уж теперь меня точно никто не узнает, разве что заподозрит что-то заранее.

— А теперь иди, — сказала фея. — У тебя остается не так уж много времени.

— Целых два часа, — возразила я.

— Ну, *целых* два часа это было или всего два часа, ты расскажешь мне завтра, — ухмыльнулась она. — А сейчас не забудь: ты должна войти в зал через парадный вход, как гостя.

Я кивнула, начиная чувствовать легкую нервную дрожь.

Покинув лабиринт узких коридоров через одну из более удаленных дверей, я оказалась в совсем другом коридоре, широком и светлом. Ноги тонули в шерсти мягкого красного ковра, словно в густой весенней траве; платье тихонько шуршало; длинные серьги из какого-то непонятного материала, напоминавшего горный хрусталь, но еще более легкого, издавали слабый таинственный звон всякий раз, когда я поворачивала голову. На входе в зал мне почтительно поклонился церемониймейстер. Распрямившись, он некоторое время стоял с вопросом в глазах, но я по глупости не догадалась, чего от меня ждут, и в конечном счете он вынужден был спросить вслух:

— Простите миледи, ваше имя?..

Этот вопрос застал меня врасплох, но в голову почти сразу же пришла очередная глупая идея.

— Синдерелла, — церемонно ответила я.

Он выглядел еще более нерешительно.

— А... титул?

Вот еще. И так я позволила себя впутать в редкостную авантюру, не хватало еще заделаться самозванкой.

— Просто леди Синдерелла, — отрезала я, очаровательно улыбнувшись.

Он вежливо склонил голову и, не став более меня задерживать, громко объявил:

— Леди Синдерелла!

Он отступил в сторону, в соответствии с идеально отработанными правилами этикета, и я вошла в зал. Не думаю, чтобы голос церемониймейстера кто-то услышал среди общего шума и веселья. Как и полагалось, я прошествовала через весь зал к возвышавшимся в его противоположном конце тронам. Толстые ковры сменились теперь идеально гладким паркетом, значительно более подходящим для танцев. Выразив свое почтение глубоким реверансом (очень надеюсь, что он мне удался), я со вздохом облегчения зашагала в обратном направлении.

Как это ни странно, волнение практически сразу сошло на нет, стоило мне оказаться в зале. Увидев принца, по-прежнему окруженного толпой дам, я, помня данное фее обещание, незаметно приблизилась к ним и постепенно смешалась с девицами на выданье.

— Ну, разве может настоящий мужчина так поступить в подобной ситуации? — возмущенно щебетала незнакомая мне девушка в ярко-розовом платье.

— Настоящий мужчина никогда не позволит себе даже оказаться в подобной ситуации, — наставительно заметила более взрослая дама, обмахиваясь огромным черно-красным веером.

Оказавшись почти в самом центре толпы, я набрала побольше воздуха в грудь и громко завопила:

— Мамочка-а-а! Таракан!

От последовавших за моим воплем визга и криков захотелось немедленно зажать уши. Дамы бросились врассыпную, брезгливо вглядываясь в пол и в ужасе осматривая собственные юбки.

— Ой! Вот он! — Я вытянула руку, указывая на платье одной из них. — А вот еще один! — Я повернулась прямо в противоположную сторону.

Леди разбежались по залу в разные стороны, визжа, разглядывая себя и друг другу и хватая за руки мамок и нянек. Про принца все мгновенно забыли. Мое дело было сделано — жалко, что не поспорила с феей на что-нибудь стоящее, например, на волшебную палочку... а впрочем, оно мне надо? Теперь я с чувством выполненного долга позволила себе расслабиться и принялась с интересом оглядываться по сторонам. Разумеется, мне неоднократно приходилось бывать в этом зале, но никогда не в качестве гостя. Отсюда все выглядело совсем по-другому. Я стояла, задрав голову, с почти детским восторгом разглядывая огромную шикарную люстру, в обрамлении которой сейчас горела добрая сотня свечей, когда неожиданно услышала совсем рядом с собой голос принца:

— Так где же этот таракан?

Я резко опустила голову, отчаянно борясь с желанием поскорее смыться.

— Какой таракан, ваше высочество? — спросила я с самым невинным видом.

— Ну, как же, тот, которого все так испугались. — Он говорил с такой нежностью, словно собирался погладить этого таракана по спинке или почесать за ухом. (Кстати интересно, есть ли у тараканов уши?) А может быть, он хотел посадить это благородное животное в коробок, чтобы и в будущем решать с его помощью любые дипломатические трудности.

— Ваше высочество, — укоризненно заметила я, — настоящая леди не только не может испугаться таракана, она даже не знает, что это такое.

Принц заметно повеселел.

— То-то они все разбежались!

Понимающе улыбнувшись, я присела в реверансе, завершая таким образом разговор, и собралась продолжить обследование зала.

— Вы позволите пригласить вас на танец?

Я в удивлении остановилась и обернулась к принцу.

— Но мне показалось, что ваше высочество не слишком хотели танцевать?

— Я изменил свое мнение.

— А вы об этом не пожалеете?

Помня о собственной неискушенности в танцах, я сильно подозревала, что это плохая идея.

Принц пожал плечами.

— Пока не пожалею, не узнаю.

Я склонила голову в знак согласия. Такой ответ понравился мне много больше галантных заверений о том, что, дескать, пожалеть о танце с такой очаровательной партнершей

невозможно.

Увы, сама-то я пожалела очень скоро. На четвертом «раз, два, три», которое я не переставала проговаривать у себя в голове, я все-таки запуталась и наступила ему на ногу.

— Ох! Простите, ваше высочество!

Я подняла на принца испуганный взгляд, но он стоически сделал вид, будто ничего не произошло, и продолжил танец. А вот будь на его месте Портняжка или, скажем, Пончик, точно бы подняли меня на смех!

Постепенно я перестала тщательно следить за каждым своим движением, а, перестав, сразу стала делать меньше ошибок. К тому же принц, в отличие от тех, с кем мне доводилось танцевать до сих пор, действительно хорошо вел, а в этом случае от женщины требуется совсем немного.

— Вы прибыли издалека? — спросил он вскоре после того, как начался второй танец.

Я чувствовала на себе его пристальный взгляд, пытающийся проникнуть сквозь вуаль.

— Можно сказать и так.

— Откуда именно? Вы живете в нашем королевстве?

— А вы всегда так настойчиво расспрашиваете тех, с кем танцуете?

— Нет, вы — исключение. — Я не ответила, и через несколько секунд он спросил: — Почему вы молчите?

— Пытаюсь понять, хорошо это — быть исключением, или плохо.

— Быть в чем-то исключительным всегда хорошо.

— Не могу с вами согласиться. Быть исключительным в большинстве случаев опасно.

Он некоторое время смотрел на меня, прищурившись.

— Может быть, вы и правы. — И сменил тему: — Как вам нравится погода?

Я пожалала плечами, насколько этого позволял ход танца.

— Погода как погода. Теплая, сухая. Такая стоит уже целый месяц. А мне казалось, что разговоры о погоде вам не слишком интересны, — решила добавить я.

— Я передумал. Они бывают даже очень полезны. Например, теперь я знаю, что вы живете именно в нашем королевстве. У соседей последний месяц было значительно прохладнее. — В его глазах сверкнул триумфальный огонек.

Я прикусила губу. А он не так прост, как кажется. С ним надо быть начеку, не то раскусит меня раньше, чем часы пробьют полночь.

— И потом, с вами я готов разговаривать о чем угодно, — сказал он и, подмигнув, добавил: — Даже о белилах и средствах борьбы с загаром.

Я глубоко вздохнула. Он, конечно, был уверен, что я, как дурочка, куплюсь на такое заявление. И, кажется, был не так уж далек от истины.

— И все-таки несколько минут назад я готов был поклясться, что вы приехали из-за границы.

— В самом деле? Почему же?

— Во-первых, по тому, как вы говорите. Вы произносите слова немного странно... то есть я хотел сказать, немного иначе, чем местные.

Вот как... Ну конечно. Когда слуги или, скажем, купцы говорят иначе, чем люди из высшего общества, на это никто не обращает особого внимания. Что с них взять? А вот в устах знатной дамы то же самое произношение вполне может сойти за оригинальный заграничный диалект. Вот только что же я не так произношу? Надо будет последить.

— А во-вторых? — улыбнулась я.

— Ваши манеры. Они тоже совсем иные, чем у наших дам.

Вот оно как! Оказывается, полное отсутствие манер может сойти за «совсем иные манеры», при условии что речь опять же идет о благородной даме.

— На то есть свои причины, — честно сказала я. — И все же я прибыла не из-за границы.

— В таком случае ужасно странно, что я никогда вас раньше не встречал.

— А вы в этом уверены?

— Разве я ошибся? — нахмурился принц.

— Ну, просто за время нашего разговора вы дважды успели признаться, что изменили свое мнение по тому или иному поводу. Вот я и подумала: а не окажется ли этот раз третьим? — уклончиво ответила я. Не только уклончиво, но еще и нагло, разумеется. Но, кажется, он счел такое поведение проявлением «иных манер». Я ничего не имела против такой формулировки.

Он уверенно покачал головой.

— Я бы вас запомнил.

— А может быть, вы просто видели меня в другой одежде?

— Какое значение имеет одежда? — фыркнул он.

— Мужчины всегда так говорят. А на самом деле одежда, прическа и прочая мишура имеет для вас гораздо больше значения, чем вы готовы признаться. В том числе и сами себе.

Какое-то время он молчал, видимо, взвешивал мои слова, примерял к себе; однако молчание затянулось. Под его внимательным взглядом я почувствовала себя неловко.

— О чем вы думаете, принц? — наконец не выдержала я.

— Пытаюсь представить вас в такой одежде, в которой мог бы вас не узнать.

Я вздохнула с облегчением. По тому, как он смотрел, можно было подумать, что он пытается представить меня без одежды.

— Ну и как, успешно? — поинтересовалась я.

Он неопределенно перевел плечами.

— Вообще-то не очень.

Танец закончился, и музыканты решили дать гостям — вернее, в первую очередь себе, а заодно уж и гостям — короткую передышку. Я восприняла ее с радостью, поскольку, говоря откровенно, успела здорово устать. Сказывалось как отсутствие практики (все-таки танцевать вальс и тому подобное мне приходилось всего несколько раз в жизни), так и целый день работы на кухне. Принц, кажется, заметил мое состояние, поскольку, галантно предложив мне руку, произнес:

— Вы не хотите немного отдохнуть и прогуляться по парку?

Мы покинули зал, сопровождаемые злыми, завистливыми взглядами девиц на выданье и их матерей. От этих взглядов хотелось спрятаться под непробиваемой броней стальных доспехов. Но все, что у меня было — это тонкий шелк прозрачного платья.

После двадцати минут сумасшедшего кружения приятная прохлада парка оказалась как нельзя более кстати. Двадцати минут? Или получаса? А может быть, больше? Кажется, я потеряла счет времени, но не беда, до полуночи еще точно очень далеко, к тому времени мы двадцать раз успеем возвратиться во дворец, а там часы висят на каждом шагу. И все они ходят верно, минута в минуту, за этим здесь принято следить очень тщательно. Так что волноваться не о чем. Да и как можно волноваться, вдыхая удивительный аромат дивных цветов, специально посаженных в этой части парка за их особенное свойство — распускаться именно по вечерам?

Не успела я опуститься на белую скамейку, спинка которой была украшена изысканной

резьбой, как откуда-то из тени выступил лакей, держащий в руках поднос с бокалами розового вина. Принц предложил мне бокал, сам отказался, и сделал лакею едва заметный знак. Тот поклонился, насколько этого позволял удерживаемый им поднос, и послушно удалился в сторону дворца. Мы остались одни.

Я почувствовала себя неудобно. На кухарок, вечно перепачканных золой, внимания, конечно, никто не обращал, но горничные рассказывали мне, как порой ведут себя молодые люди из высшего общества в отсутствии старших свидетелей. Некстати вспомнился и тот факт, что вальс еще до недавнего времени считался крайне непристойным танцем, а степенные матроны и старые девы до сих пор относились к нему с чрезвычайным неодобрением... Я быстро заставила себя успокоиться. Что непростительно для кухарки, вполне позволительно для неизвестной знатной гостьи. В крайнем случае получит по физиономии, и пусть потом попробует меня отыскать.

Мои опасения, похоже, не оправдывались. Кажется, шли минуты, а принц все стоял напротив скамьи, и не думая садиться. Выработанный за долгие годы инстинкт так и пытался заставить меня вскочить на ноги, но я мужественно держалась. Наконец, не выдержав, спросила:

— Принц, вы стоите, чтобы иметь возможность смотреть на меня сверху вниз?

— А вы все время смотрите в землю, чтобы не дать мне такой возможности?

Приняв критику во внимание, я подняла глаза. И, чтобы не разминиваться по мелочам, стала смотреть на небо. Которое оказалось необыкновенно звездным; я очень давно не видела ничего подобного. Впрочем, быть может, последнее время я просто слишком редко поднимала голову? Слегка прищурившись, я принялась разыскивать немногочисленные знакомые мне созвездия.

— Вон Меч, — сказала я вслух, указывая на ровную вертикальную линию из четырех звезд, которую сверху пересекала «рукоять» из еще трех ярких точек. — А где-то недалеко должен быть Кувшин... Но я его, как всегда, не нахожу.

— Вот он, немного выше. — Принц слегка передвинул мою вытянутую руку. — Вот этот незаконченный овал. А здесь — созвездие Рыцаря.

Он не торопился выпускать мою руку из своей. Я понимала, что как хорошо воспитанная леди должна бы запротестовать... но почему-то уж очень не хотелось.

— А вот там, на востоке — созвездие Прекрасной Дамы, — продолжал он. — Сейчас даже можно различить ее профиль, хотя две звезды очень тусклые. Она смотрит на Рыцаря, а он — на нее.

— Грустно, — проговорила я, мысленно сложив четкую картинку из множества светящихся осколков. — Они смотрят друг на друга, но никогда не встретятся. Она застыла над самым горизонтом, а он светится намного выше, далеко-далеко от нее.

— А может быть, им этого достаточно? Просто смотреть друг на друга и время от времени переговариваться?

— В присутствии тысяч посторонних звезд? — скептически заметила я.

— Может быть, эти звезды не понимают их языка?

Едва заметно улыбнувшись — мол, кто его знает? — я снова перевела взгляд на грешную землю.

— Скажите, принц, а как случилось, что вы так хорошо разбираетесь в созвездиях?

— О, это следствие скучных и нудных уроков, от которых мне в свое время так и не удалось увильнуть.

— А от многого увильнуть удавалось?

— Я старался, — рассмеялся он. — Но, к моему счастью, мой гувернер оказался еще более упрямым.

— И что же, он обучал вас астрологии? — удивилась я.

— Нет. Даже если очень захочу, я не смогу предсказать вам и самое незначительное событие.

Это было частью уроков географии. При помощи звезд можно правильно определить дорогу.

— А зачем это нужно принцу?

— Ну, принц ведь тоже иногда путешествует. По тем же государственным делам. А как ночью определить направление где-нибудь в море? Или, например, в пустыне, где нет не только мха, но и предметов, с северной стороны которых он мог бы расти?

— Но ведь за принца все это сделают слуги.

— Высокого происхождения достаточно только во дворце, — серьезно возразил он. — Во время шторма, в пылу битвы или в глубине огромного враждебного леса люди подчиняются тому, кто чего-то стоит. Тому, кто может вывести их из беды. — Он слегка тряхнул головой. — Но это слишком серьезный разговор для бала. Давайте сменим тему на что-нибудь более легкое.

— Вы в этом уверены? Ну что ж, что вы предпочитаете обсуждать — погоду или самые новые диеты?

Он рассмеялся, я тоже, но в этот момент откуда-то издалека раздался приглушенный звук, словно ударили в гонг к трапезе.

— Что это? — тихо спросила я, уже понимая, каков будет ответ.

— Бой часов, — безразлично ответил принц. — Кажется, полночь.

Я вскочила со скамьи.

— Что с вами? — удивился он.

— Мне надо бежать.

— Куда? Почему? Бал будет продолжаться до утра.

Бом-м-м. Второй удар часов прозвучал еще более отчетливо, окончательно развеивая волшебство вечернего парка.

— Я... Мне пора.

Подхватив юбки, я бросилась бежать по усыпанной гравием дорожке. Прошло несколько секунд и еще два удара часов, прежде чем принц понял, что происходит. Затем к своему ужасу я услышала, как он побежал следом.

Меня охватила паника. Что произойдет, если таинственная принцесса превратится в кухарку прямо у него на глазах? Я не знала. Не знала даже, чего именно боюсь; лишь понимала, что не могу, не должна этого допустить. Я побежала еще быстрее, споткнулась, с трудом удержала равновесие, а, продолжив бегство, обнаружила, что левая туфелька осталась на дорожке у меня за спиной. Времени возвращаться не было, и, стянув на ходу правую, я помчалась дальше, прижимая ее к груди.

Все же несколько выигранных мгновений не пропали для меня даром. Добежав до конца дорожки, я свернула направо и таким образом ненадолго скрылась у него из виду. Быстро обогнув посеребренную лунной беседку, я пробежала еще несколько ярдов и притаилась за густыми цветущими кустами. Как раз вовремя. Принц уже показался на дорожке, а у меня знакомо закружилась голова...

Когда я снова открыла глаза, никаких белых кружев и расшитой жемчугом материи уже не было, а было старое коричневое платье с парочкой давно не отмывающихся пятен. Принц пробежал мимо, не останавливаясь; еще некоторое время я слышала, как хрустит у него под ногами гравий. Сквозь сумасшедшую неразбериху мыслей и чувств где-то в груди отчетливо кольнула совесть. Я ведь всего лишь хотела посмотреть на бал, один раз в жизни станцевать настоящий вальс...

Устало поднявшись на ноги, я опустила туфельку в глубокий карман и медленно проковыляла к дорожке. Стоило мне, повернувшись, зашагать в сторону замка, как сзади снова раздался хруст гравия.

— Эй, постой!

Я вздрогнула, быстро обернулась. Принц поспешно возвращался в мою сторону. В голове

беспорядочно гудели обрывки оправданий и объяснений, но все слова не подходили...

— Ты не видела здесь девушку в белом платье? У которой была только одна туфелька? — Вторую туфельку принц держал в руке.

Какое-то время я тупо смотрела на него, не вполне понимая, что происходит.

— Я... да, видела, ваше высочество, — пролепетала я наконец, видя, что он начинает терять терпение.

— Куда она пошла?

— Она... она выбежала из парка через эту калитку.

Не произнося больше ни слова, он метнулся прочь. Я прижалась к стволу высокого дуба, стараясь унять крупную дрожь. Он разговаривал вполне нормально, можно сказать, даже был вежлив. Так почему же сердце так больно сжималось от обиды и казалось, будто в груди яростно бьется загнанная птица, стремящаяся вырваться наружу и улететь за тридевять земель? Фея, юная неопытная фея, что же ты наделала?..

ГЛАВА 2

На следующий день я проснулась в плохом настроении и с больной головой, не имея ни малейшего желания вылезать из постели до самого вечера. Однако особенно выбирать не приходилось; тот факт, что меня ненадолго отпустили с кухни накануне вечером, отнюдь не означал, что без моего присутствия обойдутся и сегодня. Слишком подолгу предаваться унынию или сожалеть о содеянном было не в моем характере, и к середине утра мое настроение стало если не хорошим, то во всяком случае сносным. Должно быть, как обычно, подействовала работа, приводящая душевное состояние в норму лучше иных проверенных средств. К тому же особого времени на размышления просто не оставалось.

Стало немного хуже, когда я осталась в одной из отведенных под кухонное помещение комнат одна. Чтобы как-то удержать стремительно понижающийся тонус, я принялась изобретать новые формы для приготовляемых пирогов и прочих сладостей.

Издали слышался топот шагов, как будто кто-то бежал по коридору. Никто из наших так бежать не мог, да и потом, на кухне вся беготня давно закончилась. «Мальчишки», — подумала я, поджав губы. Мальчишки очень любили захаживать к нам без спросу, дабы стащить что-нибудь вкусенькое прежде, чем оно попадет на стол. В присутствии Дамы, правда, мгновенно убегали обратно; строгого вида поварахи было достаточно, чтобы отвадить несносных воришек. А вот с такой молодой и вечно растрепанной, как я, церемониться нужным не считали. Хорошо, что скалка под рукой. Я поудобнее перехватила это грозное оружие, постаравшись придать себе максимально злобный вид.

Увидев человека, вбежавшего на кухню, я вздрогнула, и выпавшая из руки скалка больно ударила меня по ноге. Однако следует справедливости ради отметить, что и принц не остался равнодушным к моему воинственному виду и в первое мгновение определенно попятился к выходу. Должно быть, лет десять назад ему и самому доводилось без спросу наведываться на кухню. Тем не менее, он быстро опомнился, чего нельзя было сказать обо мне.

— Это ты? — нахмурившись, спросил принц, заставив мое сердце чересчур уж бешено заколотиться. Но он явно имел в виду совсем не то, что я подумала, поскольку следующая его фраза, сколь бы неожиданной она ни была, не имела никакого отношения к событиям вчерашнего вечера: — Мне надо где-то спрятаться.

— Что? — тупо переспросила я, напряженно пытаюсь понять, кто из нас двоих тронулся умом после чересчур бурного бала.

— Где здесь можно спрятаться? — повторил принц. — Ну же!

В конце коридора раздался шум голосов, затем чьи-то шаги. Я указала дрожащей рукой под стол, за которым работала. На поверхность стола была накинута скатерть из дешевой материи; сейчас она съехала на одну сторону, и со стороны порога нельзя было увидеть, что находится внизу. Принц, не раздумывая, бросился под стол. Между тем звук шагов становился все громче, и по шумной, временами шаркающей поступи я догадалась о приближении Пончика еще до того, как его мощная фигура, забавно диссонирующая с почти детским лицом, появилась в дверном проеме. Взгляд поваренка быстро пробежался по кухне и остановился на мне.

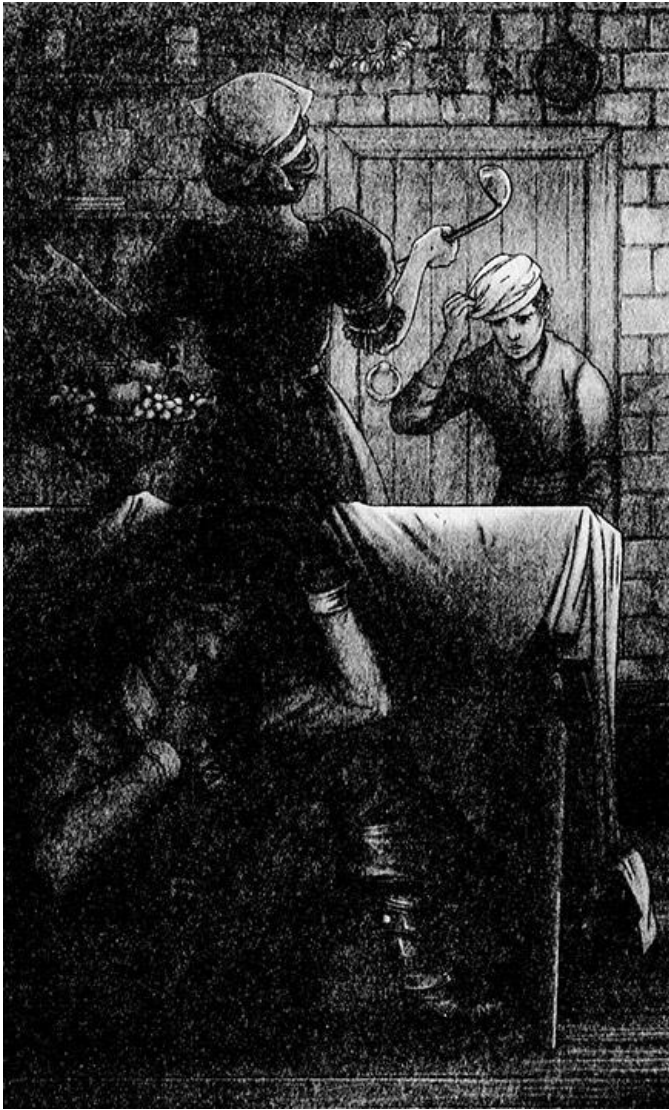
— Это... — запыхавшись, проговорил он. — Ты принца не видела?

— Кого?

Я посмотрела на Пончика с нескрываемым интересом.

— Ну... принца, — смутился он.

— Принца, — повторила я, не сводя с поваренка взгляда. — Ах да, конечно! Он тут, прячется под столом. Хочешь посмотреть?

— Да что ты надо мной издеваешься?! — завелся Пончик.

Как видно, небольшое количество муки, с которой я до недавнего времени экспериментировала, скопилось в воздухе под столом; во всяком случае, принц не выдержал и громко чихнул. Пончик подозрительно на меня посмотрел, пытаюсь определить источник звука. Я громко звякнула посудой, стараясь сгладить впечатление. Ситуация начинала меня злить. В конце концов, я пытаюсь его выгородить; неужели так трудно перетерпеть и две минуты просидеть тихо?

— Это кто из нас над кем издевается? — громко спросила я. — Ты что же, всерьез рассчитывал найти здесь принца? Ты думаешь, он смог бы просуществовать у нас на кухне дольше пяти секунд? Среди всей этой муки, копти и специй? Да он как начал бы чихать, так бы до вечера и не остановился!

Одним словом, меня понесло. Разумеется, за то, что я сейчас делала, могло как следует влететь. Но штука в том, что я отлично видела принца, с грозным видом показавшего мне кулак. По выражению его лица я абсолютно точно поняла, что мне не грозит ни увольнение, ни порка, ни тюрьма. В самом худшем случае — хороший шлепок по заду, да и то только если догонит, в чем я сомневалась. Вот только когда это я научилась так хорошо читать по его лицу?.. Так или иначе, я продолжала.

— И потом, его девственно-белоснежная рубашка могла бы, чего доброго, перепачкаться золой. — Я прижала руки к лицу, показывая, как бы это было ужасно. — Да и вообще, неужели ты думаешь, что его высокочеству доставило бы удовольствие общаться с такими неопрятными и примитивными людьми, как ты и я?

— Ну ладно, ладно, не спорю, — Пончик выставил руки перед собой в оборонительном жесте. — Я же не сам пришел, меня послала Дама. Принца ищут по всему дворцу, его нигде

нет.

— Так, может, он куда-нибудь уехал.

— Не знаю, вроде бы стражники говорят, что из дворца он не выходил. В общем, было велено обыскать все комнаты, и в крыле слуг тоже.

— Ну, хорошо, обыскал?

Он неуверенно пожал плечами.

— Вот и иди отсюда. Я все понимаю: чем работать, лучше играть в прятки с тем, кто в жизни своей сюда не хаживал.

— Говорю же тебе, меня Дама послала, — принялся оправдываться он.

— Хорошо, верю. Вот пойдешь к ней и скажи, что проверил все, даже горшочки со специями, и никакого принца там не обнаружил.

Я для верности подтолкнула его к выходу. Пончик поплелся прочь, что-то обиженно бурча себе под нос.

Когда его шаги совсем стихли в другом конце коридора, принц вылез из-под стола. Настроен он был решительно.

— Значит, я буду чихать до самого вечера? — грозно поинтересовался он, и я приготовилась было спастись бегством, всей душой надеясь, что на этом все и закончится. Не станет же, в самом деле, наследник престола жаловаться, что его обидела служанка, пока он прятался на кухне под столом.

Однако в этот самый момент события приняли неожиданный оборот. Принц нахмурился, замер, а затем... громко-громко чихнул. Потом еще раз. Я, не выдержав, расхохоталась. На мое счастье он тоже.

— Так от кого же вы прятались, Ваше Высочество? — Я поспешила сменить тему, пользуясь благоприятным моментом.

— Попробуй угадать, — отозвался он, оглядываясь кругом.

— Неужели от невесты?

Он посмотрел на меня оценивающим взглядом.

— Ты знала, или у тебя такая хорошая интуиция?

— Мне бы, конечно, очень хотелось сказать, что интуиция, но на самом деле я знала. Во дворце нет тайн от кухни.

Я не кривила душой. Нам действительно было известно о сегодняшнем приезде во дворец очередной знатной невесты и ее родителей. Ясное дело, ведь кто-то должен был приготовить еду для гостей!

— Но я полагала, что все невесты уже побывали здесь вчера.

— Как оказалось, нет, — развел руками он. — Раз его сиятельство герцог какой-то там никак не мог прибыть из провинции в срок по причине неотложных дел государственной важности, почему бы не принять его и его очаровательную сорокалетнюю дочь отдельно?

Принц махнул рукой и осторожно, боком, подошел к окну, не иначе проверяя, не может ли кто-нибудь заметить его с улицы.

— Вот скажи мне ты, — он резко обернулся, все больше распаляясь, — с какой стати кто бы то ни было должен жениться на ком попало, просто ради того, чтобы срочно обзавестись семьей? Нет, я все понимаю, — продолжал он, ясное дело, не дожидаясь ответа, — принц должен жениться, чтобы в стране была королева и наследник престола. Допустим. Вообще я до вчерашнего дня не страдал романтическими иллюзиями. Я вполне готов исполнить свой долг перед королевством и все такое прочее. Но то, что мои драгоценные родители устроили здесь вчера, да и сегодня, — это ведь ни в какие ворота не лезет! И где они умудрились собрать столько... — он щелкнул пальцами, подбирая слова, — столько своеобразных дам? У нас ведь

не такое уж и маленькое королевство. Девушки из достойных семей, весь цвет высшего общества — и никто из них за весь вечер не произнес ни одного умного слова. Никто, кроме одной, — поправился он, глядя куда-то в сторону, — но никому даже неизвестно, кто она и откуда приехала... А остальные ведь способны говорить только о двух вещах — погоде и собственной внешности. Ну и еще о мужчинах — это уже если никто посторонний не слышит.

— А вы откуда знаете? — усмехнулась я. — Или вы им уже не посторонний?

— Я знаю от своего слуги, а тот — от горничных. — Он снова махнул рукой, мол, что об этом говорить, и комфортно уселся на подоконнике, словно был здесь хозяином. Что, впрочем, вполне справедливо.

— Ваше высочество, а вы уверены, что ваши разговоры с друзьями бывают более разнообразны? — поинтересовалась я, начиная чувствовать себя немного более свободно. — Или они тоже ограничиваются охотой, оружием и, разумеется, женщинами?

Принц на мгновение нахмурился.

— Хм. Это надо будет обдумать, — заметил он с усмешкой. — Но дело даже не в этом. Наверняка к погоде и белилам можно добавить еще какие-нибудь интересы, если постараться. Платья, например. Это ладно, по мне так пускай развлекаются. Ты понимаешь, меня мало волнует, каких успехов достигла моя будущая жена в издевательствах над собственной внешностью. Более того, мне глубоко наплевать, умеет ли она играть на арфе, насколько хорошо поет и какие сюжеты выбирает для вышивания.

— А на что вам не... чего вы действительно от нее ждете? — с искренним интересом спросила я.

— Во-первых, она должна быть достаточно умной. Управлять королевством — это не пустяки. Мне надо, чтобы рядом был человек, с которым я смогу в случае необходимости посоветоваться и обсудить что-то более важное, чем погода. Мой отец, между прочим, в свое время нашел себе именно такую жену, но сейчас он не считает нужным об этом вспоминать.

— А во-вторых?

— Во-вторых-то? — рассеянно повторил он, разглядывая деревянную солонку, разительно отличающуюся от изысканного фарфора, стоящего обычно на столах обеденного зала. — Она не должна оказаться умной *стервой*. Которая рано или поздно, научившись всему, что требуется, попытается подсыпать немного яду в одно из этих изысканных кушаний.

— Я позабочусь о том, чтобы этого не произошло, — заверила я его, — если вы только не уволите меня за сегодняшнее.

— Охотно верю, — кивнул он. — И в то же время не удивлюсь, если в один прекрасный день ты добавишь в очередное блюдо какую-нибудь гадость не с целью совершить государственный переворот, а просто забавы ради.

Я уставилась на него, раскрыв рот и сделав большие глаза, пытаюсь всем своим видом передать собственное возмущение. Неужели я произвожу настолько ужасное впечатление?! Но принц, кажется, ничего этого не увидел, вновь задумавшись о своем.

— Ты понимаешь, мне успели страшно надоесть эти вечные споры, особенно с матерью. Мне кажется, отец еще был бы готов пойти мне навстречу, если бы мать все время не оказывалась рядом. Скажи, вот у тебя тоже так? Ты ведь не замужем?

Я покачала головой. Неужели у меня это на лице написано?

— И что, если твоим домашним взбрендит найти тебе мужа, они тоже станут гнуть свою линию, даже не поинтересовавшись, что об этом думаешь ты?

— Нет, ваше высочество, — улыбнулась я. — Меня не попытаются насильно выдать замуж, если вы это имеете в виду.

— Вот видишь, тебе повезло. А мне уже до смерти надоело выслушивать лекции о достойном поведении.

Я не стала с ним спорить. Не стала объяснять, что, если захочу выйти замуж, заботиться об этом не станет никто, кроме меня самой. Да и навряд ли кто-нибудь когда-нибудь захочет жениться на вечно перемазанной сажой замарашке, у которой ровным счетом ничего нет за

душой, за исключением вредного характера да пары-тройки крайне стервозных родственниц...

Он снова отвернулся к окну и, кажется, мысленно унесся куда-то далеко. Я не решалась прервать его молчание.

— Никто не знает, куда она исчезла, — сказал он наконец, по-прежнему глядя в окно. — Как будто ее и не было. Не оставила никакой зацепки, никакого следа, кроме серебристой туфельки.

— Должно быть, ей было очень неудобно убежать босиком, — ляпнула я, но он как будто даже не услышал моих слов.

— Я разослал гонцов во все концы королевства, но они толком не знают, кого искать. Родители согласились немного подождать, но не скрывают недовольства. Хотел бы я знать, почему она так внезапно убежала. Может быть, я что-то не то сказал... Но она была не из тех, кто придирается к словам. Ты ведь видела, как она покинула дворец, верно? — Как ни парадоксально это звучит, казалось, сейчас он впервые вспомнил о моем существовании. — Скажи, куда она побежала потом, после того, как вышла через калитку?

— Я точно не помню. Кажется, вдоль забора, в сторону городского парка.

— Это ведь не имеет большого значения, правда? — хмыкнул он. — Она побежала туда, где ждала ее карета. Но если бы я узнал хотя бы это, можно было бы выяснять дальше, расспросить людей, кто что видел...

Он тряхнул головой, отгоняя мысли, которые, подобно бумерангу, возвращались к нему всякий раз, когда он пытался переключиться на что-то другое.

— Пожалуй, я пойду, — сказал он, наконец. — Думаю, я пробыл здесь достаточно долго. Герцог с семейством наверняка успел уже убраться к себе в провинцию.

Он быстрым шагом пересек кухню, но возле самой двери остановился и обернулся.

— Кстати, спасибо за укрытие. Я буду иметь это в виду на будущее. — С этими словами он вышел в коридор.

— Значит, все-таки не уволит, — пробормотала я. Но мысли мои были заняты совсем другим.

Я даже не заметила постороннего звука, и фее пришлось хмыкнуть во второй раз, чтобы привлечь мое внимание. Я не испугалась, что кто-нибудь увидит ее здесь, посреди королевской кухни. Она всегда появлялась тогда, когда ее не мог увидеть никто, кроме меня.

— Ну, как дела? — поинтересовалась она, по обыкновению усаживаясь на невидимую и, скорее всего, несуществующую скамейку и принимаясь болтать ногами в воздухе.

— Не знаю, — честно ответила я.

— А что тебя, собственно, беспокоит? — поинтересовалась она, склонив голову набок. — По моему, бал прошел совсем неплохо.

Я не стала интересоваться, откуда ей это известно.

— Я в этом не уверена. Что-то пошло не так, как мы хотели... Не так, как я хотела, по крайней мере. Я чувствую, что в чем-то ошиблась, не знаю только, в чем и когда.

— Может быть, ты просто рассчитывала, что в роскошном бальном платье останешься такой же незаметной, как и в своих лохмотьях?

— Не такие уж это лохмотья, — обиделась я. — И дело совсем в другом. Десятки гонцов ездят по всему королевству, пытаюсь отыскать девушку, которой в действительности не существует!

— Ты в самом деле так думаешь?

— Да, — отрезала я. — Принц теперь не готов жениться ни на ком из реальных невест, ругается с родителями, посвящает себя совершенно бессмысленным поискам...

— Поиски не бывают бессмысленными, — философски заметила фея.

Я раздраженно отмахнулась; только ее абстрактных рассуждений сейчас не хватало.

— Да зря ты так переживаешь, — заметила она. — Принц и раньше вовсе не собирался жениться ни на одной из этих твоих «реальных невест», и ссорился на этой почве с родителями. Так что тут ты ничего не изменила. А гонцам полезно размять ноги. Бег продлевает жизнь. И вообще, прислушайся к моим словам. Совесть — дама чрезвычайно капризная и стервозная; к тому же она начисто лишена здравого смысла. Она никогда не навещает тех, кто нуждается в ней больше всего, и вместо этого день и ночь досаждают людям, которые и без нее неплохо понимают, как им следует поступать. Так что учись держать ее в узде. Ничего такого страшного с принцем не делается.

— А со мной? — тихо спросила я, медленно водя рукой по шершавой поверхности стола. — А впрочем, со мной тоже ничего не случится. И все-таки мне бы хотелось еще хоть раз увидеть себя в том, бальном платье, чтобы понять... В общем просто увидеть.

— Ну, как раз этому горю нетрудно помочь, — к моему удивлению заявила фея. — Вот.

Она разжала кулачок, и у нее на ладони заблестело маленькое медное колечко.

— Возьми.

Кольцо было гладкое, без камня; вместо этого с одной стороны на нем была изображена тонкая извивающаяся змейка.

— Надень его, — сказала фея. — Если повернешь змейкой внутрь, снова окажешься в том своем платье. Только потерянную туфельку, уж извини, я тебе вернуть не смогу.

Надев кольцо на указательный палец, я долгое время смотрела на него, отчего-то не решаясь прикоснуться. Потом стала медленно поворачивать, до тех пор, пока змейка совсем не скрылась из виду. Я даже не почувствовала головокружения. Так, легкий толчок — и на мне снова было роскошное белоснежное платье, кружевное и пышное, совершенно не сочетавшееся с окружающей обстановкой. Я потянулась к старому, давно потрескавшемуся зеркальцу, которое в последнее время почему-то всегда носила в одном из глубоких карманов — не иначе, признак мазохизма. Вовремя отдернула руку, сообразив, что карман и все его содержимое улетучилось вместе со старым платьем. Фея молча протянула мне зеркальце на длинной ручке — то же, что и в прошлый раз.

Все было точно таким же, как прошлой ночью — не только платье, но и макияж, прическа и украшения. Лишь на ногах по-прежнему оставались простые поношенные башмаки; единственная сохранившаяся туфелька была припрятана в надежном месте, тщательно завернутая в старые тряпки.

— Неужели я настолько непохожа на себя, что меня невозможно даже узнать? — задумчиво спросила я, разглядывая зеркальное отражение.

— Это смотря как смотреть, — пожалала плечами фея. — Но надо признать, что вы, люди, смотрите обычно очень странно.

— Этот наряд будет появляться всякий раз, как я поверну кольцо?

— Да. Повернешь обратно — и на тебе снова окажется твое прежнее платье.

— Но я думала, тебе удалось сотворить все это только один раз, да и то всего на несколько часов?

— Ну... Я успела кое-чему научиться. Я быстро учусь. Такими темпами не пройдет и ста лет, как я стану вполне опытной феей.

Я так и не поняла, шутит она или говорит серьезно. Спрашивать об этом открытым текстом, ясное дело, не имело смысла. Повернув кольцо змейкой наружу, я вновь обнаружила на себе более привычную одежду. Даже проверила содержимое карманов — так, на всякий случай. Фея не обиделась. Она исчезла, ровно за секунду до того, как в дверном проеме показалась голова запыхавшегося Пончика...

Прошло два дня. Я сидела на табурете спиной к двери, рассеянно глядя на солнечный луч, который проник на кухню через распахнутое окно, широкой лентой разлегся на столе, а затем небрежно соскочил на пол. Накануне я ходила ночевать домой, и теперь мне было необходимо

восстановить душевное равновесие. До следующего раза.

— О чем задумалась, красавица?

Должно быть, я и правда слишком глубоко погрузилась в свои мысли, поскольку голос Портняжки застал меня врасплох. Я резко обернулась, но быстро взяла себя в руки и принялась оглядываться по сторонам, не забыв заглянуть и под стол.

— Что это ты там ищешь? — поинтересовался Портняжка.

— Пытаюсь понять, с кем ты разговариваешь. Что-то не припомню, чтобы ты когда-нибудь так меня называл.

— Ну, правду сказать ведь никогда не поздно.

— Ты просто так или по делу?

— Просто так. Не видел тебя с самого бала, вот, зашел на тебя поглядеть.

— Ох, недоговариваешь! Небось зашел заодно посмотреть, не перепадет ли тебе чего-нибудь вкусненького. Думаешь, не вижу, какие алчные взгляды ты бросаешь на мои пончики.

— Ну что тебе, жалко одного пончика для лучшего Друга?

— Жалко, конечно, но что с тобой сделаешь — лови!

Я бросила ему еще теплый пончик. Он, разумеется, поймал. Пончик исчез столь же стремительно, как появлялись и исчезали предметы в руках у феи. Только на сей раз обошлось безо всякого волшебства.

— Вкусно! — воскликнул он и совершенно последовательно добавил: — Еще хочу!

— Ишь ты! А на королевский стол что пойдет?

— А ты еще пригостишь! — С этими словами он подскочил к блюду и нагло схватил очередной пончик. И поспешно его надкусил, пока я не отобрала.

Отбирать я и не стала. Вместо этого схватила с полки вожделенную скалку и побежала за ним, намеренная если не вернуть пончики, то уж во всяком случае восстановить справедливость. С мальчишками разобраться так и не получилось; не принца же было колотить, в самом деле! А тут такая возможность выпустить пар. Портняжка удирал довольно резво, не забывая при этом тщательно прожевывать пончик и умудрившись ничего не свалить на пол и не разбить. Впрочем, как и всегда.

Подгоняемая жаждой крови, я чуть не врезалась в Стрелу, вошедшую на кухню как всегда стремительно. Мы с Портняжкой остановились, мгновенно приняв вид нашкодивших детей. Стрела оценивающе оглядывала нас, слегка нахмурившись.

— Это тебе удалось так ее расшевелить? — поинтересовалась она у Портняжки. — Молодец, а то последние пару дней она все больше смахивает на статую.

— Ну, ты же знаешь, Стрела, уж если я за что-то берусь, мне это всегда удается, — скромно ответил он. — А впрочем, если она похожа на статую, поставьте ее в саду, — предложил юноша.

Видно, при упоминании сада по моему лицу уж очень заметно пробежала тень, потому что Стрела посмотрела на меня более чем подозрительно.

— Что-то с ней не то в последнее время, — заметила она, вроде бы обращаясь к Портняжке, но при этом пристально глядя мне в глаза. — Бледная вся какая-то, голова, по всему видать, витает в облаках. Заболела, что ли?

— Вы сами же ее небось тут утомили, — заступился Портняжка, потрепав меня по плечу.

— Да ладно, на мне пахать можно, — потупившись, призналась я.

— На тебе пахать грешно, — отозвался он.

Если это было сказано в расчете на третий пончик, он жестоко просчитался. Зато я в качестве компенсации по-сестрински взъерошила его волосы. Портняжка собрался было ответить мне

тем же, но его рука замерла на полпути.

— Скажи-ка, Золушка, — спросил он, склонив голову на бок, — а почему ты не заплетаешь косички?

— А это еще зачем? — подозрительно спросила я.

— Ну как же, тогда я мог бы тебя за них дергать! А так совсем неинтересно. — Он демонстративно подергал меня за волосы, показывая, насколько это скучно.

— Вот потому и не заплетаю, — отрезала я, поспешно уворачиваясь. — Не хочу облысеть до старости.

— Видишь, Стрела, как она меня не ценит? — пожаловался он. — Даже за волосы не позволяет подергать. Ладно, коли так, пойду работать. Дел, как всегда, хватает.

— Будет время ближе к вечеру — заходи, — сказала я, приближаясь к нему с некоторой опаской. — Так и быть, угощу тебя пирогом.

— Зайду, — мгновенно пообещал Портняжка. Судя по тону, сомневаться в его искренности не приходилось.

Я чмокнула его в щеку и спустя секунду услышала, как он почти побежал по коридору. Видать, дел и правда было немало.

— Хороший парень, — заметила Стрела, раскладывая на столе зелень. — Неглупый, с руками, с головой, всегда при деле, с юмором, опять же. Хороший жених.

— Да, какой-нибудь девушке сильно повезет, — искренне согласилась я.

— Какой-нибудь? — критически переспросила она. — Сама куда смотришь? Где ты другого такого найдешь? Гляди, и вправду отыщется какая-нибудь более проворная — и поминай, как звали. Так и будешь всю жизнь Золушка да Золушка, ни имени, ни семьи, ни дома, одна только кухня.

Она махнула рукой, мол, что с этой дурехи возьмешь, и принялась нарезать укроп. Я украдкой посмотрела на повариху. В свои тридцать пять Стрела была не замужем; у нее не было семьи, и никто никогда не слышал даже о каких-нибудь ее родственниках. Я промолчала.

Да и как я могла бы объяснить, что не могу и не хочу выходить замуж за Портняжку, даже если бы он мне это предложил?..

Ближе к вечеру Стрела куда-то ушла, а я принялась за посуду. Ее было, как и обычно, совсем немало, но и не так много, как после королевского бала, что не могло не радовать. Меня совсем не удивило, когда у входа раздался шорох шагов. Конечно, Портняжка решил поймать меня на слове и пришел за своей долей пирога. Вытерев руки о передник, я обернулась...

Пора бы мне уже привыкнуть. Собственно, пожалуй, я и не испугалась. Просто не ожидала. Но волна жара, которой меня обдало, как только я взглянула на дверь, определенно мне не понравилась.

— Ваше высочество, как вы здесь оказались?

— Я надел не белую рубашку. — Принц гордо продемонстрировал черную материю.

Я критически его оглядела, постепенно приходя в себя.

— Ну, зола, может быть, действительно будет не так заметна. А вот мука...

— Переживу, — кивнул он, усаживаясь на уже облюбованный подоконник. — Так вот почему тебя называют Золушкой! — добавил принц, внимательно разглядывая мое лицо.

Густо покраснев, я выхватила из кармана зеркальце, торопясь стереть со щеки или лба золу... С той стороны стекла на меня смотрело совершенно чистое лицо. Поджав губы, я медленно подняла взгляд.

— Должен же я был отомстить тебе за вчерашнее! — развел руками он.

Ох, познакомить бы их с Портняжкой! А впрочем, нет, мне тогда вообще жизни не будет.

— Все-таки что вас сюда привело, ваше высочество? — Я старалась держать себя в руках. — Неужели еще одна невеста?

— Нет, невесты закончились. Временно. — Не вставая с места, он снял висевшую на гвозде миниатюрную деревянную ложку и повертел ее в руке. — Похоже, я стал более громко говорить; во всяком случае, мне удалось заставить матушку меня услышать. Правда, думаю, что это ненадолго. На самом деле я хотел кое-что у тебя спросить. — Его голос сразу зазвучал как-то более серьезно. — Скажи, в тот вечер, во время бала, когда ты видела, как незнакомка покинула дворец... Может быть, ты заметила что-нибудь еще? Не знаю, даже выражение ее лица, какой-нибудь жест... Может, она что-нибудь сказала?

Я уверенно покачала головой. Выдумывать, врать больше, чем мне и так уже пришлось, не буду.

— Нет, ваше высочество. Простите, но я больше ничего не видела.

Он молча кивнул, безоговорочно принимая такой ответ, и я почти пожалела о том, что ничего не выдумала, таким несчастным он вдруг показался: растерянный взгляд устремлен в пол, обычно широко расправленные плечи опущены.

— За что ты просишь прощения? — только и возразил он. — За то, что видела и знаешь больше, чем другие?

Может быть, и так...

— Сегодня двое гонцов возвратились ни с чем, — сказал он. — В столице не удастся обнаружить никаких следов. Но это ничего, я все равно найду ее. Все равно. — Его блуждающий взгляд сфокусировался на плетенке чеснока, висевшей на противоположной стене. Затем он посмотрел мне в глаза. Я поспешно опустила взгляд, сделав вид, что занята посудой, и изо всех сил надеясь, что не покраснела. — Знаешь, никто не хочет меня понять. Родители даже не успели ее толком разглядеть, хотя и согласились содействовать поискам. Друзья только смеются. Ты — единственная, кто видел, что произошло тогда в полночь... Единственная, с кем я могу об этом поговорить.

Что ж, во всяком случае, это объясняло, отчего он стал так часто появляться на кухне. Но я вдруг почувствовала, что почти ненавижу эту самовлюбленную изысканную даму за то, что он приходит сюда ради нее, а совсем не ради меня... Кажется, это называется раздвоение личности. Пора брать себя в руки, иначе вся эта история плохо кончится.

— Может быть, я действительно схожу с ума, — продолжил принц, и я невольно вздрогнула, осознав, насколько его мысли оказались созвучны моим. — Возможно, Иан прав. Но мне, кажется, уже все равно. Скажи, а ты тоже так думаешь? — спросил он, и его глаза, кажется, озорно блеснули. — Только говори правду, я тебя не съем. Ты тоже думаешь, что эти поиски — безумие?

— Нет, — честно сказала я. — Но, ваше высочество...

— Если ты перед каждой фразой будешь говорить «ваше высочество», — перебил он, — у тебя отвалится язык и рога вырастут.

— А почему рога? — удивилась я.

— О! Уже прогресс. Еще недавно ты бы спросила «А почему рога, ваше высочество?». Так что ты собиралась сказать?

— Я не думаю, что это безумие. Но, в... — я мотнула головой, — что если она — просто самозванка?

— Она не может быть самозванкой, — грустно усмехнулся он. — Потому что она никак не назвалась.

— Совсем никак? — осторожно спросила я.

— Ну, если быть точным, она назвала дворецкому одно имя — Синдерелла, — отозвался он. — Дураку ясно, что это не настоящее имя, просто шутка.

— В том-то все и дело, — подхватила я. — В сущности, вы ведь совсем ее не знаете. Все, что вы

тогда видели, — это красивое пышное платье, белая вуаль, серебристые туфельки, замысловатые серьги и много-много белил. За всем этим мог скрываться кто угодно.

— Сдалось вам всем это платье! — возразил он. — Я, между прочим, с ней еще и разговаривал. И вполне в состоянии разобраться, с кем говорю. — Он нахмурился и перевел на меня удивленный взгляд. — А откуда ты знаешь такие подробности? Белила, серебристые туфельки, серьги... Ты же видела ее не более нескольких секунд, а в парке было темно?

— Я... слышала от слуг.

— А-а-а, — протянул он, сразу же теряя к этому вопросу интерес. — Дело не в этом хотя бы уже потому, что роскошные платья и украшения есть у всех девушек. Это не то, что отличает их друг от друга.

Наверное, ироническая ухмылка на моем лице была очень уж откровенной, потому что он сразу все понял. Рассмеялся, откинув голову назад, и выставил руки ладонями вперед в знак извинения. Впрочем, ситуация его, конечно, нисколько не смутила, скорее так, позабавила. Тем не менее, он посмотрел на меня с неожиданным интересом.

— Расскажи мне о себе, — вдруг предложил он.

— Я?

— Ну да. Разве ты видишь здесь еще кого-то?

Я хмыкнула. Зная особые способности фей, ни в чем нельзя было быть до конца уверенной.

— Скажите честно, а вам оно надо? — поморщилась я.

— Почему бы и нет? В конце концов, я ведь уже второй раз прихожу сюда изливать тебе душу, как священнику.

— А что, вы у священника тоже просите после исповеди, чтобы он рассказал вам о своих проблемах?

— Я это обдумую перед тем, как в следующий раз пойти на исповедь, — заверил он.

— Ну, как знаете.

И я рассказала. Рассказала о мачехе, волевой амбициозной женщине, которая сильно невзлюбила меня с нашей самой первой встречи (что, впрочем, было абсолютно взаимно), но была вынуждена держать себя в руках, пока отец был жив; о двух ее дочерях, Белле и Стеле, ленивых самовлюбленных девицах, не умеющих делать ничего путного и только и мечтающих, как бы удачно выйти замуж; о лавке, которую отец оставил мачехе в наследство, не слишком большой, но приносящей постоянный доход, во многом благодаря тому, что она очень удачно расположена — на углу прямо напротив рыночной площади. О том, как отец умер, когда мне было двенадцать лет, после чего моя жизнь стала совсем уж невыносимой, поскольку ни мачеха, ни сводные сестры не считали более нужным мало-мальски со мной церемониться. Как я в течение нескольких лет подряд пахала на них и их лавку, стирая, готовя, убирая, таская и раскладывая товар, пока, наконец, не решила, что с меня хватит. Как мне повезло, и я получила работу во дворце, где и работала до сих пор, а также оставалась ночевать пять раз в неделю, лишь дважды возвращаясь домой. Возвращаясь просто потому, что другого дома у меня не было, и окончательно сжигать мосты было страшно.

Поначалу я была совершенно уверена, что ему вот-вот надоест слушать, и после каждого слова поднимала глаза, дабы проверить, не пора ли остановиться. Но ему как будто не надоедало, и постепенно я полностью погрузилась в рассказ, почти забыв о том, где нахожусь и кем в действительности является мой собеседник. А он, как это ни странно, слушал, и даже задавал какие-то вопросы, и время летело незаметно.

Портняжка, разумеется, заглянул за обещанным куском пирога. Однако его лицо, едва появившись в дверном проеме, тут же исчезло и больше в тот день не появлялось. Позднее я немного забеспокоилась (лишние разговоры были вовсе ни к чему), но вскоре рассудила, что Портняжка — не ветренная девица и сплетничать не станет. Я оказалась права. Во всяком случае, о таком из ряда вон выходящем событии как визит на кухню лица королевской крови не было сказано ни слова — даже наедине.

ГЛАВА 3

Раз в два месяца, исключая зимнюю пору, в королевском парке устраивался большой пикник. Негласной целью этого мероприятия было дать представителям высшего света возможность почувствовать себя ближе к природе и хоть ненадолго ощутить солидарность со своими (а вернее сказать, нашими общими) далекими предками. Получалось у них, признаться, не слишком хорошо. По той простой причине, что сходство между ходом подобных пикников и теми условиями, в которых жили древние люди, было весьма относительным. Начать хотя бы с того, что для удобства отдыхающих по всей территории парка была расставлена мягкая мебель. Диваны с роскошной темно-красной обивкой, зеленые кресла, более простые стулья с длинными спинками; дополняли картину разноцветные подушки. Все это беззастенчиво затмевало многообразие красок, обеспечиваемое обычно садовыми цветами, ныне поникшими головой от такой несправедливости. На деревьях были развешены разнообразные гирлянды, поддерживающие атмосферу праздника. Одевание дам и кавалеров, и даже беззаботно играющих в мяч детей, лишь слегка отличалось от тех нарядов, которые можно было увидеть на балу. Основные отличия касались именно дам: юбки были чуть менее пышными, макияж более умеренным, а элегантные полупрозрачные шали прикрывали оголенные плечи от ветра и солнца, но не от горячих мужских взглядов. Трава была заблаговременно аккуратно подстрижена, так, чтобы по ней было максимально удобно ходить даже на каблуках. Костер, непременный атрибут дикого образа жизни, был разведен, и на нем даже жарилось мясо, однако занимались приготовлением пищи вовсе не гости, а исключительно слуги вроде меня, специально направленные в этот день из дворца в парк. Надо сказать, было нас немало. Почти через каждый десяток шагов можно было увидеть застывшего до поры до времени лакея, держащего в руках поднос с напитками, сладостями или же холодными закусками. Большая часть еды, как и обычно, приготавливалась на кухне и поспешно приносилась в парк уже оттуда, однако кое-что мы делали и прямо на природе, как уже было сказано выше, отдавая дань древней традиции. Впрочем, даже используемые здесь, снаружи, специи и соусы, размягчающие мясо, навряд ли были знакомы нашим менее разборчивым предкам.

Заправлял приготовлением пищи на свежем воздухе человек, которому в силу его плохо контролируемого характера ни в коем случае нельзя поручать столь ответственные дела, то есть я. Такое странное решение было принято Дамой, безапелляционно заявившей что-то насчет бледности, дохлости и зеленого цвета лица одной знакомой ей девушки. Я, конечно, в долгу не осталась, но повиноваться все-таки пришлось, тем более что понаблюдать за предстоящим праздником все же было интересно. А если даже наломаю дров, мое дело маленькое: меня отправили — я и пошла.

И вот, попутно нарезаю зелень на специальном деревянном столе, наспех сколоченном накануне дворцовым плотником и поставленным поблизости от костра, я предавалась главному своему сегодняшнему занятию — наблюдению. В целом все было достаточно красиво, но, как я уже недвусмысленно дала понять, в то же время довольно-таки нелепо. Они бы еще фамильные портреты вынесли и на дубах развесили. А как красиво было бы вместо всех этих странных гирлянд развесить на ветвях разноцветные ленточки, как делают на некоторые праздники в деревнях, а вместо всей этой громоздкой мебели разложить прямо на траве подстилки из плотной узорчатой ткани...

Король и королева на пикнике не присутствовали; вероятно, решили, что и так достаточно близко к природе, а может, сочли, что им такая близость ни к чему. И то верно, тот, кто ездит на охоту, знает о диком отдыхе много больше сегодняшних гостей. Кстати, в число первых (как, впрочем, и вторых) входил и принц. Вот любопытно, что он думает обо всем этом мероприятии. Надо будет непременно поинтересоваться, если он еще раз заглянет ко мне на кухню. (После описанных мною событий он приходил туда еще дважды.) Сейчас подходить и спрашивать, конечно, не буду; такую наглость даже я не смогу себе позволить.

Разумеется, не все гости проводили время одной компанией. Большинство из них разбрелись по парку, разделившись на группы по несколько человек. Принц расположился совсем недалеко от костра, а значит, и от меня, в обществе двух своих друзей — Иана Торвуда и Роджера Верли. Эти трое много лет уже были не разлей вода. Уж не знаю, как именно это произошло, но сегодня в их компанию затесалась также леди Кларисса Менская, двадцатилетняя графская дочка, достаточно давно и не без успеха появлявшаяся в свете. Как бы странно это ни могло показаться, учитывая ее привычку всегда находиться в центре внимания, разговаривали в основном мужчины. Леди Кларисса стояла, прислонившись к стенке беседки, и обмахивалась веером — занятие, казалось бы, совершенно бессмысленное на свежем воздухе, когда легкий ветерок и без того своевольно заигрывал с волосами и шалью девушки, но как же оно подчеркивало изящность ее движений! Я смотрела на гостью, стараясь побороть так и рвущуюся наружу зависть. Вот уж кто точно не наступает на ноги

своим кавалерам во время танца!

— Говорят, на границе участились набеги отрядов из Тридевятого королевства? — заметил Иан, переводя разговор в новое русло.

— В самом деле? Что-то чересчур долго это продолжается, — вмешался Роджер. — Пора бы разобраться с ними раз и навсегда.

— Интересно, и как ты это сделаешь? — возразил Иан. — Они ведь не объявляют нам войну; совершили набег — и возвратились назад на свою территорию. И Тридевятое королевство вроде как ни причем: мало ли чем отдельные отряды своевольно занимаются; за всеми не уследишь.

— Между прочим, в народе говорят, будто в Тридевятом королевстве живут и не люди вовсе, а черти рогатые, — глубокомысленно заметил Роджер.

— Угу. А ты знаешь, какие напитки пьют в народе? — язвительно поинтересовался принц. — Никакие вина рядом не стояли. После такого пошла не то, что Тридевятое, и наше королевство покажется населенным сплошь одними чертями. Люди как люди там живут, такие же, как у нас, ни рогов, ни хвостов у них что-то не замечал. На деревни — да, нападают, но не часто, с тех пор, как мы еще несколько отрядов отправили на границу. А слышал ты, Иан, скорее всего совсем о другом. О разбойниках, которые завелись в лесах недалеко от столицы. Эти действительно в последнее время совсем обнаглели; ими скоро придется заняться, как следует.

— Ох, как же это скучно — разговоры о политике, — очаровательно улыбнулась леди Кларисса.

— Это верно, мы слишком увлеклись, — согласился принц, хотя, кажется, не слишком охотно. — И заставили даму скучать.

— Как будем исправлять положение? — поинтересовался Иан.

— Почему бы нам не сыграть в какую-нибудь игру? — предложила Кларисса. — Вот, например, как они.

Кивком головы она указала немного в сторону, туда, где громко переговаривались несколько юношей и девушек. Все они обступили высокую яблоню и с интересом наблюдали за еще одним молодым человеком, неуклюже подпрыгивавшим возле самого ствола.

— Что это они делают? — нахмурился принц.

— Играют в фанты, — смеясь, ответил Роджер. — Я только что слышал. Бедняге Эдду выпало сорвать яблоко для леди Лунской. Беда в том, что растет оно слишком высоко, а лазать по деревьям ему не приходилось с очень юного возраста!

Его собеседники рассмеялись. Зрелище и вправду было комическое. Достать до яблока с земли было решительно невозможно; залезть же на яблоню, особенно не имея соответствующего опыта, было нелегко, поскольку более-менее крепкие ветки также начинались достаточно высоко. Гораздо проще было бы забраться на росший рядышком дуб, удобно протянувший длинную толстую ветвь совсем низко над землей — лезь, не хочу, — и прямо с этого дуба дотянуться до яблока. Но столь сложная комбинация, по всей видимости, никак не приходила в голову несчастному графу Эдуарду, и он оказался в весьма незавидном положении, пытаясь сделать невозможное под громкий смех товарищей. Хотела бы я знать, многие ли из них сами смогли бы достать для леди Лунской злополучное яблоко? Пока было похоже, что, если бы ее питание зависело только от них, бедной Миранде пришлось бы умереть с голоду.

— Играть так, как они, я, пожалуй, не захочу, — заметил принц, кидая мальчишкам укатившийся у них мяч.

— В фанты и не надо, — заметила Кларисса. — Игра в фанты не требует большого ума. Делай, что тебе прикажут. Это больше подходит для слуг, не правда ли?

Ее томные взгляды и очаровательные улыбки по большей части предназначались принцу, однако иногда перепадало и его друзьям. Тут леди Кларисса была бесспорно права: всегда следует оставлять запасной вариант на случай неудачи. Тем более что положение жены фаворита зачастую бывает намного более надежным, нежели статус фаворитки.

— Я предлагаю поиграть в игру, требующую большей утонченности. В шарады. И я уже сейчас назначаю приз тому, кто первым разгадает мою шараду: вот это кольцо... и еще небольшой сюрприз.

Отставив в сторону вазу с нарезанными фруктами, я напрягла зрение, стараясь рассмотреть кольцо. Перстень как перстень, печатка, такие часто дарят в знак поощрения подчиненным, хорошо выполнившим свою работу. В большинстве случаев тайную и не очень чистоплотную; за другую никаких особых наград не полагается. Неудивительно, что графской дочке ничуть не жаль расставаться с таким кольцом, когда нечто намного более важное поставлено на кон.

Очередной всплеск шума, прозвучавший со стороны яблони, ненадолго отвлек мое внимание. Подросток лет двенадцати, один из тех, что играли поблизости в мяч, наконец, сжалился над незадачливым Эдуардом, а может, просто захотел показать себя перед остальными мальчишками. Он без труда добрался до яблока, выбрав для этой цели, как я и предполагала, именно дуб, и, спустившись на землю, вручил его покрасневшему графу.

— Ну, хорошо, играем, — согласился между тем принц. — Но берегитесь, леди Кларисса, ведь Роджер знает очень много шарад.

— Уверена, что эту он не знает, — с улыбкой заверила его девушка. И хорошо поставленным голосом продекламировала:

Мой первый стих в бутылку налит, Ему бокалов ведом звон. Он кровь и душу веселит, Но постепенно клонит в сон. Последний слог — о месте том, Где много парков и аллей. Там не один построен дом, Но нет ни пастбищ, ни полей. Кто догадался, плод воспел, Что свеж и сладок, если спел.

Дочитав, она замерла, самодовольно оглядывая окружающих. Не думаю, однако, чтобы молодые люди оценили прелесть ее голоса; все трое стояли, нахмурившись, торопясь скорее разгадать загадку.

— Значит, плод, — пробормотал Роджер. — Странно, все названия, которые приходят мне в голову, слишком коротки...

Раскладывая по специальным посудинам принесенное с кухни мороженое, я не слишком прислушивалась к весьма туманным намекам, которые делала Кларисса в ответ на вопросы кавалеров. Гораздо интереснее было искоса наблюдать за жестами и мимикой последних. Хотя, положив руку на сердце, наблюдала я в основном только за одним из них и не думаю, чтобы причиной, побудившей меня это делать, в действительности была любознательность.

— Золушка, чего ты ждешь? — шепнул суетившийся рядом Пончик.

Я рассеянно кивнула и, взяв в руки поднос, на котором были расставлены высокие стаканы с мороженым, отнесла его на изящный белый столик, возле которого расположились игравшие. Убедившись в том, что посуда расставлена, как положено, я забрала опустевший поднос и успела сделать несколько шагов в обратном направлении, когда обнаружила, что моя нога наступила на что-то, явно отличавшееся от гравия и травы.

— Простите, ваше высочество, — пробормотала я, резко отступая и испуганно поднимая глаза... и вздрогнула. Уж слишком ярко мне вспомнился другой эпизод: веселая музыка, сотни свечей, красивые наряды, и дама в роскошном белом платье, наступившая на ногу своему кавалеру.

Но принц, к счастью, не заметил сходства. Как и всегда.

— Прощу, но при одном условии, — негромко сказал он, как бы невзначай отводя меня в сторону от остальных, ближе к затухавшему уже костру.

Я выжидательно подняла глаза.

— Если ты скажешь мне разгадку этой чертовой шарады, — невинно пояснил он.

— А почему вы решили, будто я знаю разгадку? — Я постаралась напустить на себя не менее невинный вид.

— Знаю, и все. Представь себе, это было видно по твоему лицу.

— Неужели у меня такая выразительная мимика?

— Представь себе. Когда захочешь что-нибудь от меня скрыть, надень на лицо вуаль.

Я снова вздрогнула, но он опять ничего не понял.

— Ну, хорошо, — призналась я, — но если я вам скажу ответ, это будет нечестно. Господам Роджеру и Иану никто не подсказывает.

— Они могли спросить тебя точно так же, как это сделал я, — невозмутимо возразил принц. — То, что им это не пришло в голову, — их личная проблема.

— И все-таки, мне кажется, они бы не согласились с вашими рассуждениями.

— А разве тебе так важно, с чем бы они согласились?

Я искоса посмотрела на принца. М-да, чем-чем, а нехваткой уверенности в себе этот молодой человек не страдал. Что, впрочем, неудивительно; ему это было не положено по статусу.

— Ну, ладно, так и быть, — подумав, согласилась я. — Значит, вы обещаете не держать на меня зла за отдаленную ногу?

— И за все ноги, отдаленные в будущем, чьими бы они ни были, — заверил он.

— Хорошо.

Я подошла к своему столу, вытащила из миски гроздь винограда и подержала ее в воздухе. Сначала он не понял, зачем я это делаю; потом схватился за голову.

— Виноград! — воскликнул он. — Сладкий плод... «Ему бокалов ведом звон»... Ну, конечно же! Как же я мог до этого не додуматься?

«И в самом деле, как же это ты мог!» — сказала бы я, будь на его месте Портняжка или Пончик. Но это был наследный принц нашего королевства, поэтому я ограничилась тем, что неодобрительно поцокала языком и многозначительно развела руками.

— Ладно, с меня причитается, — пообещал он и поспешил возвратиться к гостям. Я же осталась у стола, переключившись на фрукты и гадать, что же это мне такое причитается.

Пытаясь переварить все то, что только что произошло, и вновь и вновь прокручивая в голове обрывки то его, то моих фраз, я даже прослушала, как принц объявил, что знает правильный ответ. Я лишь вскользь успела заметить, как леди Кларисса вручает ему перстень, такая довольная собой, словно это не принц, а она только что разгадала шараду. Но то, что последовало за этим, я видела хорошо.

— Вы ведь еще обещали победителю какой-то сюрприз, — заметил Роджер.

Кларисса, как видно, только и ждавшая, чтобы кто-нибудь об этом напомнил, довольно улыбнулась.

— Это верно. И мой сюрприз такой.

Больше ни слова не говоря, она подошла к принцу, положила руки ему на плечи и поцеловала его в губы. Недолго, но вполне профессионально, на мой скромный взгляд. Я отвернулась, закусив губу. Безумно захотелось что-нибудь разбить, скажем, фарфоровую вазу или с десяток тарелок. Не знаю, на кого я в тот момент злилась в первую очередь — на Клариссу, принца или саму себя. Ну почему я никогда не могу отказать человеку в просьбе, даже когда знаю, что это обернется против меня?! Я подняла на принца хмурый взгляд, пользуясь тем, что он в тот момент, ясное дело, смотрел совсем в другую сторону. Ну, ваше высочество, чтобы я еще хоть один раз что-нибудь вам подсказала! Ни одного слова от меня не дождетесь.

Однако такого решения мне было мало. Я чувствовала, что просто обязана что-нибудь сделать, и чем скорее, тем лучше, иначе я за себя не отвечаю. Ответ пришел сам собой; недаром я лишь несколько мгновений назад вспоминала подробности нашей последней беседы. Взяв вазу с фруктами, я решительно двинулась к белому столу. Опустив ее на свободное место, пошла в сторону, якобы глядя в пространство, приблизилась к принцу... и со всей силы наступила ему на ногу. Он шумно втянул ртом воздух: все-таки башмаки у меня что надо, крепкие, это вам не какие-то там серебристые туфельки.

— Ох, простите, ваше высочество, — быстро извинилась я, не слишком стараясь изобразить раскаяние, и вновь направилась к своему столу. Уже значительно более довольная.

— Какая она неуклюжая! — процедила Кларисса, с отвращением глядя мне вслед.

Принц безразлично пожал плечами.

— Она одна из немногих умных женщин, которых мне доводилось видеть.

Когда растешь в окружении людей, которые тебя терпеть не могут, хороший слух — это не роскошь, а необходимое условие выживания. Однако я изо всех сил постаралась, чтобы услышанное никак не отразилось ни на моей походке, ни на осанке. Лица же моего, к счастью, никто из гостей видеть не мог. Сейчас я готова была простить ему все, что угодно, даже этот злосчастный поцелуй. Тем не менее, я разрывалась между противоречивыми чувствами. С одной стороны, мне хотелось летать, и в тот момент никто не смог бы доказать мне, что человеку это не дано. С другой стороны, за державу обидно. Многие мужчины почему-то совершенно убеждены в том, что слабый пол уступает им не только в физической силе, но и в уме. Причем по какому-то совершенно непонятному стечению обстоятельств таким заблуждением зачастую страдают именно стоящие мужчины. Разумеется, многие женщины бывают подобным же образом убеждены, что ум — это, напротив, привилегия именно их пола. Только они значительно реже говорят об этом вслух, считая сей факт лишним подтверждением собственной правоты в данном вопросе. В конечном счете, я нашла способ разрешить проблему, связанную со спорным высказыванием его высочества. В конце концов, здраво рассудила я, пускай пребывает в заблуждении. Если он, пусть даже ошибочно, считает меня исключением из общего правила, — это ведь только мне на руку. Так чего же я переживаю? О более глобальной справедливости можно будет позаботиться и позже.

Слова принца, разумеется, смутили не только меня, но и человека, которому были в действительности адресованы, то есть леди Клариссу. Какую-то долю секунды это было написано у нее на лице. Впрочем, она быстро нашлась, как отреагировать на это высказывание с пользой для себя.

— Но, полагаю, здесь вы видите и других умных женщин, — заметила она, многозначительно улыбнувшись.

Я снова отвернулась. Она столь откровенно напрашивалась на комплимент, что становилось тошно. Как вскоре выяснилось, мне очень повезло, что я вовремя повернулась к ним спиной, потому что принц, нисколько не задумываясь, равнодушно ответил:

— Не знаю, я ко всем не присматривался.

Роджер споткнулся на ровном месте, а Иан поперхнулся красным вином. Это еще было бы полбеде, но он никак не мог прийти в себя и, не переставая, кашлял, поскольку этот природный процесс, увы, совершенно независим от правил этикета. Должно быть, сейчас он хотел провалиться сквозь землю, но, так или иначе, замять неловкость ситуации не удалось. Принц же по-прежнему невозмутимо шагнул навстречу приближавшемуся к нему графу Эдуарду.

...Пикник, как ему и положено, закончился засветло; теперь же в парке было совсем темно. Я стояла под сенью раскидистого дуба, глядя на почти полную луну, начинавшую уже идти на убыль. Было очень тихо. За последние часы парку успели вернуть его обычный вид. Гирлянды за ненадобностью убрали в подвалы, мебель унесли во дворец. Теперь о роскошных диванах и креслах напоминала лишь примятая местами трава. Ночные цветы благоухали, как им и полагалось, дневные же приободрились, понимая, что завтра ничто не станет соперничать с ними в многообразии красок.

На сей раз я заблаговременно услышала шорох шагов, поэтому появление принца как минимум не застало меня врасплох. Пару месяцев назад я поспешила бы нырнуть куда-нибудь в тень; теперь же я полностью утратила всякую интуицию касательно того, как следует себя вести при приближении его высочества. Однако он явно направлялся именно ко мне, поэтому я осталась стоять на месте.

— Ты часто ходишь сюда по вечерам? — поинтересовался он, останавливаясь в паре шагов от меня.

— Не очень, — ответила я. — Разве что в последнее время.

— Я тоже, — кивнул он, задумчиво оглядываясь кругом. — Все почти так же, как в ту ночь. Темнота, слабый ветер, запах тех же цветов. Только звезд почти не видно.

Его отсутствующий взгляд был устремлен куда-то в пространство, и я позволила себе короткий бесшумный вздох. В сущности, хотя он об этом и не знал, мы оказались с ним в одной лодке. Мы оба больше всего на свете хотели вернуть ту ночь, и оба в глубине души хорошо понимали, что никогда не сможем ее вернуть.

— Я кое-что тебе должен, — заметил принц, возвращаясь из мира грез на грешную землю. — Вот. Оно твое по праву.

С этими словами он надел мне на средний палец кольцо-печатку, полученное в награду за разгаданную шараду.

— Это совершенно не нужно, — поспешно возразила я, начиная стягивать перстень, но принц остановил меня, опустив свою руку на мои пальцы.

— Шараду разгадала ты; следовательно, приз твой. Это разумно, верно?

— Но что я с ним буду делать? — улыбнулась я.

— А мне что с ним делать, по-твоему?

— Леди Кларисса будет очень расстроена.

— Леди Кларисса не пропадет, тебе не кажется?

С этим трудно было поспорить. Я посмотрела на свою правую руку; печатка поблескивала теперь рядом с простеньким кольцом со змейкой.

— Но если вы решили, что приз принадлежит мне, то вы должны мне кое-что еще, — как всегда не подумав, ляпнула я.

— Что же? — непонимающе нахмурился он.

Теперь я поняла, что сболтнула лишнего.

— Наступить мне на ногу, — выкрутилась я, принужденно рассмеявшись. Кажется, сработало. Он тоже улыбнулся и более ничего не спрашивал.

Принц вскоре ушел, а я осталась стоять возле старого, но по-прежнему крепкого дуба, рассеянно глядя в ночное небо. Освещенное ярким светом луны, оно приобрело сочный, красивый оттенок, своеобразную смесь синего и темно-серого. Мелкие, объемные облака рисовали на нем замысловатый узор. Они плавно двигались на восток, но казалось, что это луна медленно плывет по небу, и от этого создавалось острое ощущение нереальности.

Я стояла и думала о том, что абсолютно чистое небо не бывает столь же красиво, как небо, украшенное мазками облаков. Главное — это чтобы они не превратились в сплошной покров черных туч, когда наступит утро. И если этого не произойдет, о лучшей погоде нельзя и мечтать.

ГЛАВА 4

— Какая может быть река? Скоро совсем стемнеет! — возмутилась я, до сих пор еще не веря собственным ушам. Увы, здоровая корзина, доверху наполненная бельем, весьма убедительно доказывала, что все это не шутка.

— Не беда, что стемнеет, последние дни звезды светят ярко.

— Вы бы мне еще свечку с собой дали!

— Ох, Золушка, какая же ты ленивая, наглая и непочтительная! — всплеснула руками мачеха.

Вот уж нет! Наглая и непочтительная — возможно; впрочем, если я даже захочу измениться, первыми кандидатами на мою почтительность станут Дама и Стрела, а отнюдь не стерва, удачно выскочившая замуж за моего отца лет десять тому назад. Что же касается лени, это уже чересчур. Мало что ли я на них работала, не только до того, как устроилась во дворец, но и сейчас, в те дни, когда возвращалась сюда ночевать? Так до сих пор и не понимаю: как они в остальное время без меня справляются? Вот и сейчас, после утомительного дня на королевской кухне, начавшегося с рассветом и закончившегося за пару часов до заката, дома меня ожидал сюрприз в виде ожидающего стирки белья.

— Я хоть когда-то отдохнуть имею право или как? — поинтересовалась я.

— Это ты мне говоришь? — укоризненно покачала головой мачеха. — Ты целыми днями прохлаждаешься себе во дворце, в тепле и уюте, дома почти не бываешь, да еще и отказываешься помочь нам в такой малости?

— Между прочим, за то, что я «прохлаждаюсь» во дворце, мне платят деньги, которые потом получаете вы.

— Вот всегда ты так. Разве я о деньгах говорю?

Я лишь раздраженно качнула головой. Сделала несколько резких движений руками, стараясь размять затекшую спину и одновременно прогоняя сон. Затем подняла корзину и направилась к двери. У самого порога меня поймала Стела.

— Постой, а как же мое кружевное кремовое платье? Его тоже надо постирать, послезавтра же праздник у госпожи Тэйли, и Диан будет там, я должна выглядеть самым лучшим образом.

— Вот и постирай его сама! — отрезала я, захлопнув дверь прямо у нее перед носом.

Надо же быть такой дурой, чтобы потребовать стирать это платье в студеной речной воде.

В лицо мне подул прохладный вечерний ветер. Пока еще было относительно светло, но солнце быстро опускалось за темневшие вдалеке горы. Потеплее закутавшись в длинный серый платок, я направилась в сторону реки. После огромных кастрюль с супом и мешков с мукой корзина совсем не казалась тяжелой, однако белья в ней было подозрительно много. Не иначе наполовину набросали чистого, чтоб жизнь малиной не казалась. Ну да ладно, сейчас мои мысли занимало совсем другое.

От быстро бегущей откуда-то с гор реки веяло еще большим холодом. Привычно пройдя по мосткам, я почувствовала, как предательски дрогнула одна из досок. Присмотрелась. Древесина совсем прогнила, непонятно, как вообще держится. Интересно, сколько этим мосткам лет, если не веков?.. Поставив корзину, я осторожно опустилась на колени и принялась за белье. Может, меня и не зря сюда послали. Все лучше, чем сидеть в четырех стенах, и думать, и волноваться, когда узнать все равно ничего не удастся аж до завтрашнего утра.

Солнце опускалось все ниже; работа продвигалась, но вещей в корзине по-прежнему оставалось более чем достаточно. Распрямившись и в очередной раз потирая ноющую спину, я случайно заметила на востоке несколько темных точек, постепенно увеличивавшихся в размерах. Теперь уж мне стало не до стирки. Каждые несколько секунд я отрывалась от работы, усиленно напрягая глаза. Постепенно движущиеся точки превратились во всадников; их было около дюжины, но различить лица по-прежнему было нельзя. Наконец, когда мое терпение окончательно истощилось, и я была готова побежать навстречу кавалькаде, мне все-таки удалось узнать во всаднике, ее возглавлявшем, принца.

Шумно выдохнув воздух, я значительно более бодро продолжила свое занятие. Кажется,

такого чувства облегчения я не испытывала очень давно.

Дорога, по которой двигался отряд, существенно расширилась, позволяя двум конникам ехать рядом, и принц почти сразу же придержал коня. Поравнявшись с всадником, ехавшим за ним следом, он стал о чем-то с ним переговариваться, а затем свернул с дороги и пустил коня к реке. Остальные проехали мимо, то и дело оглядываясь, но не задавая вопросов вслух. Принц подъехал к самой воде, немного постоял на месте (конь нетерпеливо переступал с ноги на ногу и время от времени потряхивал головой) и, наконец, неспешно поехал вдоль берега. Я продолжила стирать, уже не поднимая глаз.

Кажется, он все-таки узнал меня. Остановился, когда до мостков оставалось всего несколько ярдов, пригляделся и снова легонько прищпорил коня.

— Ты, оказывается, и здесь успеваешь? — окликнул меня он, вновь останавливаясь у самой воды.

Вопрос был риторическим, и я ограничилась неопределенным жестом. Я думала, принц проедет дальше, но он спешил, неторопливо привязал коня к стволу ивы, изящно склонившейся над рекой, подошел и небрежно уселся рядом, на сей раз явно не слишком заботясь о чистоте собственной одежды.

— Я, возможно, чего-то не понимаю, но разве для стирки не поздновато? — поинтересовался он, кивая в сторону гор, за вереницу которых только что окончательно опустилось солнце. Теперь о его недавнем присутствии напоминал лишь алый цвет, окрасивший неровную полосу облаков.

— Хобби у меня такое, — буркнула я, покосившись на наполовину полную корзину. Может быть, она и была скорее наполовину пустой, но пускай оптимист, который возьмется мне это доказывать, сперва проработает на кухне и стирает столько же, сколько я в этот день. — Полоскать белье вместо того, чтобы лежать себе в теплой постели и читать стихи, написанные для меня пылким женихом.

— У тебя есть жених?

Мне только показалось, или это действительно его задело? Возможно, это всего лишь самообман, но в тот момент я готова была дать руку на отсечение, что ему не все равно.

— Нет, — честно призналась я.

— Тогда как же ты можешь читать его стихи? — улыбнулся одними глазами он.

— Точно так же, как и лежать в теплой постели, — отозвалась я.

— Понимаю. — Принц кивнул, глядя на быстро бегущую из-под мостков воду, разом потемневшую вместе с небом.

— А почему вы не поехали во дворец вместе с остальными?

— Хотел немного побыть один, — ответил он. Я было почувствовала себя несколько неловко, но вспомнила, что это он сам подошел ко мне, а, значит, упрекнуть меня в том, что я нарушила чужое одиночество в общем-то нельзя. — А здесь, оказывается, сильное течение. Белье не уплывает?

— Случается, — подтвердила я, — но только не у меня.

— Потому что ты такая хорошая хозяйка? — спросил он с легкой издевкой в голосе.

— Нет, потому что за любую уплывшую тряпку меня будут пилить так, что мало не покажется.

— А я сегодня ездил охотиться на разбойников, — сказал принц после продолжительного молчания.

Возможно, это было сказано несколько невпопад, но не для меня, поскольку именно это событие и занимало все мои мысли с самого утра. После того, как нападения на направляющихся в столицу путников участились, было решено принять срочные меры, и вскоре после рассвета возглавляемый принцем отряд выехал из городских ворот в направлении злополучного леса. Возвратились они только сейчас.

— И как прошла охота?

— Хорошо, — сказал он с усмешкой, не слишком соответствовавшей такому ответу.

— Что-то пошло не так? — спросила я.

— Ну почему же. Мы взяли их всех. Очень легко... Слишком легко. Их оказалось много меньше, чем мы ожидали. Они сдались почти сразу, там и боя-то никакого не было.

— Но это же хорошо?

— Наверное, хорошо. Но настроение какое-то мерзкое. Не знаю, как это объяснить. Понимаешь, лучше убить противника в бою, чем везти на казнь человека, добровольно опустившего меч.

Его взгляд заскользил поверх водной глади, устремляясь все дальше на восток. Я молчала. Он и не хотел, чтобы я что-то говорила. Он и сам все знал. В том числе и то, что в жизни ему предстоит подписать не один смертный приговор, а вот размахивать мечами придется предоставить другим. Мне вдруг показалось, что он не более свободен, чем я, варящая обеды и выполняющая прихоти вечно недовольной мачехи, хотя, конечно, это была глупая мысль.

Мы просидели так еще с четверть часа. Быстро темнело; облака из красно-фиолетовых постепенно становились серыми; все более бесполезное зрение уступало место слуху, для которого мир почти полностью растворился в шуме воды. Принц поднялся на ноги.

— Пожалуй, пора ехать, пока на мои поиски не отправили втрое больше отрядов, чем на борьбу с разбойниками, — грустно усмехнулся он. — Знаешь, я рад, что тебя отправили на реку этим вечером.

Я кивнула, мол, чего еще от вас ожидать, и, закончив отжимать очередную шмотку, положила ее на уже внушительную кучу белья. Принц нахмурился, наклонился и двумя пальцами приподнял только что постиранную вещь.

— Это что? — поинтересовался он, с искренним непониманием разглядывая то, что держал в руках.

— Юбка моей сестры Беллы, — удивленно пожала плечами я.

— Юбка?! — Похоже, такое открытие разом отвлекло его от грустных мыслей. — Такая необъятная? Каковы же размеры твоей сестры?

— Хотите с ней познакомиться?

— Признайся, это ты ее так раскормила?

— Она уже была такой, когда мы познакомились впервые.

— Это становится интересным.

Принц наклонился, заглядывая в порядком опустевшую корзину. Раздался треск ломающейся доски, громкий всплеск и снова треск... Меня обдало волной пронизывающего холода. Я попыталась ухватиться за край доски, по-прежнему возвышавшейся над водой, но промахнулась, успев лишь больно расцарапать руку. Вода сомкнулась у меня над головой; воспоминание о том, что надо набрать в грудь побольше воздуха, пришло слишком поздно. Не было ни страха, ни паники, ни отчаяния; разум был полностью сосредоточен на необходимости дышать и попытке выбраться на поверхность. Отчаянная, но не слишком систематичная работа руками и ногами не давала никаких результатов, словно меня затянуло на самое дно океана. Когда уже казалось, что это занятие совершенно безнадежно, водяной покров все же расступился. Успев наглотаться воды, я надолго закашлялась, но удержаться на поверхности теперь удавалось.

Немного придя в себя, я принялась искать глазами принца. В сердце с опозданием зародился испуг: кто их, господ, знает, может, он мечом махать горазд, а плавать вовсе не умеет? Эта мысль чуть не заставила меня снова уйти с головой под воду, но, к счастью, я быстро обнаружила того, кого искала: его отнесло течением немного в сторону и на добрую дюжину ярдов вперед. Как выяснилось впоследствии, его в этот момент занимали мысли, вполне аналогичные моим.

Беда заключалась в том, что нас обоих отнесло достаточно далеко как от мостков, так и от берега, а река в этом месте была весьма широкой. Разумеется, мы оба пытались грести к берегу, но пока это не слишком удавалось: течение было сильным и своенравным и уносило

нас все дальше, надежно удерживая на середине реки. Но во всяком случае сейчас положение было существенно лучше, чем несколько минут назад; если сохранять спокойствие и не тратить понапрасну силы, рано или поздно течение удастся перебороть. Река может стать немного уже; не исключено, что, если поднапрячься, нам рано или поздно удастся уцепиться за ветку какого-нибудь дерева... И тут у меня внутри все похолодело, если только такое было возможно после пронизывающего холода реки. Я вспомнила, что впереди нас ждал водопад.

Нам, конечно, не предстояло упасть вниз со скалы; шансы остаться в живых оставались, но шансов удариться головой об один из многочисленных камней или просто во второй раз не выплыть из-под сомкнувшейся над головой глади тоже хватало.

— Гребь к берегу! — что есть сил закричала я, не обратив ни малейшего внимания на то, что перешла на «ты». Тут уж было не до этикета.

Он не услышал, или во всяком случае никак не подал виду.

— К берегу! — Я попыталась кричать еще громче, но в результате только сбила дыхание, что чуть не заставило меня пойти на дно. К тому моменту как мне удалось более-менее выровнять дыхание и обратить внимание на остальное, было уже поздно. Шум падающей воды стал совсем громким, звоном в ушах заглушая все остальные звуки, бороться с течением уже не было никаких сил, и я подумала, что это конец. Опять же особого страха я в тот момент не чувствовала; просто сквозь пелену окутавшего сознание тумана пришла уверенность, что выбраться из этого хаоса уже не удастся. И где-то в глубине неустанно пульсировала мысль, что я так и не сумела предупредить принца.

А потом было падение. Одновременно очень быстрое и невероятно долгое. Кажется, я все это время оставалась в сознании, хотя полностью поручиться все же не могу. Помню тот момент, когда меня резко потянуло куда-то вниз, и странное, крайне неприятное ощущение потери какого-либо контроля над ситуацией. Помню, как струя воды сильно хлестнула по лицу, как спина и руки несколько раз обо что-то ударились, но боли я в тот момент не почувствовала совсем. Потом меня снова накрыло с головой, и я даже не пыталась выплыть, но, видно, вода сама вытолкнула меня на поверхность.

На этот раз я нахлебалась воды по всем правилам; горло саднило от частого безудержного кашля; над головой стала снова смыкаться серая тягучая масса... Но какая-то сила схватила меня за плечо и потянула вверх. Я снова закашлялась. Уши заложило, в глазах было темно, но мне удавалось держать голову над водой; остальное принц взял на себя. Вскоре в голове у меня прояснилось, и я поняла, что река стала заметно уже. Принцу удалось немного приблизиться к берегу, и здесь течение было более слабым, чем в середине реки. Убедившись в том, что для меня стало реально самостоятельно удерживаться на воде, я осторожно высвободилась, и мы поплыли бок о бок. Сначала берег все никак не приближался, затем, совершенно неожиданно, под ногами оказалось дно.

Как ни странно, я плохо помню то, что было дальше. В памяти осталась скорее несвязная череда образов. Помню, как мы, шатаясь, выбрались на берег, и я словно видела это со стороны. Потом резко нахлынул дикий, пробирающий до костей холод, который я готова была променять на что угодно, даже на кипящие котлы ада. А еще было немалое удивление при виде взмыленного коня, сумевшего порвать поводья, чтобы примчаться на помощь своему хозяину. Я хотела вернуться назад пешком, но принц настоял на том, что конь легко доведет нас обоих. Разумеется, не до моего дома; мне было не настолько плохо, чтобы допустить подобное. Мне даже удалось собрать белье, то, которое осталось лежать на не разрушившейся части мостков, хотя многие тряпки все-таки унесло течением. Уверена, по этому поводу мне еще предстоит услышать немало возмущенной ругани, но дожидаться ее я не стала: добравшись до своего угла, я быстро и с наслаждением переделась в сухую рубашку, а затем свалилась на кровать лицом вниз и не просыпалась до самого утра.

Переполох, царивший сейчас в королевских покоях, был вполне сравним с суматохой, охватывавшей дворец в преддверии бала, если не по числу суетящихся людей, то во всяком случае по накалу страстей. Ситуация мягко говоря не разрядилась после того, как принц поздним вечером возвратился домой, промокший насквозь, в разорванной одежде, с колючками, застрявшими в волосах. На следующий день у него начался жар, что, впрочем, мало кого удивило. Его высочество посетил лекарь с двумя своими учениками, тщательно обследовавший принца, оставивший ему массу отвратительных на вкус микстур и, наконец, исчезнувший, пообещав доставить еще одно, воистину чудодейственное средство. Помимо него в покоях наследника престола успели побывать придворные, интересующиеся

состоянием его здоровья, а также многочисленные слуги, включая горничных, которых королева послала положить принцу на лоб холодное полотенце, а принц, в свою очередь, послал по совсем другому адресу, значительно более далекому. Бедняжки так и бегали туда-сюда по дворцу, не в силах разобраться, куда же именно им следует идти. Разумеется, принца также навестили король и королева; говоря точнее, в этот день они мало покидали покои сына. Дождавшись, когда слуга, подкинувший в камин дров (в комнате больного тщательно поддерживалась постоянная и, мягко говоря, не низкая температура), наконец, вышел за дверь, королева позволила своему напряжению вырваться наружу, и принялась мерить шагами спальню.

— Как ты умудрился упасть в реку, можешь ты мне объяснить? — воскликнула она.

— Я же уже говорил, — ответил принц, лениво поворачивая голову. — Хотел напиться, подошел к воде, споткнулся...

— Потерял сознание, очнулся — гипс, — закончил за него король. — Да нет, это так, из другой оперы, — смешался он под недовольным взглядом супруги.

— Это не смешно! — раздраженно заявила королева. — Такое поведение недостойно принца крови! Более того, оно недостойно взрослого человека. Не понимаю, как тебя угораздило. Насколько мне известно, во время схватки с разбойниками ты вел себя как подобает. Откуда же такая незрелость по возвращении? Кстати, что касается схватки. Я, конечно, все понимаю, такое рвение весьма похвально, но совершенно необязательно чуть что оказываться в первых рядах. Не забывай, что твоя жизнь стоит особенно дорого.

— Я был отправлен возглавлять отряд, а не плестись в хвосте, — напомнил принц.

— А эта ссадина на лбу! — перебила его королева. — Что если останется шрам?

— Да не останется у него никакого шрама, — вмешался король. — Обыкновенная ссадина, до свадьбы заживет.

— До его свадьбы так точно, — согласилась ее величество, — учитывая то, как он торопится назначить это событие. А как мы объясним окружающим, откуда эта ссадина взялась? Стыда не оберемся!

— Хочешь, говори, что это меня разбойник дубиной по лбу огрел, — предложил принц. — А мне хоть бы что, только соображать стал быстрее.

— Да что вы оба хихикаете? — притопнула ножкой королева.

— Ну, матушка, согласись, никто не застрахован от случайности, — примирительно сказал принц.

Королева смерила его подозрительным взглядом.

— Подлинные случайности крайне редки, — безапелляционно заявила она.

Принц не желал ввязываться в продолжительный спор, король и вовсе предпочитал держаться в стороне, а королева была удовлетворена тем фактом, что последнее слово осталось за ней. Поэтому молчание затянулось.

— Как они умудряются всю зиму стирать в такой ледяной воде? — неожиданно спросил принц, вторя собственным мыслям.

— Кто «они»? — не поняла королева.

— Бедные люди. Они ходят на реку, чтобы стирать белье. И стирают подолгу. А ведь вода большую часть года бывает очень холодной.

— С каких пор тебя стали интересовать подобные вещи?

Принц не успел ответить. После предупредительного стука в комнату вошел один из лакеев и громко объявил:

— Господин лекарь!

Лекарь не заставил себя ждать. Поклонившись их величествам, он поспешил вытащить из своей сумки маленький темно-синий пузырек, наполненный какой-то жидкостью. К крышке

пузырька был прикреплен клочок бумаги с надписью на неизвестном королю и королеве языке.

— Насилу сумел отыскать, — не без гордости сообщил он. — В нашем королевстве этого лекарства почти что и нет. Это поистине чудодейственное средство, нечего даже и сравнивать со всеми прочими микстурами. Вот увидите, его высочество поправится на глазах.

— Мы благодарим вас, господин лекарь, — милостиво кивнула королева. В ее спокойном глубоком голосе не было и следа того раздражения, которое, казалось, полностью владело ею всего несколько минут назад.

Поклонившись, лекарь покинул покои принца.

— Ну вот, гора с плеч, — совершенно непоследовательно подытожила предшествовавший разговор королева. — Выпей скорее.

Она вручила пузырек сыну. Тот, не раздумывая, поставил его на столик.

— Почему я должен все это пить? — упрямо возразил он. — Что я, кисейная барышня, что ли? Сам не поправлюсь?

— Ты с ума меня сведешь! Пей немедленно!

— Не буду!

— Я сказала пей!

— И не подумаю!

Раздался очередной стук в дверь; лакей появился в комнате как нельзя вовремя. Любопытно, как много он слышал, подумал король. Да и вообще, как много слышат слуги из тех разговоров, которые не предназначены для посторонних ушей.

— Обед подан. Как вы изволили приказать, в покоях ее величества.

— Мы продолжим этот разговор позднее, — сурово сказала сыну королева. — Надеюсь, что к этому времени ты уже примешь свое лекарство.

Принц никак не отреагировал на эти слова.

Сегодня венценосная чета обедала в небольшой трапезной, располагавшейся в покоях королевы и обставленной по ее вкусу. Эту залу называли Розовой Комнатой за цвет стен, ковров, гардин и мебели. Трапезную украшали изящные статуи, гобелены и тщательно подобранные картины, в основном портреты и натюрморты. Ковры оставляли часть пола оголенной, ровно настолько, чтобы можно было видеть, как паркет зеркально повторяет узор, изображенный на потолке. Стол был накрыт с большим вкусом, совмещая разнообразие блюд с торжественностью интимной обстановки.

— А почему сегодня суп какой-то... не такой вкусный, как обычно? — вслух поинтересовался король.

— Повариха, которая всегда его готовит, не пришла сегодня по причине болезни, — доложил лакей, который, в отличие от работников кухни, знал обо всем в силу своих прямых обязанностей.

— Вот как? И что же с ней случилось? — без особого интереса, скорее, чтобы разрядить обстановку, спросил король.

— Она упала в реку, когда стирала белье. Сейчас у нее тяжелая простуда.

— Повариха — стирала белье? — нахмурился его величество. — Как-то это странно.

— Прикажете ее уволить?

— Ну, зачем же так сразу — уволить, — поморщился король. — От этого ведь суп лучше не станет. Ты свободен, Джордж.

Лакей, поклонившись, вышел из комнаты. Королева пристально посмотрела на супруга.

— И что вы можете об этом сказать, ваше величество?

Король молчал, задумчиво разглядывая содержимое собственной тарелки.

— Вы ведь не думаете, что это случайное совпадение?

— Нет, я так не думаю.

— Вот откуда этот нездоровый интерес к столь странным подробностям. Стирка... — Королева недовольно передернула плечами. — Но я не понимаю. Ведь он безумно влюблен в эту таинственную девушку с бала. Тратит время и силы на то, чтобы найти ее, даже сейчас, когда стало очевидно, что эти поиски бесплодны. Как же при этом вдруг появляется кухарка...

— Дорогая, в этом как раз нет ничего удивительного. Та девушка — это его настоящая любовь, она бывает только одна и на всю жизнь. А все остальные — это нечто совсем иное; их может быть сколько угодно...

— Вы говорите с удивительным знанием дела, — холодно прервала его королева. — И забываете одну немаловажную вещь: она — обыкновенная служанка.

— Это всегда значительно проще, чем светские дамы, — пожал плечами король. — Насчет кухарок, право, не знаю, а вот горничных я в свое время... То есть, я хочу сказать, это совсем не страшно и пройдет, как только мальчик остепенится, — смутился он под тяжелым взглядом супруги.

— Совсем не страшно? Он чуть было не утонул! Он мог погибнуть из-за этого дурацкого каприза!

— Это называется — роковая женщина, — развел руками король.

— Значит, вы полагаете, что кухарка может оказаться роковой женщиной?

— Не знаю-не знаю, — задумчиво проговорил король. — Не могу даже вспомнить, как эта девица выглядит. Надо будет получше к ней присмотреться.

— Ну уж нет. Довольно того, что к ней уже успел присмотреться ваш сын, — отрезала королева.

Я лежала на кровати, повернувшись лицом к стене, полная решимости умереть достойно. Горло сильно болело, глаза слезились, правое ухо было заложено, а тело все никак не могло решить, от чего ему страдать — от холода или все-таки жара. Под действием его капризов одеяло то натягивалось на мою голову, то скидывалось куда-то в сторону. Левым ухом я слышала, как мачеха что-то ворчит по поводу безвозвратно утерянного белья. Я ничего не отвечала, твердо намеренная, как уже было сказано выше, умереть достойным образом, то есть не вступая в споры и перебранки. К счастью, мачеха боялась заразиться и потому стояла возле самой двери, то бишь в противоположном конце комнаты. Да и вообще, браниться она, конечно, бранилась, но тона до сих пор всерьез не повышала, да еще и проявила небывалую заботу, пригласив ко мне лекаря, из чего я сделала вывод, что дело мое и вправду плохо. Лекарь, конечно, был самым дешевым в городе, но ведь главное — внимание. Он мне даже лекарство оставил. Травку-семянку, растертую в порошок. Пить по три раза в день со стаканом воды. Это джуже пользительное снадобье наш лекарь рекомендовал всем и от всего, неизменно уверяя с пеной у рта, что лучшего средства не найти. С его помощью он лечил мельника Теда от головных болей, дочку молочника от ветрянки, Берту от долго мучавшего ее глубокого кашля, а с год назад всучил это лекарство рыжей Милдред, страдавшей болями в животе, источник которых он определил как язву. Неизвестно, как долго бедняжка пила бы эту жутко горькую гадость, если бы две недели спустя местная повивальная бабка, бросив на нее ровно один взгляд, не заявила, что Милдред ждет ребенка. От Святого Духа, как поспешила объяснить девица своей не на шутку разозлившейся матери, поскольку больше было просто-таки не от кого. К счастью, дух вскоре материализовался, обернувшись немного неуклюжим, но обаятельным портным Питером, и свадьбу сыграли за пару месяцев до рождения крепкого и здорового малыша. Все же репутация лекаря не слишком сильно пострадала, ведь, как ни крути, его средство помогло десяткам других больных, да и потом, кто знает, может, у Милдред помимо всего остального и вправду была язва. Штука заключается в том, что существуют болезни, которые рано или поздно непременно излечиваются. По странному стечению обстоятельств лекарства, принимаемые от этих болезней, обязательно помогают, если не сразу, так по прошествии времени. Травка-семянка была как раз из таких лекарств. С

учетом всего вышеописанного, а также поскольку она была жутко горькая на вкус, я своевольно решила пренебречь сим безотказным средством и уже дважды за сегодняшний день честно выпила по стакану чистой, ничем неиспорченной воды.

Я уже начала было засыпать под мерное ворчание мачехи, как вдруг снизу раздался стук в дверь.

— Кого там еще черт принес? — удивилась мачеха и пошла вниз, понимая, что никого кроме нас в доме нет, а на меня сегодня рассчитывать не стоит. Тут она была абсолютно права. Ага, сейчас я вскочу с постели и побегу открывать, только тапочки сниму. Причем белые. Нет, в другой день я бы, конечно, спустилась сама, но сегодня мне бы это удалось разве что на четвереньках.

Заскрипели ступеньки, затем послышался шум отпираемой двери. Кем бы ни оказался неожиданный гость, я ему не завидовала: навряд ли выражение лица хозяйки дома было сейчас гостеприимным.

— Добрый день, — произнес чей-то молодой голос.

— Что вам угодно?

Похоже, вид стучавшего все-таки внушал уважение, раз мачеха обратилась к нему на «вы». Я слышала голоса через щель в окне. Да-да, в окне, возле которого стояла моя кровать, была вполне порядочная щель, пропускавшая, ясное дело, не только звуки, но и ветер. Однако сейчас она сослужила хорошую службу. Приподнявшись, опираясь обеими руками о подоконник, я осторожно выглянула в окно. На предпоследней из ведущих на порог ступенек стоял юноша лет семнадцати в одежде паж. Мне уже доводилось несколько раз видеть его во дворе. Если память мне не изменяет, состоял этот паж при принце.

— Я должен видеть Золушку.

— Кого? Ах, Золушку! Она больна и не может сейчас выйти. — Мачеха, похоже, стояла на самом пороге, и ее почти не было видно из окна, но я по-прежнему отчетливо слышала ее голос.

— Тогда, быть может, вы проводите меня к ней? Мне нужно кое-что ей передать.

— Когда я уходила, она спала, — соврала мачеха. — Передайте все мне, а я отдам ей, когда проснется.

— Мой господин велел вручить это только в ее собственные руки, — настаивал паж.

— Но я — ее мачеха.

— Вот как раз вам-то в первую очередь мне и не велено ничего отдавать.

Как жаль, что ее лица не было видно! Могу поклясться, что оно сейчас покрылось красными пятнами. Обидно пропустить такую гамму красок.

— Кто такой твой господин? — злобно спросила она.

— Об этом мне тоже распространяться не велено.

— А ну-ка убирайся отсюда прочь, щенок! — Видно, терпению мачехи все-таки пришел конец.

— Послушайте, госпожа, — примирительным тоном сказал юноша. — Я всего лишь выполняю приказ. Если я его не выполню, хуже будет не только мне, но и вам. Вы не знаете, кто такой мой господин, но, поверьте, он привык, чтобы его приказания исполнялись. Речь ведь идет о сущем пустяке. Так почему бы вам не позволить мне подняться, выполнить поручение и тут же уйти восвояси? Поверьте мне, так будет лучше для всех.

В его голосе не было и тени обиды на невежливое обращение, и я невольно завосхищалась дипломатическим талантом этого столь молодого человека.

Больше я не услышала ни слова, но, как видно, мачеха сдалась, поскольку паж поднялся на последнюю ступеньку и исчез из поля моего зрения. Дверь захлопнулась. Я поспешила снова лечь, принимая максимально больной вид. Слишком стараться, впрочем, не было необходимости. Думаю, на тот момент ставить меня на поле пугать ворон было бы самое то, все окрестные пугала умерли бы от зависти.

Как только стих традиционный скрип ступенек, в комнату вошла мачеха, а следом за ней паж.

— Здравствуй, Золушка, — обратился ко мне юноша.

— Добрый день, — слабым голосом выдохнула я.

— Мне приказано передать тебе вот это. — С этими словами он вручил мне маленький темно-синий пузырек, к крышке которого был прикреплен клочок бумаги с надписью на непонятном языке. — Выздоровливай скорее.

Вместе с наполненным жидкостью пузырьком в мою ладонь незаметно перекочевал еще один маленький листок бумаги. На нем, судя по почерку, в большой спешке, были написаны всего два слова, которые мне не составило труда прочитать, одновременно осторожно пряча листок под подушку.

Выполнив поручение, паж сделал шаг назад, кивком головы попрощался с нами обеими и, не дожидаясь, пока его проведут, сбежал вниз по ступенькам. Мачеха осталась стоять на месте, думая, как бы получше выместить на мне свое недовольство.

— Что это такое? — сердито спросила она, кивая на пузырек.

— Яд, — просто ответила я. — Мне прислал один добрый человек из дворца, чтобы я долго не мучилась. Хотите попробовать? — И я протянула ей пузырек.

Мачеха сплонула, кстати, совершенно напрасно, поскольку пол ближайšie дни придется мыть ей самой. На всякий случай она отступила поближе к распахнутой двери. Не иначе боялась, что я попытаюсь напоить ее насильно. Разумеется, она жестоко ошибалась: охота была вставать с кровати!

Я совершенно равнодушно добавила в свой полупустой стакан несколько капель и осушила его содержимое. Мачеха вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. Видать, не хотела смотреть, как я буду корчиться в предсмертных судорогах. Признаться, я была тронута; мне всегда казалось, что такое зрелище доставит ей удовольствие. Но она опять ошибалась. Пожалуй, я еще поживу.

Оставшись одна, я снова вытащила из-под подушки коротенькую записку. Она в точности повторяла последние слова, произнесенные пажом: «Выздоровливай скорее».

ГЛАВА 5

Лекарство из пузырька воистину оказалось чудодейственным; во всяком случае, поправилась я на удивление быстро и спустя еще один день снова возвратилась к привычным обязанностям на кухне. К своему немалому облегчению, поскольку это дало мне возможность поскорее покинуть дом, где я и так пробыла слишком долго — целых три дня подряд. Такого мне удавалось благополучно избегать уже достаточно давно.

Принц тоже поправился, немногим позже меня, но нам долго еще приказывалось готовить для его высочества специальные бульоны и настойки из трав, хотя готова поспорить, что использованы по назначению все эти средства так и не были. Дни пролетали незаметно, царапины и ссадины заживали, старые тревоги сменялись новыми, либо затухали, чтобы спустя несколько дней или месяцев вспыхнуть с удвоенной силой. Время, как и обычно, поступало со всеми по-разному; одни раны залечивало без следа, на месте других оставляло грубые уродливые рубцы. Мачеха отчаянно пыталась выдать замуж хотя бы одну из своих дочерей (ясное дело, младшую; у толстой Беллы шансов, увы, было не слишком много, а вот стройная Стела вполне могла найти себе выгодную партию). Поиски таинственной гостьи, ровно в полночь покинувшей королевский бал, продолжались, но были значительно менее активными, чем прежде. Что же касается супов, котлет, салатов и пирогов, тут дело обстояло без изменений.

Оставшись на кухне одна, предположительно как минимум на полчаса, я вытащила из своего потайного места одинокую серебристую туфельку и теперь в очередной раз разглядывала ее в струе яркого солнечного света. Держать ее дома я не решалась: слишком уж велик был шанс, что ее найдет либо мачеха, либо одна из сестер, а тогда жди беды. Причем ради такого дела они наверняка залезли бы даже в самый дальний уголок. А здесь, на кухне, я с легкостью могла бы перечислить как минимум пять мест, где можно что-нибудь спрятать, не опасаясь разоблачения. В одном из них я и хранила туфельку, в качестве дополнительной меры предосторожности тщательно завернутую в старые потертые полотенца. Сейчас, аккуратно развернув посеревшие тряпки, я снова вытащила ее на свет.

— Красивая. Жалко, что ты потеряла вторую.

Я стояла лицом к окну, и эти слова, произнесенные прямо за спиной, застали меня врасплох. Резко обернувшись и одновременно инстинктивно пытаюсь спрятать туфельку, я увидела Портняжку, привычно расположившегося посреди кухни.

— Что ты такое говоришь? — выдохнула я, безуспешно стараясь принять как можно более непонимающий вид.

— Говорю, что жаль вторую туфельку, — повторил он. — Да брось, Золушка, не притворяйся. Ты ведь не думаешь, что я тебя выдам?

Какое-то время я продолжала молчать, не в силах прийти в себя после услышанного, потом мотнула головой и судорожно сглотнула, выходя, наконец, из состояния ступора.

— Как ты догадался? — спросила я, лихорадочно пытаюсь осмыслить свалившуюся на меня информацию.

— Просто увидел тебя в тот день, — пожал плечами Портняжка.

— И что, ты меня узнал?

— Конечно. Как бы я мог тебя не узнать? Да, не спорю, наряд на тебе был, прямо скажем, непривычный, и вуаль тоже не помогала, но движения, походка, осанка-то остались те же. Мы с тобой, кажется, не первый день знакомы, так что я уж как-нибудь могу отключиться ото всей этой мишуры.

— Интересно, — сказала я, откидывая со лба непослушную прядь и устремляя в окно невидящий взгляд. — А вот он меня не узнает.

— В этом нет ничего удивительного, — отозвался Портняжка. — Так и должно быть.

Я не стала уточнять, что именно он имел в виду. Просто стояла и смотрела, как во дворе свежий ветер закружил сухие дубовые листья, слегка приподняв их над землей, чтобы потом снова опустить, но уже в другом, менее привычном месте.

— Как тебе это удалось? — спросил между тем Портняжка. — Откуда появилось это платье,

туфли и все остальное?

— У меня есть одна знакомая фея.

— А-а-а, — протянул он.

— Ты знаешь, я ведь совсем не хотела, чтобы так произошло, — попыталась оправдаться я. — Я просто хотела немного развлечься. Потанцевать... И исчезнуть.

— Это совсем неважно. Даже если бы ты хотела добиться именно того, что получилось, я все равно снял бы перед тобой шляпу. Они слишком уверены в том, что мы не годимся ни на что другое, кроме мытья полов и приготовления пищи, и если у нас появляется возможность хоть раз продемонстрировать обратное, мы не должны ее упускать. Ты знаешь, когда-то я был безумно влюблен в одну девушку из высшего света... Разумеется, это ровным счетом ни к чему не привело; она даже не замечала моего существования. Я много думал об этом тогда, и потом.

— А что с ней случилось?

— Она вышла замуж. За человека лет на двадцать старше ее, зато обладающего подходящим титулом и состоянием.

— И что же, она с ним счастлива?

— Не знаю. Не думаю, но, с другой стороны, особо несчастной она во время венчания тоже не казалась. В сущности, мы не так уж сильно отличаемся от них, а они от нас. И все равно между нами всегда была и всегда будет пропасть. И знаешь, почему? Потому что мы уверены в том, что она существует. Они твердо убеждены в том, что мы — совершенно иные существа, не имеющие с ними ничего общего. И, что самое главное, мы, как и они, убеждены в том же самом. А такая пропасть, существующая в людском воображении, намного более непреодолима, чем настоящая. Через реальную пропасть можно построить мост, но ничего невозможно сделать, если люди заранее уверены, что на другую сторону не перебраться. Поэтому, когда я увидел тебя там, на балу, я просто пришел в восторг. Ты шагнула напрямик в эту самую пропасть — и не упала. Вместо этого ты свободно танцевала на поверхности.

— Ты так уж уверен, что я в нее не упала? — задумчиво спросила я.

— Да, — безапелляционно ответил Портняжка. — Разве что уронила туфельку. Но, согласись, это не такая уж и высокая цена. Игра стоила свеч.

Я молча стояла, постукивая пальцами по запылившемуся подоконнику. Может быть, он и прав. Во всяком случае, я чувствовала, как какая-то тяжесть в груди, которую я до сих пор не замечала, настолько успела к ней привыкнуть, постепенно оттаивала, уступая место осознанию, что моя тайна — не такая уж и тайна, а то, что казалось серьезным проступком, возможно, в действительности таковым не являлось.

— Я очень тобой горжусь, — добавил он.

По мне так гордиться было особенно нечем, но я улыбнулась.

— А знаешь, наверное, Стрела права, — заметила я, отворачиваясь от окна. — Мне бы действительно следовало подсуетиться и женить тебя на себе, пока другие девчонки не спохватились.

— Она так сказала? — весело спросил Портняжка; его плечи подрагивали от беззвучного смеха.

Я кивнула.

— Обо мне здесь заботятся. И что мне мешает последовать ее совету?

— Не иначе здравый смысл, — усмехнулся он.

— Вот уж навряд ли.

Он подошел ко мне и обнял, нежно, по-братски; я с удовольствием прижалась к его груди.

— Все будет хорошо, — заверил он. — Все наладится намного раньше, чем ты ожидаешь.

Излишне громкие эмоции заглушили звук приближающихся к двери шагов. Когда, подняв голову, я увидела через плечо Портняжки стоявшего на пороге принца, было уже поздно. Он оставался там не более секунды, а затем молча ушел. И больше не появлялся на кухне.

Прошла неделя, или даже немного больше. За это время меня успели измучить резкие перепады настроения, обычно совершенно мне несвойственные. Не знаю, насколько это отражалось на окружающих, но мне так точно успело порядком надоест. А тут еще и неожиданно-негаданно мне на голову свалился выходной. И, как я ни упрашивала, отменять его никто не собирался. Видать, решили радикальным образом решить проблему моих перепадов настроения, заменив их глубокой, но постоянной депрессией. Потому что выходной приходилось проводить дома. Нет, можно было бы, конечно, провести весь день где-нибудь на базаре, затерявшись среди шума, гама и суеты, а еще лучше — в лесу, бродя по бездорожью и вороша ногами сухие дубовые листья. Но беда в том, что рано или поздно кто-нибудь из моих непременно прознает о том, что у Золушки был выходной (знакомых во дворце у сестер, а тем более у мачехи, было достаточно), и тогда домой хоть вообще больше не возвращайся — запилят до смерти. К тому же я прекрасно знала о том количестве несрочной работы, которое скопилось дома в ожидании именно моего выходного. На ее выполнение и так по-хорошему требуется недели две, а если ждать до следующего... При мысли об этом желание идти на природу как-то сразу улетучивалось. Поэтому накануне вечером я честно возвратилась домой и сейчас, умывшись и одевшись, сидела на своей кровати, морально готовясь к предстоящему дню. Я была в комнате одна и, убедившись, что дверь плотно закрыта, аккуратно повернула маленькое медное колечко змейкой внутрь и взяла в руку заранее приготовленное круглое зеркальце.

Мне почти никогда не удавалось этого делать: на территории дворца я не решалась, а дома бывала крайне редко и, кроме того, в этих случаях мне, как правило, находили более динамичные занятия. Теперь же я решила, что, пока день толком не начался, немножко положительных эмоций не повредит, тем более что у меня, как-никак, сегодня выходной. Воздушная белая ткань нежно струилась по простенькому покрывалу, мягким водопадом спадая на деревянный пол.

Услышав возле двери какой-то едва уловимый шорох, я резко повернула кольцо обратно. Успела как раз вовремя: дверь отворилась, и в комнату своим обычным кошачьим шагом вошла Стела. Сердце бешено колотилось; я украдкой бросила взгляд на свое платье. Все в порядке: лохмотья и лохмотья.

— Доброе утро!

Пройдя через всю комнату, Стела по-свойски уселась рядом со мной на кровати, предварительно подняв занимавшее место зеркальце и положив его затем себе на колени.

— Доброе утро.

Столь неожиданно-сестринское поведение было мне не совсем понятно, но высказывать свое изумление вслух я не стала.

— Как дела? — продолжала удивлять меня Стела.

— Да ничего вроде. А у тебя как?

Она махнула рукой и слегка повела плечиком, мол, какие у меня особые дела, и посмотрела на меня заговорщицким взглядом. Я ждала. Определенно ей что-то было от меня нужно, но вот что именно, я понять пока не могла. Во всяком случае, не постирать платье и вытереть пыль в ее комнате; ради такого она бы со мной церемониться не стала, просто заявила бы, что это надо сделать, причем, скорее всего, не стала бы говорить со мной лично, предпочитая действовать через мать. Неясность заставляла меня немного нервничать, и я машинально теребила пальцами медное колечко.

— Я очень беспокоюсь о Белле, — доверительно сказала Стела, слегка наклоняясь ко мне, словно боялась, что нас могут услышать. — Бедняжка так хочет выйти замуж и совершенно не понимает, что ей это не светит. И, главное, она говорит на эту тему без умолку, даже не замечая, что ставит себя на посмешище. Я попыталась ей на это намекнуть, но она так обиделась, теперь вообще не желает со мной разговаривать. А я ведь не виновата, что она такая толстая. Меньше надо было булочек есть, да еще и с вареньем.

— Ну, похудеть никогда не поздно, если она по-настоящему этого захочет, — заметила я, не вполне уверенная, что мои слова соответствуют истине. Но надо же было как-то поддержать этот непонятно зачем затеянный разговор. Не хочет же она, в самом деле, чтобы я помирила

их с Беллой! Уж лучше перемою в доме все полы... Я продолжала теревить кольцо, постепенно поднимая его через косточку пальца.

— О чем ты говоришь, — снова махнула рукой Стела. — Она же никогда не откажется ото всех этих сладостей, пончиков, пирогов... Это совершенно безнадежно! Но как бы ей это поделикатнее объяснить?

Она резко толкнула меня в бок. Кольцо слетело с пальца и со звоном покатилося по полу. Впервые в жизни сестренка оказалась проворнее меня. Быстро соскочив с кровати и почти упав на пол, она подхватила кольцо прежде, чем оно успело замереть возле ножки стола.

— Отдай! — крикнула я, следом за ней поднимаясь на ноги.

— Дай посмотреть, что тебе, жалко? — возразила Стела, пряча кольцо в кулаке и не подпуская меня слишком близко. Выражение доброжелательности разом слетело с ее лица; теперь оно было скорее хищным.

— Отдай сейчас же! — настаивала я, пытаюсь подобраться поближе к ее руке.

— Я хочу примерить!

— Зачем оно тебе? Оно же простое, медное, без камушков, даже не серебряное!

— Но тебе-то оно зачем-то понадобилось, — возразила Стела.

Наконец, ловко извернувшись, ей удалось, несмотря на все мои старания, одеть кольцо на палец. Она сразу же повернула его, словно точно знала, что делает. Не могу сказать, чтобы на этом этапе я сильно удивилась. И без того было понятно, что она исхитрилась подглядывать за мной через какую-то щель. Понятно, но слишком поздно.

Я вздрогнула, невольно отступая назад. Такого я не ожидала. До чего же похожа! Она казалась точной копией девушки, появившейся месяц назад на королевском балу и назвавшейся тогда Синдереллой. Вообще-то нельзя сказать, чтобы мы со Стелой были особо похожи. Но фигуры у нас и правда почти одинаковые: мы обе худые, обе узкокостные, почти одного роста. Черты лица совершенно разные, но под толстым слоем наложенного точно так же, как тогда, макияжа, да еще и с вуалью... Волосы у Стелы темнее, но, опять же, в этом наряде они и у меня казались более темными, видимо, все-таки краска... И даже серьги точно так же звенели, когда она поворачивала голову.

Я стояла, тяжело дыша, не в силах произнести ни слова, в ужасе оглядывая возникшую передо мной даму. Стела была, похоже, не менее потрясена; она не могла видеть себя полностью, но попадавшего в поле ее зрения платья, украшений и вуали, которую она поспешила пощупать, было более чем достаточно. Посмотрев на меня пронзительным, враждебным взглядом, она подхватила юбки и выбежала из комнаты, оставив за собой распахнутую дверь.

Наверное, еще около минуты я продолжала стоять неподвижно, словно увидела призрак, глядя в одну точку, туда, где передо мной совсем недавно предстала незнакомка с бала. Снизу до меня доносились голоса; слов было не разобрать, но, судя по интонациям, разговор проходил весьма оживленно. Я бессильно сжала кулаки и в отчаянии облокотилась о стену. О чем они говорили, было нетрудно догадаться. Конечно, никого из них не было во дворце во время бала, но слухи — великая вещь. Тем более в этот раз принц сам постарался, чтобы о разыскиваемой девушке узнало все королевство. Кружевное белое платье, полупрозрачная белая же вуаль, закрывающая пол лица, серьги, издающие мягкий мелодичный звон... Всего этого было достаточно, чтобы догадаться, где этот наряд был замечен прежде. Да и знакомые сестер, имеющие доступ во дворец, все уши им тогда прожужжали.

Осторожно выйдя за дверь, я стала медленно, бесшумно спускаться вниз по лестнице. Что делать, я не знала, но как-то остановить их было необходимо. Приблизившись к порогу комнаты, где сейчас находились мачеха с сестрами, я прислушалась, затаив дыхание. Поначалу колотящееся сердце заглушало все прочие звуки, но прошло несколько секунд, и доносящиеся из-за двери голоса начали становиться все более отчетливыми.

— Как же мы могли не догадаться?! — возбужденно говорила Белла.

— Она же такая скрытная! — объяснила мачеха, слегка понизив голос.

— Но как ей такое удалось?

— Никаких принципов, вот как! Она всех обманула!

— Что будем делать? — оборвала поток осуждений более прагматичная Стела.

— Как что? — отозвалась мачеха. — Ты с этим колечком прямо сейчас пойдешь во дворец. Вернее поедешь. Тут хоть и недалеко, а так солиднее.

— Но почему она, а не я? — обиженно спросила Белла.

Даже через прикрытую дверь было слышно, как Стела фыркнула.

— Ты посмотри на себя, — ответила мачеха со свойственным ей тактом. — Думаешь, это платье сделает тебя худее? Да принц на тебя даже смотреть не станет!

— Да он и на Стелу не станет смотреть, — огрызнулась Белла. — Как узнает, кто она родом, так сразу же и даст ей пинка под зад.

— Значит, он не должен об этом узнать, — рассудительно ответствовала мачеха. — И если Стела поведет себя с умом, то до свадьбы он не узнает. А может быть, и потом тоже.

Я ощутила, как волна жара всколыхнулась в моей груди и кровью прихлынула к щекам. Меня начинало мелко трясти. Все, что угодно, но только не это. Больше не раздумывая, я ворвалась в комнату.

— Вы не можете этого сделать! Немедленно отдайте мне кольцо! Оно мое!

— Вот как? — Мачеха подошла ко мне вплотную; под ее натиском мне пришлось сделать несколько шагов назад. — Говоришь, твое? Не знаю, насколько тебе можно верить. Во всяком случае, на этот раз ты нам не помешаешь.

Когда я поняла, что происходит, было уже поздно. Еще один шаг — и мачеха рывком втокнула меня в маленькую кладовку, после чего, не давая мне опомниться, резко хлопнула дверью и тут же ее заперла. С тех пор, как был построен этот дом, ни один человек так и не смог понять, для чего крохотная темная комнатка запиралась снаружи, но сегодня эта странность сыграла со мной злую шутку.

— Откройте немедленно! — закричала я, барабанив ладонями по двери.

Ясное дело, на это никто не отреагировал. Они еще немного пошептались, но я ничего не расслышала по собственной же вине. Поняв свою ошибку, я замерла, прижав ухо к узкой щели, но успела услышать лишь шорох юбок да скрип открывшейся и закрывшейся входной двери. Они уехали во дворец.

Я снова принялась отчаянно стучать в дверь, ладонями, потом кулаками, потом снова ладонями, до тех пор, пока кисти рук не загудели от боли. Поняв, что все это безнадежно, я медленно сползла на пол, прижавшись спиной к стене. К глазам начали подступать слезы. Не скрою, в моей душе еще некоторое время жила надежда, что в самый черный момент рядом появится фея, которая выпустит меня из моей темницы, отберет у Стелы кольцо и вообще восстановит порядок и справедливость. Но фея не появилась.

...На этот раз я не резала лук, поэтому не заплакала. Я долгое время сидела на одном месте, прикусив губу, а мой взгляд блуждал по наваленным в кладовке вещам. Отчего-то вид многочисленных мешков, стоящих вдоль стен сундуков, старой посуды и других предметов, спрятанных здесь за ненадобностью, напомнил мне детство и те случаи, когда я заглядывала сюда вместе с отцом. Все вещи с тех пор поменялись, за исключением одного старого, потемневшего от времени сундука, но в комнатке стоял тот же неуловимый запах, и точно так же скупо падал свет через крохотное окошко под потолком... Мне вспомнилось: как-то раз, стоя на пороге этой каморки, отец положил мне руку на плечо и сказал: «Смотри, вот здесь старый, никому не нужный хлам смешался с важными и полезными вещами. Как правило, люди даже не помнят, что именно они положили в такую вот кладовку. Так же и у нас внутри, — он похлопал себя по груди. — Случайное и поверхностное смешивается с самым важным и глубоким, и человек даже не знает цену тому, что накопил за долгие годы своей жизни. Но когда перед человеком возникает цель, он должен идти к ней, настойчиво и упорно, не задумываясь о том, а справится ли он, а достанет ли сил, а есть ли в его дорожном мешке все необходимые инструменты. И вот тогда, если он будет, не взирая ни на какие препятствия, изо всех сил продвигаться вперед, он обнаружит в своей потайной кладовой такие ценные вещи, о существовании которых никогда даже не подозревал».

Тогда я не до конца понимала смысл сказанного, возможно, не понимала и сейчас, но эти

слова отца, как и многие другие, запали мне в душу и оттого хорошо запомнились. Я решительно поднялась на ноги, откинула со лба растрепавшиеся волосы, огляделась кругом деловым взглядом. Время сидеть и страдать закончилось; пришла пора действовать. Я подошла к двери и внимательно ее осмотрела. Выломать ее мне, конечно, не грозит, но вот замок оказался для меня более уязвимым, чем дерево. Говоря точнее, это был всего лишь обычный простенький крючок; через узкую дверную щель я видела, как он тянется к петле. Ну, вот и ответ: надо всего лишь чем-то подцепить крючок, и тогда мне удастся открыть дверь изнутри. Пара минут ушла на поиски подходящего предмета. Заржавелый нож с деревянной рукоятью оказался слишком коротким, гребень с несколькими отломанными зубцами — слишком толстым, чтобы пройти в щель, соломинка, отломанная от веника — слишком легкой, чтобы пошевелить крюк. Наконец, нашлись ножницы, слегка коротковатые, но в целом подходящие для моей цели. Несколько попыток оказались безуспешными: пользоваться ножницами было крайне неудобно, поскольку их приходилось все время удерживать в раскрытом виде; иначе они не пролезали через узкую щель. Но я, сжав зубы и сосредоточенно прищурившись, упорно продолжала попытки, и где-то с седьмого или восьмого раза мне все же удалось откинуть крючок. Он вылетел из петли и закачался, шумно постукивая по стене. Я начала осторожно открывать дверь, затем резко ее распахнула. Как я и предполагала, в горнице никого не было. Ну что ж, раз они отправились в замок, туда же пойду и я.

Я бежала изо всех сил, коротким путем, парками, огородами, перепрыгивая (не всегда успешно) через лужи и перемахнув через пару заборов. Задыхалась, прижимала руку к болящему боку, ненадолго переходила на быстрый шаг и, едва только начинало открываться второе дыхание, снова бежала так быстро, как только могла. К тому моменту, когда я достигла одной из калиток, ведущих на территорию дворца, вид у меня был еще тот: юбка замызгана, как никогда, про обувь и вовсе лучше промолчать, волосы вконец растрепаны, щеки горят. Однако стражник, сразу же меня узнавший, пропустил без проблем и, главное, лишних вопросов. У самого входа во дворец, которым обычно пользовались слуги, мне повстречалась Хелен, портниха, шившая для всего двора и страстно любившая поговорить.

— Золушка! Что ты здесь делаешь, разве у тебя сегодня не выходной? Ох, мне бы выходной, я бы сейчас была так далеко отсюда! А что это ты в таком виде? Ты слышала последние новости? — доверительно прошептала она. И, не дожидаясь, пока я мотну головой, сообщила: — Нашлась девушка, с которой принц танцевал на балу! Помнишь эту историю?

— Она уже здесь? — спросила я, почувствовав, как внутри все похолодело. Конечно, и так было ясно, что они попадут во дворец раньше, и я ничего не смогу изменить, но надежда, как говорят, умирает последней...

— Да, в том же зале, где проходил бал, — ответила Хелен, удивленная моей осведомленностью.

— Ее уже приняли?

— Принимают как раз сейчас. Там все — и король, и королева, и принц. А меня как раз отослали с поручением, представляешь, как обидно?

В другой раз я бы непременно ей посочувствовала, но сегодня мне было не до того. Не сказав больше ни слова, только как-то неопределенно махнув головой (надеюсь, это можно было расценить как вежливое прощание), я бросилась бежать через холл и вверх по ступенькам, свернула налево в широкий коридор и прошмыгнула в незаметную низкую дверь. Оттуда я побегала дальше, петляя по хорошо знакомым темным коридорам, пока, наконец, совсем тяжело дыша, не остановилась в небольшой нише возле длинной узкой щели, к которой сразу же без зазрений совести и прильнула.

Стела была уже там, в белом платье и вуали; насколько я могла видеть, ее облик по-прежнему ничем не отличался от облика неизвестной гостьи. Принц галантно держал ее под руку, и они вместе прохаживались по залу; от этого зрелища мне стало так тоскливо, что захотелось не то крушить все вокруг, не то забиться куда-нибудь в уголок и разреваться. Последнее было более реализуемо, но, впрочем, пока подождем.

Король и королева восседали на своих тронах и никак не вмешивались в ход событий, якобы полностью поглощенные делами, обсуждаемыми с несколькими придворными. Тем не менее, их взгляды то и дело устремлялись в сторону сына. Впрочем, то же самое можно было сказать обо всех, кто находился сейчас в зале.

Между тем принц постепенно подвел Стелу совсем близко к той части стены, за которой я притаилась, и мне стал отчетливо слышен их разговор.

— Почему же вы так быстро убежали в тот вечер? — спросил принц.

— Дело в том, ваше высочество, что я обещала матушке непременно возвратиться домой к часу ночи. Мне необходимо было бежать, чтобы успеть вовремя. Я всегда выполняю свои обещания. — Она кокетливо потупила взор.

— Вот как? — Брови принца поползли вверх. — Надеюсь, сегодня матушка не велела вам возвратиться домой пораньше?

— О нет, принц, сегодня я вольна полностью распоряжаться своим временем.

— Это радует.

Принц взял два бокала с подноса, который держал приблизившийся к ним лакей, вручил один из них даме, и они слегка пригубили красное вино.

— В прошлый раз мне казалось, что у вас серые глаза, — заметил он как бы невзначай. — А сейчас они голубые.

Стела заговорила не сразу; должно быть, в эти мгновения она лихорадочно искала, что бы ответить, но непосвященному ее замешательство, вероятнее всего, заметно не было.

— Мои глаза иногда меняют цвет, — произнесла она, наконец. — Это зависит от одежды, которую я ношу.

— Вот как, — кивнул принц, вроде бы вполне убежденный этим доводом. И лишь несколько мгновений спустя, когда Стела расслабилась и сделала еще один глоток, невозмутимо добавил: — Но ведь сегодня вы одеты точно так же, как тогда.

При этих словах он поднял взгляд, и я вздрогнула: мне показалось, что он смотрит прямо на меня. Глубокий вдох и медленный выдох помог мне успокоиться. Не мог он видеть меня через эту щель, тем более что он даже не подозревает о ее существовании. Вот так всякий раз, как я пользуюсь подобными способами наблюдения: мне непременно кажется, будто кто-то видит меня с той стороны. Один мой знакомый лекарь (не тот, который лечит всех травкой-семянкой, а другой) говорит, что это называется «паранойя».

— Разве? — смешалась Стела. — Ах, да. Но... дело в том, что... сейчас свет падает иначе. А это тоже очень важно, — добавила она, подкрепляя свои слова многозначительным кивком.

— Понимаю, — согласился принц. — Но ваш голос. Он тоже как будто немного изменился.

— А это... это я сегодня слишком много кричала на слуг и слегка его сорвала, — принялась импровизировать Стела. — Вы знаете, они в последнее время совершенно распустились.

— Понимаю, это иногда случается, — кивнул принц. — Однако вам следует поберечь себя. Не стоит из-за подобных пустяков подвергать опасности свое драгоценное здоровье.

«Со мной он не был так галантен», — скользнула предательская мысль. Плечи начали затекать, и я переступила с ноги на ногу, слегка изменяя положение.

Принц усадил Стелу в мягкое кресло.

— Вы простите меня? Я очень скоро вернусь.

Он вскоре исчез из моего поля зрения. Стела осталась сидеть на месте; к ней вроде бы никто не подходил. Как видно, король и королева предпочли не вмешиваться в дела молодых.

Я оторвалась от щели и прижалась спиной к стене. Меня снова начинала бить мелкая дрожь. Что же теперь будет?

Дверь в нескольких шагах от меня распахнулась столь стремительно, что я не успела не то что убежать, а даже отскочить в сторону. Принц, явно удовлетворенный увиденным, бесшумно закрыл вход в потайной коридор.

— Ваше высочество... Как вы здесь оказались? — поспешила спросить я, стараясь скрыть таким образом собственное смущение.

— Во дворце нет тайн от мальчишек, — ехидно заметил он, намекая на слова о кухне, произнесенные когда-то мной. — А я здесь вырос. Неужели ты полагаешь, что десятилетний подросток может пропустить прямо у себя под носом что-нибудь интересное, тем более такую значимую вещь, как целый мир, существующий в стенах его дома?

— И о многих таких дверях вы знаете?

Он безразлично пожал плечами.

— Думаю, что обо всех. Ну, так как, ты все слышала?

— Почти, — нехотя призналась я.

— И что ты думаешь? Что я теперь должен делать?

— А что вы должны делать?

— Как мне доказать, что это не она?

У меня отлегло от сердца.

— А вы уверены, что это действительно не она?

— Абсолютно.

— А... почему вы так в этом уверены? — прищурилась я.

Его убежденность позволяла мне задать этот вопрос, не опасаясь, что он, лишний раз задумавшись на эту тему, изменит свое мнение.

— Наряд у нее, конечно, очень похожий, или даже точно такой же; не знаю, как ей это удалось. Но я ведь помню не только наряд. Я помню девушку, на которой он был надет. Хорошо, — он выставил руки ладонями вперед, — я готов предположить, что цвет ее глаз меняется под воздействием каких-то неведомых мне обстоятельств. Допустим, что ее голос слегка погрубел, потому что она напилась накануне водки, или чем-то там обкурилась. Походка изменилась после того, как она гонялась с мечом за нерадивым слугой и уронила ножны себе на ногу. Все это я еще кое-как могу понять. Но та девушка, с которой я познакомился тогда на балу, была умна, сообразительна, у нее было чувство юмора; если хочешь, она была способна на колкость. А эта же — дура набитая!

— Ваше высочество! — осуждающе покачала головой я. — Ну разве можно так говорить! Сказали бы «Эта дама не столь мудра, сколь можно было бы ожидать от благородной женщины ее возраста» или что-нибудь в этом роде.

— Я непременно познакомлю тебя с моим гувернером, — пообещал он. — Ты только напомни мне потом. Так вот, при других обстоятельствах я бы, конечно, не стал церемониться с этой самозванкой. Но, к сожалению, присутствие родителей все меняет. Теперь я уже не могу просто дать ей пинка под зад.

— Ваше высочество! — вновь укоризненно воскликнула я.

Он нахмурился.

— Тебя определенно следует выдать замуж за гувернера. Или нет, — видимо, что-то ему в этой идее не понравилось, впрочем, так же, как и мне, — лучше я, когда наступит время, отдам тебе на воспитание своих детей. Ты будешь им объяснять, как говорить можно, а как не подобаает. Как тебе такая мысль?

— Меня, пожалуй, устраивает, но навряд ли то же самое можно будет сказать о ваших родителях. А уж той даме, с которой вы танцевали на балу, эта идея точно не понравится.

— Значит, ты согласна, что за стеной сейчас сидит не она?

— Не спорю, — кивнула я.

— Так как же все-таки мне это доказать?

Времени на размышления не оставалось, но благодаря давнему разговору с феей я уже знала ответ.

— Насколько я помню, когда та девушка убежала по саду, она потеряла серебристую туфельку?

— Верно.

— Эта туфелька еще у вас?

— Еще бы! Я храню ее, как зеницу ока.

— Тогда почему бы вам не велеть кому-нибудь из слуг принести туфельку сюда и не предложить этой даме ее примерить? Есть хороший шанс, что самозванке она попросту не подойдет.

Более чем хороший шанс, подумала я, но вслух этого не сказала.

Принц слегка нахмурился, взвешивая мое предложение и кивая собственным мыслям. Потом удовлетворенно щелкнул пальцами.

— Ну, конечно!

Долее не раздумывая, он быстро зашагал в сторону двери, но в ярде от нее остановился и обернулся.

— А ты, оказывается, не только вредная, язвительная и циничная; ты еще и можешь дать хороший совет! — одобительно сказал он и исчез, вновь ступив в суету зала.

Я осталась стоять с открытым ртом; в голове крутились многочисленные возможные ответы на столь лестную характеристику, но ни один из них так и не был произнесен вслух.

Слегка придя в себя, я вновь подбежала к щели, но затем передумала. В конце концов, если сам принц врывается в мир слуг, где ему делать ровным счетом нечего, могу и я самую малость отойти от правил. Решившись, я прошла тот же путь по коридору, который только что проделал он, и, затаив дыхание, осторожно приоткрыла низкую дверцу. Поняв, что мое появление прошло незамеченным, я вошла в зал, бесшумно прикрыла дверь и замерла возле самой стены, стараясь полностью слиться с интерьером.

Еще бы кто-нибудь обратил малейшее внимание на служанку, пусть даже проникшую в помещение безо всяких на то оснований, когда рядом разгорались такие страсти! Насколько я поняла, принц успел уже послать своего пажа за туфелькой, а сам тем временем подвел Стелу поближе к королю и королеве. Ни заполнившие зал придворные, ни сама венценосная чета более не скрывали своего интереса к происходящему.

— Отец, матушка, позвольте представить вам леди Стелу, — торжественно объявил принц, окончательно привлекая внимание окружающих к себе и своей даме. — По ее словам, именно она столь поспешно покинула наш торжественный бал месяц тому назад.

В этот момент, как он, по-видимому, и ожидал, в зал вбежал запыхавшийся паж. Впрочем, он тут же распрямил спину и поспешил принять наиболее торжественный вид. В руках он нес алую атласную подушку, на которой красовалась одинокая серебристая туфелька, поблескивающая в свете многочисленных свечей. Паж остановился шагах в пяти от принца и почтительно склонил голову.

— Леди Стела, — громко произнес принц, — надеюсь, вы не обидитесь на нас за эту маленькую формальность. В тот вечер на одной из парковых дорожек вы потеряли серебристую туфельку. Я счастлив вернуть ее вам. Но, надеюсь, вы не откажетесь при всех ее примерить?

Конечно, он рисковал; вернее, думал, что рискует. Что, если бы туфелька случайно ей подошла? Да и Стела казалась в этот момент весьма довольной собой. Конечно, ведь она прекрасно знала, что нога у нас с ней одинаковая, так же, как и рост. Поэтому она, не кочевряжась, торжественно опустила на специально вынесенный в середину зала стул и вытянула ногу, готовая примерить туфельку, которую принц не погнушался поднести ей самолично.

Со стороны еще не было понятно, что произошло, но я уже видела, как победная улыбка сбежала с ее лица. Было очевидно, что что-то пошло не так, как она ожидала. Я вздохнула с облегчением и только теперь осознала, с каким напряжением сцепила пальцы рук. Нет, фея не ошиблась и ничего не перепутала. Туфелька никак не хотела надеваться на ногу Стелы. Вскоре это стало очевидно и остальным. На помощь принцу подбежал мажордом, но его участие ничего не изменило. По залу пробежал беспокойный шепот. Пауза затянулась. Похоже, принц умышленно не спешил завершать примерку, чтобы ни у кого не осталось ни малейших сомнений касательно ее результата. Стела сидела красная, как рак.

Наконец, принц выпрямился и сделал мажордому знак, что его услуги более не нужны.

— Как странно, госпожа, — громко произнес его высочество, обращаясь к Стеле, — эта туфелька совсем вам не подходит. Если я не ошибаюсь, она мала по меньшей мере на два

номера. — Он обернулся к мажордому, и тот согласно кивнул. — Простите, но я никак не могу поверить в то, что это вы носили ее на балу. Боюсь, она все же принадлежит совсем другой женщине.

Стела сидела, напряженная, будто тетива лука. Нет бы, коли уж пошла на такой обман, стоять до конца, попробовать отвертеться, заявить, что это вовсе не та туфелька, хоть и похожая, сказать, что у нее нога выросла от хорошего питания... Принц бы, конечно, не поверил, но многих ей, возможно, удалось бы убедить, и как минимум суметь с достоинством выйти из сложившейся ситуации. Но, как видно, у бедняжки сдали нервы. Оглядевшись по сторонам с видом загнанного зверя, она резко вскочила со стула, подхватила юбки, и бросилась бежать к выходу.

Тут уж я не выдержала. Я понимаю, порядочные героини классических романов так не поступают, но я ведь всего лишь простая смертная, со всеми достоинствами и недостатками, которые этому сопутствуют. Не могу сказать, чтобы это был заранее продуманный поступок, скорее я действовала по какому-то наитию. Так или иначе, когда Стела приблизилась к той части стены, возле которой я стояла, я слегка вытянула ногу... Споткнувшись, она потеряла равновесие и упала на пол, вполне удачно приземлившись на четвереньки. Но при этом маленькое медное колечко слетело у нее с пальца и покатило по полу. Прежде, чем кто-либо успел сориентироваться в происходящем, я подхватила кольцо и спрятала его в кулаке. Моего вмешательства никто не заметил. Всеобщее внимание было приковано совсем к другому. Ибо в тот же самый момент, как колечко плавно покатило по паркету, прекрасное белое платье исчезло вместе с вуалью, высокой прической, драгоценными украшениями и прочими элементами запомнившегося всем наряда. Вместо этого перед придворными предстала девушка низкого сословия, одетая довольно просто, хоть и с некоторой претензией на изящество, с распущенными волосами до плеч, в грубоватых дешевых серьгах непонятной формы и с крикливым красным платком, повязанным вокруг шеи. Вскочив на ноги, Стела быстрее ветра помчалась вон из зала, а затем и из дворца. Никто не пытался ее остановить. А я тихонько возвратилась в мир слуг, по-прежнему сжимая в кулаке драгоценное медное колечко.

ГЛАВА 6

С моего выходного прошло уже пять дней, а я так за все это время ни разу и не возвратилась домой. Одну ночь я уже пропустила, неумолимо приближалась вторая, но я по-прежнему не могла себе представить, как появлюсь там после всего, что произошло. Да, я отдавала себе отчет в том, что чем больше буду тянуть, тем труднее будет оказаться дома впоследствии, но ничего с собой поделывать не могла. Возвращаться было и противно, и унижительно, и страшно одновременно и, по-видимому, я просто не собиралась этого делать, хоть и не решалась окончательно себе в этом признаться. Нелегко раз и навсегда сжигать за собой мосты, даже если они ведут в самый центр трясины.

Помимо подобных размышлений, не слишком способствовавших хорошему настроению, мне не давало покоя кое-что еще. Никак не удавалось отделаться от крайне неприятного осадка, который оставили у меня в душе события пятидневной давности. Дело было не в предательстве сестры, от которой и так мало чего хорошего можно было ожидать, не в грубости мачехи и не в необходимости попрыгать через заборы (я даже рада была убедиться, что до сих пор на это способна). Разговор с принцем в закоулке мира слуг полностью сгладил впечатление от этих событий. Как ни глупо это звучит, меня скорее смущало то, что белоснежный наряд, мысль о котором раньше поднимала настроение и придавала сил, теперь словно утратил свою белизну, связываясь в моем воображении не с прекрасным, хоть и коротким, балом, а с образом Стелы, ворвавшейся в распахнувшийся перед ней двери дворец. А самое худшее заключалось в том, что между ее обманом и моим не было такой уж большой разницы. Незаметно застыв возле самой стены, я хорошо видела, как удивление на лицах придворных сменилось брезгливостью после того, как шикарное платье самозванки обернулось совсем иным нарядом. Разве не то же самое случилось бы, если бы вместо коричневого сарафана и алого платка недавняя гостья оказалась облачена в поношенную одежду кухарки? Скорее всего, это было бы еще хуже.

Я рассеянно помешивала суп, в очередной раз пытаюсь воспроизвести в памяти подаренное феей платье — такое, каким оно виделось мне раньше, до того, как Стела украла мое кольцо. Ничего не получалось. Как будто тонкая ниточка, связывавшая меня со сказочным балом, навеки ушла в небытие. Я отгоняла эту мысль, словно назойливую муху, объявив ее глупой и несостоятельной, но, подобно все той же назойливой мухе, она всякий раз возвращалась назад, проявляя редкостное упорство.

Наконец, я, казалось, нашла средство избавиться от переживаний хотя бы по данному поводу и, как только мне выдалась передышка в четверть часа, покинула здание дворца и поспешила в парк. Убедившись в том, что вокруг никого нет, я все же в качестве дополнительной меры предосторожности свернула на одну из узеньких тропинок и сделала еще около дюжины шагов. Теперь меня нельзя было увидеть с главной дорожки из-за густой листвы посаженных вдоль нее деревьев. Прикрыв глаза, я повернула кольцо змейкой внутрь.

Платье было столь же прекрасно, сколь и всегда. Я не позаботилась о том, чтобы прихватить с собой зеркало, но это было и не нужно; достаточно того, что у меня вновь появилась возможность услышать мягкое шуршание ткани, пройти по парку, глядя на скользкий по траве подол. В тот вечер, покинув шумный дворец, мы разговаривали совсем недалеко отсюда. Прикрыв глаза, мне почти удавалось представить себе, что бал по-прежнему в самом разгаре, а рядом стоит принц, который смотрит на меня так, как он никогда не посмотрел бы на кухарку. В памяти стали неожиданно всплывать взгляды и жесты, которые, казалось, давно уже были забыты. Вот принц стоит напротив скамьи, на которой я сижу, держа в руке бокал, наполовину наполненный вином; вот он усмехнулся, услышав из моих уст очередную колкость; вот нахмурился, отдавая дань каким-то своим мыслям. Я медленно шла мимо цветущих кустов и раскидистых деревьев, оставив тропинку в стороне, полностью погруженная в воспоминания и совершенно забыв обо всем остальном. Но тот уютный мир, который мне удалось ненадолго для себя выстроить, разрушился, как карточный домик, с первыми звуками вторгнувшегося в него голоса.

— Это вы?!

Он шел прямо на меня, а я умудрилась даже этого не заметить. Иан Торвуд, молодой герцог, ближайший друг принца, остановился посреди парка, как вкопанный, глядя на меня круглыми от удивления глазами. Пару секунд я смотрела на него примерно так же; затем, спохватившись пусть не вовремя, но все-таки быстро, подхватила юбки и побежала наутек.

Бегать в громоздком и не дающем как следует дышать платье — развлечение не из легких, но мне было не привыкать. Зато мои башмаки подходили для этого занятия много больше элегантных туфелек. Вот забавно было бы потерять еще и башмак, мельком подумала я,

оставляя позади очередной розовый куст, усыпанный ярко-алыми цветами. Тогда у принца собралась бы целая коллекция. Но главное, опознать меня стало бы совсем легко, поскольку другой обуви у меня не было, а, значит, достаточно было бы приказать найти девушку, ходящую по дворцу босиком. Не думаю, что таких нашлось бы много.

Иан выбежал на посыпанную гравием дорожку следом за мной; я же поспешила вновь свернуть вглубь парка. Шутки шутками, но в моем нынешнем положении веселого было мало. Надо же было во второй раз наступить на те же самые грабли! Откуда-то из-за кустов послышался голос:

— Закрывать все ворота! Немедленно!

— Да, господин! Будет исполнено!

— Чтобы ни одна мышь не проскочила!

Оказавшись на время в безопасности, то есть вне поля чьего бы то ни было зрения, я повернула кольцо, вернув себе обычный вид. Но неприятности на этом не заканчивались. Что же теперь будет? На этот раз Иан точно знает, что незнакомка не успела покинуть дворец, и он не замедлит оповестить об этом принца. Я села прямо на траву и обхватила голову руками. Похоже, я приношу одни неприятности. И, как всегда, неумышленно, но это отчего-то не слишком утешало. Неужели погоня за неизвестной гостьей, совсем недавно затихшая, пойдет теперь по второму кругу? Может, лучше было бы просто рассказать обо всем принцу, и таким образом разом положить всему этому конец? Я вздрогнула от одной этой мысли. Нет, никогда. Под пыткой не признаюсь.

И все же... Единожды солгав, пусть ненароком, пусть в мелочах, человек создает сеть лжи, из которой больше уже не может вырваться. С его ли участием или без одного, но за первой паутинкой возникает вторая, третья, четвертая, сплетаясь в сложный замысловатый узор. И, сколько ни старайся, напрягая глаза и мозоля руки, эту прочную сеть уже никак невозможно распутать. Только разрубить.

Сидеть в парке до бесконечности не имело смысла. Да и с кухни у меня была возможность отлучиться лишь на короткое время. Поднявшись на ноги, я отряхнулась, извлекла из волос запутавшийся в них листок и потихоньку поплелась ко дворцу.

Как ответственный работник, не забывающий о долге службы ни при каких обстоятельствах, я честно собиралась отправиться напрямиком на кухню. Я сказала «ни при каких обстоятельствах»? Ну, почти ни при каких. Войдя во дворец, я почти уже нажала на ручку двери, чтобы исчезнуть в мире стен, как вдруг до меня донеслись голоса с другого конца коридора. Голоса я сразу узнала, а содержание разговора заставило меня мгновенно позабыть обо всех благих намерениях.

— Я приказал стражникам закрыть все ворота и никого не выпускать.

— Молодец, — похвалил Иана принц; его голос звучал возбужденно. — Значит, ты уверен, что она не покидала дворец?

— Абсолютно. Но что теперь? И дворец, и парк уже наспех обыскали. Пока никто не видел женщины в белом платье.

— Это не важно, — отозвался принц. — Дик?

— Я здесь, ваше высочество. — Кажется, это был голос пажа.

— Принеси сверху туфельку. Пусть ее перемеряют все женщины старше четырнадцати и моложе сорока, которые находятся сейчас во дворце.

— Но туфелька может подойти очень многим из них, — заметил Иан.

— А я и не обещал жениться на первой, кому она подойдет. Пусть тех, кому она придется по ноге, отведут в отдельный зал. Думаю, тогда я сумею разобраться.

— Стоит ли так старательно разыскивать женщину, которая не хочет быть найденной?

— В таком случае, что она снова делает во дворце? Да еще и в том же самом платье?

— Не понимаю, — признал Иан.

— Я тоже. Но сегодня я, наконец, докопаюсь до сути. Я это чувствую.

Послышались шаги; они приближались ко мне по коридору. Я прижалась к колонне, стараясь не дышать. Принц и Иан прошли мимо, продолжая негромко переговариваться, а я поспешила возвратиться на кухню.

Вот только работа не клеилась. Я честно пыталась не думать о том, что происходило сейчас наверху и заниматься своими прямыми обязанностями со всей возможной самоотдачей. Но готовить в том душевном состоянии, в котором я пребывала на тот момент, было категорически нельзя, так как это могло бы пагубно отразиться на результате. Попытка заняться мытьем посуды так же не оправдала себя, и после того, как одна и та же тарелка во второй раз чуть не выскользнула у меня из пальцев, я махнула на все рукой. А спустя еще несколько минут, оставив дверь нараспашку, отправилась на второй этаж.

Узнать, где находится принц и примеряющие туфельку дамы, не составило ни малейшего труда. Дворец гудел, как пчелиный улей, и обнаружить эпицентр бушевавших страстей легко смог бы любой. Я осторожно заглянула в Синюю Комнату и быстро смешалась с толпой прочих слуг, пришедших поглазеть на невиданное представление. Здесь собрались все придворные дамы, и не только от четырнадцати до сорока. Той же леди Кэтрин из Стонфилда, со скидкой на ее молодежавый вид, с натяжкой можно было бы дать пятьдесят; в действительности же, говорят, она начала свою карьеру при дворе еще во времена царствования бабушки его высочества. А в дальнем углу стояли и шушукались три девчонки лет двенадцати-тринадцати; уж не знаю, что им было здесь делать; не иначе, надоумили заботливые матери. Большинство дам уже успели примерить серебристую туфельку и, судя по выражению их лиц, безуспешно. Теперь они с волнением и неприязнью следили за теми, кому еще оставалось попытать счастья. Однако серебристая туфелька оказалась чересчур велика сначала одной даме, затем другой, третьей... Удивленный шепот стал до неприличия громким, а принц и Иан, обменявшись непонимающими взглядами, поспешили выйти в не так чтобы пустой, но во всяком случае не столь заполненный людьми коридор. За ними следом поспешил мажордом. Подойдя к самому порогу, я смогла расслышать большую часть их разговора.

— Ничего не понимаю, — развел руками Иан. — Туфелька вроде бы самая обыкновенная, размер вполне нормальный, не на эльфа, не на слона... Не понимаю.

— Так или иначе, заключить можно одно: той девушки среди них не было, — подытожил принц. — Почему туфелька не подошла никому другому — не знаю, но нам это только на руку. Вы собрали здесь всех молодых женщин, находящихся сейчас в замке?

Последний вопрос, по всей видимости, был адресован мажордому, и тот не замедлил с ответом:

— Всех, ваше высочество. За исключением прислуги, разумеется.

— Почему за исключением прислуги? — поинтересовался принц, и голос его явно звучал недовольно.

— Но как же, ваше высочество... — смешался мажордом. — Девушка без роду, без племени ведь не может стать невестой наследника престола...

— Я не предлагал вам решать эти вопросы, — холодно отрезал принц. — Я сказал собрать всех женщин, — он особо подчеркнул последние два слова. — И надеюсь, что сейчас вы исправите эту ошибку. Вы все поняли?

— Да, ваше высочество.

— Прекрасно, выполняйте.

— Прикажете привести остальных сюда же?

Принц ненадолго задумался.

— Нет, не стоит. Будет слишком много шума. Соберите их в Северном Зале.

— Слушаюсь, ваше высочество. Будет исполнено.

После ухода мажордома принц продолжал о чем-то говорить с Ианом, но усилившийся шум заглушал их голоса.

Не буду писать о том, как я провела следующие три четверти часа. Думаю, для большинства

людей, находившихся в тот день во дворце, этот период был не из спокойных. Я уж не говорю о родителях принца; короля и королеву бурная деятельность, которую развил в этот день их сын, слегка выбила из колеи. Вероятнее всего, именно по этой причине в тот день они почти не появлялись на людях, не считая участия в нескольких обычных ежедневных ритуалах. Так или иначе, поиски неизвестной гостьи среди прислуги не увенчались успехом. (То время, когда всех молодых служанок собирали в Северном Зале, я благополучно переждала на кухне.) В очередной раз нарушив данное самой себе слово, я снова выбралась наверх как раз вовремя для того, чтобы убедиться в этом факте. Сказать по правде, поднявшись, я чуть было не столкнулась с принцем нос к носу, но успела нырнуть в полутьму одного из идущих перпендикулярно коридоров.

— Вы точно собрали всех служанок? — недоуменно спрашивал он.

— Да, ваше высочество, как вы приказали. Искали по всему дворцу, разве только на кухню не заходили.

Последние слова мажордом произнес с некоторой долей иронии, но я прикусила губу. Что ему стоило не упоминать об этом нюансе? Мои опасения в этой связи оказались не напрасными.

Принц недолгое время молчал, затем вновь обратился к мажордому.

— А почему вы не спускались на кухню?

— Ваше высочество, но, в самом деле, приводить сюда кухарку — это было бы чересчур, — заступился кто-то из придворных.

— К тому же все слуги и так давно уже здесь; внизу наверняка никого не осталось, — поддержал его Иан.

— Ты так думаешь? — Мне показалось, что принц нехорошо усмехнулся. — Вот что, пусть кто-нибудь немедленно спустится на кухню и заставит ту девушку, которую там увидит, примерить туфельку.

Судорожно сглотнув, я поспешила прочь по коридору, стараясь шагать как можно более бесшумно. К счастью, этому немало способствовал мягкий ковер, длинной узкой лентой устилавший пол. Как быть в этой ситуации, я не представляла. Можно было, конечно, попытаться где-нибудь спрятаться, но ведь рано или поздно все равно отыщут, да и не знала я достаточно хорошего места теперь, когда весь дворец был поднят на уши. Оставалось только возвращаться на кухню, при чем вернуться непременно надо было быстрее, чем туда дойдет посланник принца. А там я уж как-нибудь сумею внушить ему, что мерить туфельку такой, как я, совершенно необязательно. Или сделаю вид, что померила, и она не подошла.

Я быстро бежала по коридорам мира слуг, сворачивала то направо, то налево, спустилась по старой скрипящей лестнице и с чувством облегчения ворвалась в по-прежнему пустую кухню. Дверь была открыта нараспашку, как я ее и оставила. Однако, торопясь покинуть второй этаж, я так и не услышала последующих слов принца, который, передумав, произнес:

— Нет, не надо никого посылать. — И лишь после того, как мажордом и придворные, облегченно вздыхая, пошли по своим неотложным делам (то есть сплетничать), сказал Иану: — Я сам спущусь на кухню. А ты оставайся здесь и прикрывай тыл, хорошо? Необходимо, чтобы мне никто не помешал.

— Никто? — неуверенно переспросил Иан.

— Ни одна живая душа.

— Но если их величества...

— Их величества в том числе.

— Но как же я смогу их остановить?

— Как угодно. Костями ляг, но чтобы никто не вошел на кухню раньше, чем я это позволю.

— Меня бросят в темницу, — обреченно вздохнул Иан.

— Я тебя освобожу, — заверил его принц.

— Изгонят из королевства.

- Я тебя возвращу.
- Отрубят голову.
- Я ее приклею.
- Это внушает некоторую надежду.

На этой оптимистической ноте они расстались; принц отправился к ближайшей лестнице, а Иан остался прикрывать тыл.

В результате всего вышеописанного, когда из прилегающего к кухне коридора послышался шум приближающихся шагов, я обернулась к двери, относительно уверенная в том, что готова к грядущим событиям. И лишь в тот момент, когда в дверном проеме возникла фигура самого принца, я поняла, как жестоко ошибалась.

— Ваше высочество? — Изображать удивление не было нужды; оно было более чем естественным. В качестве алиби в руке я держала тряпку, которой якобы только что протирала стол. — Что вы здесь делаете?

— Что я здесь делаю? — повторил он, плотно закрывая за собой дверь. — Кажется, любой человек во дворце сейчас знал бы ответ на этот вопрос. Но, разумеется, только не ты.

Что-то в его тоне очень мне не понравилось. Я поджала губы, никак не отвечая на последние слова.

— Ты говорила, что неизвестная гостья выбежала из парка через боковую калитку и продолжила бежать вдоль дворцового забора? — прищурился он. — Как же получилось, что никто из стражников ее не заметил?

— Об этом надо спросить не у меня, а у стражников, — твердо ответила я.

— Скажи, а ты знаешь иностранные языки? — резко сменил тему принц.

— Я?!

— Ну, разумеется, не знаешь. А тебе известно, что на языке Тридевятого королевства слово «синдер» означает «зола»?

— Откуда мне это знать? — вызывающе парировала я.

— Понятно, — кивнул он. — Примерь-ка вот эту туфельку.

— Вот эту? Зачем?

Никто не хочет признаваться в собственных ошибках; к тому же его резкий и повелительный тон вызывал во мне чувство противоречия, заставляя защищаться до последнего.

— Не говори, будто слышишь о ней впервые. Ты ведь сама посоветовала мне воспользоваться ею всего несколько дней тому назад, или запомнила?

Вот это верно. И ведь давала же себе зарок, что больше он от меня ни слова подсказки не дождется! Опять не сдержалась, и снова все обернулась против меня. Сама виновата, теперь сама и расхлебывай.

— Я знаю, что это за туфелька. И знаю, зачем ее мерили другие дамы. Но я-то тут при чем? Я ведь кухарка.

«Или вы запомнили?», хотелось добавить мне, но на тот момент я еще не настолько потеряла самообладание, чтобы позволить себе такую откровенную наглость.

— Ты мне зубы не заговаривай. Сначала примерь туфельку, а потом говори все, что хочешь. Хоть целый трактат о социальном неравенстве прочитай.

— У меня дел полно. Не стану я всякими глупостями заниматься.

— Примерь туфельку!

Это уже был приказ; взгляд принца стал совсем жестким.

— Не хочу.

— Примерь немедленно!

— Не буду!

Поняв, что на кухне готова разразиться настоящая гроза, я попыталась хоть как-то смягчить ситуацию.

— Ваше высочество, — заговорила я увещательным тоном, — ну, зачем вам надо, чтобы я ее мерила? Ведь даже если, предположим, она мне все-таки подойдет, вы же все равно не станете на мне жениться. Согласитесь, на данный момент вы скорее готовы меня придушить.

— Это точно, — согласился принц. — И я приступлю к этому прямо сейчас, если ты немедленно не примеришь туфельку.

Отступить было некуда. Сделав последнюю попытку, я села на стул и вытянула ногу. Принц лишь укоризненно покачал головой.

— Другую. Это правая нога, а туфелька — на левую. И не делай вид, что не понимаешь, в чем разница. Не поверю.

Я сжала зубы и поднялась со стула. Его настойчивость разозлила меня до предела. Тупая, бессмысленная настойчивость, которая ни к чему путному все равно не приведет. Ну, хорошо, ваше высочество. Вы так этого хотели — что ж, получите. Я шагнула к шкафу. Выдвинула один из нижних ящиков и, разворошив старые полотенца, извлекла оттуда вторую туфельку, точно такую же, как та, которую принц держал в руках. Ну, только, разумеется, правую, раз уж он настаивает на такой точности. Не произнося ни слова, я скинула свои поношенные башмаки, обула туфельку, забрала у него из рук вторую и обула и ее. Ясное дело, обе туфельки подошли. Поджав губы и глядя ему в глаза не слишком ласковым взглядом, я уверенным движением повернула кольцо, надетое на указательный палец. Белоснежное платье, вуаль, макияж, прическа — все это мгновенно возникло из ниоткуда, заставив принца от неожиданности отступить на шаг назад. Впрочем, самообладание быстро к нему возвратилось, чего нельзя сказать о благодущии. Какое-то время мы так и стояли на месте, словно после бурной ссоры, сжав зубы, часто дыша, сверля друг друга жесткими, свирепыми взглядами.

Неизвестно, как долго бы это продолжалось и что бы из всего этого вышло, если бы посреди кухни, как всегда внезапно, не возникла фея. Признаюсь, поначалу ее появление очень меня обрадовало. Всегда приятно разделить свою вину с кем-нибудь еще. Или вообще указать на нее пальцем и закричать: «Это все она, а я тут ни при чем, я вообще случайно мимо проходила!» Беда в том, что в этом случае я серьезно рисковала закончить свою не совсем еще лишенную радостей жизнь в облике жабы или плакучей ивы на каком-нибудь неизвестном берегу, а такая перспектива не слишком мне улыбалась. А если серьезно, то я действительно рассчитывала, что на этот раз, после всех тех случаев, когда она так и не приходила мне на выручку, фея все-таки поможет справиться со сложившейся ситуацией, и спокойно объяснит принцу, как все было на самом деле. Поэтому поначалу ее появление меня более чем обрадовало. Как же быстро искра надежды исчезла из моих глаз!

— Что ты наделал, принц? — замогильным голосом провила фея, слегка покачиваясь в воздухе из стороны в сторону. — Зачем поспешил? Зачем заставил Золушку открыться раньше срока? — Мы с принцем с одинаковым удивлением следили за ее речами. — Еще три дня и три ночи оставалось тебе подождать, и тогда она открылась бы тебе сама, и были бы вы счастливы до конца дней своих. А теперь придется вам расстаться надолго и немало страданий изведать. Ищи ее теперь в Тридевятиом королевстве, в самой глубокой темнице злобного короля!

Не успела я возразить, что не хочу ни в какую темницу и вообще поинтересоваться, что за бред она несет, как мир вокруг меня закружился, я зажмурилась, а, открыв глаза, обнаружила, что нахожусь совсем в другом месте.

Я в ужасе огляделась, мысленно формулируя свое отношение к выходке феи в крайне нецензурных выражениях, поскольку цензурные попросту не смогли бы верным образом передать всю глубину моих эмоций. Многого увидеть мне не удалось. Я сидела на небольшом участке земли, со всех сторон окруженном высокими раскидистыми деревьями. Впрочем, навряд ли это место было частью особенно густого леса: слишком уж много солнечного света проникало сквозь золотисто-зеленую листву и переплетающиеся ветви. Хорошо хоть, что не темница. И то, небось, только за счет того, что фея молода и неопытна и оттого что-то неправильно рассчитала. Однако веселого все равно было мало. Неужели я действительно попала в Тридевятиое королевство? На лбу стал медленно выступать холодный пот. Что же я

буду делать? Как отсюда выбираться? Языка я не знаю (злополучное слово «синдер», использованное мной для фальшивого имени, всплыло совершенно случайно, услышанное когда-то давно), документов у меня нет, денег тоже, да и продуктами питания я, ясное дело, в дорогу не запаслась, хоть и отправилась в путь прямо с кухни. М-да, положение незавидное, так и в настоящую темницу угодить недолго. Пожалуй, фея не так уж сильно и напутала... Интересно, нельзя ли как-нибудь продать это белоснежное платье, исхитрившись снять его и лишь после этого повернуть кольцо, возвращая мою привычную одежду? Я уже начала прикидывать, как такое можно повернуть, когда в душу стали закрадываться смутные сомнения. Уж очень похожим показался мне силуэт роскошной ивы, огораживавшей с севера тот маленький мирок, в котором я очутилась. Я поспешно поднялась на ноги, не забывая при этом повернуть кольцо в исходное положение: опыт учил меня, что в незнакомой ситуации лучше сперва оставаться как можно более незаметной. Еще продираясь сквозь никак не желающие разойтись в стороны ветви, я убедилась в правильности своей догадки. Ива росла на берегу небольшого озера овальной формы, и озеро это было мне хорошо знакомо, поскольку находилось всего в нескольких минутах ходьбы от моего дома. Кажется, фея просто-напросто решила пошутить, но наше с ней представление о чувстве юмора явно не совпадало.

Испытывая чувство облегчения и раздражения одновременно, я махнула на все рукой и направилась к дому. Еще недавно мысль о том, чтобы заявиться туда, казалась невыносимой; теперь же мне было все равно. Вчерашняя неразрешимая проблема сейчас отчего-то казалась ерундой. На пороге меня встретила Стела, и отнюдь не с распростертыми объятиями. Она уже открыла было рот, чтобы разом высказать все, что думает о моем появлении, но, как видно, выражение «Не влезай — убьет» уж очень явственно читалось у меня на лице, и в последний момент она благоразумно посторонилась. Не задерживаясь у входа, я прошла к себе в комнату и захлопнула за собой дверь.

...Фея появилась минут пятнадцать спустя и, как обычно, уселась в воздухе, самозабвенно раскачивая ножками. Устало поднявшись с кровати, я сделала вид, будто оглядываюсь в поисках предмета, которым можно было бы в нее запустить. Гнев, вызванный вынужденным путешествием сквозь пространство, давно уже утих, но надо же было как-то выразить свое отношение к подобным спектаклям.

— Все равно промахнешься, — заметила фея, ничуть не обидевшись, а наоборот, наблюдая за мной с живым интересом.

Проверять я не стала. Раз говорит, что промахнусь, значит, скорее всего, так и будет. Пожав плечами, я снова опустилась на кровать.

— Нервная ты стала, Золушка, — глубокомысленно заметила она, склонив голову набок. — Замуж тебе надо.

Моя рука на этот раз всерьез потянулась к отсутствующей, к сожалению, сковородке. Это она меня упрекает в нервности, после всего, что сама же тут натворила?

— За кого? — мрачно поинтересовалась я. Это был провокационный вопрос. Пусть только предложит кого-нибудь вроде вечно непросыхающего дворника Ганса — голыми руками задущу.

— Это мы обсудим чуть позже, — дипломатично выкрутилась фея. Я разочарованно вздохнула.

— Зачем ты все это устроила? — устало спросила я.

— Надо же было как-то вас разнять! Вы были готовы разорвать друг друга на куски.

С этим поспорить и вправду было трудно.

— Но при чем тут Тридевятое королевство? И их несчастный король? Наверное, впервые в жизни он оказался не замешан в том, в чем его обвиняют... — Новая мысль внезапно пришла мне в голову. Не просто потихоньку вошла, аккуратно пристроившись в уголке, как делают все интеллигентные мысли, а ворвалась вихрем, толкнув дверь ногой и разметав всех своих конкурентов в стороны. Я почувствовала, как волосы у меня на голове встают дыбом. — А что если на минуту предположить, что я все-таки принцу небезразлична?

— Зачем предполагать на минуту? — довольно улыбнулась фея. — Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Но ведь тогда, если он принял твои слова за чистую монету... он ведь и правда отправится в Тридевятое королевство?

— Вполне вероятно.

— Он даже может объявить им войну?!

— Может. А что в этом плохого? С Тридевятым королевством и так давно пора было разобраться. А теперь появился дополнительный повод, который подтолкнет принца к действию. Вторгнувшись в страну и не обнаружив тебя в темнице, он извинится перед королем, они выпьют мировую, и все будет в порядке.

Видимо, мое лицо из белого начало становиться зеленым, потому что фея все же запоздало сжалилась надо мной и призналась:

— Да шучу я, шучу, успокойся! Я только что от него.

— От кого? — тупо переспросила я.

— От дворника Ганса! — фыркнула она.

Я вздрогнула. На лице к мертвенно-бледному фону и зеленым разводам добавились красные пятна на щеках. Неужели феи умеют не только смотреть сквозь стены, но и читать чужие мысли? В сущности такая ли это большая разница? Вот уж воистину есть вещи, о которых лучше не знать, чтобы дожить до старости! Впрочем, может, все и не так печально. Не исключено, что читать мысли феи все же не умеют; просто у них очень сильно развита интуиция. Насколько мне приходилось слышать, для фей интуиция — это не шестое чувство, а первое. Так или иначе, спрашивать об этом я благоразумно не стала.

— И что? — робко поинтересовалась я.

— Я все ему объяснила. Сказала, что с Тридевятым королевством — это была шутка, что тебя я просто отправила домой. Так что война отменяется. Хоть, может быть, и напрасно.

Дверь скрипнула, и на пороге возникла изумленная Стела. Я удивилась немногим меньше сестренки: ведь фея никогда до сих пор не появлялась, если в комнату мог войти кто-то посторонний. В крайнем случае мгновенно исчезала, не оставляя никаких следов своего недавнего пребывания. Теперь же она совершенно спокойно оставалась на месте и выглядела более реальной, чем когда бы то ни было.

— Что здесь происходит? — проговорила Стела, упирая руки в боки с видом хозяйки, полностью контролирующей ситуацию. — С кем это ты тут разговариваешь?

— Ну не с тобой, так точно, — невозмутимо заявила обернувшись к ней фея. — Так почему бы тебе не закрыть дверь с той стороны?

Стела открыла было рот, чтобы что-то ответить, но, видно, слов не нашла и — о чудо! — молча последовала данному ей совету.

— Так вот, я рассказала ему все, как было, — продолжила фея, словно нас и не прерывали. — Так что можешь ни о чем не беспокоиться. Ну а сейчас мне пора. У меня есть одно важное дело.

И прежде, чем я успела спросить хоть что-то еще, она исчезла.

Надолго оставаться дома, кажется, не имело особого смысла. Рано или поздно Стела непременно вернулась бы, чтобы взять реванш, а у меня не было никакого желания с ней цапаться; день и так вышел не из легких. К тому же голова моя гудела от роя неоформившихся мыслей, каждая из которых эгоистично считала себя самой важной и стремилась поскорее занять как можно больше места в моем мозгу. Дабы навести в этом хаосе хотя бы относительный порядок, я решила отправиться на озеро, раз уж именно туда меня еще недавно занесло колдовство феи.

У воды было сыро и зябко, и я поспешила как следует закутаться в платок; однако свежий воздух и прохладный ветер хорошо прочищали мозги. По серой воде бежала мелкая рябь; две упитанные утки чинно проплыли мимо, не обратив на меня ни малейшего внимания. Видать, еще издалека заметили, что ни хлеба, ни другой подходящей еды у меня с собой нет. Густая листва плакучей ивы, склонившей ветви к самой воде, шумно колыхалась на ветру. Несмотря на холод, серость и кажущуюся суровость, природа дарила умиротворенность каждому, кто был готов почувствовать ее размеренное, глубокое дыхание.

Вдохнув воздуха полной грудью, я почувствовала себя лучше. Немного постояла с закрытыми глазами, впитывая звуки и запахи берега. Потом медленно прошлась вдоль кромки воды, вороша ногами опавшие листья. Остановившись, я долго смотрела то на воду, то на проплывающие над ней облака, а затем сняла с пальца медное колечко со змейкой и, размахнувшись, бросила его в озеро. Раздался громкий всплеск; по поверхности побежали круги. Потревоженные утки недовольно замахали крыльями, но взлететь хотя бы на несколько дюймов так и не удосужились. Минуту спустя природа успокоилась, окончательно забыв о маленьком кусочке меди с изображенной на нем змейкой. Где-то на дне он наверняка наполовину зарылся в мягкий мокрый песок.

Я услышала шорох сухой листвы, еще когда он раздавался издали, и точно знала, кто приближается в моем направлении. Не потому, что ожидала его прихода. Просто знала.

Принц остановился в нескольких шагах от меня, а я продолжала молча смотреть на воду. Возможно, мне нечего было сказать, а может, просто не хотелось разрушать словами созданное природой равновесие. Поэтому он заговорил первым.

— Почему ты сразу мне не сказала?

Я сделала глубокий вдох, мысленно прощаясь с душевным равновесием. Неужели ответ на этот вопрос не был очевидным? Похоже, есть вещи, в которых принцы разбираются еще хуже, чем феи. Я обернулась, готовая дать раздраженный ответ, но он смотрел не обиженно и не агрессивно, скорее устало. Я снова вздохнула.

— А что бы это дало? Вы бы только испытали разочарование, узнав, что девушка с бала оказалась поварихой. А так у вас хотя бы оставалась красивая мечта. Их в нашем мире не так уж и много.

— Понятно, — невесело кивнул он. — То есть ты решила сделать выбор за меня. — Он недолго помолчал. — Хорошо, допустим. Будем считать, что это было одноразовое недоразумение. Больше так не делай.

Я удивленно подняла глаза.

— Вы что, по-прежнему хотите, чтобы я воспитывала ваших детей? — нахмурившись, поинтересовалась я.

— А что делать? — насмешливо ответил он. — Не уверен, что это пойдет детям на пользу, но боюсь, этого никак не избежать.

Я смотрела на принца исподлобья, пытаюсь разобраться, как именно следует интерпретировать его слова, но он уже заговорил о другом:

— То кольцо, печатка, которое ты выиграла тогда на пикнике, — оно все еще у тебя?

— А где ж ему быть? — отозвалась я, хорошо понимая, что у меня на пальцах нет теперь ни одного колечка.

— Да мало ли, — усмехнулся он. — Например, ты могла бы его продать.

— Угу, — мрачно буркнула я. — Вместе с белым платьем. Я и туфли хотела загнать, но вы лишили меня такой возможности.

Нащупав спрятанную под платьем цепочку, я вытащила на свет висящее на ней кольцо.

— Если бы я носила его на руке, отбоя бы не было от вопросов. Леди Кларисса сделала вам ценный подарок.

— Прямо не знаю, как я обходился без него все это время, — небрежно кивнул принц. — Но ты была права тогда. Я остался тебе должен кое-что еще.

Я непонимающе подняла брови. Он слегка наклонил голову, его лицо приблизилось к моему... а потом все сомнения, страхи, голос здравого смысла — все развеялось в пыль.

Мы сидели на подстилке из опавших листьев, между корней высокого старого дуба, выбравшихся из-под земли наружу, как это часто бывает недалеко от воды. Правой рукой принц обнимал меня за плечи, но левой нервно постукивал себя по колену: несмотря на общее

ощущение уюта, разговор нельзя было назвать непринужденным.

— Мои родители никогда на это не согласятся, — сказал он, хмуря брови в поисках очередного решения.

— И правильно сделают, — заметила я.

— Я вижу, ты найдешь с ними общий язык, — поддразнил он.

— Угу, есть только одно маленькое препятствие, — мрачно кивнула я.

— А может быть, нам...

— Нет, не поможет.

Увы, время абсолютного счастья оказалось недолгим. Вообще я прихожу к выводу, что если человек абсолютно счастлив, значит, он что-то упускает из виду. Хорошенько покопавшись, всегда можно найти какие-нибудь обстоятельства, проблемы, возможные последствия, вспомнив о которых, он поймет, что несколько погорячился с хорошим настроением. Поэтому и говорят, что дуракам везет. Им везет не больше, чем остальным, просто они искренне верят в свое везение, не загружая голову посторонними мыслями. И в этом умным не мешало бы у них поучиться. Словом, уже с полчаса мы сидели, пытаясь решить одну очевидную проблему: как уговорить родителей принца согласиться на наш брак. Было выдвинуто немало вариантов, каждый из которых оказался отвергнут почти мгновенно, что и неудивительно: задача изначально была поставлена совершенно невыполнимая. Внезапно я почувствовала, как меня осенило: был один (и, по-видимому, единственный) выход из положения, которому никак не могли бы воспрепятствовать король и королева и который совершенно не зависел от чьего-либо социального статуса. Я поспешила поделиться с принцем этим радостным известием.

— А может, просто утопиться?

Судя по выражению его лица, он не оценил мою идею по достоинству, что очень меня обидело.

— Кому из нас? — невозмутимо поинтересовался он.

— Даже не знаю; тут возможны варианты. Видишь, недавно не было ни одного решения, а сейчас их целых три! Может, вместе, взявшись за руки? Сказки со счастливым концом всегда завершаются словами «и умерли в один день». Пожалуй, так было бы романтичнее всего.

— С каких пор ты заделалась романтиком?

— Так, перед смертью...

— У тебя плохо получается; цинизм и язвительность идут тебе намного больше. Что ты так смотришь?

— Думаю, что кому-то давно не наступали на ноги.

— Не советую. На этот раз тебе нечем будет откупиться.

— Ты дал мне право по собственному усмотрению наступать на любые ноги в королевстве!

— За исключением моих.

— Такого сказано не было!

— Может, ты и матушке моей рискнешь наступить на любимую мозоль?

Ну вот. Разом испортил все настроение.

— Боюсь, что уже наступила, — потупилась я.

— Так все-таки, что мы будем делать с моими родителями?

Кажется, разговор был готов пойти по второму кругу.

— Уговорила я твоих родителей, — раздался чей-то утомленный голос.

Подавшись вперед, мы с открытыми ртами уставились на говорившую.

Я с изумлением взирала на женщину лет тридцати пяти, одетую в длинное светлое платье, строгое, но в то же время свободное. Женщина висела в воздухе дюймах в тридцати над землей и сосредоточенно изучала собственные ногти, точнее говоря — безупречный на вид маникюр. И, несмотря на то, что она была совсем другого возраста, иначе себя держала и была по-другому одета, не оставалось ни малейшего сомнения в том, что это и была та самая фея, которая являлась мне последние несколько месяцев, подарила серебристые туфельки и неоднократно уверяла в собственной молодости и неопытности.

— Ох, и намаялась же я с ними! — заметила она, по-видимому, оставшись довольна собственным маникюром и, наконец, поднимая на нас глаза. — Существуют вопросы, в которых люди проявляют удивительное упрямство. Даже собственные ошибки отстаивают с таким рвением, будто речь идет о жизни и смерти. Вот ты можешь мне объяснить, почему так? — Она отчего-то посмотрела именно на меня.

— Не знаю, но непременно подумаю на досуге. — Вступать в длительные философские дискуссии не хотелось; в данный момент меня значительно сильнее интересовали конкретные факты, о которых она могла, но не торопилась, сообщить. К тому же я никак не могла избавиться от ощущения, что в вопросе сквозил какой-то подвох. Уж очень умный взгляд был у этой повзрослевшей феи, которую и в предыдущей ее ипостаси я никогда не назвала бы дурочкой. — Может быть, потому что без наших ошибок мы бы не были собой?

— Но я ведь не предлагаю перечеркнуть сделанные ошибки! — воскликнула она так, будто расставить все точки над «и» в данном вопросе было жизненно важно. — Я предлагаю всего лишь идти дальше. А это предложение отчего-то встречает порой самое яростное сопротивление. Вот и сейчас. Нет, король еще ничего, с ним как раз договориться оказалось довольно просто. А вот с матушкой его высочества пришлось повозиться... Но, впрочем, неудивительно, что королева более трепетно относится к вопросам наследования престола, ведь она не получила корону по праву рождения; ей пришлось всего добиваться самой.

— Всего лишь выйдя замуж за моего отца, — пожал плечами принц.

— А ты думаешь, легко было выйти замуж за твоего отца? — хмыкнула фея. — Не намного легче, чем за тебя.

— А что же король, не так сильно возражал? — робко спросила я.

— Да нет, по-моему, ему даже понравилась оригинальность идеи. Надо было, конечно, немного повозражать для вида, но он не слишком в этом усердствовал. Пожалуй, по-настоящему его смущало только одно.

— Что же? — спросила я с замиранием сердца.

— Что после того, как кухарка выйдет замуж за его сына, еда во дворце не будет более такой же вкусной, как прежде.

— Я могла бы временами спускаться на кухню и что-нибудь готовить, — заметила я, испытывая чувство глубокого облегчения.

— Обязательно сообщи ему об этом при случае, — улыбнулась фея, — это его обрадует.

— Но неужели в остальном его не смутил тот факт, что на троне рано или поздно может оказаться кухарка? — Возможно, подобным образом ставить вопрос ребром было с моей стороны неблагоприятно, но я не удержалась.

— А что тут такого? — пожала плечами фея. — Кухарка должна уметь управлять государством.

— С чего ты взяла?

— Не важно, не хочу забивать вам голову деталями, — отмахнулась она.

— Но, так или иначе, в конце концов, их величества согласились?

— Конечно.

— Как вам это удалось? — вмешался принц. Уверенность тона феи его не убеждала, скорее, сбивала с толку. — Мы сами пересмотрели множество вариантов, и я готов дать голову на отсечение, что ни один из них не заставил бы мою мать изменить свое мнение!

— Ну, — слегка поморщилась фея, — сказать по правде, мне пришлось пойти на одно маленькое жульничество.

— Какое? — спросили мы хором. Не то чтобы мы были против маленького жульничества. Просто не могли понять, что за жульничество могло привести к столь неожиданным результатам.

— Я сказала, что у Золушки в роду были феи. А это, как известно, серьезно повышает социальный статус.

— Какие феи? — изумилась я, лихорадочно перебирая в памяти всех своих предков. Подходящих кандидатур не находилось. Вот разве что мачеха вполне могла бы сойти за ведьму, но мы ведь с ней не состоим в прямом родстве, да и не знаю, повысит ли такое мой статус... — Кто же? — не выдержала я, наконец.

— Да какая разница? — пожалала плечами она. — Сама придумай.

Я перевела удивленный взгляд с феи на принца и обратно.

— И что же, король и королева тебе поверили?!

— Разумеется, поверили! — Кажется, она начинала сердиться. — А ты как думаешь? Сама посуди: если тебе является фея и сообщает, что у знакомого ей человека в роду также были феи, ты поверишь или нет? Конечно же, поверишь!

В общем-то, звучало вполне убедительно.

— Выходит, все проблемы решены?

— Все, кроме одной, — поправила меня фея. — Не пойдешь же ты во дворец в таком виде?

Недоумевающее оглядев свое платье, я хотела было ответить, что проходила во дворец в таком виде более двух лет, но вовремя прикусила язык.

— Я вижу, ты избавилась от моего кольца, — укоризненно покачала головой фея.

Я почувствовала легкий укол вины и уже собиралась начать оправдываться, но фея разжала кулак, и я увидела, как у нее на ладони поблескивает в солнечных лучах колечко, столь недавно оставившее круги на поверхности озера.

— Впрочем, отчасти ты права: больше оно тебе не понадобится. Но сейчас-то, согласись, надо бы одеться поприличнее.

Фея взмахнула волшебной палочкой, неведомо откуда появившейся у нее в руке (кольцо таким же странным образом исчезло неведомо куда). Я почувствовала уже знакомое, но слегка забытое головокружение, и старенькое коричневое платье в последний раз исчезло, уступив место белой воздушной ткани, жемчугу и кружевам. Внимательно оглядев меня с ног до головы, фея улыбнулась и удовлетворенно кивнула.

— Вот так гораздо лучше.

— А в котором часу платье исчезнет на этот раз? — спросила я. — Снова в полночь?

— Не беспокойся, оно не исчезнет вообще, — заверила меня фея.

— Постой-ка! — воскликнула я. — Выходит, тогда, в день бала, оно тоже могло бы не исчезать в двенадцать ночи? Ты с самого начала могла просто подарить мне это платье так же, как туфельки — без всяких временных ограничений и волшебных колец?

Фея лишь многозначительно улыбнулась. До того многозначительно, что мне очень захотелось зашвырнуть в нее чем-нибудь тяжелым. Но я благоразумно не стала этого делать. Уж если она умудрилась сделать мою жизнь настолько невыносимой, относясь ко мне благосклонно, что могло бы произойти, если бы она всерьез рассердилась? Махнув рукой на все прошлые передраги, я уселась на берегу и стала размышлять, что бы такого вкусенького приготовить для моего будущего свекра.

— Кай! КАААЙ! Ты можешь мне помочь?

Кай выбежал из мастерской в горницу и застыл с выражением недоверия и ужаса на лице. Картина, представшая его взору, действительно была достойна кисти художника (каковую он, кстати, как раз держал в руке). У бревенчатой стены возвышалась хлипкая, неровная конструкция, состоявшая из перевернутого вверх дном ведра, пары старых досок, низенькой скамеечки для ног, плотной диванной подушки и крышки давно поломанного сундука. На этом своеобразном пьедестале балансировала я, с молотком в одной руке и холстом в другой. Гвоздь, зараза, выпал из моих сжатых губ и теперь закатился под стол.

— Подай, пожалуйста! — взмолилась я, указывая взглядом на искомый предмет. — А то я если отсюда слезу, второй раз уже не заберусь.

— Да как тебя вообще угораздило?! Спускайся оттуда немедленно!

— Гвоздь дай!

Я, во всех смыслах слова, стояла на своем. Кай, судя по выражению лица, мысленно ругаясь, все-таки выполнил мою просьбу.

Я благополучно пристроила на стене картину и, удостоверившись в том, что она висит ровно, попыталась слезть на пол. Такого обращения конструкция, и без того державшаяся на честном слове, уже не вынесла, и я упала. Прямо на руки готового к такому повороту Каю.

— Ты чего меня не позвала? — возмугился он, когда вещи, из которых я составила пирамиду, перестали катиться в разные стороны и стих сопутствовавший этому грохот.

— Хотела сделать сюрприз.

— Сделала, — мрачно попеняли мне. — А лестницу взять не догадалась?

— Так ее Бранд вчера одолжил, они крышу сарая чинят, — объяснила я.

— Нашли тоже время! — пробурчал Кай. — Мороз такой, того и гляди, в сосульку превратишься.

— Ну что ж поделать, если щель появилась?

— Осенью надо было внимательнее смотреть. Ладно. — Он махнул рукой, сменяя гнев на милость. — Так что там за сюрприз?

— Вот, смотри!

Я кивнула на украшавшую стену картину.

Кай широко улыбнулся.

— Здорово!

— Да ладно. — Я смущенно опустила глаза.

Все-таки некоторые люди обладают невероятной шириной души. Сам Кай рисует в тысячу раз лучше меня. Но при этом способен разглядеть в работе непрофессионала нечто хорошее, не обращая внимание на очевидные художественные недостатки.

— Мне правда нравится. — Он приобнял меня за плечи. — Она такая летняя. Поднимает настроение в эту погоду.

Я кивнула: именно такой и была моя цель. И тоже поглядела на картину. Насыщенно-синее небо без единого облака принимало чуть более блеклый оттенок лишь рядом с желтым солнечным кругом. Ниже густо колосилась ярко-зеленая трава.

Полная противоположность тому, что мы день за днем наблюдали за окном. Низкое, давящее, серое небо, тучи, за которыми солнце лишь смутно угадывалось. Сосульки, сугробы, а зачастую — такая метель, в какую даже собственную вытянутую руку толком не разглядишь.

Сейчас, при распахнутых ставнях, было видно, как кружат снаружи снежинки. Я вздрогнула: вдруг показалось, что с той стороны на меня смотрит пара нечеловеческих глаз.

— Поговаривают, что это глобальное похолодание, — проговорила я, с трудом отводя взгляд от окна. — Будто Снежный король набирает силу. Но, если честно, я не очень верю в теории заговора. Сколько себя помню, зима всегда была такой суровой. Мы просто слишком близко живем к Ледяным горам.

— Насчет Снежного короля я тоже сомневаюсь, — хмыкнул Кай. — Но что до похолодания... Моя бабушка рассказывала: когда ей было столько же лет, сколько нам сейчас, зима начиналась в декабре, а заканчивалась в последние дни февраля. Не как теперь — с октября по апрель. А ее бабка вроде бы говорила, что в прежние времена и снег-то выпадал только изредка, и люди радовались ему, как чуду. Но это сказки, наверное, так ведь не бывает.

— Сказки, — согласилась я.

За окном по-прежнему танцевали снежинки. Никаких глаз. Кажется, пора меньше времени посвящать рисованию. Оно слишком сильно развивает воображение. А большого художника из меня все равно не получится.

— Я в мастерскую, — объявил Кай, подхватывая успевшую подсохнуть кисть. — Выставка скоро, могу не успеть. Ладно?

— Конечно, — кивнула я, все еще пребывая в состоянии легкого транса.

Он ушел, а я принялась раскладывать по местам предметы, из которых прежде смастерила свою «пирамиду». Доски поближе к печи, их можно пустить на растопку. Нашими зимами древесина лишней не бывает. Кастриюлю надо будет помыть. Скамеечку — тоже поближе к печке, с нее легче забираться вверх, чтобы погреться.

Впрочем, провести много времени в гордом одиночестве мне не довелось. Из соседней комнаты высунулась лохматая морда Найка, которого Кай подобрал когда-то неуклюжим щенком с длинными лапами, и который успел с тех пор вырасти в здоровенную псину. Взгляд зверя был просительным и даже укоризненным. И я поняла, что без прогулки никак не обойтись.

— Кай, Найк на улицу просится! — крикнула я. — Я с ним выйду, хорошо?

— Сможешь? — донеслось в ответ. — Я бы тут пока все закончил.

— Конечно!

Я уже надевала перчатки. Затем полшубок: теплые брюки и так были на мне, а для короткой прогулки большего и не требовалось. Ах, да, еще, конечно, шапка.

— Мы пошли! — предупредила я, уже открывая дверь в сени.

Ветер завывал, и тут же принялся кусать ледяными зубами незащищенное лицо. Я повыше натянула ворот свитера. Найк, наоборот, веселился и радовался зимней погоде — еще бы, с его-то шерстью! — и бегал туда-сюда, ловя носом падающие с неба снежинки. Одним словом, все было привычно и в целом хорошо до тех пор, пока в поле нашего зрения не появился крупный белый кот.

Первым его учуял Найк. Честно говоря, я бы и не заметила зверя такого цвета на фоне давно примелькавшихся сугробов. Пес залаял, поводок натянулся. Кот (как минимум, именно по кошачьи он выглядел, хотя для этого домашнего животного был, можно сказать, огромен) зыркнул ярко-зелеными глазами, очень похожими на те, что примерещились мне давеча за окном, и побежал. Мой подопечный ринулся за ним. Никакие окрики, попытки остановиться или хотя бы замедлить бег не помогли. В Найке добрых сорок килограммов. Обычно он ведет себя спокойно и дружелюбно, но уж если по-настоящему чего-то захочет, силой его не удержать.

Какое-то время я мчалась за ним, беспрестанно рискуя поскользнуться и прорыть носом тонкий слой свежих снежинок, но настал момент, когда поводок все-таки вырвался из руки.

Теперь мы продвигались своеобразной колонной: впереди бежал странный кот, за ним мчался заходящийся лаем Найк, а замыкала это безобразие я, готовая сыпать ругательствами, но опасавшаяся, что в такой мороз они могут моментально обрести материальную форму.

К счастью, долго это не продлилось. Сделав круг, мы почти вернулись к нашему дому, когда кот внезапно вспомнил, что у него по сравнению с преследователем есть однозначное преимущество: он умеет лазить по деревьям. Этим беглец и воспользовался, ловко

взобравшись по стволу старого дуба. Пес резко затормозил, каким-то чудом не врезавшись в дерево, и принялся гавкать пуце прежнего, я бы сказала, уже на грани своих возможностей. Тут подоспела и я, схватила поводок и увела домой Найка, упирающегося, но уже не такого одержимого, как в пылу погони.

Оставив пса в горнице, я все-таки решила проверить, как чувствует себя бедное загнанное животное. Теплилась надежда, что кот воспользовался моментом и удрал восвояси. Увы: так просто история не закончилась. Выйдя на улицу, я тут же услышала надрывное жалобное мяуканье. Стремясь уйти от погони, зверь забрался на ветку, и теперь вцепился в нее, тоскливо поглядывая вниз.

— Иди сюда! Ну же! Давай, я подстрахую!

Мои увещевания были тщетны. Кот смотрел несчастными зелеными глазами, вопил на высокой ноте, но больше никаких попыток к собственному спасению не предпринимал.

Я с тоской оглядела дуб. Лестницы под рукой не было, но ее бы в любом случае не хватило. Что ж, если я взобралась на недавнюю пирамиду, справлюсь и с деревом. Благо ветви на вид крепкие и растут достаточно часто. Размяв пальцы, я ухватила за одну из них и поставила ногу на другую...

Если бы стояло лето, взобраться было бы легче легкого. Сейчас, конечно, мешала лишняя одежда и снег, скопившийся на всех более-менее горизонтальных поверхностях. Но я все равно справилась довольно-таки быстро. И уже протянула руку к несчастному коту. Ну, давай, иди сюда, я тебя подхвачу...

Неожиданно задул сильный ветер. Нет, не так. Это был почти ураган, заставивший меня вцепиться в ствол и напрочь забыть про несчастное животное. Впрочем, мяуканья в этой кутерьме тоже не было слышно. Разом закружила метель, не позволяя разглядеть ничего вокруг. А потом — внезапно — в воздухе появились сани.

Белоснежные, будто высеченные из льда. Никем не запряженные. Они просто висели передо мной, не подчиняясь никаким законам физики, совершенно равнодушные к царившему вокруг бедламу, ни разу даже не качнувшиеся под напором бушевавшей стихии. Разве что позволяли снежинкам осесть на жесткой скамье.

Одно мгновение — и в сани вскочил кот. Перепрыгнул через бортик и устроился на полу, свернувшись клубочком, будто у себя дома. От недавнего его беспокойства не осталось и следа. Да и было ли оно, это беспокойство?

Заколдованное средство передвижения висело в воздухе, явно дожидаясь меня. Даже передвинулось чуть ближе к дубу. Но я не такая дура, чтобы добровольно вляпываться в крупные неприятности, а на предмет последнего у меня ни малейших сомнений не возникало. Подумаешь, метель! Не беда, постою немного на дереве в неудобной позе. Ну, неприятно, ну, померзну. Рано или поздно буря стихнет, я спущусь на землю, пойду домой и растоплю печь так, что дышать будет нечем! Нагрею на ней свитер, натяну его на себя, теплый-претеплый, вскипячу воду и напьюсь горячего чая. А кот пусть летит себе, куда пожелает, раз весь из себя такой волшебный...

Но увы, стоило мне так подумать и почти успокоиться, как новый порыв ветра оказался настолько сильным, что просто подхватил меня и, несмотря на все мои бесплодные попытки удержаться, закинул в сани. После чего они мгновенно тронулись с места. Как будто всего этого было недостаточно, мне что-то попало в глаз, и я принялась отчаянно его тереть, второй рукой инстинктивно вцепившись в край саней, чтобы не вылететь вниз, хотя, возможно, в моем положении именно это и было бы наилучшим выходом... Я лишь успела услышать крик Кая «Герда!!!», донесшийся откуда-то снизу, да разглядеть среди мельтешащих снежинок выходящий над нашей трубой дымок. А потом все затерялось в безумном белом вихре...

Я стояла посреди огромного ледяного зала, торжественного и одновременно мрачного, невзирая на светлые тона. Здесь не было ни деревянных, ни каменных стен, ни обычной мебели. Все было создано из льда или, во всяком случае, такое складывалось впечатление. Из него были высечены стулья и диван. Из него же сложены мертвый камин, словно в насмешку над этим предметом интерьера, изначально призванным дарить тепло. Люстры и канделябры заменяли изящного вида сосульки, а потолок вместо обыкновенных для замков фресок украшал цветочный узор инея.

Я видела все будто в тумане, но хорошо помнила, как сюда попала. Сперва заколдованные сани набрали высоту, а затем начали потихоньку спускаться, едва впереди замаячили горные вершины, укрытые белыми шапками. Именно среди этих гор и возвышался замок, сам во многом напомилавший замерзшую неприступную скалу. Сюда-то мы и направились, и сани сами доставили меня в зал, где я сейчас пребывала в полном одиночестве. Даже кот пропал неизвестно куда.

Поморгала, в очередной раз потеряла многострадальный глаз. Избавиться от соринки не удалось, но она уже как минимум не так тревожила: похоже, я просто начинала к ней привыкать. Повнимательнее осмотрелась. Не может же быть, чтобы все здесь действительно было изо льда? Это какой-то обман зрения, морок, или просто искусная стилизация. Иначе какая здесь должна быть температура? А мне ведь ни капельки не холодно.

Я сняла перчатку, не испытав при этом ни малейшего чувства дискомфорта, и коснулась ближайшей стены. Провела пальцем по спинке стула, дотронулась до изголовья кровати. Ощущения обжигающего холода не было, тепла — тоже. Твердо — это единственное, что я могла сказать. Так лед или нет? Если и да, то таять от контакта с теплым человеческим телом он явно не собирался. Я озадаченно посмотрела на свои руки.

В этот момент мое одиночество было нарушено. В зал шумно, печатая шаг, вошел человек. Вернее, тот, кто внешним обликом походил на человека. Но я-то сразу поняла, кто предстал передо мной, хоть никогда прежде и не сомневалась в его мифической природе. Снежный король был высок и крепко сложен, его серебристые волосы, ничуть не напомилавшие седину, струились по плечам замерзшими ручейками. Мне даже показалось, что они тонко позвякивают при ходьбе. Кожа лица была необыкновенно бледной, румянец начисто отсутствовал, и чувство дисгармонии вносили только глаза: темно-карие, живые. Впрочем, и они взирали несколько отстраненно. Камзол имел стальной оттенок, и непонятно было, изготовлен ли он из ледяных пластин или обычной ткани. То же можно было сказать и о белоснежной рубашке, манжеты которой выглядывали из-под рукавов камзола. Лен, лед или даже переплетение снежинок?

— Кто это? И где мой новый ученик? — резко спросил король.

Слова были адресованы явно не мне, и я принялась осматриваться в поисках третьего участника событий. Им оказался не кто иной, как давешний большущий белый кот. Я не сразу заметила, что он прошмыгнул в зал следом за хозяином.

Зверь со значением посмотрел на меня, потом подошел поближе, видимо, побоявшись, что выразительного взгляда в качестве ответа на поставленный вопрос может не хватить.

— Кто? — в голосе короля зазвенела сталь, но гнев был направлен не на меня, и это радовало. — Она? Я отправил тебя за учеником, а ты привез девчонку?!

Кот подошел еще ближе ко мне, затем прогнул спину, вытянул передние лапы и прошелся когтями по ледяной поверхности. Сколь ни удивительно, но на полу после этого не осталось ни царапины. Зверь же уселся, подтянув поближе свой пушистый хвост.

— Я жду ответа, — требовательно напомнил король, и ни малейшего чувства умиления в его тоне не читалось. Только угроза.

— Ты велел привезти того, кто влезет на дерево, я и привез, — сказал кот.

Да-да, именно сказал! Я в изумлении уставилась на зверя, только теперь осознавая, что хозяин требовал от него ответа в самом что ни на есть буквальном смысле.

Король нехорошо прищурился.

— И ты не понял, что речь идет о мужчине?

Кот сел, приподнял лапу и пару раз лизнул себя в совершенно неприличном месте, всем своим видом давая понять, что его нисколько не пугают ни суровый вид, ни угрожающие интонации.

— Можно подумать, вы, люди, сильно разбираетесь, кота увидели или кошку. Вот и мне, знаешь ли, что мужчина, что женщина...

— Ты ври, да не завирайся! — рявкнул король. — Лучше помолчи, пока я тебя самого в кошку не превратил!

— Это некорректно! — Кот подскочил на четыре лапы и на всякий случай отодвинулся

подальше от хозяина, мне за спину. И уже оттуда продолжил: — Издевательство над животными! Куда только смотрят зеленые?

— У меня здесь зеленые только ели. И те укрыты снегом по самые макушки. Уйди с глаз моих долой!

Зверь не стал мешкать и бесшумно растворился за дверью.

Король сцепил пальцы и с минуту молчал, о чем-то раздумывая. За это время и у меня в голове успело прокрутиться множество мыслей. Например, о том, что говорящий кот почему-то обращается к своему хозяину на «ты», хотя логичнее, казалось, было бы на «вы». А с другой стороны, откуда мне знать, как логичнее? Я ведь никогда прежде не видела говорящих животных. А еще я думала о том, что самого короля в разговоре практически называли человеком, и это было странно. Разве же он человек? Ну, и, наконец, плохо, что зверек убежал, и мы остались с этим пугающим мужчиной, к какому бы виду он ни принадлежал, один на один...

Именно в этот момент хозяин замка словно вспомнил о моем присутствии. Посмотрел на меня в упор, прямо в глаза, холодным, твердым взглядом, в котором можно было различить намек на неудовольствие.

— Будешь моей ученицей, — объявил он, чем совершенно меня шокировал.

Я-то пребывала в наивном заблуждении, что принимать на эту роль особу немужского пола король не собирается. Но он продолжал, одновременно требовательно и отстраненно:

— Ночевать станешь здесь. Обучение начнется завтра, с рассветом. Этажом ниже, в третьем крыле. Дорогу тебе покажут.

Сказал — и ушел. Исчез так внезапно, что я не успела выйти из ступора, наведенного его словами. И потому даже не заявила, что не желаю оставаться в этой ледяной крепости. Что хочу немедленно вернуться домой, туда, откуда меня таким возмутительным способом забрали. К Каю, Найку и разоженной печи. А я уверена: она всегда будет разожжена к моему приходу. И пламя будет тихонько, уютно трещать. Я не сообщила королю, что не стану учиться у него чему бы то ни было. Кстати, о каком предмете вообще идет речь?

Что ж, кажется, с любыми моими замечаниями, протестами и вопросами придется подождать до завтра.

Я устало шагнула к кровати. Хотя как можно спать, по сути, на ледяной глыбе? Но полный необычных событий день так утомил меня, что я готова была попробовать. Аккуратно присев, я не ощутила ни холода, ни жесткости. Наоборот, мягкость и удобство подушки придавали белым одеялам, сотканным, по моему впечатлению, из снега. Будто множество крохотных снежинок соединили вместе искусной рукой, создавая уютную постель, красиво расшитую ином.

Я очень осторожно провела рукой над одеялом, так похожим на пуховое. И дернулась, обратив внимание на подушку. На ней самым наглым образом разлегался... ну конечно, кто же еще это мог быть? Наш давешний кот.

— Брысь! — Я решительно указала незваному гостю на пол.

Кот посмотрел на меня с напускным укором, тоскливо вздохнул и перебрался... на изножье. Где и устроился с максимальным комфортом, недвусмысленно давая понять, что слезать с удобной кровати не собирается.

Я гневно сжала губы, но сочла, что на данный момент такой капитуляции будет вполне достаточно: мне ведь и самой хотелось вытянуть из зверя хоть какую-то информацию, а для этого он должен был оставаться поблизости.

— Зачем ты меня сюда притащил? — сердито спросила я.

В зеленых глазах на миг почудилось искреннее сожаление.

— Работа у меня такая, — объяснил кот.

— Ну да, работа виновата, а ты ни при чем, — проворчала я. — Знаешь что, этот номер у тебя не пройдет. Не пытайся доказать, будто весь из себя белый и пушистый. То есть... ты, конечно, белый и пушистый, — вынужденно признала я, — но не в том смысле, который я имею в виду.

— Мур. — Никакого особого значения у этого звука не было, не считая разве что стремления настроить меня на более позитивный лад. — Не будь такой сердитой. Я правда тебе не враг. Кстати, разреши представиться: снежный Барсик.

— Снежный барс? — удивилась я, приглядываясь к этому существу, совершенно не пятнистому и, несмотря на внушительный размер, все же не настолько огромному. — Я думала, ты — кот.

— Я — кот. Но снежный. И зовут меня Барсик.

— Ах, в этом смысле.

Я провела рукой по лбу, отвела за ухо растрепавшиеся волосы, и лишь затем, заметив, что на меня продолжают смотреть выжидающе, сообразила представиться:

— Герда. И куда ты меня заманил, снежный Барсик?

— Где мы находимся, ты и сама знаешь. Если есть вопросы, задавай, постараюсь ответить.

Вопросы у меня имелись, и в немалых количествах.

— Кто твой хозяин?

— Да ты его видела. Снежный король.

— Это понятно, но кто он такой?

— Мяу... — задумчиво протянул кот. — Ты о стихиях что-нибудь знаешь?

Я передернула плечами. Никогда особо не интересовалась этой темой.

— Ну так, в рамках школьной программы. Основных стихий четыре: земля, воздух, вода, огонь. Они не живые, но и не мертвые. Появились прежде, чем были созданы растения, звери и люди, и останутся после того, как все мы исчезнем с лица земли, — более-менее процитировала учебник я.

— Они живые, — протянул кот, — очень даже живые. Но не в таком смысле, в каком вы привыкли об этом думать. Это не дяди и не тети, прячущие обычный человеческий мозг под колдовской оболочкой. Они совершенно иные. Чувствуют по-другому, думают по-другому... Собственно, они и не думают, в обычном понимании этого слова. Но желания или, скажем так, стремления у них есть, и связаны напрямую с их сутью. Ты правильно сказала: четыре стихии — основные, но есть и другие, вторичные, родившиеся из переплетения первостепенных. Или как-то с ними взаимодействующие. Стихия Хлада, например.

Последние слова он произнес совершенно буднично, а взгляд был пристальный, пронзительный. Можно подумать, я бы сама не поняла, что про холод речь зашла не просто так, примера ради.

— Хлад работает с тремя стихиями из четырех. Превращает воду в лед, сплетает из воздуха северный ветер и промораживает земляной покров. А вот с огнем он не дружит, у них взаимодействия не получается.

— А цель у него какая? — любопытствовала я.

Следовало отдать коту должное: рассказывал он так, что заслушаешься, даром что зверь.

— Цель у всех одна: отвоевать себе как можно больше. На этом противостоянии и держится в мире равновесие.

— Что-то у Хлада в последнее время стало слишком хорошо получаться.

Я поежилась, хотя низкая температура отчего-то не причиняла ни малейших неудобств.

— Так потому что помощники талантливые, — продемонстрировал зубы Барсик.

Вот, честное слово, никогда прежде не видела котиков с улыбками, но была готова отдать руку на отсечение, что в данный момент наблюдала именно это. Правда, улыбка вышла довольно-таки зловещей.

— А помощники стихиям нужны, — продолжал зверь-феномен, — даже необходимы. Слишком они сами по себе бесформенны, и слишком отличаются от нас, а действовать-то, как ни крути,

приходится в мире дышащих и мыслящих. Вот и вербуют они магов, людей, ну, и других всяких тоже.

— Кошек? — едко уточнила я.

— Вот и нет! — возмутился мой собеседник. Деланно или искренне — кто его разберет? — Кошки никогда ни на кого не работают. Я, например, сам по себе. С кем хочу, с тем и дружу.

— Однако же меня похитил, потому что приказали, — охотно напомнила я.

— С кем хочу, с тем и дружу, — упрямо повторил Барсик.

— Разве можно с таким, как он, дружить? — спросила я, не пытаясь, собственно, спорить, а просто выражая таким образом свои впечатления.

— Ой, трудно, тру-у-удно! — моментально подхватил кот, страдальчески округлив глаза.

Я машинально почесала его за ушком, и только тут сообразила, что эта скотина (иначе и не скажешь!) успела подобраться ко мне вплотную и пристроить лапы у меня на коленях!

— А ну, брысь отсюда! — рявкнула я, но сгонять звереныша с кровати все же не стала, удовлетворившись тем, что он отодвинулся подальше, прервав физический контакт. — Ты на мой вопрос, между прочим, так и не ответил! Кто он такой? Жрец стихии Хлада?

— Не жрец. На эту должность своих претендентов хватает. — Зеленые глаза Барсика сверкнули как-то нехорошо, и причина явно не имела отношения к вынужденному перемещению. — Но мыслишь в верном направлении. Он... ну, что-то вроде вассала.

— Несет в мир холод и зиму?

— Работа такая.

— Все-то ты на работу сваливаешь. — Я подозрительно уставилась на кота. — А сам ты кто такой, снежный Барсик? Откуда так хорошо разговаривать умеешь?

— Мама в детстве научила, — огрызнулся кот.

Прижал к голове уши, вильнул хвостом. Плохой признак. Мой вопрос явно пришелся не по вкусу. Ладно, не так уж мне и важен ответ. Любопытство можно приструнить, а других причин для выяснений, в общем-то, и не было.

— Это настоящий лед? — сменила тему я, оглядывая окружающую обстановку.

— Настоящий, — пробурчал кот.

— Но почему мне тогда не холодно?

Вот теперь он взглянул на меня с сочувствием.

— Потому что у тебя в глазу льдинка.

— Льдинка? — переспросила я, машинально принимаясь тереть глаз. Мотнула головой, отвела руку. — Но у меня давно ничего не болит. Она, наверное, уже выпала, ну, или просто растаяла.

— Только не эта, — вздохнул Барсик. — Это необычная льдинка. Скорее кусочек стихии Хлада. Если она кому в глаз попадет, так просто не выпускает. Да ты и сама говоришь, что не замерзаешь. Хотя, замечу по секрету, температура здесь низкая. Мало кому при такой комфортно. Тебя поддерживает Хлад как обладательницу его частички. Мне помогает шерсть. С такой даже самый лютый мороз не страшен. — Он продемонстрировал свою природную белую шубу, каковой несомненно гордился не столько из-за тепла, которое она дарила, сколько из-за ее бесспорной красоты. — А король... на то он и король, чтобы не беспокоиться о таких мелочах.

Я нахмурилась. Складывалось впечатление, что кот опять ушел от темы и чего-то недоговаривает. Для того, чтобы докопаться до истины, следовало правильно сформулировать вопрос, но в этот момент Барсик решил, что хорошего понемножку.

— Однако же я тебя заболтал. А ведь время позднее, и завтра предстоит начать обучение. Лучше тебе сейчас как следует выспаться. Так что я ухожу. Приду завтра утром, чтобы проводить тебя в зал для занятий.

И он сбежал, даже не дав мне возможности высказаться.

Немного поколебавшись, я скинула туфли и забралась под снежное одеяло. Раз уж льдинка так на меня влияет, что лед и мороз мне не страшны, можно воспользоваться этим и хоть немного отдохнуть. А все вопросы решать завтра. Пойду с утра к королю и скажу ему самое главное: что становиться его ученицей не собираюсь. И что намерена уйти отсюда, как только появится такая возможность. Разговор обещал быть непростым, но сейчас у меня не было сил досконально продумывать свою речь, оттачивая аргументы, словно боевое копьё. Я просто закрыла глаза и уснула, едва коснувшись головой подушки, которую не так давно облюбовал говорящий кот.

Сны меня посещали непонятные, тревожные, и непривычно быстро сменявшие друг друга. То я гуляла по зеленой лесной поляне, на которую вдруг, посреди лета, стали падать снежинки. Я пыталась их отогнать, но что толку бороться с явлением природы, пускай даже и аномальным. Пейзаж очень быстро стал полноценно зимним. Затем я снова оказалась в нашем доме. Обрадоваться не успела, потому что увидела, будто со стороны, ссору между мной и Каем. Разобрать слова было невозможно, и я не знала, что именно послужило предметом разногласия. Но в том, что это как-то связано со Снежным королем и льдинкой в моем глазу, сомнений не возникало. А потом в небо снова стал подыматься дымок из нашей трубы. Он все удалялся и удалялся, точнее это меня уносило все дальше и дальше, а в пытавшихся хватиться хоть за что-то ладонях оставалась лишь пустота.

— Ну как ты, готова?

— Почти.

Особых способов приводить себя в порядок в моем распоряжении не имелось. Ни сменной одежды, ни гребня, ни уж тем более каких бы то ни было средств для макияжа. Я ограничилась тем, что слегка разгладила брюки и рубашку, обулась, надела свитер и минимально расчесала волосы пальцами.

— Я должен показать тебе дорогу. А то с непривычки здесь, в замке, недолго заблудиться.

— И что тогда? Здесь есть тайные коридоры, в которых прячутся страшные чудовища? — съязвила я.

Впрочем, услышать ответ все-таки хотелось: а что, если я чересчур оптимистична и, сама того не подозревая, попала в точку.

— Тайные коридоры есть, — сообщил кот, первым проскальзывая в дверь и поджидая, пока я его нагоню. — Но в них никто не прячется. Все чудовища превращаются здесь в ледяные памятники самим себе. Слишком суровые морозы. А те, кто не превращается, ходят спокойно, ни от кого не таясь.

Оставалось только гадать, кого именно он относил к последней категории. Снежного короля? Себя самого? Или кого-то еще, о чьем существовании я пока даже не подозревала?

По дороге меня ожидал приятный сюрприз. Один из фонтанов вопреки всем ожиданиям работал, и я получила возможность напиться, а заодно умыться пусть холодной, но все-таки водой. Как следует насладившись процессом, я подняла голову и хорошенько огляделась. Огромный зал представлялся центральной точкой замка, местом, куда сводились самые разнообразные маршруты. Здесь было немало дверей и две широкие лестницы, вверх и вниз, устланные снежными коврами. Вокруг — заледеневшие скамейки и точно такие же застывшие деревья. Несложно было мысленно вернуть последним колышущиеся на сквозняке листья и представить, как по утрам или вечерам под ними собирается множество людей, чтобы поговорить, посплетничать, или просто посидеть и расслабиться, прислушиваясь к мерному течению воды.

Сейчас ничего этого не было. Пустота и тишина. И никакого движения, не считая нашего с Барсиком, да неожиданного журчания незамерзшей отчего-то воды.

Замок, насколько я могла судить с учетом своего непродолжительного здесь пребывания, был огромным. В целом, для зданий такого класса — ничего удивительного. Но зачем все эти просторы королю, которому вряд ли кто-то составляет компанию, за исключением кота, и который не похож на человека, способного наслаждаться чисто эстетической красотой замороженных комнат и коридоров.

Пока этот вопрос, как и многие другие, оставался без ответа. Меж тем мы с Барсиком спустились на один этаж, открыли очередную дверь и оказались в помещении, без сомнения предназначенном для обучения. Об этом свидетельствовали парты — ледяные, как и все в замке, — и белая доска. Король уже был здесь.

— Сядь, — распорядился он, и я, неожиданно для самой себя, послушно села, хотя собиралась с самого начала потребовать, чтобы меня вернули домой.

— С сегодняшнего дня ты — моя ученица, — объявил хозяин замка.

Говорил он холодно и властно, и я при всем желании не могла понять, какие чувства он в этот момент испытывает. Был ли по-прежнему раздосадован, как вчера? Смирился с неизбежным? Злился на Барсика? Стремился поскорее заняться своими снежными делами, от которых, как на грех, отвлекало мое присутствие?

— Но чему вы станете меня учить? — выразила недоумение я.

— Раздувать метель, замораживать реки, оплетать деревья сетью инея, заносить снегом поля, спускать лавины с гор.

Все это звучало бы пафосно, не будь его голос таким ровным и безразличным.

Я подняла голову и заставила себя посмотреть прямо в холодные, карие (черт возьми, они по всем законам жанра должны быть светло-голубыми!) глаза.

— Я не буду.

Король едва заметно приподнял серебристые, будто тем самым инеем обвитые, брови.

— Я не стану всему этому учиться. Я ненавижу холод. Я не люблю зиму. Я не буду морозить людей, зверей и птиц.

— Ты забыла упомянуть насекомых, — с ледяной насмешкой бросил он. И тут же без всякого сарказма отчеканил: — Тебя никто не спрашивает. Прими как данность. Ты — ученица, через месяц — экзамен. И сдать его — в первую очередь в твоих интересах.

— А если я не справлюсь? — попыталась зайти с другой стороны я.

— Справишься. Голова на плечах у тебя есть, упрямства тоже не занимать. Этого довольно. И не пытайся сбежать.

Я вздрогнула, поскольку в ту самую секунду мою голову посетила именно эта свежая мысль.

— Не знаю, объяснил ли тебе Барс, но осколок в твоем глазу спасает от холода только здесь, в Ледяном замке. Там, — король равнодушно посмотрел на заснеженные просторы, раскинувшиеся, сколько хватало глаз, за аркообразным окном, — ты замерзнешь насмерть, не успев пройти и мили.

Я судорожно сглотнула, мрачно глядя на него исподлобья.

— И все-таки зачем ты полезла на дерево? — задумчиво спросил король.

Это был неожиданный поворот разговора, который, признаться, уже казался законченным. Такая непредсказуемость нервировала, и оттого раздражала, тем более что ответ на озвученный вопрос был, казалось бы, очевиден.

— Вы же знаете: я пыталась помочь коту, — резко отозвалась я, не скрывая своих эмоций. — Я думала, бедная зверюшка нуждается в помощи.

Злость и обида — пожалуй, именно эти чувства я испытывала в тот момент.

— Это я понял. — Хозяин замка не проникся ко мне сочувствием, но насмехаться тоже не собирался. По-моему, если что-то и нарушало его ледяное спокойствие, так это любопытство. Весьма человеческое чувство, кстати сказать, вряд ли доступное стихиям. — Но почему ты полезла сама? Неужели рядом не нашлось подходящего мужчины?

— Ну почему? Мужчина был, — пожала плечами я. — Но зачем отрывать его от других занятий, если я оказалась ближе? Забраться на дуб — не такое уж и сложное дело.

— Но не женское.

— Какая разница? Кто ближе, кто не занят, кто умеет, тот и залезет. Причем тут пол?

— В мое время дамы вели себя иначе, — неодобрительно покачал головой король.

Я повнимательнее к нему присмотрелась. На вид лет тридцать, ну максимум тридцать пять. Но ведь с такими, как он, не поймешь. Может, он не намного моложе самой стихии Хлада?

— В ваше время — это когда?

— Сто лет назад. — Он вдруг нахмурился, словно спохватился, что сболтнул лишнего. — Какое тебе дело? — Это прозвучало грубее, чем его обычная лишенная эмоций речь, что подтверждало мое предположение о допущенной оплошности. — Стало быть, ты не жалеешь о своем поступке?

Я пожала плечами. Плохо, конечно, что все так обернулось, но сказать, чтобы я раскаивалась в собственном стремлении спустить кота на землю, было нельзя.

— В каком-то смысле даже хорошо, что я не стала звать Кая, — честно призналась я. — Иначе здесь бы сейчас оказался он.

— А я думал, тебе здесь не нравится, — заметил король.

Тоже мне завидная проницательность!

— Не нравится, — подтвердила я, в данном конкретном случае не желая следовать правилам этикета. Я, конечно, девушка простая, но сомневаюсь, чтобы подобные правила распространялись на случаи похищения.

— В таком случае не лучше ли было бы, если бы здесь оказался этот Кай, а не ты?

— Не лучше, — огрызнулась я. — Если мне самой что-то не нравится, это не значит, что я желаю того же другим. Тем более близким людям.

— А если я сейчас предложу тебе поменяться? — Карие глаза смотрели пытливо. — Отпущу тебя домой, но взамен здесь должен будет оказаться Кай? Что ты на это скажешь?

Скажу, что от таких предложений мороз пробирает по коже. Неприятно, когда из тайных глубин твоей души клещами пытаются вытянуть все самое страшное, что только может там храниться.

— Нет, — подчеркнуто четко отрезала я, сильно растянув губы, когда произносила гласную. — Уж лучше оставляйте все, как есть.

— Ты странная, — констатировал король. — Но именно как есть все и останется. Осколок уже в твоём глазу, так что мы оба — ты и я — в равной степени поставлены перед фактом. Вот тебе учебник.

Он повел рукой — и в воздухе из ниоткуда появился увесистый том. На обложке золотистыми буквами было выведено название «Книга ледяных заклинаний». Повинуясь королевскому жесту, она плавно опустились на мой стол.

— Твоя задача его прочитать. Это подготовит тебя к экзамену.

Вот как. Стало быть, особенно загружать себя преподавательскими обязанностями он и не собирался. Ты, ученица, работай, а я умываю руки. Я с ненавистью посмотрела на книгу и мысленно дала себе зарок: ни за что, НИ ЗА ЧТО я не буду ее читать. Никогда не стану магом стихии Хлада.

Прошел день, другой. Каждое утро я честно спускалась в класс, но книгу не трогала. Просто просиживала штаны на ледяной скамье или стояла у окна, глядя на заснеженные склоны и тянувшиеся за ними равнины, такие же нетронутые-белые. Сперва я напряженно размышляла, как найти выход из моего положения. Но мысли эти не приносили ничего, кроме расстройства. Куда мне деваться, когда кругом — лишь то, что я имела возможность круглосуточно лицезреть сквозь подернутые инеем стекла? Путешествовать пришлось бы долго, и без специальной экипировки в такой мороз снаружи не выжить, тут приходилось признать справедливость слов короля. Нужна по меньшей мере одежда с магическим подогревом, а в идеале — такая же палатка, да и без лыж будешь с каждым шагом

проваливаться в снег по пояс.

Я, конечно, подумала про сани, которые доставили меня в замок. Логичнее всего вернуться домой тем же способом, каким меня оттуда забрали. Как бы между делом любопытствовала в разговоре с котом, как работают подобные средства передвижения. Барсика, похоже, моя неумелая хитрость нисколько не обманула. Ухмыльнувшись совсем не по-кошачьи, он ответил, что, дескать, сани передвигаются при помощи магии, которой кто-то должен управлять. В прошлый раз это был сам Снежный король. А если я захочу путешествовать самостоятельно, придется сначала пройти местный курс и овладеть колдовством стихии Хлада. Я послушала, покивала и запомнила, но зарываться в рукопись не спешила. Что-то подсказывало (не то интуиция, не то отголоски слышанных в детстве легенд), что, пустив в свою душу ледяную магию, я слишком сильно изменюсь и, быть может, сама уже не захочу возвращаться домой. Уж лучше тосковать, оставаясь собой, чем счастливо жить другим человеком. Да и человеком ли...

В глубине души теплилась надежда, что меня найдет Кай. Ведь он успел увидеть, как я улетала, а, значит, сумеет догадаться, куда меня забрали. И вряд ли спокойно смирится с этим похищением. Возможно, он попытается добраться до ледяных гор. Но это сложно, очень сложно. Настолько сложно, что я старалась заглушать в себе излишне оптимистичные мысли. Зато начала потихоньку бродить по замку, присматриваясь, прислушиваясь, изучая. Снежного короля я при этом всеми силами старалась избегать, а вот кот то и дело присоединялся к моим прогулкам и, похоже, докладывать своему хозяину о непослушании ученицы не спешил.

Замок действительно был огромен. Уму непостижимо, зачем такое огромное пространство одному человеку — а никого, кроме самого Короля, я ни разу здесь не встречала. Барсик не в счет. Круг обойденных мною комнат потихоньку расширялся, и на третий день я приблизилась к очередному залу, расположенному в самом начале правого крыла. То есть слишком близко к центральной части замка, чтобы считать его тайным или запретным, так мне, во всяком случае, казалось.

Заглянув в приоткрытую дверь, я не сразу заметила короля. Но взгляд уловил какое-то шевеление, и я собиралась поспешно удалиться, однако неожиданный круговорот странных событий заставил меня застыть на месте и наблюдать.

В зале стояло высокое прямоугольное зеркало. Оно не казалось неотъемлемой частью интерьера, не висело на стене или дверце шкафа, просто возвышалось посреди комнаты, и я успела удивиться: неужто хозяину замка так нравится рассматривать собственное отражение? Но зеркало внезапно будто покрылось ледяной коркой. Причем этот новый слой невероятным образом сделал его поверхность подвижной. Непрозрачное стекло прогибалось то в одной, то в другой части, время от времени ловя и отражая свет холодных магических ламп, зависших под потолком. Это преобразование не укрылось от внимания так и не заметившего меня короля. Он недовольно нахмурился, но решительно приблизился к зеркалу и остановился непосредственно напротив него, не доходя лишь пары шагов.

Еще несколько секунд — и с той стороны стекла возникло изображение женщины с белыми волосами. Сперва оно колебалось, то и дело немного искажаясь, но вскоре приобрело стабильность, и я смогла разглядеть незнакомку. Она была очень красива. Стройная, грациозная, с бледной кожей и голубыми глазами. В ее теплой и в то же время величественной, расшитой жемчугом одежде преобладал белый цвет, разбавлявшийся стальным серым и серебристым. Волосы, такие же неестественно светлые, как у хозяина замка, были тщательно уложены, и в свете ламп периодически поблескивали тонкие цепочки, вплетенные в прическу.

— Здравствуй, Ингвар!

Голос женщины, чистый и звонкий, отдавал холодными нотками, и все-таки ее уст коснулась приветственная улыбка, которая, насколько я могла видеть, не встретила ответа на губах короля. Удачный ракурс позволял мне наблюдать за обоими, не двигаясь с места.

— Я всегда здравствую, Ранкара, — холодно ответил хозяин замка.

Ингвар, вот, стало быть, как его зовут. Хотя сам факт существования имени у этого человека — или не совсем человека — вызывал мысленный диссонанс.

— Что тебе нужно? — продолжал он, так и не удосужившись поприветствовать свою собеседницу.

Разумеется, такое нарушение этикета не укрылось от ее внимания.

— Ты не слишком-то вежлив.

Снежная леди не выглядела оскорбленной, даже слегка улыбнулась, будто пытаешься обратить все в шутку. И все-таки где-то в глубине души поведение короля ее задело, я видела это по глазам.

— У меня нет времени на политесы, — отрезал хозяин замка. — Ты ведь знаешь, как сильно я занят, верно? — Тут мне послышался сарказм, подоплеку которого я уловить не могла. — Итак, что тебе нужно?

— С твоего позволения я все-таки войду.

Это заявление оставалось непонятным до того момента, как по зеркальной поверхности пробежала рябь, после чего незваная гостья попросту ступила из стекла на заледеневший пол зала, да так легко, словно до сих пор стояла за дверью, а теперь шагнула через порог. От такого невообразимого чуда у меня перехватило дыхание, хотя, казалось бы, чему можно удивляться после беседы, которую король вел с зазеркальной женщиной?

Не знаю, долго ли я бы стояла вот так, пораженная и неподвижная, напоминающая очередную холодную статую, каковых в замке и без того хватало, если бы внезапно не услышала негромкий проникновенный голос:

— Подслушиваешь?

От неожиданности я подскочила на месте, и хорошо, что сумела держаться достаточно тихо, дабы не привлечь внимание находившихся в зале — а ведь их теперь было двое. Кот, несомненно довольный произведенным эффектом, встал рядом.

— Еще и подглядываешь! А знаешь ли ты, человеческое дитя, что это нехорошо?

— Тебе какое дело? — прошептала я, сердитая на зверя за пережитый испуг и совершенно равнодушная к тому, что меня поймали «на горячем».

— То есть как какое? — возмутился кот, тоже, однако, не повышая голос. — Сама поподсл ушивала, теперь дай другим!

И он принялся бесцеремонно меня толкать, стараясь сдвинуть в сторону от заветной щели, через которую я наблюдала за происходившим внутри.

— Не дам! — запротестовала я. — Я первая пришла!

— Мне важнее! — настаивал Барсик, уже не строя из себя святую невинность. — Ты тут с боку припеку, а я — постоянный жилец! Я за порядком слежу!

— Вот и следи молча! — припечатала я, но все-таки немного подвинулась.

Теперь мы получили возможность вместе заглядывать в зал, пусть и с меньшим комфортом, чем прежде.

Ранкара уже отдалилась от зеркала, хотя король никак ей в этом не помогал: руки не подал и даже на миллиметр не отступил, когда она оказалась между ним и гранью колдовского стекла.

— Я пришла к тебе по делу Хлада, — со строгими, даже повелительными нотками проговорила она.

— Я всегда внимателен к вопросам снежной стихии.

Ингвар, казалось бы, отвечал с должным почтением, но ненависть к собеседнице буквально сочилась из каждого произнесенного им слова. Это не укрылось и от внимания гостьи, но она терпела.

— Мне стало известно, что у тебя возникли проблемы с учеником.

— Невообразимая осведомленность, — иронично прокомментировал король. — Однако твои шпионы ошиблись. Никаких проблем нет.

— Вот как? — деланно удивилась Ранкара. — А до меня дошли слухи, что вместо ученика ты получил девчонку.

— Ученицу, — поправил Ингвар.

Я загаила дыхание. Вопреки ожиданиям, подслушиваемый разговор имел ко мне намного более непосредственное отношение, чем казалось вначале.

— Девчонку, — с нажимом повторила женщина. — Простую и никчемную, не отмеченную печатью стихий, не несущую никакой пользы для Хлада.

— Обучится — и станет полезной, — равнодушно пожал плечами король. — Ученик или ученица — не все ли равно? Пол не имеет значения.

От напряжения я так сильно сцепила руки, что до боли сдавила собственный палец. В разворачивавшемся споре я слышала отголоски своей недавней беседы с королем, только теперь он практически повторял мои собственные слова.

— Не шути со стихиями, Ингвар! — резко сказала женщина. — Они этого не прощают. Хлад наращивает мощь. И ему нужно, чтобы у тебя появился толковый помощник.

— Разве я говорил, что шучу? Помощник будет.

— Мы оба знаем, что все пошло не так, как надо, — раздраженно бросила Ранкара. — Этот твой кот все напутал. Еще одно никчемное создание. Следовало отделаться от него много лет назад!

Барсик зашипел, выгибая спину, на которой вздыбилась шерсть. Покосившись на него, я на всякий случай приложила палец к губам. Но в этом не было необходимости: кот отлично помнил, где проходят границы дозволенного.

— Это не тебе было решать. — Король говорил резко и жестко, будто проворачивал нож в кровоточащей ране. — Не тебе решать и сейчас. Что же касается требований стихии, все будет в порядке. Девушка начала свое обучение и, когда настанет срок, сдаст экзамен.

— Ты в этом уверен? — Ранкара подошла совсем близко к собеседнику и теперь запрокинула голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Внезапно стало понятно, что она ощутимо ниже ростом, хотя прежде ее величавый вид не позволял об этом догадаться. — Ты осознаешь, что будет, если случится иначе? Это вызовет недовольство Хлада. Я понимаю, сейчас ты связан осколком, который нашел место в ее глазу. Пока обстоятельства таковы, нового ученика не взять. Но эту проблему несложно решить. Я могла бы прямо сейчас избавить тебя от девчонки. Едва кровь застынет в ее жилах, осколок покинет тело, и ты будешь волен найти другого избранника. Поверь: так будет проще для всех.

Я почувствовала, как от ужаса волосы встают дыбом у меня на голове. От стремления незамедлительно убежать прочь без оглядки удерживало лишь одно: вряд ли мне бы удалось сделать это бесшумно. Ноги мягко коснулась лапа кота: он явно пытался успокоить меня, давая понять: подожди, их разговор еще не окончен.

Барсик оказался прав. Король расправил плечи, отчего стал казаться еще выше, чем прежде, гостя же, наоборот, будто сжалась на его фоне. Карие глаза зло прищурились, превратившись в узкие полоски.

— Ты не посмеешь тронуть девчонку, — внятно, делая паузу после каждого слова, выговорил он. — Как бы там ни было, она — моя ученица, а, значит, находится под моей защитой.

— Напрасно, — неодобрительно качнула головой Ранкара. — Стоит ли за нее заступаться? Она слаба и беззащитна перед осколком. Пройдет немного времени — неделя, две, три, — и твоя «ученица» превратится в холодную куклу, живую, но лишь в физиологическом смысле. Ее сердце продолжит качать теплую кровь, но душа застынет. Она забудет то, что прежде любила, отпустит все, что ее тревожило, станет безвольной, послушной, но бесполезной. Мешать не будет, но и помощи ты с этой стороны не найдешь. Она попросту лишена необходимых зачатков.

— Это все? — нетерпеливо оборвал гостью король. — Уходи, жрица. Я услышал то, что ты хотела мне сказать. Со стихиями разберусь сам. Хлад будет доволен. Но ты не смеешь угрожать никому в моем дворце. Запомни раз и навсегда: здесь не ты, а я принимаю решения.

— Зря ты так, — печально обронила Ранкара, направляясь обратно к зеркалу. — Я действую в твоих интересах. И во всем была права, со временем ты в этом убедишься. А пока я уйду.

Она шагнула в гладкую поверхность, словно в дверь, и то, что казалось твердым стеклом, приняло ее, вновь подернулось рябью, прогнулось и застыло, постепенно начиная отражать освещенный колдовскими лампами зал.

— Скатертью дорога, — едва слышно процедил женщине в спину король.

Я тоже поспешила прочь от злополучного зала, не столько от страха перед хозяином замка, который мог застигнуть меня в любой момент, сколько просто по инерции. Страх не осталось: слишком шокировали меня слова Ранкары.

Ноги сами принесли в ту комнату, которая ныне считалась «моей». Я скинула тапки, теплые, пушистые и, разумеется, белые, обнаруженные где-то в замке котом, и забралась на ледяную кровать, обхватив руками колени. Холода, как и все последние дни, не было. Было чувство отстраненности от всего происходящего, и тоска в те моменты, когда сознанию все-таки удавалось пробить брешь в стене моего отчуждения.

Мне оставалось жить несколько недель. Может, даже меньше. То, что наступит потом, я жизнью не считала. Прежде казалось, что моя судьба в корне изменилась, когда волшебные сани доставили меня в этот замок. Но нет. Судьба в корне изменилась сейчас. Даже не изменилась, а разрушилась, осыпавшись на пол множеством дребезжащих осколков.

Когда в комнату со своей обыкновенной бесцеремонностью вошел кот, я заговорила с совершенно не свойственной мне по характеру злобой.

— Убирайся отсюда. Или я схвачу тебя за уши и буду трясти, пока их не оторву, — пригрозила я, сама не зная, блефую или готова исполнить обещанное от первого до последнего слова. — Все случилось из-за тебя. Ты со мной это сделал.

Кот посмотрел на меня с жалостью. Сел на пол. Подходить ближе не стал, но, кажется, не от страха перед озвученной угрозой. Скорее он просто уважал в данный момент мое личное пространство. И право на любые чувства.

— Мне действительно жаль, — произнес он. — Я был связан обязательствами.

Обязательствами... Не он ли упоминал, что никому не служит? А жрица назвала его никчемным и заявила, будто он все напутал, и именно поэтому в замок доставили меня. И еще: похоже, она сильно его недолюбливает, и чувство это взаимно.

Мысли касались моего сознания легко, будто нехотя, и проплывали дальше, куда-то далеко, как корабли — в неизвестную гавань. Чтобы продолжить существовать и, может быть, даже развиваться, но где-то за гранью восприятия.

— Я скоро умру. — Дрожь ознобом пробежала по телу. Но я почему-то испытывала потребность сказать это вслух. Так резко и прямолинейно, как только можно. — И узнаю об этом вот так, случайно, можно сказать, между делом, подслушав чужой разговор!

Я сердилась, хотя, возможно, так было лучше. Лучше, чем если бы страшную правду раскрыл, к примеру, сочувствующий врач, отводя глаза и всячески стараясь смягчить то, что по определению не поддается смягчению.

— Я не хотел этого, — сказал Барсик, вроде бы искренне, хотя чего именно он не хотел, четко сформулировано не было. — Но если после всего случившегося ты все же позволишь мне дать один совет... Не относись слишком серьезно к тому, что говорит Ранкара.

— Что ты имеешь в виду?

Впервые мне стало по-настоящему важно услышать, что он скажет.

Кот вздохнул. Совсем не по-кошачьи, но это уже перестало меня удивлять.

— Ранкара видит только то, что умеет видеть. Она ограничена своим отношением к жизни, — серьезно объяснил Барсик. — Впрочем, как и мы все, пожалуй. Но она — жрица, и, как бы много ни знала, сколь ни была бы хитра, ее взгляды особенно узки, потому что не могут выйти за пределы рамок, установленных стихиями.

— Я не понимаю.

— И она тоже, — улыбнулся кот. — Она в совершенстве знает все, что связано с холодом, равнодушием, увязанием в снегу, застывающим льдом. А вот стихия огня ей недоступна, и знаний в этой сфере у нее кот наплакал.

В глазах Барсика появилась хитринка, словно он и был тем самым наплакавшим котом.

— У тебя есть перед Ранкарой огромное преимущество, — уверенно сказал он, стремясь заразить своей убежденностью и меня.

Но мой скептицизм не так легко было преодолеть.

— Она — маг, или как это называется правильно. Жрица, служительница стихий. А я — простой человек. Какие тут преимущества?

— Очень весомые, — не согласился кот с видом фокусника, прячущего туз в рукаве. — В людях без всякой магии живут все изначальные стихии. В том числе и огонь. Для Ранкары он — лютый враг, чуждый и непонятный. Но для тебя это естественная часть жизни. Ты жарить на костре пищу. Ты ложишься на печку, чтобы согреться. Ты даришь тепло тем, кто живет с тобой под одной крышей. Я наблюдал за тобой, я знаю. Поэтому никто не может предсказать, как подействует на тебя осколок.

— И что же делать? — в отчаянии спросила я.

— Пока подождать. Решение придет само, позже или раньше. А до тех пор жди, наблюдай и действуй так, как подсказывает тебе сердце.

— А если оно будет молчать?

Барсик снова совершенно не по-кошачьи улыбнулся.

— Оно не сумеет молчать долго. Поверь мне на слово.

Сказав так, он потянулся и ушел, а я осталась переживать собственное смятение в одиночестве. Как ни странно, я больше не сердилась на кота, но и верить ему на слово не спешила. И состояние было в высшей степени странное. Запутанное, испуганное... и какое-то еще, но вот какое именно, я и сама пока не могла определить.

Допустим, больному сначала сказали, что он умрет. А потом исправились: дескать, нет, вы неверно нас поняли, тридцать процентов больных в вашей ситуации выживают. Про конкретные пропорции кот, конечно, ничего не сказал, но для примера... Пусть даже будет не тридцать, пусть будет шестьдесят. Важно, что умирают многие. И неизвестно, окажешься ли ты в их числе. Статистика никогда не дает ответа на этот, единственно важный в такие моменты, вопрос. Что ждет впереди? Жизнь или смерть? Годы или мгновение? В сущности, этого не знает никто. Но именно тяжелый больной, услышавший подобный прогноз из уст врача, ощущает это неведение особенно остро.

Назавтра, сколь ни удивительно, король счел нужным посетить аудиторию. Кот был так мил, что предупредил меня о приближении его величества (то ли пытался частично искупить свою вину, то ли из иных, неведомых мне, соображений), так что врасплох нерадивую ученицу не застали. Я успела сесть за стол и раскрыть книгу на первой попавшейся странице, не имея, правда, ни малейшего представления о содержании.

Король окинул взглядом меня, окно, которое мороз разрисовал изящными, но однообразными узорами, ледяную доску (интересно, возможно ли на ней писать, и если да, то чем?) и даже люстру, припорошенную вместо толстого слоя пыли пушистым снежком.

— Тебе что-нибудь нужно?

Странно, что он снизошел до такого вопроса. Но ответ у меня имелся, и грех было пренебречь столь удачным стечением обстоятельств.

— Да, — кивнула я. — Если можно... Бумага, кисти и краски.

— Зачем? — нахмурил брови Ингвар.

— Чтобы конспектировать материал из книги, — солгала я. — А важные термины подчеркивать разными цветами. Так легче запоминать. Например, желтым, синим и зеленым.

Обманывать, конечно же, нехорошо, но ведь не того, кто похитил тебя и заодно по сути приговорил к смертной казни, пусть даже и отсроченной?

Король сдвинул брови еще более сурово.

— В моем замке нет места зеленому цветку.

Сказал, как отрезал.

— Хорошо, тогда будет достаточно желтого и синего. — покладисто согласилась я.

— Ты их получишь, — смилостивился он.

И вышел из комнаты.

Я смотрела ему вслед, изо всех сил сдерживая торжествующую улыбку. Эх, ваше величество, вы слишком давно оторваны от обычной повседневной жизни, иначе бы помнили то, что знает любой ребенок. Там, где есть синяя и желтая краска, в зеленой потребности нет...

Рисовать я начала почти сразу после того, как получила желаемое. Бумагу и краски никто не принес, все само прилетело по воздуху, примерно так же, как несколькими днями ранее — колдовской фолиант. Я жадно схватилась за кисть, немного подумала, и первым делом нарисовала приблизительную копию той картины, что висела сейчас на стене в нашем с Каем доме. Солнце, небо, трава...

Посмотрела на то, что получилось, приложила к стене. Подумала, как бы прикрепить, даже испробовала несколько способов, но ничего не выходило. Не просить же короля о молотке и гвоздях, в самом деле? Как я объясню такую потребность интересами учебы? Дескать, хочу заколотить изнутри дверь, чтобы не было соблазна отвлечься от занятий? К тому же, совсем не факт, гвоздь держался бы в ледяной стене. Возможно, она в один момент пошла бы трещинами... Интересная кстати, мысль, но об этом я подумаю позднее. А пока решение пришло в голову само. Раз повесить картину не выходит, надо сразу нарисовать ее на стене.

Я и тут не была уверена в реалистичности поставленной задачи, учитывая ледяную природу поверхности. Но попытка не пытка, к тому же что мне терять? И я приступила к работе. Начала с доски. Вскоре убедилась в том, что лед не подтаивает, краски не смазываются и держатся хорошо. Рука резво скользила вверх, вниз, вправо и влево. Краски смешивались, цвета менялись, мазки ложились один за другим. Доска быстро превратилась в своеобразное панно, внесшее желанное разнообразие в болезненную белизну аудитории. Веселое желтое солнце словно дарило тепло вместо давно застывшего камина. Зеленая трава с вкраплением одуванчиков и незабудок колыхалась на невидимом ветру, но чувствовалось, что этот ветер — теплый.

Я осмотрелась почти хищным взглядом. Что еще здесь можно преобразить? Сделать теплым, весенним, цветущим? Да практически все! И я погрузилась в процесс, не жалея сил и не следя за временем.

— Ого! — присвистнул кот, по обыкновению бесцеремонно входя в помещение. Именно присвистнул, хотя как ему удалось издать такой звук, для меня загадка. — Вот это да! Вот это я понимаю! Так стоит жить!

Положив кисть на лист бумаги, я сложила руки на груди и критически оглядела аудиторию.

— Нет, ну, могло бы быть лучше, — возразил Барсику мой внутренний критик. — Особенно потолок, его надо было сделать насыщеннее. Но краски приходилось экономить, и так удивительно, что хватило. Тут, конечно, король расщедрился.

— Мы — люди небедные, нам красок не жалко, — гордо подтвердил кот, отчего-то причислив себя к человеческому роду.

— Еще техника, конечно, хромает, — продолжила самоедство я. — Вон, видишь дуб, который справа от окна? Вот он совсем никуда не годится.

— А, по-моему, ничего, — не согласился Барсик, подходя поближе к упомянутому рисунку и в подтверждение своих слов даже мазнув по нему кончиком хвоста. — Живо. Убедительно. Так бы по нему и ходил туда-сюда.

— Н-да?

Я задумалась, не стоит ли пририсовать к дереву кота и как технически изобразить белое животное на ледяной поверхности, но мои размышления прервало восклицание... вернее, нет, это было не восклицание, скорее рык:

— Что здесь происходит?!

Зашедший незаметно для нас обоих король был вне себя от ярости. Это отражалось не только в интонациях, но и, казалось, в каждой черточке его лица.

Еще пара мгновений — и в воздухе просвистело что-то огромное и ослепляюще белое. Кот с диким, на сей раз чисто звериным, воплем вылетел из комнаты. Я, наоборот, от ужаса застыла на месте, и теперь, не веря своим глазам, обозревала жуткую картину. Аудиторию было не узнать. Сейчас ее рассекало на две половины ледяное бревно, нечто вроде огромного карандаша, воткнувшегося в противоположную от входа стену. Все вокруг — стены, пол, окна, стол и даже листок с покоившейся на нем кистью, — покрыла своеобразная снежная паутина. Рисунки не так чтобы стали совсем не видны, но ощутимо потускнели, будто подернутые белесой дымкой. В воздухе даже запахло морозом, и я поняла, хоть и утратила способность мерзнуть, что температура в комнате ощутимо понизилась. Из рта шел пар, а на всех окружающих предметах прямо на глазах расцветали снежные узоры. Но это не казалось красивым, скорее, наводило на мысль о запустении: вещи словно покрывались трещинами.

— Завтра перейдешь заниматься в другую аудиторию, — холодно обронил король и ушел, к моему несказанному облегчению.

Я немного задержалась в зале — не потому, что это доставляло мне удовольствие, просто хотела дождаться, чтобы хозяин замка точно успел оказаться подальше, — и поспешила к себе. Забралась на заснеженную кровать, с головой укрылась одеялом. Меня трясло, но совсем не от холода.

Не знаю, сколько я так пролежала — без сна, без каких-то особых мыслей, просто в попытке сжаться в один маленький комочек, — но, видимо, достаточно долго. За окном успело окончательно стемнеть. Я была уверена, что до завтра меня никто не потревожит, — и ошиблась.

— Пойдем, кое-что покажу, — безо всякого предупреждения заявил кот, трясая меня за плечо передней лапой.

К счастью, о его появлении заблаговременно возвестил скрежет когтей по полу, да слегка скрипнувшая дверь. Иначе бы я второго испуга за сегодня не выдержала.

— Уходи, — отозвалась я, еще сильнее закутываясь в одеяло, так, чтобы наружу даже нос не торчал.

— Только с тобой, — нагло заявил кот. И снова затеребил меня за плечо. — Да пошли, ничего не случится, он не узнает. Он уже спит.

— Спит?!

От удивления я аж подскочила на кровати, позволив одеялу сползти, к удовольствию Барсика.

— Ну да, — тоже несколько удивленно откликнулся кот. — А что тут такого?

— Я была уверена, что такие, как он, никогда не спят.

— Угу, а еще не едят, не пьют, не дышат, по дорогам не ходят, а над землей летают, — принялся саркастически перечислять Барсик, но тут напоролся на выражение моего лица и понял, что где-то так я и представляла себе короля. — У-у-у, как тут все запущено, — досадливо протянул он.

Возвел очи к плававшей под потолком магической лампе, затем посмотрел в окно, за которым, впрочем, в ночную пору мало что реально было разглядеть.

— Такие, как он, — вновь заговорив, Барсик слово в слово повторил мою недавнюю формулировку, — страдают бессонницей. Но это не то же самое, что вовсе не спать. И непосредственно сейчас он спит. Так что пойдем.

— Не пойду, — заартачилась я. — Вдруг он шум шагов услышит и проснется.

Кот закатил глаза и выскользнул за дверь. Я понадеялась, что уж теперь-то меня действительно оставили в покое до самого утра. Как бы не так! Минут через паять он все-таки вернулся, дыша тяжелее, чем обычно, и подтащил к моей кровати пару мягких белоснежных тапочек с помпончиками!

— Где ты такое нашел? — изумилась я.

Обувь оказалась такой домашней и симпатичной, что я сама не заметила, как всунула в нее ноги. Стало очень мягко и приятно, ступни словно получили пресловутую зону комфорта, до которой остальным частям моего тела, а, главное, душе было еще далеко-далеко.

— Места надо знать, — важно сообщил Барсик, — а они здесь у нас бывают всякие. Вот это-то я тебе сейчас и покажу, если соизволишь отойти от кровати.

Эта тема слегка ухудшила мое настроение. Красться по замку вопреки воле короля, да еще и куда-то, где он явно не горит желанием меня лицезреть... Такая перспектива не прельщала, и поход хотелось отменить или хотя бы оттянуть всеми возможными способами.

— Ну вот, в белые тапочки меня уже обули, — мрачно пробормотала я. — Интересно, что будет дальше.

— Дальше будет интересно! — оптимистично заметил кот. — Вперед!

На сей раз поводов для отказа у меня не осталось, и я скрепя сердце двинулась в коридор, на ходу запахивая широкий шарф. Происходило все это по инерции, ведь в том, чтобы утеплиться, настоящей потребности не было. В этом отношении осколок исправно исполнял свою работу... Вот знать бы, действует ли он в других направлениях.

В тапках я действительно не создавала шума. Помпончики забавно покачивались при каждом шаге. Немного повысился риск поскользнуться, и я шагала очень аккуратно — и поэтому, и потому, что все еще боялась разбудить короля.

Казалось, мы с Барсиком пересекли весь замок. Пункт нашего назначения лежал в стороне от тех комнат, которые в данный момент с натяжкой можно было назвать жилыми.

Дверь, заледеневшая, как и все прочие, была прикрыта, но кот надавил на нее лапой, и она довольно легко поддалась. Подумалось, что он, наверное, проделывал подобное не в первый раз.

— Заходи! — мяукнул Барсик.

Я приняла приглашение, хотя и подозревала, что права приводить меня сюда кот не имеет. Это было сродни приглашению вора посетить ограбленную квартиру. Посидеть, отдохнуть, попить водички... Но я уже проделала весь этот путь. Не отступать же сейчас, в самый последний момент. И я вошла.

И вздрогнула, столь знакомой показалась открывшаяся взору картина. Будто полоснули лезвием по открытой ране. Почти то же самое я уже видела несколько часов назад. Комнату, оказавшуюся чьей-то спальней, рассекало такое же огромное копье-карандаш, как и мою теперь уже бывшую аудиторию. Все кругом было в знакомом состоянии зимнего запустения. Снежная паутина, плетение инея, корочки льда и тонкие белые трещинки покрывали все, от камина до канделябров, от кровати до небрежно заброшенного на ширму камзола.

Я сделала шаг, еще один. Осторожно обходя любой, даже самый маленький предмет, приблизилась к окну. Оно тоже было «запечатано», плотно обвито морозным рисунком. Словно по наитию, я коснулась заледеневшей шторы, взялась за край, посильнее провела пальцами по ее поверхности. И испуганно выпустила из рук. Под слоем неестественной белизны ткань оказалась зеленой. Движимая внезапной догадкой, я поспешила к первому попавшемуся предмету мебели — стулу с волнистой спинкой. Потерла краешек сиденья. Здесь лед был тверже, но я постучала по нему, поскребла ногтем и в результате смогла разглядеть под треснувшей коркой кусочек зеленой обивки.

Осмотрелась. Кота не было видно. Возможно, застыл где-нибудь, слившись с окружающей белизной, как заяц в зимнем лесу, но, скорее всего, просто ушел, оставив меня одну. Зачем ему это было нужно — попробуй разбери, но вряд ли он собирался привести сюда короля или сбежал, предчувствуя, что тот вот-вот нагрянет.

Взгляд упал на небольшую прямоугольную картину в поломанной рамке, валявшуюся на полу рядом с кусками битого стекла. Я подошла, наклонилась, подняла картину, стряхнула припорошивший ее снег. И поднесла поближе к глазам.

Это был портрет. Мужчина и женщина стояли рядом и улыбались не то художнику, не то друг другу. В воздухе витала атмосфера радости, которую невозможно воспринять человеческим зрением, но которую парадоксальным образом способны уловить и отразить на холсте

хорошие живописцы. Мужчина, кареглазый брюнет в белой рубашке и длинном зеленом камзоле, казался лишь смутно знакомым. Зато женщину я узнала сразу. С картины на меня смотрела сияющая и довольная жизнью Ранкара.

Я развернула рамку, положила обратно на пол и быстро вышла из застывшей комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Ночь прошла без происшествий. Наутро я очень боялась, что придется столкнуться с его величеством один на один, и только стихиям было ведомо, чем бы завершилось такое столкновение. Да, я боялась короля до дрожи в коленях, но и сойти с избранного пути была не готова даже на йоту. Уж если мне осталось жить немного, я сделаю все, чтобы в последние дни или недели видеть вокруг не только всепоглощающий, разрушительный холод, но и тепло, свет, солнце, зелень — все то, что так горячо ненавидел хозяин замка. А если я все-таки выживу... то, вероятнее всего, именно благодаря этому своему решению. Не отпустить из своей души свет и огонь. Не поддаться смертельной дреме, навеваемой низкими температурами и обманчиво мягким шепотком зимних ветров.

Мне повезло: король не собирался ни провожать меня в новую аудиторию, ни заглядывать туда самостоятельно, чтобы проверить, как выполняет свои обязанности ученица. С утра за мной зашел кот, и он же, как уже стало привычным, проводил меня в нужное помещение. Новый класс весьма походил на предыдущий, хоть и ощутимо уступал ему в размерах. Впрочем, так было даже уютнее. Одна-единственная парта, на ней — уже опостылевший мне учебник, да и писчие принадлежности. Доска — вновь ледяная, и вновь непонятно, чем на ней писать (если, конечно, не разрисовывать, как прежнюю). Камин, как и везде, замороженный и нерабочий. Впрочем, этим я еще собиралась заняться. На полу — шкура белого медведя в качестве ковра. Нечто похожее можно было наблюдать и у меня в комнате. Магические лампы в качестве искусственного освещения. Вот, собственно, и все.

Короля я встретила позднее, и то, можно сказать, случайно. Как и обычно, вскоре после полудня отправилась перекусить. Не знаю, откуда в замке появлялась еда, и покупал ее кто-то или наколдовывал, но, пусть столы не ломились от изобилия, голодать не приходилось. Всегда можно было найти свежий хлеб, сыр, стакан молока, а в большинстве случаев и что-нибудь мясное. И вот, возвращаясь в аудиторию после обеда, я стала свидетельницей совершенно неожиданной сцены: хозяин замка принимал посетителей. Говоря точнее, троих мужчин: один был пожилой, хотя крепко сложенный и твердо стоящий на ногах, второй средних лет и третий помоложе. Простые люди, не аристократы: об этом свидетельствовал говор, да и одежда, теплая и добротная, но без претензий. меховые штаны были тщательно заправлены в унты, доходящие до середины голени. Из-под расстегнутых шуб выглядывали свитера из оленьей шерсти. Откинутые капюшоны оставляли головы непокрытыми в дань уважения к хозяину.

Я замерла, не зная, как поступить. Пройти дальше означало привлечь к себе внимание, отвлекая от делового, вне всяких сомнений, разговора. Остаться — стать его свидетельницей, что тоже, возможно, нежелательно. Пока я мешкала, старший из визитеров с достоинством поклонился Ингвару, а затем проговорил:

— Мы пришли к тебе с прошением, о великий король снежных вершин. Пришли не по личному делу, а как посланники всей нашей деревни, той, что стоит у подножия твоих гор.

— Я знаю, кто вы и откуда родом, — кивнул король. — Говорите.

Я неловко пошевелилась, и меня все-таки заметили. Хозяин замка бросил лишь мимолетный взгляд, а вот вновь пришедшие посматривали с интересом, особенно тот, что был моложе прочих.

— Это моя ученица, — обронил король. — Можете говорить при ней все, что желаете сказать мне.

Жители деревни почтительно поклонились, приложив правую руку к груди. Не зная, как правильно реагировать на подобный знак внимания, я просто склонила голову в ответ.

— Наши предки жили в предгорье испокон веков, — продолжил свою речь старейший. — Прежде в здешних краях было немало селений. На склонах паслись стада овец, процветала торговля, жители деревень охотно приходили друг другу на выручку. Но без малого сто лет назад пришли суровые морозы. Хлад ударил ледяными ветрами, словно плетью, солнце на много месяцев скрылось с глаз, и не все смогли дожить до припозднившейся весны. Первыми ушли те, чьи дома стояли высоко в горах: на их долю выпали самые тяжкие испытания. Но годы текли, а природа становилась к нам все суровее. Зима отбирала у прочих времен года все больше дней, пока наконец не стала почти бесконечной. Постепенно жители то одной, то

другой деревни снимались с места и покидали свои дома в поисках новой, более благосклонной к ним родины. Наши последние соседи ушли три десятилетия назад. С тех пор мы остались одни. Мы чтим свою землю и верим, что человек пускает корни не менее глубоко, чем дерево. И как срубленному дереву долго не жить, так и людям нельзя оставаться без своих корней.

Он немного помолчал, то ли собираясь с силами, то ли выжидая, чтобы его слова полноценно достигли не только ушей, но и сознания слушателей. Король не проявлял признаков нетерпения, демонстрируя всем своим видом вежливое внимание. Спутники старца стояли, почтительно опустив глаза.

— Мы держимся за свои родные места и чтим тебя, хозяин Ледяного замка, — вновь разомкнул уста тот. — Но Хлад все более суров, и наша ноша становится непосильной. Мы не ведаем, что такое лето, о котором рассказывали наши деды. Посевы давно уничтожены, и наши предки оставили надежды взрастить новый урожай. Домашний скот гибнет от нехватки кормов и жестокой стужи. Мы живем благодаря рыбалке и охоте, но прочный слой льда все трудней прорубить, и дикие звери уходят с гор: видно, и для них этот край слишком неприветлив. Пока мы держимся, но наступит день, когда нам станет не хватать еды и теплой одежды. Наши дети гибнут чаще, чем прежде, не успевая вступить в возраст охотников. Мы просим тебя, о могущественный маг, смягчи гнев великого Хлада! Мы сделаем все, что потребуется, принесем любую жертву, чтобы задобрить его. Прояви милосердие! Не дай своим верным слугам погибнуть на твоей земле.

На этот раз старец смолк окончательно и, вновь поклонившись, не так низко, как в прошлый раз, но не менее почтительно, отступил на шаг назад, поравнявшись со своими спутниками. Теперь все ждали ответа короля, и он не стал затягивать паузу.

— Я внял вашим словам, мои поданные. Выслушайте же меня и вы. Я могу помочь вам только одним — советом. Собирайте вещи, берите своих детей и покидайте предгорье. Хлад набирает силу. Он не остановится, не отступит и не смягчится. Еще несколько недель — и ветра будут напоминать ураганы, а морозы станут более жестокими, чем прежде. Вам тяжело сейчас, но станет тяжелее. Поэтому будет лучше последовать примеру ваших соседей. Ступайте и найдите себе новую родину. И не останавливайтесь слишком близко от гор. Хлад расширяет свои границы.

Старец на миг опустил глаза, но почти сразу высоко поднял голову, распрямил плечи. Похоже, слова короля стали тяжелым ударом, но не неожиданным.

— Благодарю вас, ваше величество. Что бы ни случилось, мы не покинем нашу землю и будем держаться за нее до конца. И до последнего вздоха останемся вашими верными подданными. Пойдемте, братья, — обратился к своим спутникам он. — Нам не следует дольше задерживать короля.

Он держался с достоинством и, похоже, полностью смирился с неизбежным, но казался теперь более глубоким стариком, чем прежде. Один из его спутников откровенно поник, второй стоял с отрешенным видом. Я почувствовала, как что-то сжимается внутри.

— Подождите, — попросила я и, убедившись, что меня услышали, бросилась бежать, уже на лету выпалив: — Не уходите!

Взметнувшись вверх по лестнице, лишь один раз оглянулась и, удостоверившись, что меня ждут, помчалась к своей комнате, скидывая на ходу шубу, которая, в сущности, была совершенно мне не нужна: ведь в коридорах замка я не испытывала чувства холода. Добравшись до спальни, подхватила добротную шкуру, исполнявшую здесь роль ковра. Не без труда скинула с кровати увесистое одеяло, теплое, набитое овечьей шерстью, полученное в дополнение к первому, сотканному из снега. Шкуру, украшавшую стену вместо гобелена по традиции восточных народов, тоже умудрилась сорвать с гвоздей, почти при этом не испортив.

Большого мне было зараз не унести. Кое-как ухватив все это в охапку, я поспешила назад. Правда, обратный путь занял ощутимо больше времени. Преодолевать узкие проемы было сложнее; шкуры и одеяло то и дело грозились выскользнуть, и в данный момент я ощущала себя существом весьма неуклюжим. К концу пути я почти уверилась, что никто не станет меня дожидаться, и я в скором времени возвращусь в пустой зал.

Это, однако же, оказалось ошибкой. Решительно все оставались на прежних местах, включая и самого короля. Тот следил за моими передвижениями весьма внимательно и предельно спокойно.

— Вот. — Тяжело дыша, я опустила свою охапку перед гостями, даже не задумавшись о том, что, строго говоря, почти вещи принадлежали не мне, а Ингвару. Но он не препятствовал, более того, вовсе не проявил признаков неудовольствия. — Я понимаю, вашу проблему это не решит. Но, может быть, хоть немного поможет согреть детей.

Я говорила все тише, с каждым словом все отчетливее понимая, какой каплей в море, или лучше сказать — снежинкой в сугробе, — станет такая подмога. И все же я сделала что могла, а это лучше, чем ничего.

Я распрямилась и отошла назад, ближе к королю, стараясь теперь хоть немного привести в порядок расшалившееся дыхание.

Какой реакции следовало от них ждать? Откажутся, сказав, что им не нужно ничего чужого? Посмеются над непосредственностью человека, решившего, будто столь малый вклад сможет серьезно отсрочить их приговор?

Но нет, двое мужчин смотрели на меня с нескрываемым благоговением, а третий — самый молодой — с интересом.

— Благодарю тебя, о мудрейшая служительница льдов, — с глубоким поклоном произнес старец.

Двое других так же поклонились. Я хотела объяснить, что вовсе не владею магией стихий, не являюсь служительницей льдов и никогда не намереваюсь таковой становиться, но это заявление казалось неуместным.

Поклонившись в последний раз и произнеся традиционные слова, завершающие ритуал прощания, они дружно развернулись и пошли к выходу. И быстро исчезли с наших глаз; лишь третий, последний, задержался в зале чуть дольше других. Но вскоре их гулкие шаги стихли вдалеке, и мы с Ингваром остались вдвоем. Но, как ни странно, это больше меня не пугало.

— Что скажешь?

Я подозрительно покосилась на короля, прикидывая, не послышалось ли мне. И встретила выжидающий взгляд.

— Разве мое мнение имеет значение?

— Мне просто любопытно.

От него по-прежнему веяло холодом, но не больше, чем всегда. На вчерашнее он, похоже, не злился. Или просто успел подзабыть? Даже если и так, сейчас у меня имелись шансы рассердить его заново. Что ж, была ни была.

— Это последние люди, которые хотят остаться рядом с вами. Мне кажется, стоит постараться их удержать.

— И посулить то, что никогда не случится? Я ошибался: женщины не изменились за последние сто лет.

Я недовольно поджала губы. Предполагаю, что от его слов не пришла бы в восторг ни одна женщина, что сто лет назад, что из ныне живущих. Быть может, если бы не эта шпилька, я бы не стала спорить, но так...

— Ради тех, кто по-настоящему хочет быть рядом, стоит постараться. Если, конечно, это для вас хоть что-нибудь значит.

— Ни мои, ни их желания в данном случае значения не имеют, — отмахнулся Ингвар. — Хлад ни у кого не спрашивает дозволения. И если решил овладеть новой землей, так и случится. Мы же исполним свои обязанности. Я — как его наместник, Ранкара — как жрица, ты — как моя ученица и последовательница.

Черта с два. Но об этом я ему рассказывать не собираюсь.

— Они тоже намерены исполнить то, в чем видят свою обязанность.

— Умереть во имя абстрактной идеи? Метафоры о человеческих корнях? Это глупо.

— Во имя метафоры — наверное. Но что если для них эти корни куда более ощутимы?

— Мертвый лев лучше живого пса? — насмешливо осведомился он.

Я покачала головой.

— Живой пес лучше. Пес вообще ничем не хуже льва. Но вот живой лев, которого обратили в пса... Пес, который чувствует себя львом, не мыслит иной жизни, кроме львиной, но навсегда останется в собачьей шкуре... Это сложнее.

Король заинтересованно изогнул бровь, будто только сейчас счел наш разговор действительно стоящим.

— Продолжай.

Я смутилась.

— Просто ради того, во что по-настоящему веришь, имеет смысл пойти на риск.

— Даже если дело обстоит безнадежно, а рискуешь — жизнью?

Я грустно улыбнулась.

— Наверное, да.

В течение непродолжительного времени он молча обдумывал сказанное, не соглашаясь с моим ответом, но стараясь признать право такой точки зрения на существование. Затем взглянул на часы. Высокие, внушительные часы с маятником. Они всегда стояли, показывая исключительно без двадцати минут одиннадцать, и невозможно было определить, шла ли речь о дневном или ночном времени. Тем не менее, Ингвар посмотрел на них так, будто собирался почерпнуть полезную информацию. Должно быть, так проявлялась привычка, сохранившаяся с тех времен, когда стрелки двигались положенным образом. А ведь с той поры, как я теперь знала, прошло сто лет...

И все же взгляд на часы помог королю принять решение. Он явно заспешил по делам. И задержался лишь совсем немного. Главным образом для того, чтобы сказать:

— Ты слишком близко к сердцу воспринимаешь то, что происходит вокруг. Это бесполезно для нервной системы и пагубно для работы со стихией. Тебе следует, помимо основной учебы, заняться техникой, которая научит спокойствию и отрешенности. Начать стоит с Зала Покоя. Барс проведет тебя туда завтра. Ты найдешь там льдинки различных форм. Собери из них для начала слово «вечность». Это достаточно медитативное занятие, которое поможет тебе научиться держать эмоции в узде.

Ну вот, доигралась. Только дополнительных заданий мне и не хватало (в придачу к тем, которые я и так не делаю). Что ж, придется, по-видимому, наведаться в этот зал.

Я выждала несколько минут после того, как Ингвар отправился по своим делам. Лишь после этого, тихонько, стараясь не привлечь к себе внимания ни единым звуком, подошла к узкому асимметричному стеллажу, покрытому, как и все прочее в замке, коркой льда. В итоге оригинальный его цвет был неизвестен, но предназначение приблизительно понятно: на полки разных размеров можно было поставить изысканную статуэтку, расписную вазу или изящный подсвечник.

В данный момент ни одного из перечисленных предметов здесь не наблюдалось: стеллаж просто возвышался чуть в стороне от дверного проема неммым напоминанием о роскоши былого убранства. И подошла я к нему по совершенно другой причине. Именно здесь задержался самый молодой посетитель замка, прежде чем покинуть зал вместе со своими спутниками. Долго гадать и осматриваться мне не пришлось. Практически сразу я обнаружила на второй сверху полке совершенно инородный предмет, не древний, не покрытый льдом и даже не припорошенный снегом. Я подняла на свет свою находку, осмотрела и, поспешно спрятав в рукав, зашагала в свою комнату. И только там, тщательно закрыв за собой дверь, решила вновь рассмотреть не то трофей, не то подарок. Это был самый обыкновенный спичечный коробок. Самый обыкновенный, не считая небольшой детали: внутри лежала ровно одна спичка.

Дверь придорожного трактира с многозначительным названием «Последний приют» отворилась, на миг впуслав в отгородившийся от зимы мирок завывание неугомонного ветра. Тот дул с севера, со стороны гор, как, впрочем, и всегда в этих краях. Призрак непогоды проник в зал вместе с вполне материальным юношей, который с наслаждением откинул отороченный мехом капюшон и принялся стряхивать с шубы налипший на нее снег. Тот

особенно облюбовал плечи, скопившись на них таким толстым слоем, что стал напоминать своеобразные погоны. На полу вокруг нового постояльца начала скапливаться вода. Но судя по мокрым следам, каковые в изобилии наблюдались на полу, подобное было здесь в порядке вещей.

Стянув теплые, но сковывавшие движения перчатки, юноша подошел к жаровне, с наслаждением поднес руки поближе к огню и просто вдохнул теплого воздуха, а затем отступил и как порядочный посетитель нашел себе место у пустого столика. Заказал у резво подскочившего парнишки с подносом чего-нибудь горячего, не слишком вдаваясь в прочие качества ожидаемого кушанья. Впрочем, и такой заказ не был здесь редкостью, и уже давно не казался странным ни одному из присутствующих. Все знали, что это такое — попасть в тепло и уют после долгого путешествия по зимним лесам и трактам. В такой момент любой путник, даже облаченный в магически утепленную одежду, хотел только двух вещей: отдыха и тепла.

Трактирщик, производивший впечатление человека крупного не из-за полноты, а скорее благодаря хорошей физической форме, лично доставил поднос с заказанными кушаньями, переставил тарелки и кружку на стол и присел напротив.

— Откуда будешь, парень? — любопытно спросил он, с интересом разглядывая незнакомца.

Других развлечений, кроме как поточить ляды да поглазеть на странников, в этих краях все равно давно не было.

— Из Альванда, — ответил посетитель и с наслаждением отхлебнул горячего вина.

Трактирщик удовлетворенно крякнул: напиток он варил знатный, по собственному рецепту, с особыми специями и высушенными фруктами. Свежих здесь практически не бывало, но горячительное отлично получалось и так.

— Далече, — заметил он, сочувственно покачав головой. — Как звать-то тебя?

— Кай, — ответил молодой человек.

— Давно ты в дороге, Кай?

— Почти две недели.

— Да, дела... А куда путь держишь?

Вариантов было немного. Не зря трактир получил свое не самое оптимистичное название. Тракт в скором времени заканчивался, упираясь в подножие гор, но пересекался с другим, тянувшимся вдоль хребта, а затем забиравшим на северо-запад. Здесь до сих пор проходил один из торговых путей к морю, хотя купцы пользовались им все реже. Предпочитали маршруты покомфортнее и побезопаснее, те, что лежали не так близко от бушующей стихии.

Однако же путнику удалось удивить хозяина.

— К Ледяным горам, в замок Снежного короля.

Жена трактирщика, недовольная тем, что муж вместо того, чтобы работать, в очередной раз расселся да разболтался, подошла поближе, но, услышав последние слова Кая, охнула и сама опустилась на скамью.

— Да что же ты там позабыл-то, сынок? — спросила она, продолжая машинально протирать передником давно сухую кружку.

— Девушку одну вызволить надо, — с выражением упрямства на лице (видать, не в первый раз его пытались отговорить) объяснил юноша.

— Ну, если девушку — то дело святое, — признал правоту собеседника трактирщик, параллельно косясь на жену: не сердится ли?

Про его мнимое безделье та уже позабыла, но соглашаться не спешила: женская солидарность уступила место материнской заботе.

— Да туда уже лет сто никто не ходит! — воскликнула она. — Гиблые это горы. Никаких тропинок, говорят, не осталось, только снег да ветер. Пропадешь ведь!

— Ну вообще-то не так чтобы совсем уж никто, — возразил хозяин заведения.

Супруга уставилась на него с удивлением.

— Так девчонка-то эта, странная, ходит, — с легкой опаской (не приревнует ли?) пояснил он.

— Какая девчонка? — тут же уцепился за свой шанс Кай.

Юноша понимал, что лезть в горы без проводника — и вправду гиблая затея, хотя все равно бы не отступился.

— Ее здесь называют Охотницей за головами, — ухмыльнулся трактирщик. — Но это так, шутки ради, уж больно она всегда серьезная да суровая. На самом деле она вещи с гор достает.

— Какие вещи? — непонимающе нахмурился Кай.

— В горах раньше селения были. — Жена взяла разговор в свои руки, недовольно зыркнув на супруга, не способного ничего толком объяснить. — А там мастерские, кузницы, да много всякого. Потом, когда Хлад нагрязнул, дома покидали в спешке, брали только самое необходимое, там людям было главное самим живыми уйти. А дальше все, что осталось, снегом занесло. С тех пор много лет прошло. Так вот, девушка эта бедовая, ходит в горы, всякое старое добро выкапывает, ну, и продает потом.

— Каждый по-своему на хлеб зарабатывает, — счел нужным вступить за «бедовую девушку» трактирщик. — Она как сиротой осталась, средств к существованию тоже лишилась, а в горы прежде ходила с отцом-охотником, вот и придумала себе занятие.

— А я ничего и не говорю, — огрызнулась супруга. — Да только жаль девку. Сгинет ведь, поздно или рано. Суровое это место, наши горы. Не для людей они.

Охотница, которую, как выяснилось, при рождении назвали Элин, проверяла снаряжение в подсобке для хранения лыж, когда туда заглянул Кай.

— Что надо? — настороженно и не слишком доброжелательно спросила девушка, когда стало ясно, что незнакомец зашел не случайно и разыскивал именно ее.

Серые глаза изучающе прищурились. Легонько покачивалась темно-русая коса, одним коротким движением откинута за плечи. Девушка была высокой и худощавой, но оттого отнюдь не казалась неуклюжей: наоборот, обладала телом гибким и тренированным. Вид короткой куртки, пусть и утепленной лисьим мехом, мог бы вызвать беспокойство за здоровье ее обладательницы, если бы не маленькая руна в правом нижнем углу, свидетельствующая о том, что одежду магически обработали для особой морозостойчивости.

— Я иду в Ледяной замок, — прямо ответил Кай, решив закрыть глаза на неприветливость Охотницы. В конце концов, он не за хорошим настроением сюда пришел, а по делу. — Мне нужен проводник. Здесь говорят, ты лучше всех знаешь горы.

— В Ледяной замок? — Она отложила металлический крюк, крепившийся к толстой веревке, подняла с пола лыжу и начала внимательно ее осматривать. — Тебе туда не дойти, домашний мальчик.

Он не дал себя рассердить.

— Я справлюсь.

Элин бросила на него насмешливый взгляд, нагнулась за баночкой, крышка которой была уже отвинчена, окунула пальцы в густую желтую смесь и начала тщательно смазывать лыжу.

— Последняя деревня лежит в предгорье, — не глядя на собеседника, сообщила она. — Дальше негде согреться и не к кому обратиться за помощью. Там не то что дороги, звериные тропы — редкость, а снегу бывает то по колено, а то и по пояс. Местами приходится взбираться по веревке. Камень скользкий из-за ледяной корки, а ветер норовит сбросить с обрыва. У меня наметанный глаз. Ты ведь задохлик, привыкший сидеть дома у очага. Ты думаешь, что несколько дней походил по зимней равнине — и стал опытным путешественником. Но все это детский лепет по сравнению с тем, что будет дальше. Когда поймешь, что я права, возвращаться станет слишком поздно. А горы не прощают ошибок.

— Поэтому мне и нужен проводник, — спокойно ответил Кай, хотя хладнокровие давалось все с большим трудом. Особых усилий стоило не обидеться на «задохлика».

Девушка испытывающе посмотрела на него поверх второй лыжи, снова запустила пальцы в баночку.

— У меня свои дела, а на тебя придется тратить время. Допустим, я проведу тебя, научу, как ходить по зимним горам, подберу снаряжение. Чем ты можешь мне заплатить? Ты не похож на богача.

Это было справедливо: богатствами Кай никогда не обладал, а те деньги, что имелись, ушли на подготовку к путешествию, да в уплату за еду и ночлег. Завалившуюся в карманах мелочь стыдно было предлагать. Конечно, оставался еще дом и кое-какие вещи, но это все там, в родном городке, в двух неделях пути отсюда, а это сейчас — все равно, что за тридевять земель.

— Я могу написать твой портрет, — отвечал он с той отчаянной веселостью, что свойственна, должно быть, головорезам, зычно поющим по дороге на эшафот.

— За долгие часы дороги — портрет? — переспросила она, намекая на неравноценность обмена.

— Могу написать тридцать три твоих портрета, — внес встречное предложение Кай. — Все в разных стилях.

Девушка, похоже, на миг позабыла про лыжи; ее губ даже коснулась улыбка. Впрочем, лицо Элин быстро приняло прежнее суровое выражение.

— Хорошо, я готова взять тебя в компанию, — сказала она. — У меня тоже дела в горах, и большей частью нам по пути. Но учти, задохлик: начнешь отставать, решишь, что не справляешься, передумаешь — я все равно пойду вперед. Возвращаться, если что, будешь сам. Но если продержишься до плато, где когда-то стояла деревня, я доведу тебя до входа в Ледяной замок. И даже дальше, если понадобится. Годится?

Лыжи уже стояли, прислоненные к стене, полностью готовые для дальней дороги.

Кай мазнул по ним взглядом и решительно кивнул.

— Идет.

— Что это такое? — обманчиво спокойным голосом осведомилась я у кота, приподняв одеяло и указывая на середину кровати. — Дохлая мышь в моей постели?

Одеяло было новое, пуховое, выданное вместо того, которое я отдала деревенским жителям, хоть я о замене и не просила. Вся постель была мягкой, чистой и уютной, и обнаруженный в ней предмет на фоне общей картины несколько выделялся.

— Да что ты такое говоришь?! — воскликнул Барсик в порыве праведного гнева. — Чтобы я притащил тебе дохлую мышь? Кто я, по-твоему, последняя скотина, что ли? Я что, убийца, который вдобавок ничего не понимает в правилах этикета? — И, стоило мне чуть успокоиться, поверив, будто я сама что-то напутала, добавил: — Живая она. Просто я ее придушил немного.

Я сложила руки на груди и грозно нахмурилась.

— Не ем я мышей! — заявил кот, якобы недоумевающий, какие еще объяснения мне могут потребоваться. — Мне этика не позволяет! Ладно, не этика, — поправил сам себя он. — Просто это не вкусно. И вообще, что я, в замке другой еды не найду? А мыши — это так, для развлечения.

Он перебрался поближе к предмету обсуждения.

— Для развлечения? — мрачно повторила я, потихоньку слезая с кровати.

— Ну да. — Кот моего маневра не понял и продолжал как ни в чем не бывало. — А что тебе не нравится?

— Что — мне — не нравится? — медленно повторила я, будто пребывала в состоянии транса.

Сунула ногу в тапочек с помпончиком. Но только одну. Потом наклонилась. Взялась за второй

тапочек. И, резко разогнувшись, замахнулась им на бесстыжее животное.

— Я тебе сейчас такое развлечение покажу! — рявкнула я. — Век помнить будешь!

Барсик кубарем скатился с кровати. Хотелось верить, что упал, но я в этом сильно сомневалась. Кошки — они такие: в любой ситуации сумеют вывернуться так, чтобы приземлиться на все четыре лапы.

Кот припустил в сторону двери. Я метнулась за ним, держа тапочек наперевес. Движения, к сожалению, затруднялись из-за отсутствия этого предмета обуви на моей ступне. В результате я полубежала-полуковыляла по коридору, пытаюсь нагнать четырехлапое чудовище или хотя бы добраться до него достаточно близко, чтобы не промахнуться при броске.

Барсик бросился вниз по лестнице. Я — следом за ним. С грозным выражением лица и не менее страшным оружием. Полностью сосредоточенная на жажде мести, я не сразу заметила Снежного короля, который стоял внизу и с любопытством наблюдал за нашим, если можно так выразиться, общением. Кот, хоть и передвигался со всей возможной быстротой, все же сумел заметить невысказанный вопрос в глазах хозяина замка.

— Я — Золушка! — проорал он дурным голосом, скатываясь с последней ступеньки и незамедлительно припуская дальше, мимо Ингвара. — Она хочет примерить мне тапочек!

— Белый! — воинственно уточнила я, соскочив с лестницы и тоже не останавливаясь.

Королю оставалось лишь вертеть головой, чтобы отслеживать наши перемещения.

— Я тебе на все лапы по тапку обую! — не успокаивалась я.

— Спасиите! Я не хочу становиться принцем! — визжал Барсик.

Теперь он стал наматывать круги вокруг хозяина замка, что несколько затрудняло для меня погоню. Даже руку пришлось опустить, ибо угрожать Снежному королю — это уже, без сомнения, перебор.

— Если она меня поцелует, то ВСЁ! — припечатал кот.

В слово «всё» он вложил то отчаяние, на которое только был способен.

— Я? Тебя? Поцелую? — гневно повторила услышанное я. — Да не дождешься!

И, снова подняв белый тапок, словно (отнюдь не белый) флаг на поле боя, ринулась на врага.

— Ингвар, сделай что-нибудь! — взмолился кот.

Сначала он попытался взобраться на своего мнимого защитника, но тот без малейших колебаний прервал эти поползновения.

— Она меня обуть пытается! — обиженно воскликнул Барсик, не получив должной поддержки.

— Ну и что? — язвительно ухмыльнулся король. — По-моему, давно пора какой-нибудь женщине взять тебя в оборот. В том числе заняться твоей одеждой и обувью.

— И даже среди друзей бедному коту не найти сочувствия, — печально вздохнул, по-моему, совсем не бедный представитель семейства кошачьих.

— За что ты его так? — осведомился Ингвар.

Он не сердился, не предъявлял мне претензий, не стремился наказать. Просто полюбопытствовал.

— Он притащил мышь ко мне в кровать, — наябедничала я.

— Дохлюю?

— Живую!

Занятно, но второй вариант, похоже, понравился королю значительно меньше, чем первый. Он развернулся к Барсику и гневно сощурил глаза. Тот, правда, не испугался, ответил вполне готовым к противостоянию взглядом.

— Откуда в моем замке, — Ингвар медленно сложил руки на груди, — могло появиться живое существо?

Кот не выглядел растерянным.

— А я, по-твоему, какое существо? — поинтересовался он и принялся напоказ вылизывать лапу.

— Ты — единственный, для кого было сделано исключение, — отрезал король. — Ученики не в счет, — тут же добавил он, едва взгляд Барсика переместился на меня.

— А самого себя ты, стало быть, в живые уже не записываешь? — спросил кот неожиданно зло.

— Тебя это не касается! — рявкнул король, чей настрой тоже перестал быть добродушным. — В моем замке не должно быть никого живого! Это жесткое условие, и каждое нарушение будет сурово караться. Слышишь меня? Никаких мышей! Иначе я сам, лично, сниму сапог, чтобы запустить им в твою белую шкуру.

— И правильно сделаешь.

Женский голос, раздавшийся из-за наших спин, оказался неожиданностью для всех. Он звучал холодно и твердо, тем самым идеально подходя к обстановке заколдованного замка — и, тем не менее, меня не отпускало чувство некоего неуловимого диссонанса. Этой женщине с ее ледяной непримиримостью было здесь не место.

Первым из нас к ней лицом развернулся Ингвар.

— Ранкара, — жестко произнес король, и я поняла, что выговор коту — это были всего лишь

цветочки. По-настоящему он разозлился только сейчас. — Ты воспользовалась зеркалом без моего разрешения. Больше того, в мое отсутствие. Хочешь, чтобы я запечатал зал, в котором его держу?

— Я все равно сумею прорваться сквозь заслон, — мягко улыбнулась жрица. — К тому же стихии не понравится, если ты станешь чинить мне препятствия. Не пуская меня, ты по сути отталкиваешь ее.

— Стихии совершенно безразлично, как мы с тобой станем выяснять отношения. — Ингвар все еще сердился. — Главное, чтобы дело делалось как надо и в срок.

— Если бы все шло как надо, я бы здесь не появилась. — В тоне Ранкары тоже прорезалась жесткость. — Хлад недоволен. Тому есть немало свидетельств. Признаки весьма тревожащие.

— Что же, по-твоему, не устраивает Хлада?

Похоже, в этом вопросе король госте доверял, несмотря на всю испытываемую к ней неприязнь.

— А ты не догадываешься? — удивилась она. — Ты впустил в свою крепость не того человека. От твоей ученицы, — она абсолютно точно знала, что я нахожусь здесь, в комнате, и тем не менее смотрела исключительно на Ингвара, — расходятся волны тепла. Огнем веет даже за пределами замка. Его улавливают все, кто только способен чувствовать колебания стихий. Я уже говорила, что ей здесь не место, и предлагала решить проблему. Ты так до сих пор этим и не занялся, и положение ухудшается с каждым днем. Прошло более половины срока, а семена Хлада так и не дали ростков в ее душе. При таких обстоятельствах трудно оставаться оптимистом. Повторяю: предоставь это мне. И я быстро решу вопрос. А ты сможешь найти нового ученика и последователя, более подходящего для этой роли.

Я молчала, не прячась, но и не стараясь привлечь к себе внимание. Ранкара только что предложила Ингвару убить меня. Сложно было понять ее слова как-то иначе. Но что ответит он? И как поступлю я сама? При том, что не приемлю холод и не намерена пускать его в свою душу до тех пор, пока это от меня зависит. И какую роль играет во всей этой истории маленькая льдинка в моем глазу? Разве не должна она в ближайшем будущем уничтожить все то тепло, которое так не нравится жрице? Или что-то пошло не по плану, и льдинка все-таки не работает?

Меж тем Ингвар приблизился к Ранкаре и остановился, лишь когда их разделяло не более трех шагов. Взгляд его стал тяжелым, давящим, будто сверхсовременный пресс, способный в считанные секунды превратить в пыль любой предмет, который ненароком попадет в контейнер. Жрица смотрела в его глаза с неудовольствием, но без малейших признаков страха. Она подняла голову, распрямила плечи, и теперь даже казалась выше, чем прежде. Казалось, воздух между ними становится вязким, утрачивает прозрачность и вот-вот превратится в физически ощутимый барьер.

— Ты ее не тронешь, — с убийственным спокойствием произнес король, когда казалось, что еще чуть-чуть — и пространство между ними заледенеет.

— Я не понимаю, — посетовала Ранкара, тоже немного успокаиваясь. — Почему?

— Я уже говорил: она у меня в замке и потому под моей защитой.

— Ты говоришь ерунду, — поморщилась жрица. — В замке, ну так что? Ты станешь защищать от Хлада любого, кто случайно забредет в твой дом? Может, заступишься и за грабителей, если однажды они покусятся на твои богатства?

— Тут ты ошибаешься, — парировал Ингвар. — Кстати, спасибо, что напомнила. Наведывается сюда одна расхитительница гробниц, позарилась на то, что осталось от прежних деревьев. При случае надо будет обратить ее в ледяную статую, чтобы всем прочим было неповадно. Но речь сейчас не о том.

— И все же это странно, — печально повторила Ранкара. — Мне очень многое понятно в тебе, Ингвар. Мы знакомы сто лет, и, кажется, я знаю тебя, как свои пять пальцев. Я понимаю губительность твоих морозов и неистовость ветров. Вижу истоки твоей приверженности делу Хлада. Мне ясна твоя верность стихии, серьезность и суровость. Я понимаю твое одиночество и даже ту ненависть, которую ты испытываешь ко мне. Загадкой остаются только две вещи. Зачем ты пригнул здесь этого щенка...

Она небрежно махнула рукой в сторону Барсика, колыхнулся широкий рукав красивой голубой шубки.

— Не щенка, а кота, — огрызнулся зверь, но очень-очень тихо, хорошо осознавая серьезность момента.

— ...и с какой целью сейчас защищаешь эту девку, — заключила жрица. — Ты не желал ее здесь, она попала в твой замок случайно. Как мотылек, ненароком залетевший в приоткрытое окно. Это не ученик, не гость и даже не домашнее животное. Ему не предлагают миску с молоком.

Я присоединилась к Барсику в клубе нелюбителей сравнений Ранкары, но, как и он, предпочла и дальше хранить тишину. Мотыльков, которые мельтешат перед глазами, стараются прихлопнуть. А те, что забиваются в темный уголок, имеют шанс спокойно дожить свой век. Спокойно, хоть и безрадостно.

На этот раз король не рассердился. Он даже улыбнулся и недоверчиво покачал головой, пристально глядя в глаза своей оппонентки, словно удивляясь ее ограниченности.

— Первый пункт мы уже много раз обсуждали, Ранкара, — заговорил он, и свистящий в оконных щелях сквозняк будто вторил его голосу. — Я не стану вновь поднимать эту тему. Что же касается девчонки... Я говорил тебе, что в моем замке она — под моей защитой, но если тебя не устраивает такая причина, есть и другие. Первая: она умеет лазить по деревьям.

Глаза жрицы выпучились от удивления и, признаться, тут я была с ней полностью солидарна. Зато кот понимающе и как-то очень довольно усмехнулся, хотя это, конечно, заметила только я.

— Причина вторая, — не поведя и бровью, продолжал король. — Она отдала свою шубу и свое одеяло горцам, чтобы защитить их от холода.

Ранкара поморщилась, и я снова ощутила себя на ее стороне, настолько глупым показался мне сейчас собственный поступок. Что может сделать пара шкур в борьбе за выживание целой деревни?

— Причина третья: она чуть не запустила в Барса предметом обуви.

Я поперхнулась и тихонько кашлянула, а женщина недовольно передернула плечами.

— Если бы ты только позволил, я бы тоже с удовольствием чем-нибудь в него запустила. И, можешь не сомневаться, попала бы в цель.

— Она ЧУТЬ не запустила, — повторил свои слова Ингвар. — Это большая разница, Ранкара. Я мог бы приводить и другие причины, но не вижу смысла продолжать. Ты пришла сюда с вопросом, похоже, даже с предложением. И получила мой ответ. Теперь, — его голос стал повелительным и снова приобрел стальные нотки, — изволь возвратиться в свои чертоги и больше никогда, — он сделал паузу, подчеркивая это слово, — не приходи ко мне без приглашения.

Ранкара бросила на него взгляд, который наиболее точно было бы назвать убийственным, но противоречить, как ни странно, не решилась. Каблучки изящных сапог сердито застучали по ледяному полу. И ни один из нас не сомневался в том, что направилась она непосредственно к волшебному зеркалу.

— Герда, — обратился ко мне король, и тон его был таким будничным, словно не состоялся только что столь напряженный и опасный разговор. — Я отправлял тебя в Зал Покоя и велел собрать из льдинок слово «вечность».

Я насупилась и внутренне подобралась.

— Оно состоит из восьми букв, — как ни в чем не бывало продолжал Ингвар. — Ты же сложила другое слово, из трех. Как это следует понимать?

Кот хрюкнул, невзирая на то, что к отряду парнокопытных ни малейшего отношения не имел.

— У меня было такое настроение, — буркнула я.

Чувствовала себя неловко, но глаз не отвела.

— Для полноценной медитации этого недостаточно, — меланхолично сообщил король. — Изволь в следующий раз выбрать слово подлиннее. Хотя бы из пяти букв. Справишься?

— Я постараюсь, — прокашлявшись, ответила я.

— Постарайся.

Он милостиво кивнул и вышел из зала. Я тоже зашагала к себе, стараясь не замечать следующего по пятам и наверняка хихикающего кота.

День выдался на удивление солнечный. Через многочисленные высокие окна замка, увенчавшиеся в верхней своей части небольшой аркой, мне не удалось разглядеть ни единого облачка. Чистое небо насыщенного синего оттенка выглядело так, будто в горах наступило лето. Нет, снега по-прежнему притягивали взгляд белизной, но на сей раз она не была мрачной, не укрывалась грязновато-серыми тенями под столь же серым небесным сводом, а, напротив, радушно сверкала, улыбаясь яркому солнцу.

Я сидела в своей комнате, забравшись с ногами на кровать, и задумчиво разглядывала спичечный коробок, найденный после визита жителей предгорной деревни. В сотый, наверное, раз за последние дни заглянула внутрь. Одна-единственная спичка. Что ж, было бы странно, если бы с того дня их стало больше. Но как же это понять?.. Неужели тот молодой горец просто случайно забыл эту вещь, когда покидал замок? Я покачала головой, скептически морщась. Нет, неспроста он задержался у стеллажа дольше прочих. Коробок был оставлен в замке с какой-то целью. Вероятнее всего — чтобы его впоследствии нашли. Но кто? Король — вряд ли, от него горец скорее прятал свой сувенир. Кот? Если бы коробок предназначался Барсику, он давно заявил бы о своих правах. Выходит, оставалась я? А может быть, сама предпосылка ошибочна, и горец вовсе не собирался отдавать свою вещь кому-то из нас. Что, если он планировал впоследствии проникнуть в замок тайком от Ингвара, и коробок играл в этих его планах какую-то роль?

Впрочем, последнее предположение представлялось чересчур натянутым, и я заключила, что могу без особых угрызений совести воспользоваться единственной спичкой. Если, конечно, захочу. А я безусловно хотела. Я не любила атмосферу зимнего холода и терпеть не могла замок, в котором меня удерживали против воли. Удерживали не в том смысле, что запирали ворота или ставили на выходе десятков солдат. Нет, в этом отношении я была совершенно свободна в передвижениях. Но обстоятельства были таковы, что отправиться домой или даже просто прочь, куда глаза глядят, я не могла. В том, что так сложилось, не было моей вины. Более того, в самое ближайшее время я могла перестать быть собой, потерять самую свою суть. Опять же по вине Хлада, снежного короля и, по моим ощущениям, этого замка.

Если бы только я могла хоть капельку нарушить сонное спокойствие здешнего зимнего царства. Привнести сюда хоть немного огня и тепла. Раз меня словно ледяной завесой оградили от прежней жизни, вернуть себе, пусть даже в этих стенах, хотя бы самую крошечную ее каплю. А еще лучше — устроить пожар, уничтожить этот оплот жестокой стихии. Он, конечно, не последний, останутся и другие, но, во всяком случае, я бы внесла хоть какой-то вклад в борьбу против поглощающего мир мороза. С другой стороны, сжигать дом, где, как ни крути, со мной были довольно-таки добры и даже по-своему гостеприимны, казалось кощунственным.

Можно было бы сказать, что я совсем запуталась в собственных стремлениях, но спасало одно: у меня в любом случае не было ни малейшего шанса. Вероятность сжечь ледяной замок была нулевой. Я провела здесь достаточно дней и уже понимала, что здание не строилось из снега и льда изначально. Прежде это была самая обыкновенная крепость. Замороженность была привнесенной, словно внутренняя обстановка, покраска забора или обивка стен. Но она так плотно охватила замок за последние сто лет, так сжилась с ним, что отделить привнесенное от изначального казалось невозможным. И потому я знала точно: заледеневшая вода непременно победит огонь, и спичку я потрачу понапрасну.

Наконец я закрыла коробок и с тяжелым сердцем припрятала его в книжном шкафу между фолиантов.

И все же одинокая спичка никак не желала покидать мои мысли. Именно ею они были заняты, пока я привычно, но слегка замедленным шагом продвигалась к учебному залу. И когда садилась за стол. И когда задумчиво смотрела в окно, пропускающее сквозь себя непривычно яркую солнечную сущность. Затем я поднялась из-за парты, стала ходить по комнате и озираться в поисках хоть чего-то интересного. Камин я уже излазила вдоль и поперек. Выяснила, что когда-то давно здесь горел огонь, и кверху поднимался дым, чтобы вскоре поплыть над горами туда, куда понесет его ветер. Нет, сейчас все было, как и положено,

заледенелым, но, как следует поработав сперва ногтями, а потом и более подходящими для этой цели инструментами, я сумела добраться до кирпичных стенок и даже различить черные следы покрывшей их когда-то копоти. Однако воспользоваться камином сейчас возможным не представлялось. Для этого следовало бы проделать значительно более трудную и основательную работу, чем та, что я могла себе позволить. Требовались необходимые навыки и время. А главное, это нельзя было провернуть в тишине, так, чтобы хозяин замка не догадался о моих поползновениях и не пресек их на корню. Увы, королю мои попытки вернуть камин в рабочее состояние точно бы не понравились.

Но ведь хоть что-то можно было сделать? Ведь не бывает так, чтобы все ворота оставались закрытыми. Я обвела класс расстроенным взглядом и вдруг остановилась на одном весьма интересном предмете.

Ледяной круг на длинной белой ручке. Выпуклый с одной стороны, он искажал изображение, делая его крупнее. Не знаю, работали ли тут исключительно законы физики, или же подключалась магия Хлада, но общий принцип был мне известен. Лыжина собирала свет, рассеивавшийся по всей ее поверхности, и фокусировала его в одной точке. Как она при этом не таяла? Ну, не таял же на ярком солнце ледяной покров замка. Тут несомненно не обошлось без колдовства, но в данный момент меня интересовало совсем другое. А что будет, если... Изнемогая от нетерпения, я не стала долго гадать. Пока не попробую, не узнаю. Прихватив как можно больше листов бумаги, я поспешила в соседний зал, где имелся выход на длинный балкон.

Северный ветер (другого здесь и не бывало) тут же растрепал мои волосы. При такой погоде бумага моментально бы разлетелась, поэтому пришлось вернуться в помещение и прихватить оттуда несколько камней. Когда-то из таких был сложен камин, но за ненужностью его разобрали, а кое-что так и осталось лежать рядом с решеткой. Что делать, хозяин замка не слишком беспокоился о сохранности своих вещей и домашнем уюте. Взять хотя бы комнату, которую показал мне кот.

Теперь я придавила бумагу по краям раздобытыми камнями, соорудив таким образом своеобразное кострище. Встала рядом на колени, раздраженно тряхнула головой, откидывая непослушные пряди. И стала держать лыдину над бумагой.

На ярком солнце стало жарко, и я мимолетно удивилась, что, оказывается, способна ощущать изменения температуры. Ничего не происходило, и я напряженно вглядывалась в разложенные на полу листы. Неужели не выйдет? Лед не сможет сработать так, как стекло?

Но, когда я уже почти потеряла надежду, на бумаге возникла маленькая черная точка... Потом лист начал потихоньку сжиматься, темнея, а из-под него выглянул крохотный язычок пламени. Выглянул, снова исчез, и появился опять... Отложив в сторону лупу, я принялась осторожно раздувать огонь. Бережно, чтобы только не сделать хуже, только не потушить. И наконец была вознаграждена за старания. Алый цветок разыгрался, вошел во вкус, разбежался по кругу отдельными лепестками, и вскоре передо мной уже плясал настоящий костер!

Я поднялась и немного отступила, сложив руки на груди и довольно щурясь. Картина навеивала массу приятных воспоминаний — и уютно потрескивающие поленья в камине, и костер на летней лесной поляне, в который мы детьми подбрасывали тонкие веточки и шишки. Пол потихоньку начинал увлажняться, белый покров медленно, но верно превращался в капли воды...

Доля секунды — и все переменялось. Пламя застыло, превратившись в ледяное изваяние, будто в насмешку над самим понятием огня. Я обернулась. За спиной стоял Снежный король. На сей раз он не был разгневан, но глядел на меня мрачно и пылливо.

— Могу я сделать что-нибудь, чтобы ты успокоилась? — осведомился он тоном строгого отца.

— Вы можете избавить меня от осколка и отпустить? — вскинула голову я.

Ингвар медленно покачал головой.

— Это не в моих силах.

— Вот и ответ на ваш вопрос, — печально констатировала я и зашагала к себе в комнату.

Солнце еще светило в спину, но жарко от этого больше не было.

Я сидела, забравшись с ногами на кровать, и мрачно водила пальцем по одеялу, мысленно чертя... сама уже не понимала, что. Стремление создать в замке хоть какое-нибудь напоминание о тепле и лете превратилось практически в манию. Но я никак не могла ничего придумать, за исключением, конечно, использования по назначению заветной спички. Но то ли интуиция, то ли глас рассудка, еще звучавший в моей голове, отчаянно твердили, что нельзя бездарно растрачивать такой ресурс.

Кот вошел в комнату, как всегда, незаметно. И, как всегда, нагло устроился на кровати, куда его совершенно не звали.

— Брысь, — на автомате пробормотала я, впрочем, не слишком обращая на него внимание.

— И за что такое пренебрежительное отношение? — посетовал Барсик, судя по тону, несколько не обиженный. — А я, между прочим, пришел тебе сказку рассказать!

Я посмотрела на него, как на ненормального. Даже отвлеклась ради этого от своих невеселых мыслей.

— Ну, притчу? — попытался реабилитироваться в моих глазах кот.

Я продолжала сверлить его взглядом, плотно сжав губы.

— Басню? — не сдавался он.

— Барсик, что ты от меня хочешь? — вздохнула я.

— Говорю же: рассказать историю.

Кот стоял на своем, и сбить его с намеченной цели не представлялось возможным. Пришлось вывесить белый флаг.

— Итак, много лет назад, ну, например, сто — а чем плохое число? — жил на свете один принц. Или король. Ну или, например... — Барсик сделал выразительный жест передней лапой, чем-то напомнив мне человека, прищелкивающего пальцами, — ...герцог. Вот да, почему бы не герцог? Скромно и со вкусом.

Рассказчик удобно устроился на кровати, а я вся обратилась в слух, ибо начало условной притчи казалось весьма многообещающим.

— Жил этот герцог в замке, построенном на вершине высокой-превысокой горы. Так ведь часто бывает. Замки строятся там, где их трудно захватить, — продолжал кот. — Герцог был молод, порой несдержан, немного высокомерен. Но в целом землями своими правил хорошо. Земли были плодородны. Рощи фруктовых деревьев, пастбища, успехи в ткацком ремесле, — все это позволяло вверенным ему владениям процветать. У герцога был весьма богатый двор: множество советников, помощников, придворных дам и кавалеров, и все они старались одеваться по последней моде. Ну, и, конечно же, развлечения: балы, пикники, музыка, представления, охота. И вот однажды в замке появилась незнакомка. Было не вполне ясно, кто она родом и откуда пришла, зато белокурая девушка была невероятно красива, умна и обладала прекрасными манерами. Да в придачу еще и нуждалась в помощи, а что может быть лучше для рыцаря, стремящегося завладеть ее расположением?

Что-то щелкнуло в моем мозгу.

— Незнакомку звали Ранкара? — предположили я.

— Молодец! — похвалил кот. — Отлично соображаешь! А еще говорила, что сказки не любишь. И вот герцог стал ухаживать за дамой. Окружил заботой, делал подарки, устраивал балы в ее честь. Девушка принимала знаки внимания благосклонно, и как будто забыла, что у нее есть другая жизнь и другой дом.

Барсик сделал паузу, похоже, предавшись воспоминаниям, но уже не превращая их в слова.

— И что потом? — поторопила я.

— А что обычно бывает в сказках? Прекрасный принц, ну, то есть герцог, сделал прекрасной девушке предложение.

— А она его приняла?

Кот помедлил, на сей раз не погрузившись в размышления, а скорее давая понять, что ответ на мой вопрос неоднозначен.

— Приняла, — проговорил он наконец. — Но с условием. И нет бы потребовать полгерцогства, норковую шубку или, скажем, всегда отпускать ее на караоке. Она поступила более странно. Впрочем, как и положено в сказках. Она сказала, что выйдет замуж только в том случае, если жених даст слово служить ее стихии и подпишет соответствующий договор.

— Он что же, так просто взял и согласился? — изумилась я.

— А что тут такого? Он был молод, самонадеян и безумно влюблен. Посвятить себя стихии ради того, чтобы всегда оставаться с предметом страсти? Да пожалуйста. Тем более, невеста пообещала, что, согласившись, он не утратит своего могущества, скорее, напротив, его умножит. Герцог решил, что ничего не потеряет, зато приобретет семейное счастье. И поставил подпись. Правда, это пришлось сделать кровью, но такая мелочь не могла его остановить.

Я завороченно слушала, непроизвольно впившись ногтями в край одеяла.

— Вот только стоило счастливому жениху вывести последний завиток, как распахнулось — не иначе, от сквозняка, — узорчатое окно. В зале засвистел ветер, а герцог внезапно схватился за глаз, будто туда занесло соринку.

— Льдинку, — прошептала я.

— Или льдинку, — покладисто принял поправку кот. — Но боль быстро утихла, окно закрыли и порядок, казалось, был восстановлен. Вот только прежним дворец уже не стал. Первым звоночком явился иней. Морозные узоры, потянувшиеся по окнам... отчего-то с внутренней стороны. Потом снежок стал обнаруживаться то на полу, то на мебели. Каминные полки покрывались тончайшей коркой льда. В залах ощутимо похолодало, и при дыхании изо рта вырывался пар. Дамы не вылезали из шуб и прятали руки в муфтах. Стало не до модных причесок, не до попыток перещегоолять друг друга в изысканности платьев. Единственное, что волновало придворных и слуг, — как согреться в ежечасно охлаждавшемся замке. От низкой температуры начали выходить из строя некоторые механизмы, и даже вода в стаканах нет-нет, да и замерзала прежде, чем люди успевали отпить глоток.

— А что же герцог?

— Герцог всего этого как будто не замечал. Он погрузился в себя, стал отрешенным и немного нервным, что было прежде совершенно ему не свойственно. Его больше не радовало то, что раньше заставляло смеяться, и не печалило то, что когда-то могло вызвать слезы на глазах. Краски разноцветного мира словно поблекли. Надо отдать герцогу должное: он осознавал эти перемены и не приходил от них в восторг. А постепенно стал обращать внимание и на происходившее вокруг. Музыканты уже не играли мазурку и вальс, придворные не кружились в танцах, слуги не сплетничали на кухне. Больше того, люди начали потихоньку разбегаться из замка. Одни уезжали на каретах, другие готовы были спускаться с горы пешком. Некоторые считали герцогство проклятым, другие говорили, что это суеверный бред. Но мороз, проникавший даже сквозь самые теплые шубы и одеяла, постепенно разогнал всех.

Я передернула плечами, будто по телу пробежал холодок, хотя мне, в отличие от тех, о ком рассказывал кот, низкая температура никак не вредила. На секунду представилось, что залы заполнены придворными, эхо разносит по замку звучание скрипок и флейт, а из коридора слышится шорох юбок пробегающих мимо горничных и степенные шаги чопорных лакеев. В действительности же тишину не нарушало даже тиканье часов. Маятник не качался, а стрелки тоскливо застыли в одном положении. Как давно в этом замке остановилось время?

— Герцог был неглуп и, разумеется, понял, что, а еще точнее — кто, стоял за катастрофой, творившейся буквально на глазах у него в замке и в его жизни. Понял — и возненавидел еще сильнее, чем прежде любил. При этом льдинка делала свое дело: магическая мощь герцога возрастала с каждым днем. Быть его врагом стало опасно даже для служительницы Хлада, и Ранкаре пришлось бежать. Герцога это решение ни капли не расстроило, хотя еще совсем недавно он готов был жизнь отдать за беглянку. Теперь же он уничтожил в своих владениях все, что напоминало о прежней жизни. Наиболее суровая судьба постигла ту спальню, которую ты видела. Их общую спальню.

Я припомнила то жуткое состояние, в котором пребывала упомянутая котом комната. Ужасную ледяную глыбу, словно перечеркивавшую тот уют и человеческое тепло, которые, возможно, еще витали в спальне в момент ее разрушения. И портрет в разбитой раме.

Выходило, что рядом с Ранкарой там был изображен Ингвар. Брови машинально сдвинулись в жесте недоверия. Тот мужчина совсем не походил на Снежного короля. Взять хотя бы цвет его волос! Впрочем, я тут же осознала, что это различие вряд ли тянуло на серьезный аргумент. Наверняка любой, кому довелось бы пройти через злоключения герцога, мог получить белоснежные волосы в знак своего нового статуса, вне зависимости от того, блондином он когда-то был, шатеном или брюнетом. Жизнь в объятиях Хлада не приемлет разнообразия цветов, это я уже успела понять.

— Между тем, условия в замке стали совсем уж непереносимыми для обычных людей. — Рассказ Барсика постепенно подходил к концу. — Гости и постоянные жители разбежались и разъехались кто куда. Лишь молодой камердинер, отчаянно преданный своему господину, не пожелал бросить того в беде. Однако и он при всем желании не смог бы долго сопротивляться воцарившемуся кругом морозу. Следовало придумать какой-то выход из этой запутанной ситуации. И они нашли решение, основанное на магии. Камердинер был превращен в зверя, тело которого приспособлено для жизни в холодном климате.

Мои брови поднялись так высоко, как никогда прежде, задействуя мышцы, о существовании которых я даже не подозревала.

— С густой белой шерстью? — шокированно выпалила я, разглядывая эту самую шерсть широко раскрытыми глазами.

— Белой и пушистой, — подтвердил кот, изгибаясь, дабы продемонстрировать предмет своей гордости в наиболее выгодном ракурсе.

— И как его звали? Не Барсиком же?

— Бертраном. Но это слишком длинное имя для кота.

Удивительно ли, что услышанная история никак не шла у меня из головы? Не в силах долго сидеть на месте, я прогулялась по коридорам замка, причем, мало что замечая вокруг себя, а затем направилась на балкон. Тот самый, целостность которого не так давно поставила под угрозу.

Погода успела измениться: солнце уже не сияло так ярко, небо потихоньку затягивалось грязновато-белыми облаками. Редкие, но крупные снежинки падали на склоны, будто притягиваемые своими многочисленными сестрами.

Поведанное котом кардинально меняло образ Снежного короля, выстроившийся в моем мозгу, точнее, начисто рушило мое прежнее восприятие. Но как относиться к Ингвару теперь? Как к похитителю или хозяину, заботящемуся о нежеланной гостье? Как к жестокому и опасному существу или жертве обстоятельств? Как к существу сродни стихиям или вырванному из привычной обстановки человеку? Новая картина никак не желала складываться.

От раздумий меня отвлекло красивое природное действо. Небольшая стая крупных птиц, летевших откуда-то издалека над горными вершинами. Их крылья не пребывали в постоянном суматошном движении, как у более мелких пернатых. Нет, эти создания двигались гордо и торжественно, будто плыли по небу, совершая лишь редкие мощные взмахи. Вскоре я смогла разглядеть длинные клювы, мощные серые тела с вкраплением черных пятен и длинные хвосты, напоминающие веера, сложенные из перьев.

А вот разглядеть лапы удалось позднее. Когда одна из птиц, к моему восторгу подлетевшая совсем близко, внезапно камнем рухнула вниз, прямо на балкон, в последний момент приоткрыв когти для мощного захвата.

Я увернулась, резко пригнувшись и метнувшись к стене, действуя исключительно на инстинктах: разум не сумел так быстро оценить ситуацию, но тело сработало как надо. Хищник с пронзительным разочарованным криком взметнулся вверх, но на смену ему пришел следующий. Я толкнула дверь балкона, с удивлением и паническим ужасом обнаружила, что она заперта, рухнула на пол и перекатилась в сторону, не почувствовав на тот момент, как до крови царапнул плечо передний коготь. Над головой снова раздался недовольный возглас: птицам не хватало места для маневра, и, не сумев схватить жертву, приходилось возвращаться ввысь. Впрочем, лишь для того, чтобы совершить очередную попытку, либо предоставить такую возможность ждущим своей очереди товарищам. Рискнув приподнять голову, я поняла, что они продолжают целеустремленно кружить над замком, явно ненамеренные расставаться с намеченной добычей.

Воспользовавшись передышкой, предоставленной мне отнюдь не в качестве жеста доброй

воли (птицы просто перекрикивались, похоже, борясь за право первыми заполучить долгожданную жертву), я снова попыталась открыть балкон, а когда это не удалось, даже выломать дверь. Увы, моих умений в этой сфере откровенно не хватало. А может быть, дверь держал не замок, а магия, и именно по этой причине любая моя попытка была обречена на провал?

Я подбежала к перилам, перегнулась. Увы, земля (точнее, снег) была слишком далеко. Спрыгнув, я вряд ли бы удержалась на плато, на котором пристроился замок. Вероятнее всего, я кубарем покатилась бы вниз по склону и вряд ли такой экстрим закончился бы для меня чем-то хорошим.

Поэтому, когда очередная птица спустилась вниз и, более осторожная, чем ее предшественницы, застыла в нескольких метрах надо мной, размахивая огромными крыльями, я отлично поняла, что шансы мои ничтожны. Поняла, но это не значит, что бездействовала. Действуя, получаешь хотя бы мизерную возможность победить, к тому же и чувствуешь себя при этом значительно лучше.

Я встретила хищницу почти лицом к лицу, потом запланированно отступила в тот угол балкона, где полноценно взмахнуть крыльями было почти невозможно. Птица поняла это не хуже меня, но нашла другой выход: воспользовалась балконными перилами, как насестом. Обхватила их лапами и принялась потихоньку передвигаться в моем направлении. Я стала искать глазами что-нибудь, чем можно было бы запустить в нее, если она нападет. Увы, под рукой не нашлось ни одного подходящего предмета. Черные, круглые, нечеловечьи глаза были уже совсем близко, и я без труда увидела в них собственную смерть.

И тут балконная дверь содрогнулась, будто от удара, хотя ни малейшего шума это не произвело. Спустя мгновение она распахнулась, и на балкон ворвался Снежный король. Ветер легонько коснулся его волос, заиграл с белоснежным плащом. Ингвар поднял кверху обе руки и быстро проговорил себе под нос несколько непонятных, но жестко и повелительно прозвучавших фраз. Птицы отчаянно захлопали крыльями. Правда, одна уже готова была ударить меня клювом, но королю оказалось достаточно развернуться в ее сторону и быстро сказать два слова на неизвестном мне языке. Хищница дернулась, обернулась ледяной статуей и рухнула вниз на скалы.

Вторую птицу, попытавшуюся до меня добраться, ждала та же участь. В голове промелькнула мысль: насколько же важно этим существам пленить меня, а, может быть, убить, если они готовы вот так бороться до последнего, даже рискуя пострадать от самого короля ледяного замка. Но остальные хищники, похоже, не захотели повторить судьбу своих товарищей и, развернувшись, двинулись в северном направлении, туда, откуда не так давно прилетели.

Однако же на этом Ингвар не остановился. Снова воздев руки, он прошептал на грани слышимости несколько непонятных слов. Метель усилилась, снег закружился вокруг хозяина замка, оплел его руки белоснежными перчатками и, подхваченный ветром, устремился к птицам. И вот последние тоже застыли в воздухе, правда не заледенев, как их предшественницы. Словно время остановилось, и я наблюдала один момент из жизни заснеженного края, отчего-то растянувшийся на несколько минут.

Король высоко поднял голову и громко вскричал, обращаясь к невидимой собеседнице:

— Я предупреждал тебя, Ранкара! Все, кто живет в замке, под моей защитой. Я один хозяин в своем доме. Не нарушай чужих границ, не иди против моей воли. Иначе рискуешь сразиться со мной один на один.

Каждая фраза рассекала воздух, словно удар плети. Лишь после того, как король закончил говорить птицы вновь обрели способность передвигаться, и спешно покинули наше небо. Вместе с ними, казалось, исчезла и Ранкара, которая либо сама управляла пернатыми, либо, по меньшей мере, обладала способностью слышать их ушами.

Птицы исчезли из виду, метель успокоилась, снежинки вновь падали так же медленно и неторопливо, как прежде. Король тоже ощутимо расслабился: он больше не выглядел собранным и опасным, как раньше, когда держал в узде магию, готовую в любой момент сорваться с его пальцев. Сейчас он просто стоял, опираясь о бортик балкона, и наблюдал за мной. Меня трясло, и я обхватила себя руками.

— Не бойся. Она больше не посмеет причинить тебе вред, — заверил Ингвар. — Я недвусмысленно дал ей понять, что, если нарушит уговор, будет иметь дело со мной. И, поверь, она не захочет меня провоцировать.

Я хотела спросить, какое значение имеет для него моя судьба, и почему он так со мной возится, но вместо этого тихо сказала:

— Холодно.

Король устремил на меня оценивающий взгляд.

— Исключено, — покачал головой он. — Таким, как мы, холодно не бывает.

— Таким, как мы? — решилась переспросить я.

— Уверен, этот белый и пушистый пройдоха уже выболтал тебе то, о чем говорить не следовало. Даже не пытайся это отрицать.

Ингвар распахнул балконную дверь и дал мне знак следовать за ним. Я послушалась.

— Он сделал это далеко не сразу, — все-таки выступила в защиту кота я. — Он вообще не так уж много болтает. Скорее выдает сведения... порциями.

Король, похоже, удивился такому замечанию, однако морщины на его лбу быстро разгладились.

— Видимо, боится, что у него слишком быстро закончатся темы для разговоров.

Мне казалось иначе: скорее, Барсик действовал по собственной, строго продуманной схеме. Но я решила не вступать в спор, тем более, что не имела ни малейшего представления о том, какие цели преследует наш белый и пушистый приятель.

— Этот шалопай становится порой совершенно несносен, — заметил Ингвар, не замедляя шага.

— И тем не менее вы оставили его в замке.

Я старалась не отставать, старательно кутаясь в пушистый свитер: чувство холода не отпускало.

— Самая большая моя ошибка за эти годы, — легкомысленно откликнулся король. — Возможно, даже единственная.

«Э нет, ваше величество, — подумала я, сверля взглядом его спину. — Никакая это не ошибка. Вы оставили подле себя Барсика как единственную ниточку, связывающую вас с внешним миром. Миром, где существует что-то помимо мороза, безразличия и ненависти. Не исключено даже, что это единственный мудрый поступок, который вы совершили за эти годы».

Он оглянулся, замедля шаг. На миг поймал мой взгляд, потом обратил внимание на крупную дрожь, которая никак меня не отпускала.

— У нас обеих льдинка в глазу, — продолжил развивать прерванную мысль король. — При всех своих недостатках она надежно охраняет от холода. Температура в этом замке еще ниже, чем там, снаружи. — Он махнул рукой в направлении ближайшего окна. С той стороны стекла хлопьями падал пушистый снег. — Правда, мороз здесь колдовской, необычный. Поэтому ты можешь пить воду, и источник не замерзает. Но ни одно живое существо не протянет в замке долго, если не озаботится магической защитой.

— Каково это, сто лет жить со льдинкой в глазу?

Отчего-то сегодня я осмелела в разговоре с королем. Возможно, ничто уже просто не могло напугать меня после нападения птиц. А может быть, причина была в том, что сам Ингвар сделал шаг мне навстречу, разговаривая почти как человек?

Он равнодушно пожал плечами.

— За сто лет можно привыкнуть к чему угодно.

— А если не хочешь привыкать?

— Можно страдать. Есть люди, которым это по душе.

Я помолчала, мысленно прокручивая сказанное.

Привычка и страдание не нравились мне в равной степени, поэтому я спросила о другом (когда еще решусь?):

— Ранкара. Почему она так меня невзлюбила?

— Тебе нужна ее любовь? — саркастически поинтересовался Ингвар.

— Ну, я просто предпочитаю, чтобы меня не пытались убить. Особенно без очевидного повода.

— Я ведь уже сказал: попытки не повторятся, — отрезал он. — Что же касается мотивов... Не знаю, что творится в голове у Ранкары, да и не желаю знать. Она заботится о деле Хлада. Вернее всего, причина в этом. Ей кажется, ты не подходишь на роль будущей наместницы.

— А вы как думаете?

Сама я, признаться, была полностью солидарна с жрицей. В том, что касалось ее выводов, а не методов решения проблемы, разумеется.

— А мне это безразлично, — будничным тоном отозвался король.

— Но как такое может быть? — выпалила я. — Вы сами — наместник, и вам все равно, кто станет вашим последователем?

— Прими как данность, — бросил в ответ он, явно не собираясь что-либо объяснять. — Только не забудь заглядывать в книгу. Хотя бы изредка.

Я потупилась. Наверное, не стоит рассказывать, что некоторые страницы пошли на растопку костра, устроенного мной в качестве саботажа? Пожалуй, такая исповедь была слишком рискованной.

— Пришли. — Ингвар толкнул дверь, и я только теперь поняла, что мы добрались до моих покоев. — Терзающий тебя холод существует только в воображении.

Он взмахнул рукой, и в мертвом камине внезапно заполыхало пламя. Алые языки с удовольствием лизали поленья, в трубу потянулся черный дымок, то и дело окрашиваемый ярко вспыхивающими искрами.

— Огонь — настоящий? — спросила я, с изумлением глядя на это чудо.

— Нет, конечно, — последовал ответ. — Это иллюзия. Но и иллюзии способны отлично согревать.

С этими словами король ушел.

Зал с зеркалом я с некоторых пор старалась обходить стороной, но в тот день невольно заглянула туда, услышав голоса. Один из них был особенно громким, и узнать его не составило труда.

— Это все из-за тебя, паршивый кот! — кипела негодованием Ранкара.

— Не понимаю, о чем ты, — с нарочитым спокойствием, но без особой приязни отвечивал Барсик. — Кстати, не исключено, конечно, что память мне изменяет, но, по-моему, тебя в замок не приглашали.

— Не заговаривай мне зубы! — шикнула на него жрица. — Замок давно уже не принадлежит твоему хозяину. Это территория Хлада, а Ингвар проживает здесь на правах наместника. Я же — первая жрица, и вправе появляться там, где захочу!

Видимо, доля истины в этих словах присутствовала, поскольку кот, несмотря на крайне недовольный вид, с ответом не спешил.

— Меня интересует, зачем ты притащил сюда девчонку.

Ранкара огляделась, будто, несмотря на недавнее смелое утверждение, все-таки опасалась, что король засечет ее здесь. Я едва успела спрятаться за дверью, для верности крепко прижавшись к стене. Впрочем, это нисколько не мешало мне слушать продолжение разговора.

— Случайное стечение обстоятельств, — вздохнул кот, хотя было в его тоне что-то издевательское. — Должен был попасться ученик, но вот ведь незадача...

— Не лги мне! — прошипела жрица. — Ты можешь обмануть своего господина, но не меня! Ты, конечно, безалаберный мальчишка, но не так глуп, чтобы перепутать девушку с юношей. И в сани заманил того, кого захотел. Понять бы только, почему. Что проку тебе от этой девчонки?

— Хм, хм, за что же ты ее так невзлюбила? — Барсик озвучил вопрос, терзавший и меня саму. — Неужели считаешь, что она заняла в замке твое место? Да нет, вряд ли, — продолжал он, будто бы беседуя сам с собой. — Не думала же ты, что если он не допускал тебя сюда сто лет, на сто первый что-нибудь изменится?

Разговор принимал столь драматический оборот, что я снова рискнула заглянуть в зал. И вовремя. Как раз успела увидеть, как Ранкара с искаженным от ненависти лицом схватила кота за уши и приподняла над полом. Учитывая внушительный размер Барсика, для этого требовалась недюжинная сила, и хрупкая на вид женщина явно таковой обладала. Зверь жалобно, пронзительно взвизгнул, и я не удержалась, вбежала в приоткрытую дверь.

— Отпусти его немедленно! — потребовала я, вытянув руку и направив указательный палец прямо на жрицу. Словно имела право отчитывать ее и требовать повинения.

Впрочем, Ранкара, как ни странно, кота отпустила. Поджав уши, он шмыгнул мне за спину.

— Разве не знаешь, что животных обижать нехорошо?

Я попыталась почерпнуть смелости из всем известных и неоспоримых истин.

— Этот котяра — то еще животное, — фыркнула жрица. — И с чего ты решила за него заступаться? Вряд ли ты рада тому, что оказалась в этом замке. А ведь именно он завлек тебя сюда. Или ты тоже веришь в сказочку о нелепой случайности?

В «сказочку» я действительно верила с каждым днем все меньше. Но принимать сторону Ранкары в споре этих двоих не собиралась. Что-то подсказывало: даже если Барсик имел на меня свои, никому не ведомые планы, намерения жрицы все равно были в тысячу раз хуже.

— С ним я сама разберусь, — отрезала я. — Если понадобится, тапками закидаю. — Из-за спины донесся возмущенный мяв. — А за уши таскать никому не позволю.

Белокурая женщина разглядывала меня с нескрываемым, жадным интересом. Речи мои, похоже, ее не рассердили, скорее просто позабавили. Но моя личность ее определенно занимала, в этом не оставалось никаких сомнений.

— Оригинальный у тебя выбор друзей, — хмыкнула она. — Может, и за Снежного короля заступишься?

— Может, и заступлюсь, — парировала я, главным образом из духа противоречия.

— Только не пребывай во власти иллюзий. Думаешь, если ему вздумалось выступить в твою защиту, значит, он — добряк, каких мало? Ты имеешь дело с наместником Хлада, Герда, и этим все сказано. Мы здесь не в игры играем. Знаешь, скольких людей убили созданные им морозы? Скольких мужчин, женщин, детей, несмышленных младенцев? Я уже не говорю о зверях. Сколько деревень было заброшено, полей и пастбищ? Полагаешь, после всего этого он заслуживает второго шанса?

— Нет, — твердо ответила я, глядя ей в глаза. Мимолетно заметила, как поник перебравшийся в поле моего зрения кот. — Снежный король не заслуживает второго шанса.

Ранкара победоносно улыбнулась, несколько преждевременно, поскольку я продолжила:

— Но юный герцог Ингвар, который все эти годы прожил в глубине души Снежного короля, такой шанс заслуживает.

Жрица скривилась, будто вместо мармелада положила в рот дольку лимона.

— Люди не живут так долго, глупая девочка. Ингвар давно умер. Его убил Хлад, поселившийся в глазу и в душе. Хлад убивает все.

— Не всегда, — возразила я. — Иногда, наоборот, сохраняет.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Ранкара, и тут я впервые в полной мере поняла слова кота: она видит и понимает лишь то, что идеально укладывается в ее картину мира.

— Ну, дома мы, например, используем холод, — принялась объяснять я намеренно буднично, подчеркивая, что говорю о банальных, бытовых вопросах. Я знала, что это точно разозлит жрицу. — Для того и существуют подвалы. Там более низкая температура и хорошо хранятся продукты. Помидоры, например, морковь, другие овощи. Молоко. Соки и вина. Холод бывает очень полезен.

Если бы Ранкара не принадлежала с головы до ног стихии Хлада, я бы решила, что у нее вот-вот задымятся волосы, а из ушей повалит пар.

— Ты... Да как ты смеешь?! — гневно прошипела она. — Кто ты такая? Всего лишь самая обыкновенная девчонка, не имеющая ни жизненной мудрости, ни научных знаний, ни магических способностей. Как смеешь ты неуважительно отзываться о самом Хладе?

— Ну почему неуважительно? — удивилась я, и не думая спорить с критическими утверждениями в свой адрес. — Наоборот, я говорила о его пользе.

— Хлад существует не для того, чтобы приносить мелкую пользу мелким людишкам, — процедила жрица.

Я примирительно пожала плечами.

— Возможно. Но мы, люди, умеем использовать то, что дают нам самые разные стихии. Мы благодарны земле за то, что она нас кормит, и воздуху за то, что благодаря нему можем дышать, и воде, которая поит нас и умывает, и огню, который греет. И холоду мы тоже благодарны — за свежий ветерок в жаркий день и за узоры инея на деревьях. Но мы не рабы ни одной из стихий, ни той и ни этой.

Ранкара шагнула ко мне совсем близко, словно готовилась вступить в поединок. Это пугало, хоть я и отдавала себе отчет в том, что поединок начался уже давно.

— Хлад набирает силу, — отчеканила она. — Скоро он накажет всех, кто становится на его пути. И тебя, и этого мерзкого кота. И даже Ингвара, если он не одумается, но, впрочем, я все еще надеюсь на его благоразумие. И даже этому мальчишке, Каю, — она сделала небольшую паузу прежде, чем назвать имя, словно его пришлось вспоминать, и это оказалось не слишком легкой задачей, — который палец о палец не ударил, чтобы вернуть тебя туда, откуда ты родом... Даже ему хорошо достанется, просто за то, что он не присмотрел за тобой тогда, когда это требовалось. И не сел в колдовские сани, которые наверняка были предназначены именно для него.

Во мне стала закипать злость. Началось это еще раньше, но в тот момент, когда Ранкара сказала «Кай», процесс стал необратим. Он здесь ни при чем. Он — лучший друг, какого только можно себе представить. Зачем она трогает его имя своими грязными руками?

Я была обязана хоть как-то выместить свою злость, и слов для этой цели было уже недостаточно.

— Ах так...

Я схватила со стола первый попавшийся предмет, показавшийся достаточно тяжелым, — серебряный канделябр, рассчитанный на пять свечей. И, не отрывая глаз от Ранкары, со всей силы запустила им в волшебное зеркало.

Свист рассекаемого воздуха, звонкий удар, шумное падение канделябра и... ничего. Зеркало осталось точно таким же, каким было прежде. Ни единой царапины, не говоря уже об осколках. Лишь по прозрачной глади стекла пробежала разноцветная рябь — но и это прошло буквально за пару секунд.

Мы переглянулись с котом, удивленным, пожалуй, не меньше меня. Ранкара громко расхохоталась. Весело, победоносно, от души, дергая плечами и запрокидывая голову. Но едва смех утих, ее глаза и голос стали такими же убийственно холодными, как прежде.

— Думала, что сможешь так легко мне помешать? — процедила она. — Таким, как ты, никогда это не удастся. Можешь перебить всю посуду в замке. Это зеркало останется стоять на том самом месте, куда я когда-то, а именно — сто лет назад, его определила. Ингвар пока повелевает не трогать тебя, и я вынуждена прислушаться к его требованию. Но не думай, что это продлится долго. Случайная защита Снежного короля — дело проходящее. В отличие от статуса жрицы Хлада. А, значит, и от моего зеркала.

Одарив нас напоследок взглядами, не сулящими ничего хорошего, Ранкара шагнула к зеркалу

и буквально растворилась в нем, исчезнув из дворца так, будто никогда здесь и не бывала.

Волшебные зеркала лишь ненадолго выпали из поля моего зрения. На следующий день я шла по коридорам замка, внимательно разглядывая стены и потолки. Всего пару часов назад складывалось впечатление, что лед начинает подтаивать. Крупные капли изредка падали с канделябров, возле кресел и диванов скапливались лужи, картинные рамы темнели в тех местах, где проложил влажную дорожку растаявший снег. Однако теперь казалось, что все эти изменения были лишь игрой моего воображения. Несмотря на сиявшее за высокими окнами солнце, внутри было морозно и белым-бело.

Впрочем, погода тоже стала меняться буквально на глазах. Я не успела добраться до конца коридора, а небо уже заволочло тучами. Резкий ветер прокрадывался в неприметные глазущели, свистел под потолком и даже трепал мои волосы. Снаружи закружились первые снежинки, предвещая начало лютой метели.

Короля я обнаружила совершенно случайно, в зале, к которому выводил коридор, и который необходимо было пересечь, чтобы попасть в другие комнаты. Ингвар сидел на стуле напротив небольшого, с две моих ладони, зеркала, установленного на высокой подставке, какие художники используют порой для своих полотен. Кто-то мог бы похихикать, решив, что хозяин замка уподобился Нарциссу и теперь с толком и расстановкой разглядывает собственное отражение. Но я, сколь странно это ни прозвучит, уже достаточно хорошо знала этого человека, чтобы допустить такую возможность. Да и о природе отдельно взятых зеркал успела получить кое-какое представление.

Слегка изменив траекторию движения, я прошла полукругом и остановилась в нескольких шагах от короля, в точке, которая позволяла взглянуть на стекло. Так и есть. Зеркало показывало отнюдь не того, кто сидел напротив. И даже не меня за его спиной. А совершенно иную картину.

Я подошла поближе. Ингвар, без сомнения, засек мое присутствие (да я и не пыталась таиться), но признаков недовольства не проявлял. И я решилась спросить:

— Изменение погоды — это ваших рук дело?

— Ты сообразительна, — откликнулся он, не отрывая глаз от стекла.

— А зачем?

Ясное дело, моим мнением по этому вопросу никто не интересовался. Но я любила солнце и не испытывала ни малейшего желания погладить по головке того, кто заменил ясный день на снежную бурю.

— Просто потому, что кто-то должен делать эту работу?

Я попыталась предугадать его ответ.

— Ну почему? Есть более конкретная причина.

— Какая же?

— Возмездие.

Меня будто окатили холодной водой.

— Кому?

— Нарушительнице границ.

— За что?

Король соизволил наконец повернуть голову, чтобы наградить меня ироничным взглядом.

— Весьма закономерный вопрос.

— Я имела в виду — в этом же нет ничего такого уж страшного? — поспешила оправдаться я. — В нарушении границ?

Ингвар неопределенно передернул плечами. Он снова был сосредоточен на зеркале. Жест его выражал не неуверенность, скорее безразличие. И тем не менее он снизошел до объяснения:

— Эта женщина — своего рода расхитительница гробниц. Она крадет вещи людей, которые жили когда-то в горных деревнях. За это ей положена кара.

Я поежилась: от последнего слова будто взаправду повеяло холодом. Краем глаза я уловила какое-то движение и, взглянув на окна, поняла, что снаружи всюду бушевала метель. Король повел рукой — и снежинки заплясали еще быстрее.

— А что это за зеркало?

Вопрос не отвлек Ингвара от его занятия, но, во всяком случае, меня не прогнали прочь и даже не проигнорировали.

— Можешь подойти. В конце концов, тебе тоже предстоит этому научиться.

И я склонилась над его плечом, всматриваясь, казалось, в совершенно другой мир.

Это были зимние горы. Высокие, крутые, местами отвесные. Узкая тропинка, припорошенная снегом, но все же проходимая. Во всяком случае, нога женщины, шедшей куда-то по этой тропе, не тонула в сугробах, а погружалась в белый покров примерно на полсапога. Я не сразу сумела разглядеть ее лицо: мешал отороченный мехом капюшон. Потом она запрокинула голову, всматриваясь куда-то вверх (скорее всего, пыталась разобраться, чего ожидать от затянувших небо туч), и я поняла, что она совсем еще молода: лет двадцать пять, не больше. Упрямая линия потрескавшихся от мороза губ, острый нос, ярко выраженные скулы и в высшей степени беспокойный взгляд. Что ж, последнее несколько не удивляло. Надо совсем уж ничего не понимать в горах, чтобы не растревожиться при резкой перемене погоды. Стоит отметить, что метель, кружившая за окнами замка, еще не добралась до того места, которое показывало зеркало. Там, как и совсем недавно — у нас, пока всего лишь потемнело, да крупные снежинки начали падать с неба, потихоньку засыпая звериные следы.

Девушка обернулась и что-то сказала. Я поняла это по шевелению губ: звуков зеркало не передавало.

— Она там не одна! — воскликнула я.

— Ну и что? — последовал равнодушный ответ.

— Но, получается, кто-то погибнет вместе с ней.

— Значит, ему не повезло.

— Но ведь тот, второй, человек ни в чем не виноват. Значит, его убивать несправедливо.

Я понимала, что переубедить Ингвара шансов мало, но решила все-таки попробовать.

— Он виноват по меньшей мере в том, что оказался в неправильное время в неправильном месте. За это, знаешь ли, тоже приходится расплачиваться. Может быть, даже чаще, чем за что-либо другое. Кроме того, тебе не пришло в голову задаться простым вопросом: что он делает в горах вместе с ней?

Палец короля указал на зазеркальное изображение девушки, и вьюга за окнами внезапно ослабла, словно лишилась подпитки. Метель, конечно, не прекратилась окончательно, но ветер немного поутих, да и снегопад стал слабее. Впрочем, все быстро возобновилось, стоило королю вновь сконцентрироваться на ворожке, сосредоточенно прищулив глаза. Пассы он делал лишь изредка, работая в основном ментально, силой мысли... Впрочем, я недостаточно хорошо разбираюсь в колдовстве, чтобы правильно сформулировать, как именно он это делал. Могу лишь сказать, что внешне этот процесс проявлялся очень мало: никаких резких движений, выкриков, выводимых на полу рисунков, вспышек или электрических разрядов под потолком. Были лишь сузившиеся от сосредоточенности глаза, нахмуренные брови, часто бьющаяся на шее жилка и руки, иногда подрагивавшие от мышечного напряжения.

Я вскрикнула и, подавшись вперед, крепко стиснула в пальцах спинку кресла. Причиной столь внезапной реакции явился отнюдь не занятый чарами король. Там, за стеклом, в мире гор, ветра и снега, к которому я могла сейчас волшебным образом прикоснуться, возник спутник девушки. Проще говоря — Кай.

Я узнала его сразу: по походке, по самую малость ссутуленной спине, по характерным движениям — мелочам, которые и словами-то не выразишь, но которые никогда не позволяют спутать близкого человека с похожим, но чужим. Узнала еще прежде, чем он скинул меховой капюшон, примерно такой же, как у «расхитительницы гробниц», и что-то заговорил.

Снежинки сразу же стали оседать в его темных густых волосах. Девушка принялась отвечать, эмоционально жестикулируя. Теперь я бы очень дорого отдала за возможность не только видеть, но и слышать все, что происходило там, на склоне горы. Но, увы, зеркало таких услуг не предоставляло.

— Надо срочно искать убежище!

Элин повернулась к Каю, иначе он точно не услышал бы ни слова. Даже сейчас приходилось изо всех сил перекиривать свист разошедшегося не на шутку ветра.

— Будет буря!

Она беспокойно посмотрела на небо, надеясь найти хотя бы малейшую причину усомниться в собственном прогнозе, но — увы. Природа буквально вопила о том, что грядет настоящее светопреставление.

— Пещер мы не проходили, и спуск позади слишком резкий, — резонно заметил Кай, тоже не на шутку встревожившийся.

Внезапно затянувшееся тучами небо не радовало, но еще сильнее нервировало беспокойство в глазах спутницы. Она еще ни разу не была так близка к потере самообладания.

— Значит, придется идти вперед. — Решения Элин принимала по-прежнему быстро. — Я и дальше не припомню пещеры, где можно пересидеть непогоду. Но оставаться здесь — это самоубийство.

Она не стала объяснять, просто взглянула направо, туда, где крутой склон резко уходил вниз. Кай посмотрел в противоположную сторону, изучая каменную поверхность. Ни дерева, ни удобного выступа — ничего, за что можно было бы ухватиться, дабы надежно переждать непогоду.

— Пойдем как можно быстрее, — согласился он. — Может, впереди хоть что-то подходящее, да найдется.

Две фигурки, закутанные в меховые куртки, медленно продвигались по тропе навстречу все усиливавшемуся ветру.

— Стойте! — воскликнула я, с трудом оторвав взгляд от зеркала. — Остановите колдовство!

— Почему?

Король недоуменно нахмурился, однако же занятия своего не прервал.

— Это же Кай!

Ни один мускул не дрогнул на лице Ингвара, словно произнесенное мной имя было для него не более чем пустым сотрясанием воздуха. Разве что с ответом он слегка промедлил. Но когда заговорил, голос звучал традиционно отстраненно и равнодушно.

— Ну и что? Что это меняет?

Это меняло все на свете, но как я могла донести такую простую истину до наместника Хлада? Закусив нижнюю губу, я отчаянно искала способ заставить его передумать.

— Вы дали понять, что спутник этой женщины пошел в горы не просто так! Что он тоже станет, вместе с ней, раскапывать вещи из той деревни! И, значит, он тоже виноват. Но Кай пришел не за этим. Он пришел за мной!

Я решительно топнула ногой, разметая в стороны скопившийся на полу снег.

— Я также говорил о неудачном месте и неудачном времени, — напомнил Ингвар. — Впрочем, это неважно. Я собираюсь покарать женщину, до мужчины мне нет никакого дела. Если ему хватит ума держаться в стороне, я его не трону.

Я горько скривила губы, чувствуя себя до отвращения бессильной. Кай не станет держаться в стороне, и дело не в том, что ему «не хватит ума». Если на его глазах будет погибать женщина — к тому же знакомая женщина, рядом с которой он, по-видимому, уже проделал какой-то путь, — он не станет закрывать глаза, прикидываясь, будто ничего не заметил. Он все сделает, чтобы помочь.

И где этот проклятый кот, когда мне так нужна поддержка? Хотя как знать, на чью сторону он бы встал в такой ситуации...

— Это несправедливо!

— Справедливость вообще не по моей части.

— В самом деле? А я полагала, вы именно во имя справедливости вознамерились покарать эту женщину. Хотя знаете что — вы правы! Справедливость здесь ни при чем. Что она, в сущности, совершила такого преступного, чтобы ее казнить? Выкапывала из-под снега вещи людей, которые давным-давно покинули свои дома?

— Это приравнивается к мародерству, — отрезал Ингвар, которому явно не понравились мои слова.

— С тех пор минули десятки лет. Большинства из тех селян давно уже нет в живых. Сегодняшние дети знают о затерявшейся в горах деревне разве что из стариковских историй. Если кому-то пригодится что-то из брошенного скарба, какая в этом беда?

— Я уже все сказал. — Король был непреклонен. — Деревня мертва и погребена под снегом. Никто не вправе тревожить память людей, которым однажды пришлось оставить свои дома.

— А кто за это в ответе? — выкрикнула я. — Кто виноват в том, что они были вынуждены бежать от лютых морозов? Или тоже та девушка? Да вот беда: она тогда еще даже не родилась.

— Что ты знаешь о тех временах?

Король разозлился, это бы понял даже глупец. По насупленным бровям, по сверкающему взгляду, даже по тому, как он, позабыв о зеркале, отвел руки, прерывая тем самым поток колдовства.

— Очень мало, — согласилась я. — Знаю, что деревню погубил Хлад. А еще знаю, что у тех людей был правитель, на покровительство которого они имели право рассчитывать. Возможно, он не в силах был ничего изменить. Возможно, был слишком поглощен другими делами. Теперь же он стремится вернуть долг тем, кого когда-то оставил в беде. И это хорошо. Но долги можно возвращать по-разному! — Я умоляюще сцепила перед собой руки. — Можно беречь то, что давно утратило свою ценность. А можно не дать другим людям пасть жертвами все того же Хлада!

Я замолчала, кляня собственную слабость: по щекам катились крупные слезы. Студеный воздух тревожил влажные дорожки под глазами.

Лишь теперь я заметила, что ярость Ингвара, сколь ни странно, сошла на нет. Устремленный на меня взгляд был наполнен совершенно непонятными эмоциями, но злости среди них не было, это точно. Наконец, король вяло, будто в состоянии апатии, махнул рукой. Зеркало тотчас стало мутным, словно запотело, а ветер за окном стих, и снегопад прекратился.

— Спасибо, — прошептала я, но вряд ли слова благодарности были услышаны.

Ингвар удалялся неспешным шагом, и его спина была не такой прямой, как обычно. Я успела так привыкнуть к нему за эти недели, что заметила перемену, даже невзирая на то, что белоснежная шуба почти полностью скрадывала внезапную сутулость.

От роя мельтешащих перед глазами снежинок ничего не было видно, и инстинктивные попытки защититься от этих маленьких тварей, выставив перед собой руки, успеха не возымели. Крохотные белые комочки надежно отрезали от внешнего мира, к тому же еще и норовили попасть в рот, в нос, за шиворот, оседали на куртке, капюшоне и ресницах — в общем, Каю казалось, что он тонет в них, словно в стерильном, сверкающем болоте. Все это можно было пережить, но главная беда заключалась в том, что тропа, по которой они художественно продвигались вперед и вверх, тянулась вдоль крутого обрыва. А значит, шансы не пережить подъем тоже имелись. Вот только подходящего места, чтобы переждать разбушевавшуюся бурю, все никак не попадалось.

Пришлось все-таки остановиться, сопротивляясь очередному особенно резкому порыву ветра. Тот дул в совершенно непонятном направлении, как будто беспрестанно менявшемся: то плевал снегом в лицо, то подталкивал в спину, а сейчас и вовсе, вопреки всем законам природы, норовил оттащить от возвышавшегося по левую руку склона и столкнуть в обрыв. Словно кто-то хватал за плечо невидимыми руками.

— Сможешь еще немного пройти?

Для того, чтобы задать этот вопрос, Элин пришлось развернуться и встать к нему практически вплотную, и все равно она, надо думать, кричала во весь голос, а он еле-еле слышал, наполовину угадывая слова. Сейчас ветер снова подул в его сторону, и тратить силы на речь было бессмысленно, так что Кай просто дважды кивнул.

— Там, метрах в двухстах, неплохое углубление, почти пещера. Можно попробовать укрыться от ветра. И выступы есть.

Кай снова кивнул. Пока склон оставался таким гладким, что ухватиться было не за что. Юноша посмотрел вперед, вернее, попытался посмотреть, но не увидел ничего, кроме белой пелены. Двести метров — смешное расстояние, но сейчас, когда они продвигались с черепашной скоростью, оно казалось практически непреодолимым.

Элин развернулась и продолжила, как могла, продвигаться вперед, а перед мысленным взором Кая все еще стояло ее лицо — с покрасневшимся от мороза носом, потрескавшимися губами, заиндевевшими бровями. Ей тоже приходилось несладко, хотя, в отличие от него, она не была новичком в подобных переходах.

До пещеры добраться не удалось. Под напором очередного порыва ветра (или это не ветер был вовсе?) Элин потеряла равновесие, закачалась на самом краю обрыва... Кай попытался прорваться к ней, но, несмотря на крохотное, казалось бы, расстояние, это потребовало времени. Воздушный поток словно нарочно не пропускал вперед. Юноша до крови закусил губу, сделал отчаянный рывок...

Внезапно все стихло. Буря прекратилась, будто по мановению чьей-то руки. Кай отлично понимал, что так не бывает, даже здесь, даже в этих непредсказуемых и опасных горах. Но он же знал, куда направляется, и кто живет в замке, давным-давно построенном на одной из вершин.

Юноша обнаружил себя стоящим на коленях — упал из-за неожиданно исчезнувшей преграды. В таком положении снег доходил ему до середины бедра. Он стал неловко подниматься, одновременно ища глазами Элин. Не найдя, страшно перепугался, подскочил к краю обрыва.

Она еще держалась. Опыт и быстрая реакция позволили успеть сориентироваться в момент, когда падение было уже неизбежным, и девушка ухватилась за узкий выступ. Земли под ногами не было: она висела над глубокой пропастью. Вся надежда оставалась на крепость рук, к добру или к худу одетых в плотные перчатки. Они, разумеется, вредили маневренности, зато не соскользали с камня. И все-таки долго она бы так не продержалась.

Кай лег на снег, по ходу дела избавляясь от собственных перчаток. Подтянулся, продвинулся вперед, насколько это было реально. Так, чтобы видеть происходящее внизу, но не упасть самому.

— Элин! Держись!

Она не ответила. На то, чтобы удержаться, как раз и уходили все ее силы. Но кисти потихоньку начинали неметь, и грозились соскользнуть с выступа.

— Хватай меня за руку! — крикнул Кай, перегибаясь через край настолько, что его высмеял бы любой инструктор по горному восхождению.

Юноша сумел-таки коснуться пальцев Элин, удержавшись при этом на краю обрыва. Затем перехватил ладонь девушки и попытался вытащить ее на поверхность. Он тянул изо всех сил, дрожа от напряжения, крича в голос, но не позволяя себе расслабиться ни на мгновение. Остановился лишь когда стало совершенно ясно: если продолжит свои старания, обязательно выпустит ее руку.

Он снова лежал на краю, готовясь приступить к следующей попытке; мышцы дрожали от напряжения. Теперь Элин одной рукой впилась в выступ, а другой держалась за Кая. Ладонь за ладонь, пальцы за пальцы. Такая хватка была в высшей степени ненадежной, и Охотница отлично это знала. Счет шел на секунды.

— Отпускай! — крикнула она.

Нельзя сказать, чтобы эта просьба, или даже приказ, ошеломила Кая. Он понимал логику ее рассуждений. Элин не верила, что из создавшегося положения может найтись мало-мальски

приемлемый выход, и предпочла не продлевать агонию. Тем более, иначе дело могло кончиться с большими жертвами, и именно это она дала ему понять:

— Меня все равно не удержишь. А так я тебя еще за собой утяну ненароком. Отпускай!

— Не отпущу! — отрезал Кай, боясь только одного: что вот сейчас она сама осознанно разожмет пальцы, чтобы не дать ему последовать за ней. — Ты сможешь продержаться без меня минуту? Меньше даже!

— Попробую.

Девушка выпустила его ладонь и обеими руками вцепилась в каменный выступ. Кай даже немного успокоился: суицид по меньшей мере откладывался, а, значит, был шанс успеть спасти положение.

Теперь быстро выудить из-под куртки приготовленную для сложных переходов веревку, размотать нужную часть, перекинуть вниз и, отступив от края, встать максимально устойчиво.

— Готова?

По тому, как задергалась веревка, он понял, что Элин за нее ухватилась.

Сперва девушка попробовала самостоятельно взобраться на тропу, но, увы, форма склона, слегка прогнутого внутрь, никак не помогала опереться ногами. Поняв, что долго играть в такие игры не получится: кто-нибудь непременно выпустит веревку из рук, вернее всего Элин, но и он мог сплеховать, Кай стиснул зубы, отклонился назад и потянул изо всех сил.

Сил потребовалось много: вряд ли Охотница весила ощутимо меньше него. От напряжения он кричал, в какой-то момент оскользнулся и чуть не съехал в обрыв, что трагически закончилось бы для обоих, но все же сумел удержаться, не ослабив при этом хватки. Еще несколько долгих секунд, в течение которых казалось, что им ни за что не удастся благополучно выбраться из этой ситуации, а он продолжал тянуть из чистого упрямства, выплескивая последние силы. Удивительное дело, но силы всякий раз оказывались не последними, и тело находило новые резервы для очередного «самого последнего» надрыва. Наконец голова Элин возникла над обрывом. Это позволило Каю найти в себе энергию на новый рывок. Девушка вцепилась в камень, не слишком успешно перебирая ногами, он выпустил веревку, подбежал ближе, схватил ее за руку, потом за шиворот и наконец вытянул на дорогу.

Какое-то время они просто лежали рядом в снегу, голова к голове, пытаясь отдышаться и совершенно не ощущая холода. Потом Элин не без труда приподнялась на локтях.

— Спасибо тебе, Кай, — выдохнула она. — Выходит, ты все-таки не такой задохлик, как я думала.

Сутки спустя они сделали привал на широкой площадке, укрытой каменистым склоном от холодного ветра. Самый опасный участок пути был позади, погода тоже наладилась. Элин пила горячий травяной напиток, приготовленный на небольшом костерке. Разводить огонь в любых условиях девушка умела виртуозно. Она грела руки о бутылку, в которой был заварен самодельный чай, а Кай, сидя напротив, быстро водил карандашом по припасенной для такого случая бумаге. Их поход близился к завершению, и помимо радости от скорой встречи с Гердой, этот факт почему-то вызывал в нем чувство тоски. Конец пути означал скорое расставание. А просто ли расстаться с женщиной после того, как написал шестнадцать ее портретов?..

Я стояла у распахнутого настежь окна, придавая очередному исписанному листку форму птички. Если Кай выжил в той сумасшедшей буре, а я очень надеялась, что сумела вовремя ее остановить, то в скором времени он должен был добраться до замка. Я не могла точно определить по показанной зеркалом картине, где именно путников застигла непогода, но это произошло достаточно высоко в горах. Прошло два дня, значит, они появятся совсем скоро.

Как привлечь к себе внимание Кая? Как дать ему понять, что я здесь и жду, отчаянно жду его помощи? Я долго думала и нашла всего один способ. И вот теперь, не покладая рук, превращала обыкновенную бумагу в парящих на ветру «птичек», одну за другой выпускала их из окна и очень надеялась, что, раньше или позже, Кай заметит хотя бы одну. А сделать нужный вывод он сумеет.

Я поежилась, поплотнее кутаясь в уютный плед. В последние дни мне часто становилось не то чтобы холодно, но все же немного зябко. Я подозревала, с чем это могло быть связано.

Приближалось время предполагаемого экзамена, а значит, и срок защиты от здешнего климата, которую предоставляла льдинка, был на исходе. О том, что случится дальше, я предпочитала не думать. Сейчас мои мысли были заняты одним: скоро придет Кай. Да, я понимала, что его появление ничего не изменит. Кай не сможет противостоять ни Хладу, ни силе льдинки, застрявшей в моем глазу. (Идея противостояния королю мне отчего-то даже в голову не приходила; казалось, в этом просто не было ни малейшей нужды). Но в подсознании, никак не подкрепляемая логикой, жила вера, что с появлением Кая все проблемы разрешатся.

Ингвар приблизился незаметно: снег, как водится, совсем не скрипел под его сапогами. Должно быть, он наблюдал за мной несколько минут прежде, чем я заметила его присутствие. И внутренне напряглась, готовясь к тому, что мое занятие, как и обычно, прервут самым бесцеремонным образом. Превратят листы в сосульки, захлопнут окно, а быть может, проткнут комнату очередным громадным ледяным копьём.

Именно этого я ожидала. А снежный король смотрел, склонив голову набок, на кружащие над склоном плоды моего творчества. Потом опустил взгляд на стопку бумаги, взял в руки один листок и... сложил из него новую «птичку». Действовал не слишком быстро и очень аккуратно, я бы сказала, намного более старательно, чем свойственно людям, мастерицам подобные игрушки. Было видно, что он давно не предавался этому занятию и сейчас потихоньку вспоминает, как именно следует обходиться с бумагой.

Результат оказался любопытным. «Птичка» здорово отличалась от моих: она была ощутимо более плоской и широкой. Но, стоило Ингвару выпустить ее в окно, выяснилось, что летает она ничуть не хуже. Не лучше, наверное, тоже. Просто немного иначе.

Осмелев, я смастерила очередное «пернатое» и выпустила на волю. Ветер сразу же подхватил игрушку и понес в одному ему ведомые края. По-мальчишески усмехнувшись, Ингвар подхватил следующий лист из стопки и на этот раз сложил «птичку» очень быстро и ловко. Похоже, сноровка у него когда-то имелась, но занятие было позабыто за ненадобностью. А вот теперь король вспоминал давно ушедшие годы, и, без сомнения, с большим удовольствием.

Белые крылатые создания одно за другим отправлялись на прогулку над заснеженными склонами и вершинами. Думаю, мы развлекались так немногим меньше получаса. Но всякому занятию рано или поздно приходит конец.

— Пора, — без всякого очевидного перехода заявил король, глядя в окно. Полуденное солнце было видно вполне отчетливо, несмотря на опутавшую небо марлю облаков. Яркий белый круг, на который трудно смотреть. — Близится время твоего экзамена.

Я вздрогнула при этих словах. В последнее время, в беспрестанном ожидании Кая, перестала считать дни. Неужели месяц уже истек?

Мое беспокойство не укрылось от внимания Ингвара, но он лишь улыбнулся уголками губ.

— Я знаю, что ты проявляла не слишком большое усердие в учебе, — заметил он, и я поняла, что мои мелкие ухищрения реального результата не дали. — Но это не так уж важно. Посobie у тебя есть, грамоте ты обучена. А с остальным под моим руководством справишься. Так что неси «Книгу ледяных заклинаний», и начнем.

Я судорожно сглотнула.

— Дело в том, что этот учебник... его практически уже нет, — призналась я, стараясь смотреть куда угодно, только не на человека, что стоял напротив, в недоумении изогнув бровь.

Нет, перед Снежным королем, похитившим меня из родного дома и самостоятельно решившим, как я стану жить дальше... Перед ним мне определенно стыдно не было. А вот перед Ингваром — было. Особенно учитывая, что учебник, как-никак, мне не принадлежал.

— Что значит «нет»? — Голос короля посуровел, и теперь он не просил, а требовал ответа.

— Ну, я... не знала, что он так важен, — попыталась объясниться я, внимательно разглядывая белые узоры, которые снег начертил на полу. — И использовала часть книги... не по назначению.

— Не по назначению — это как? — спросил король и резко умолк, ловя взглядом воспоминания о давно разлетевшихся по склонам «птичках». — И много страниц на это ушло?

Похоже, буря, нашедшая пристанище в душе Ингвара, разбушевалась не на шутку.

— Все, которые еще оставались, — тихо призналась я. И добавила, предвосхищая вопрос, который все равно был бы задан: — Остальные ушли тогда, на балконе. Когда я разводила огонь. Для этого требовалась бумага, а другой у меня с той поры, как я... м-м-м... неудачно покрасила комнату, больше не было.

Король повернулся спиной к окну. Набрал полную грудь воздуха. Выдохнул. Взгляд его становился все более тревожным. Сердитым, пожалуй, тоже. Но тревожным — в первую очередь.

— Значит, у тебя не осталось книги заклинаний, — заключил он.

— Боюсь, что нет, — признала я. — Понимаю, это была ваша книга, и сожалею. Но у вас огромная библиотека магических фолиантов, и вряд ли учебник имел большую ценность. Я просто ни за что не хотела становиться магом Хлада...

Ингвар не позволил мне объясниться.

— Моя книга? — повторил он с нервным смешком. — Огромная библиотека? Да ты хоть понимаешь, несчастная глупая девчонка, что ты наделала?!

Его черты обострились, а глаза выражали такую гамму эмоций, что впору было убежать в свою комнату и спрятаться под кровать.

Это желание усилилось втрое, когда король приблизился, взял меня за плечи и хорошенько встряхнул.

— Ты понимаешь, неразумное дитя, что магия индивидуальна? Как почерк, как искусство, как творчество? Не существует единой книги заклинаний, подходящей для всех. Каждая подстраивается под хозяина. А ты только что уничтожила свою!

Собрав волю в кулак, я подняла голову и встретила его взгляд.

— Этого я и хотела, — тихо сказала я. — Да, я не знала про особенности магических книг. Вы сами не сочли нужным ничего про них рассказывать. Но так даже лучше. Я не хочу становиться ледяным магом. Не хочу пускать Хлад в свою душу, пусть даже ваш осколок и поселился в моем глазу. Не хочу становиться такой, как Ранкара.

— Такой, как Ранкара? — Из груди Ингвара вырвался странный смешок. — Об этом можешь не волноваться: ты никогда не станешь такой, как Ранкара. У тебя просто не хватит на это времени. — Всякое напоминание о смехе слетело с его лица. — Да пойми ты: каждый ученик обязан пройти экзамен! Если этого не происходит, Хлад расправляется с ним как с ненужным и, более того, опасным. А раз у тебя нет книги заклинаний, то и справиться с экзаменом ни единого шанса!

Стекла задрожали от внезапного порыва ветра. Король обернулся, посмотрел в окно. Я сделала то же самое. Солнца больше не было видно. Снаружи заметно потемнело. Метель пока не началась, но поднятый в воздух снег суматошно кружил над землей, а немногочисленные деревья склоняли ветви, словно под тяжким бременем.

— Хлад уже знает все, — обреченно констатировал Ингвар. — Что ты натворила?!

Он снова встряхнул меня за плечи.

— Отпусти ее!

Мы оба вздрогнули при звуках этого голоса. Король просто поднял голову, мне же пришлось обернуться. Со стороны входа к нам решительно шагал Кай. Со снежинками, осевшими на угольно-черных волосах, с обветренным лицом, в меховой куртке, плотно застегнутой на деревянные пуговицы. У дверей стояла, настороженно наблюдая за происходящим, девушка, очень похожая на ту, которую я видела в зеркале.

— Кай!

Я со всех ног бросилась к нему, чтобы сразу оказаться в теплых, даже жарких объятиях. Боги, как же мне не хватало все это время простого человеческого тепла! Недовольное кошачье шипение, раздавшееся откуда-то со стороны, никак не могло помешать моему счастью.

Я даже перестала замечать, как дрожат под напором ветра многострадальные стекла. Зато от внимания Ингвара ничто не укрылось. Он повернулся к окну, за которым опять бушевала

непогода, затем снова посмотрел на нас, окидывая Кая оценивающим взглядом. От внимания последнего не ускользнул этот интерес, и юноша аккуратно отодвинул меня в сторону, готовясь принять бой, в котором у него, на самом-то деле, вряд ли имелись хоть какие-то шансы. Но король огорошил его, резко распорядившись:

— Забирайте Герду и уходите! Только быстро, иначе вам не поздоровится. Теплая одежда для нее есть?

Кай, сглотнув, ошарашенно кивнул.

— Тогда идите, быстро. Барс!

— Мяу? — По-кошачьи, но с чисто человеческой интонацией откликнулся его друг и слуга.

— Проводи их до саней и отправь в путь. Не мешкай! Здесь скоро станет жарко. А лучше всего — уходи вместе с ними.

— Сейчас прямо, — сварливо пробурчал кот, величаво шествуя по залу с высоко поднятым хвостом. — Тапочки только надены, четыре штуки. И уйду. Ну что смотришь, кота, что ли, говорящего не видела? — грубовато поинтересовался он у разинувшей рот девушки.

И выскользнул за дверь, не дожидаясь, пока мы удосужимся последовать за ним.

Первым спохватился Кай.

— Скорее!

Он потянул меня к выходу.

— А как же?..

Я встретила взгляд Ингвара, однозначно говоривший: «Беги вместе с ними». В сияющей белизной одежде, со снежно-светлыми волосами, он застыл на фоне высокого окна, за которым бушевала бешеная вьюга. Бешеная или взбешенная... И готовая в любое мгновение ворваться в замок.

Но к Каю присоединилась его спутница, зрительный контакт с королем оборвался, а потом меня увлекли к выходу...

— Учтите: средство передвижения волшебное, а среди вас магов нет. К тому же вас много, — важно объяснял кот, проделывая какие-то манипуляции над санями. Кое-кто явно покривил против истины, когда утверждал, что в этом замке управлять подобными конструкциями может лишь король. — Поэтому лететь будет не слишком быстро, и близко к земле. Но до места доберетесь.

Сани поднялись в воздух и зависли примерно в полуметре над полом. Барсик деловито оглядел плоды своих трудов.

— Ну, все! — отступил он, удовлетворенный результатом. — Дерзайте! А мне пора.

— А что же будет здесь? — спросила я, отчаянно озираясь, пока Кай со своей спутницей спешно заталкивали меня в сани.

— Скоро узнаем, — откликнулся кот. — Но, думаю, будет горячо!

Он никогда не объяснял больше, чем изначально считал нужным. Не стал и сейчас. Только ослабил мне на прощанье, с эдаким шальным задором, невольно наводящим на мысль об обреченности. И ушел, не оглядываясь, в то время как сани медленно двигались к огромному распахнутому окну...

Я сидела, вцепившись обеими руками в скамью, и причиной тому был вовсе не страх высоты. Страх я не чувствовала, равно как и холода, несмотря на то, что так и не надела заботливо прихваченную Каем шубу с магическим утеплением. В итоге он набросил ее мне на плечи. Я искренне поблагодарила, но мысли были заняты другим.

Мы плавно летели над белым покровом, нестерпимо искрящимся на солнце, а я все не отрывала глаз от удаляющегося замка. Ледяного, высокого, по-своему прекрасного... Но кутающегося сейчас в тревожную дымку из кружащих снежинок. Хотя там, где находились мы, ветра не ощущалось вовсе. Атмосфера была настолько гнетущей, что даже дыхание

давалось с немалым трудом. Я так внимательно наблюдала за пристанищем Снежного короля, что даже приподнялась, не переставая держаться за скамью. И только вскользь замечая встревоженные взгляды сидевшего рядом Кая и расположившейся напротив Элин.

Терзавшие меня предчувствия оказались небеспочвенными. Над башнями, потемневшими, словно над ними пробежала тень, грянул гром. Грохотало так, что все мы невольно вжали головы в плечи. Затем небо окрасилось — нет, не вспышкой молнии, а ярким свечением, разукрасившим его в разные цвета. Снова гром, и снова пламя. А потом случилось самое страшное. Снежная стена — огромное, немыслимое количество снега — стала быстро перемещаться в сторону замка. Можно было бы сказать, что в этом нет ничего сверхъестественного: лавина — опасное, но не редкое явление в горах. Вот только замок стоял на вершине, и соответственно снег перемещался не сверху вниз, а, наоборот, словно взбирался по крутым склонам. Еще каких-нибудь пару мгновений — и он обрушился на замок, полностью погребая древнее здание под собой. Можно было подумать, что это конец, но спустя мгновение снова прогремел гром, теперь уже со стороны замка.

— Ингвар, — прошептала я непослушными от холода губами.

И решительно спрыгнула с саней прямо на ходу. Упала, перемазалась в снегу, а при попытке встать ноги наполовину утонули в сугробах. Ну ничего, пробьемся. Мы ведь не успели улететь слишком далеко.

— Летите домой! — крикнула я своим спасителям, шокированным моим поступком. — Прости, Кай! Я не могу по-другому. Я должна вернуться! Вы спасетесь. У вас все будет хорошо!

И я поспешила к замку, борясь со снегом, в котором рисковала основательно увязнуть, задыхаясь от необходимости все время двигаться в гору. И все равно спешила, как могла, ни на миг не усомнившись в правильности собственных действий. Кай, кажется, хотел спрыгнуть следом за мной, но сани к тому моменту проплывали над глубоким обрывом, и потому последовать моему примеру у него не было возможности.

По уже упомянутым мной причинам продвигаться было тяжело, и к тому моменту, как я сумела все-таки добраться до места, успело произойти немало изменений. Снег сошел, и замок снова сверкал на солнце, освободившемся из плена туч. Лишь местами можно было различить белые комья, осевшие на крыше, шпилях и карнизах. Строение почти не пострадало, не считая одной башни, которая опасно накренилась и, хотя пока держалась, любой здравомыслящий человек предпочел бы обойти ее по широкой дуге. Правда, приблизившись к главному входу, я поняла, что этим ущерб не ограничивался: кругом валялись осколки битого стекла.

Я вбежала внутрь, пугаясь звенящей в ушах тишины, нарушаемой лишь эхом моих же собственных шагов. Добралась до фонтана (тонкая струйка воды по-прежнему стекала, не замерзая, в широкую чашу), и ринулась дальше, к лестнице, ведущей на второй этаж. Снежный ковер подтаял и обратился в слякоть, которая теперь хлюпала под ногами. Я вынужденно замедлила темп. Это было и хорошо: во-первых, от бега слегка покалывало в левом боку, а во-вторых, более спокойное продвижение позволяло прислушиваться к окружающим звукам. Увы, их все еще было немного. Главным образом — ветер, шумевший за зияющими проемами окон. Я осторожно продвигалась анфиладой комнат. Где-то упала статуя, где-то разбилась посуда, местами с потолка звонко капала вода. Замок пережил суровый штурм, но что случилось с его хозяевами?

Я обнаружила их в злополучном зале с большим магическим зеркалом. Ингвар неподвижно лежал на полу. Глаза его были закрыты, голова откинута назад и немного вбок. С разделявшего нас расстояния было непонятно, дышит он или нет. Рядом, вздыбив шерсть и отчаянно виляя хвостом, стоял большой белый кот. Гадать о причине неудовольствия зверя не приходилось. Ранкара была тут как тут. Стояла возле короля, плотно сжав белые губы.

— Он жив? — задала я самый главный вопрос, метнувшись к Ингвару и опускаясь рядом с ним на колени.

— Жив, но это ненадолго. Он едва дышит.

Голос жрицы звучал холодно и бесстрастно, но, мне кажется, ей было не все равно. Я подняла на нее хмурый взгляд.

— Ты?

— Я его не убивала, если ты об этом, — нарочито равнодушно ответила Ранкара. — Я пришла

совсем недавно. А это... — Она печально вздохнула, глядя на распростертого на полу мужчину. — Это Хлад. Ингвар вступил в неравный бой со стихией. И вот к чему это привело. Уж если на то пошло, убила его именно ты.

Это обвинение, произнесенное столь уверенно, чуть не выбило меня из колеи. Думаю, мало кто мог бы сохранить спокойствие на моем месте. Я поднялась на ноги, нехотя отдаляясь таким образом от Ингвара, и, глядя Ранкаре прямо в глаза, отчетливо сказала:

— Это неправда.

— Это правда, — парировала жрица, на которую моя реакция не произвела ни малейшего впечатления. — С самого твоего появления здесь я точно знала, что ничего хорошего оно не сулит. Я неоднократно предупреждала об этом Ингвара, советовала как можно скорее избавиться от тебя, предлагала свою помощь, но он ничего не желал слушать. И что в итоге?

— Что в итоге? — с вызовом спросила я.

— Я оказалась права. Ты навлекла на себя гнев Хлада. А он, — по направлению взгляда жрицы было очевидно, что речь идет об Ингваре, — встал между вами. Фактически загородил тебя своим телом и своей магией. И, когда Хлад попытался забрать свою добычу, дал отпор. Хотя, уверена, отлично понимал, что в такой схватке у него нет шансов. И проиграл. Стихия всегда сильнее человека, даже самого могущественного.

— Ты лжешь.

А я-то совсем позабыла про присутствие кота! Зато теперь бальзамом на душу легло понимание, что я не одна, что у меня есть поддержка, пусть даже только моральная. Кто сказал, будто моральная поддержка мало что значит?

— Я? — Жрица, похоже, искренне удивилась. — Каждое мое слово — чистая правда. А бестолковым животным лучше бы помолчать.

Барсик начисто проигнорировал как выпад в свой адрес, так и саму рекомендацию.

— Ты солгала минимум трижды, — продолжил развивать свою мысль он. — Ингвар не проиграл. Он победил. Заставил Хлад отступить. Наконец-то изгнал его по прошествии ста долгих лет.

— Да, но ты сам видишь, какой ценой досталась ему эта победа, — пожала плечами Ранкара. — Вряд ли это можно назвать... — она помолчала, подбирая слова, — счастливым концом.

— Вторая ложь. — Кот будто не слышал аргументов жрицы. Вернее, давал понять, сколь мало они для него значат. — В том, что случилось с Ингваром, виновата не Герда, а ты. Это ты впустила Хлад в его жизнь. И погубила его, когда эта жизнь — взрослая, осознанная, только-только должна была начаться. И если кто-то виноват в том, что сейчас он лежит на полу бездыханный, это ты.

— Тот молодой герцог сам впустил в свою душу холод.

Ранкара была явно не из тех, кто способен признать собственную неправоту. Таких людей несложно понять. Раскрыть собственные грехи или ошибки перед другими — это лишь полбеды. Но признаться в них самому себе — вот где опасность посерьезнее. Впрочем, вернее всего, зерно истины в речи жрицы тоже присутствовало.

— Он был высокомерен, честолюбив, эгоцентричен и не вполне уравновешен. Ему уже тогда не была свойственна чуткость. Так что у него имелись все предпосылки для того, чтобы стать союзником Хлада.

— Все эти свойства могли смягчиться с возрастом, а то и вовсе исчезнуть, — парировал кот. — Вернее могли бы. Если бы не ты.

— Ты просто пристрастен.

— Не спорю. У людей это, знаешь ли, считается нормальным.

— При случае посмотри на себя в зеркало. — Недобрая усмешка исказила красивые черты Ранкары. — Ты давно уже не человек.

— Думаешь, в тебе человеческого больше? Тут, знаешь ли, дело не в количестве лап. И даже

не в наличии или отсутствии хвоста. Но мы отвлеклись. Есть еще третья ложь. Ты сказала, будто стихия всегда сильнее человека.

— Это так.

— Это неправда. Стихия сильна, но она однородна. И одинока. Ее ходы предсказуемы, а пристрастия постоянны. А люди — да что там люди, жизнь, — куда как более разнообразна. Сегодня человек греется у огня, завтра купается в речке, а в выходной день катается на коньках. А если чего-то не умеет, ему поможет другой человек, который лучше управляется с нужными силами.

— Довольно лирики. — Ранкара нетерпеливо махнула рукой, словно отгоняя назойливую муху. — Я ухожу. И забираю Ингвара.

— Что?

Барсик снова вздыбил шерсть, выступил вперед и встал, прикрывая собой хозяина. Сейчас он чем-то напоминал сторожевого пса.

— Куда? — встрепенулась я одновременно с ним.

— В свои чертоги. — С точки зрения Ранкары, она говорила нечто само собой разумеющееся.

— Зачем?

Я поднялась на ноги и выпрямилась в полный рост. Он у меня, прямо сказать, невысокий, но ведь и жрица рослостью не отличалась.

— Затем, что там он будет жить, дурочка, — снизошла до ответа Ранкара. — Ингвар пострадал от Хлада, и теперь только Хлад может удержать его на этом свете. Конечно, таким, как прежде, он уже не станет. Но его глаза, по крайней мере, не закроются навеки. Хлад способен сохранить практически все, помнится, ты сама говорила об этом.

Душу на миг росчерком молнии озарила радость: он будет жить! Все остальное — уже детали, мелочи, о которых можно подумать позже. Но следом за вспышкой пришла темнота и понимание, какой она будет, эта жизнь.

Я встала рядом с котом, загораживая Ингвара от Ранкары.

— Я не отдам его тебе.

— Ты что, не поняла? — Жрица стояла теперь совсем близко, и эта близость была неприятна. — Я его спасаю.

— Должен быть другой способ.

— Другого способа нет.

Я колебалась лишь несколько секунд. Потом сжала руки в кулаки.

— Все равно не отпущу.

Рядом одобрительно зашипел Барсик.

Ранкара недоуменно изогнула брови.

— Ты сошла с ума? — И с продолжительными паузами, словно слабоумной, повторила: — Я — собираюсь — дать — ему — жизнь.

— Какую? — вскинулась я. — В рабстве у Хлада? Ту, где нет ни теплоты, ни дружбы, ни чувств, ни даже самого себя? Только мороз и равнодушие, приправленные затаенной ненавистью?

— Это тебя не касается. — Сейчас Ранкара и сама шипела, как кошка. Очень опасная кошка, выпустившая когти и приготовившаяся к прыжку. Но я не боялась. — Кто ты ему? Посторонняя девчонка, попавшая в Ледяной замок по глупой ошибке? Безалаберная ученица, сгубившая своего учителя? И ты смеешь вмешиваться, решая его судьбу?

— Наверное, я никто. И не имею здесь никаких прав, — не стала спорить я. — Ты знаешь его гораздо дольше, Ранкара: целых сто лет. Я же провела в замке всего один месяц. Но успела понять то, чего ты так и не увидела за все это время. Он ненавидел свою нынешнюю жизнь.

Ненавидел Хлад. Ненавидел тебя.

Во взгляде жрицы отчетливо читалось то же самое чувство, которое я только что приписала Ингвару, только направленное, ясное дело, на меня. Но я не запнулась и не отступила.

— Он и не жил по-настоящему все эти годы. Снежный король почти уничтожил Ингвара, и единственное, что позволяло герцогу не затеряться окончательно, — это он. — Я опустила глаза на ослепительно белую шерсть и прижатые к голове уши. — Барсик — единственная ниточка, державшая Ингвара на этом свете. Помогавшая ему мириться с тем существованием, которое навязала ты. А теперь ты хочешь забрать его туда, где ни одной ниточки не останется? Где ты будешь полновластной хозяйкой, а он — всего лишь ледяной тенью самого себя? Знаешь, что бы он сказал тебе сейчас, если бы мог услышать это предложение?

— Не знает, — заметил кот, похоже, немного поуспокоившийся. — Девочки не должны знать таких слов.

— Вот именно, — согласилась я, хотя ни разу подобных слов от короля не слышала, а потому имела в виду несколько другое. Но суть оставалась неизменной, к тому же я сочла, что мы с Барсиком должны поддерживать друг друга. — Он предпочел бы смерть, Ранкара. И не раздумывал бы ни секунды. Я знаю это точно. И потому повторяю, — настала моя очередь делать длинные паузы, — я — его — тебе — не — отдам.

— Готова взять на себя такое решение? — зло прищурилась жрица.

Я криво усмехнулась. Не дай бог никому решать за другого человека, вести ли тому жизнь, полную страданий, или уйти, навсегда утратив способность чувствовать что-либо, по крайней мере, на этом свете... Эта боль останется со мной, и будет вечно напоминать о себе, особенно ночами. Боль, и чувство вины, и слезы. И желание повернуть время вспять. Но сейчас я точно знаю, что поступаю правильно. И потому не отступлю.

— Уходи, Ранкара. Уходи и никогда больше не возвращайся.

— Думаешь, ты можешь мне приказывать? Я все равно сделаю так, как хочу. Неужели ты думаешь, глупая девчонка, что сумеешь мне помешать?

— Сумею!

Я метнула взгляд в сторону волшебного зеркала. Ранкара расхохоталась.

— Один раз ты уже пробовала. Забыла, с каким треском провалилась твоя попытка?

— Помню. Но вот тебе еще одна ложь, Ранкара. Ты сказала, что я — безалаберная ученица. Отчасти это так, но кое-чему я все-таки учусь.

Я извлекла из кармана свое самое главное сокровище: маленький коробок с одной-единственной спичкой. Короткое чирканье — и на конце деревянной палочки загорелся огонек. Вопреки всем правилам безопасности, я снова поднесла спичку к коробку. А, едва он вспыхнул, запустила его прямо в зеркало.

Глаза Ранкары расширились, она бессильно всплеснула руками.

— Что... что ты наделала?!

По зеркалу, будто круги по воде, разбегались от центра к краям разноцветные полосы. Затравленно оглядевшись, жрица метнулась к этому сгустку магии, не замечая ничего на своем пути. Опрокинула стул, споткнулась, но почти не замедлила бега, и запрыгнула в раму в самый последний миг. Стоило ее силуэту раствориться с той стороны «стекла», как зал озарила нестерпимо яркая вспышка. Я вынужденно зажмурилась, а открыв глаза, обнаружила, что зеркало исчезло. Ни осколков, ни недавних всполохов, ни Ранкары, ни даже нашего собственного отражения. Только прежнее золоченое обрамление, но внутри — пустота, позволяющая увидеть противоположную стену.

— Bravo, девочка, — тихо сказал кот. — Тебе это удалось. Ты сумела навсегда изгнать из замка Ранкару.

Эти слова не принесли ни гордости, ни торжества, ни даже чувства неловкости, только облегчение. Стало быть, Ранкара сюда не вернется, не возникнет внезапно из какого-нибудь незаметного угла.

Я снова опустилась на колени рядом с Ингваром. Он лежал точно так, как и прежде, смертельно бледный и неподвижный.

— Он умрет? — спросила я у кота, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Скорее всего, — печально признал тот, подтверждая сказанное жрицей.

— Это я виновата. — Я обхватила себя руками, но согреться от того холода, что охватил мою душу, было еще труднее, чем от магического мороза. — В чем-то Ранкара права. Я не должна была здесь появиться. Если бы не я, ничего этого бы не случилось. Это же надо было — попасть сюда по нелепой ошибке и всем все испортить.

Я закрыла лицо руками. Первые слезинки уже застилали глаза мягкой пеленой. Пожалуй, пелена эта была даже желанной. Видеть мир таким, каким он стал, не хотелось. Почему Ингвар должен погибнуть? Как получилось, что к гибели его привела именно я?

— Ну вообще-то, уж если мы заговорили сегодня о лжи... — многозначительно протянул Барсик. Он тоже перебрался поближе к королю и прижался к его боку, согревая своим теплом. — Никакой ошибки не было.

— То есть как? — встрепелась я, несмотря на то, что в сущности это мало что меняло. — Разве не Кая должны были забрать волшебные сани?

— Привести наместнику ученика должен был я, — напомнил кот. — По официальной версии я, конечно, все напутал. Но на самом деле я тебя выбрал, Герда.

— Выбрал? — удивилась я.

Слезы текли по щекам и не давали приглядеться: дышит ли Ингвар, или уже нет? Я немного передвинулась, тихонько, с удивившей меня саму нежностью приподняла его голову и положила себе на колени. Если он все еще что-то чувствует, лежать в таком положении должно быть удобнее.

— Я долго к тебе присматривался, — подтвердил Барсик. — У меня был приказ доставить в замок ученика, но я надеялся, что смогу найти кое-кого другого. Человека, который сумеет напомнить герцогу, что такое жизнь, тепло, общение, забота.

— И почему же ты выбрал именно меня?

Отзвук любопытства заставлял задавать вопросы, хотя судьба короля беспокоила меня сейчас гораздо сильнее событий месячной давности.

— Трудно точно сказать... Кошачья интуиция, наверное. Ну, для начала, ты дерзкая, а значит, не пошла бы у короля на поводу.

Я тихонько хмыкнула. Ну вот, даже для объяснения лестного, казалось бы, выбора, кот приводит, мягко говоря, сомнительные достоинства. Впрочем, он быстро исправился.

— Дальше: в тебе много тепла. Я видел, как ты ухаживаешь за собакой — глуповатой животинкой, если тебе интересно знать мое мнение. Да и то, как ты полезла спасать незнакомого кота чего-то да стоило. И, наконец, ты достаточно юна и хрупка, чтобы вызвать в короле стремление опекать и даже защищать... Ах, да, совсем забыл. Еще ты хорошенькая. А я, знаешь ли, всегда питал слабость к хорошеньким женщинам.

— Помолчи, не то запущу в тебя тапком, — огрызнулась я.

Мягко погладила Ингвара по белым волосам. Он не шелохнулся, и я осторожно опустила его голову на пол. Не вставая с колен, передвинулась и расстегнула две пуговицы рубашки, чтобы приложить ухо к груди. Сердце стучало, но очень редко. Настолько, что я почти успела утратить надежду, когда услышала совсем тихое биение.

— Жив, — одними губами прошептала я Барсику.

— Я знаю, — ответил тот. — Чувствую.

Но по его голосу, как и по человеческому выражению кошачьих глаз, было ясно: это ненадолго.

— Твои старания были напрасны. — Слезы текли по лицу в три ручья, и я уже не видела

смысла в попытках протереть глаза. — Я ничем не смогла помочь, только навредила.

— А вот тут ты очень сильно ошибаешься, — серьезно возразил Барсик.

Его прервал топот шагов.

Пришлось все-таки избавиться от пелены слез, чтобы увидеть, как в зал вбегают Кай и Элин. Значит, они тоже сумели спрыгнуть и, несмотря на все опасности, последовали за мной. А может быть, им даже удалось каким-то образом развернуть магические сани?

Оба застыли, увидев царящий кругом разгром, распростертого на полу Снежного короля и нас с Барсиком подле него. Я подняла руку, приветствуя их и предлагая подойти ближе. Они приняли приглашение, на этот раз ступая медленно и почти бесшумно.

— Ты не погубила его, а спасла, — продолжал кот, вновь завладев моим вниманием. — Благодаря тебе он снова стал собой, а в замок вернулась жизнь. Благодаря тебе он вызвал Хлад на поединок и, что бы там ни говорила Ранкара, вышел победителем. Думаешь, это сражение было нужно только ради тебя? — Барсик, опять совсем по-человечески, покачал головой. — Я сто лет ждал, когда он сбросит с себя оковы Хлада. Правда, подозревал, что это может случиться только так. — Он грустно посмотрел на неподвижного короля. — Надеялся, что выйдет по-другому, но... тут уж, видно, ничего не попишешь.

В боку закололо, я приложила руку к груди и прикрыла глаза. Сердце болезненно сжалось — от безысходности, от осознания, что хозяин замка так и не сможет в полной мере ощутить пьянящий вкус своей свободы. А я никогда не смогу по-настоящему узнать Ингвара, которого видела до сих пор лишь сквозь призму Снежного короля. Наместник Хлада был равнодушен, бесстрастен, жесток и порой жесток. Ингвар-человек был совсем другим, и за последний месяц мне нередко удавалось замечать его реакции, поступки, мимику, отношение к тем или иным вещам. Но собрать эту мозаику воедино, похоже, не приведет никогда. И до чего же трудно понять, почему мне так отчаянно жаль этого герцога, которого я, в сущности, как следует и не знала.

Я смахнула с ресниц очередную слезинку. Поскольку в тот момент я сидела, склонившись над лицом Ингвара, соленая капля упала прямо в уголок его глаза.

Дальше стали происходить непонятные вещи. Король, так и не придя в сознание, пошевелился, поморщился, будто от боли, повернул голову — и из его глаза выпал блестящий осколок льда. Соскользнув, он почти сразу же упал на пол, и это событие ознаменовалось негромким мелодичным звоном.

Но разве можно было долго думать о льдинке, когда король внезапно открыл глаза и приподнялся на локтях, чтобы оглядеть зал и собравшихся в нем людей? Впрочем, я выразилась неправильно. Это был не Снежный король, а самый настоящий Ингвар. Об этом красноречиво рассказывали густые черные волосы, точно такие, какие я видела в запретной комнате на портрете. Хмурясь от недоумения, неясности, столь нехарактерного для него ощущения растерянности, он несколько секунд молчал, сясь вникнуть в происходящее. Потом повернул голову, и мы оказались лицом к лицу. Я отчаянно терла глаза: сейчас, когда следовало обрадоваться, слез почему-то стало еще больше.

— Герда... — тихо, слабым голосом, проговорил Ингвар. И — впервые — улыбнулся.

Я невольно улыбнулась в ответ, а он вытянул слегка дрожащую руку и погладил меня по щеке. Снежный король никогда бы не сделал подобного. А я никогда не обвила бы руками его шею, расплакавшись еще сильнее.

Из-за спины почувился вздох облегчения. Кай осторожно приобнял Элин за плечо.

— Ну вот, все довольны и счастливы. И никто не пожалеет бедного одинокого мужчину.

Я слегка отстранилась от Ингвара, в очередной раз протирая глаза, чтобы рассмотреть обладателя весьма знакомого голоса. Молодой человек среднего роста, светловолосый, в синей ливрее и забавном берете того же цвета. Казалось, я видела его впервые, но...

— Барсик? — спросила я, не веря собственным глазам. — То есть Бертран?

— Он самый. — Парень церемонно поклонился, но затем совершенно бесцеремонно спросил: — А что ты меня так разглядываешь? Неужели у меня хвост вырос? Или рога?

Я медленно покачала головой.

— Просто ты не белый и пушистый.

— Это да. — Камердинер с печальным видом покивал. — Сто лет не слышал таких претензий. Но раньше бывало, отрицать не буду.

Меня заставила отвлечься крупная холодная капля, упавшая на шею откуда-то сверху и не замедлившая покатиться за шиворот. Я пошевелила лопатками, стараясь избавиться от неприятного ощущения, и в тот же самый момент Элин воскликнула:

— Что это? По стене струйка воды течет!

— Здесь тоже! — вытянул руку Кай. — И здесь.

— И потолок мокрый, — добавила девушка.

Ингвар стремительно вскочил на ноги.

— Черт возьми!

— Да, нехорошо, — поддержал его мигом помрачневший Бертран.

— Что происходит? — спросила я, переводя взгляд с одного на другого.

Оба явно понимали больше нашего, но пока не спешили с объяснениями. Ингвар прижал ладони к стене и некоторое время словно вслушивался во что-то. Потом подошел к оконной глазнице, подставил лицо ветру и едва слышно что-то прошептал. Над его волосами — черными волосами! — вспыхнули на пару мгновений белые искры.

— Что все это значит? — не выдержав ожидания, повторила мой вопрос Элин.

Король (или теперь все-таки герцог?) повернулся к ней, но пока молчал. За него ответил другой голос.

— Это значит, что Хлад никогда не сдастся так просто. Он отступил, но оставил за собой крайне неприятное наследство.

На пороге стоял высокий, крепко сложенный мужчина, во внешности которого было нечто знакомое, но я никак не могла вспомнить, где его видела прежде. Особых примет у него не было, вот разве что глаза — мудрые, пронизательные, зеркалом отражающие немалый жизненный опыт, — странным образом диссонировали с внешней молодостью, даром что в них горели озорные искорки. В остальном вроде бы все как у всех в этих краях. И рост, и телосложение такое здесь не редкость: слабым и тщедушным и раньше-то было сложно продержаться в заснеженных горах, тем более с тех пор, как посуровел климат. Одежда тоже традиционная для близлежащих деревень: меховые штаны, высокие унты, теплый свитер из оленьей шерсти.

...Что-то шевельнулось в моем мозгу, кольнуло тонкой иголкой, выуживая из глубин памяти нужное воспоминание. Ну конечно, деревня! Посланники из селения, которое стоит у подножия горы, последнего, откуда до сих пор не ушли люди. И самый молодой из них, не то потерявший, не то умышленно оставивший для меня спичечный коробок...

— Я вижу, вы сумели правильно воспользоваться моим подарком, — с улыбкой заметил он, окидывая взглядом пустую раму — единственное, что осталось от волшебного зеркала. Будто отвечал на мои мысли.

— Я чуть не растратила его впустую, — призналась я. — Вы могли бы дать мне хоть небольшую подсказку.

— Не мог, — все с той же улыбкой развел руками он. — Нельзя без необходимости вмешиваться в дела чужих стихий. Это может нарушить равновесие.

— А сейчас? — многозначительно приподняла брови я.

— Сейчас Хлад ушел, а вам может понадобится помощь. Вот я и подумал: дай-ка загляну на огонек.

— Кто вы такой? — не слишком дружелюбно вмешался Ингвар. — Нет, я знаю, что вы приходили ко мне с прошением вместе с деревенским старостой. Но, как я понимаю, то была чужая личина?

— Ну почему? Меня действительно отправили в путь жители предгорья. И я действительно давненько обосновался у них в деревне. Хлад и без того изменил правила игры, нарушив равновесие. Поэтому за крепостью его наместника следовало приглядывать.

— Вы, как я погляжу, буквально помешаны на равновесии, — нехорошо прищурился Ингвар.

Мы с Каем и Элин лишь переводили взгляды с одного на другого, наблюдая за этим странным противостоянием.

— Ну вы ведь и сами выступили против Хлада, — примирительно напомнил незнакомец.

— Это не повод доверять вам. Повторяю свой вопрос: кто вы такой?

— А разве вы сами не догадались?

— Допустим. Но я здесь не один. К тому же гостю подобает представиться.

— Вы правы, — склонил голову незнакомец. — Меня зовут Аштон. Жрец Огня.

После спички я ожидала чего-то подобного, и все равно раскрыла рот от удивления. Выходило, что в братстве Огня «деревенский посланник» стоит еще выше, чем Ингвар — в воинстве Хлада.

— Право, герцог, я пришел с миром. Мы с вами больше не враги. И я рад видеть вас в добром здравии.

— Герцог? — хмурясь, переспросил Ингвар.

— А разве это не очевидно? — изогнул брови Аштон. — В таком случае, взгляните на себя в зеркало. Уверяю, у вас отпадут последние сомнения.

Единственное в зале зеркало было уничтожено, но Ингвар, хоть и не видел цвета собственных волос, похоже, имел свои причины верить словам жреца.

— Герцог? А разве он не король? — прошептала Элин.

— Вам бы, девушка, впору помолчать, — осек ее хозяин замка, устало потирая виски.

Аштон, однако же, был более благодушно настроен, и потому не оставил Охотницу без ответа:

— С тех пор, как Хлад потерпел поражение во второй раз, нет.

— Подождите. Что значит «во второй раз»?

Кай, похоже, порядком устал от здешних загадок, и их обилие начинало его раздражать. Я, хоть и успела попривыкнуть к жизни в мире магии, тоже мало что поняла из слов жреца.

— В первый раз против стихии выступил ее собственный вассал, — пояснил Аштон. — А во второй, — он с улыбкой повернулся ко мне, — вот эта девушка.

— Да я-то тут при чем? — вскричала я в сердцах.

Нет, это уже ни в какие ворота не лезло! Сначала Ранкара обвиняла меня, по сути, в убийстве Ингвара. Теперь ее огненный коллега утверждал, что я якобы изгнала из замка Хлад.

— Я не маг и даже не ученица, я всего лишь простой человек!

— О, простые люди творят порой такое, что ни одному магу не снилось! — заверили меня, и я никак не могла понять, похвала это или претензия.

— Лыдинка, — подключился к разговору Бертран. — Благодаря тебе лыдинка выпала из глаза герцога. И все вернулось на свои места. Кстати, вот и она.

И камердинер наклонился, намереваясь поднять с пола маленький блестящий осколок, но его остановил Аштон.

— Потише! — крикнул он. — К таким вещам опасно прикасаться.

Камердинер замер, а жрец вскинул руку. Осколок на миг вспыхнул — и растаял, обратившись крохотной лужицей.

— Так-то лучше.

Аштон удовлетворенно прищурился.

— Льдинка... — пробормотала я, словно почувствовав удар изнутри. И, кажется, осела бы на пол, не поддержи меня вовремя подоспевший Ингвар. — А как же моя льдинка? Она до сих пор у меня в глазу, значит... Значит, я скоро перестану быть собой?

На плечо легла крепкая рука Кая. Я умоляюще посмотрела на жреца. Похоже, на нем скрестились сейчас все взгляды.

— Стихии с вами, какая льдинка? — Аштон бы, кажется, рассмеялся, если бы не чувствовал всеобщее настроение, мягко говоря, не шутливое. — Нет в вашем глазу никакой льдинки, да и быть не может.

— То есть как это не может? — Я бы порадовалась его бескомпромиссному заявлению, да только точно знала, что тут закралась какая-то ошибка. — Осколок был, еще когда меня Бертран похитил. Я это точно знаю, я почувствовала, как он попал мне в глаз. Все терла, пыталась избавиться, но не смогла.

Камердинер сконфуженно отвел взгляд, хотя назвать его так-таки раскаявшимся я бы не рискнула. Зато Аштона мои воспоминания нисколько не смутили.

— Ключевое слово здесь «был», — по-прежнему уверенно заявил он. — Когда вы попали в ловушку Хлада, магия и вправду была задействована, так что льдинка оказалась у вас в глазу. Вот только долго ли она могла продержаться? Видите ли, Герда, — мягко продолжил жрец, осознав: никто из присутствующих не понимает, к чему он клонит, — не в каждом человеке льдинка может прижиться. Вы так теплы душой и так неугомонны, что в вашем глазу она просто обречена была растаять. На это всего лишь потребовалось немного времени. Я даже не могу сказать, сколько именно, но, полагаю, не больше недели.

Я почувствовала, как тело забила слабая дрожь, а по лицу снова чуть не потекли слезы. Выходит, гильотина, весь этот месяц готовая обрушиться на мою шею, — всего лишь иллюзия? Плод воображения Ранкары? А ведь Барсик с самого начала меня предупреждал: нельзя доверять ее суждениям, когда дело касается людей!

— Поймите, тут все равно что-то не так. — Справиться с нежданно-негаданно навалившейся радостью бывает порой еще труднее, чем с внезапным горем. — Ведь льдинка все это время защищала меня от мороза в замке. Мне и сейчас не слишком холодно. Если бы не она, я бы просто не продержалась здесь целый месяц.

И Бертран, и Ингвар кивком подтвердили, что согласны с моими логическими выводами, но это не помешало первому посмотреть на жреца с веселым задором, будто он ничуть не сомневался, что услышит сейчас нечто оптимистичное. И оказался прав.

— Поначалу льдинка действительно работала, — согласился Аштон. — Ну, а потом, — его глаза хитро блеснули, — я немножко ей помог. Когда приходил к королю с визитом, применил одно небольшое заклинание, чтобы вы могли обогреться даже после того, как осколок окончательно растает. Вмешательство, конечно, — он склонил голову, признавая свою вину, — но все-таки совсем небольшое.

— Я бы сказал: ничего криминального! — торжественно поддержал его Бертран, и, кажется, в данной ситуации даже Ингвар не имел возражений.

— А ведь в последнее время мне действительно стало чуть холоднее, — припомнила я, окончательно подтверждая версию Аштона. Наверное, иммунитет, который давала льдинка, прекратил свое действие, а вот магия огня сохранилась. — Значит, именно вас я должна благодарить за то, что не замерзла заживо в Ледяном замке.

— Положим, замерзнуть заживо мы бы тебе не дали, — вмешался Ингвар, и камердинер энергично кивнул. — Но ваша помощь, господин Аштон, действительно пришлась кстати. Буду рад отблагодарить вас при случае.

— Главное, что все закончилось хорошо, — тоном Дедушки Мороза, даром что сам олицетворял прямо противоположную стихию, объявил жрец. И тут же нахмурил брови. — Или все-таки не закончилось.

Сразу же посерьезнел и Ингвар. Да что там посерьезнел, по его лицу буквально пробежала тень. Из остальных же именно Кай первым сообразил, о чем идет речь.

— Здесь стало совсем мокро, — с беспокойством напомнил он.

Мы синхронно огляделись. По стенам стекало уже не две-три струйки, а добрых две дюжины. В придачу капало и с потолка, а на полу уже образовались лужицы. Ингвар стянул с себя шубу, отбросил в сторону и стал закатывать рукава рубашки, сосредоточенно глядя в окно.

— Что происходит? — спросила я с нарастающим чувством тревоги.

Признаться, я не ожидала, что ответит Ингвар, однако заговорил именно он.

— Хлад отступил с завоеванных земель, но снега и льды остались. К примеру, этот замок — обыкновенный, каменный — целых сто лет был заключен в своеобразную ледяную скорлупу. Теперь магия стихии здесь не властна, а по календарю весна давно должна была вступить в свои права. И скорлупа начала таять. — Он выразительно посмотрел на мокрый пол, по которому, казалось, еще немного — и потечет самый настоящий ручей. — То же самое происходит со всеми снегами на территории, которую покинул Хлад. Они будут таять, стекать с гор, питать озера и реки, и очень скоро вода сметет все на много верст вокруг. Мало кто сумеет уцелеть в таком наводнении. О домах, полях и пастбищах я и вовсе молчу.

— Это будет катастрофа, — хмуро проговорил Бертран, вставая подле герцога, который в данный момент тщательно разминал руки.

— Но что-то можно сделать? — спросил Кай, правильно расценив эти приготовления.

— Попытаться — можно, — уточнил Ингвар. — Я больше не наместник Хлада, но магический дар остался при мне. Нужно впитать энергию, которая прежде поддерживала снег, сосредоточить ее в одной точке, а потом рассеять. Колдовство было очень мощным, и обещать, что мне удастся его развеять, я не могу. Но попробовать необходимо. Я все еще отвечаю за свое герцогство. В первую очередь — за тех, кто не покинул эти земли.

— А еще можно применить магию Огня и нагреть часть тающего снега так сильно, что он превратится в пар, — добавил Аштон, тоже вставая рядом с Ингваром и Бертраном. Свою шубу он давно держал в руках, а теперь повесил на спинку стула. — Конечно, рано или поздно в своей новой ипостаси он соберется в облака, а они однажды прольются обильными дождями. Это тоже будет не просто для тех, кто живет внизу. И все же менее губительно, чем потоп, который ждет нас в противном случае. Я тоже не уверен в своих силах, — если объяснения предназначались нам с Каем и Элин, то теперь он говорил в первую очередь с Ингваром. — Но сделаю все, что смогу.

Герцог кивнул, соглашаясь принять помощь. Покосился на Бертрана.

— Ну что, камердинер, — с веселым азартом сказал он, стараясь игнорировать ожесточенно хлещущий в оконный проем ливень. — Попробуем себя на прочность?

— А как же! — ухмыльнулся Бертран.

И если слова герцога прозвучали с нехарактерной для него легкостью, то камердинер, напротив, говорил непривычно серьезно.

Казалось бы, ничего не происходило. Они просто встали в ряд — Ингвар, Бертран и Аштон. Ноги слегка раздвинуты, будто в боевой стойке, спины идеально выпрямлены. Взгляды сосредоточены на том беспределе, что творился снаружи. Все трое будто не замечали, как дождь буквально хлещет им в лицо. Словно невидимый великан стоял возле замка и раз за разом выплескивал в окно полные ведра воды. Не знаю, как они могли видеть хоть что-то посреди этого безумия. Волосы были мокрыми насквозь, по одеждам стекали струи. Белая рубашка давно облепила тело Ингвара. Внезапно прогремел гром, и зал задрожал, завибрировали стены, зазвенели под потолками люстры. Два стихийных потока снова схлестнулись, но я понятия не имела, какая из противоборствующих сил спровоцировала небесный рокот.

Снова гром. И еще. Уровень воды в зале ощутимо поднялся: теперь дело не ограничивалось незначительными лужами, скорее на полу образовалось нечто наподобие мелкого пруда, и наши ноги погрузились в воду по колено. Но трое из нас по-прежнему не обращали на это внимание; они все так же стояли, глядя прямо перед собой и ведя невидимую для всех прочих, внутреннюю, борьбу. Мы могли отмечать лишь побочные результаты этого противостояния, такие, как уже упомянутые громовые раскаты.

А потом — все так же внезапно — ливень прекратился. Облака разошлись, уступая дорогу

солнцу. Вода больше не стекала со всех сторон, а постепенно уходила через мелкие щели, и вскоре ее оставалось не по колено, а лишь по щиколотку. Внимательно присмотревшись, я поняла, что горные вершины за окном уже не заснежены. На них зеленели молодые побеги, а изредка среди зеленеющей травы виднелись голубые изгибы узких, безопасных ручейков.

Ингвар, утомленный, вымокший насквозь, повернулся ко мне.

— Справились, — устало, но с победной радостью сообщил он.

Это была отличная новость. Но еще лучшей новостью была его улыбка. Живая, задорная улыбка, которая не могла принадлежать ни Снежному королю, ни наместнику Хлада, ни ледяному магу. А только настоящему, живому человеку.

ЭПИЛОГ

— Кай! КА-А-АЙ! Ты можешь мне помочь?

Я опустила полные съестного корзинки на земляной пол и с надеждой уставилась вверх, на квадратное окошко, через которое в погреб падал свет. Впрочем, вскоре сделалось ощутимо темнее, поскольку проем отчасти закрыл собой откликнувшийся на зов Кай.

— Подержи лестницу, а? — взмолилась я. — Шатается!

— Давно новую купить надо, — проворчал юноша, крепко сжимая в руках верхнюю перекладину. — Не знаю, что Бранд делал с этой, но с тех пор, как он ее вернул, все не слава богу.

Он вытянул руку и принял у меня первую корзину, затем вторую. С этого момента подниматься стало проще, помощь была не нужна. Но Кай все равно постоял на коленях, придерживая верхний край лестницы, чтобы меня подстраховать.

— Вот, — принялась объяснять я, перебирая содержимое корзинок. — Сыр, охотничьи сосиски, бутылка молока, ну, и еще по мелочи. Хлеб не забыть положить. Думаю, для поездки на праздник Середины лета в самый раз будет.

— Достанешь из хлебницы? — спросил Кай.

Сам он вытягивал из погреба злополучную лестницу.

— Угу. Кстати! — Я повысила голос, поскольку для возни с кухонной утварью пришлось отойти подальше. — Я там огляделась. По-моему, запасов можно теперь делать поменьше. Все-таки зима больше не будет такой длинной. Ты как скажешь, конечно, но, мне кажется, столько варений и разносолов припасать уже необязательно. Лучше больше фруктов и овощей есть свежими, так полезнее. Для Элин — особенно.

— Да я сам ей об этом твердил много раз... — Кай захлопнул крышку погреба и задвинул щеколду. — Но ты не представляешь, сколько в этом году яблок уродилось, и вишни. Двоим столько не съесть никогда. Что теперь, пропадать всему этому? Вот хотите, вам в замок урожай сплавим, тогда и варенья можно будет столько не варить. А то, признаться, мне самому поднадоело это занятие.

— Ну... немножко можем и взять, — подумав, согласилась я. — Ингвар говорит, возле замка раньше были настоящие фруктовые сады, но сейчас-то ничего не осталось. Будем восстанавливать, конечно, но сначала хоть с одним крылом надо разобраться, и деревню достроить. Крестьяне нам помогают, мы им, так что работа спорится. Надеюсь, к осени все срочное успеем.

— Ты что, сама строить помогаешь?

Кай неодобрительно сощурился, и неодобрение это было, без сомнения, адресовано Ингвару.

— Да нет, — рассмеялась я. — Представляешь, я им стены в домах разрисовываю! Сначала один попросил, потом другой, теперь, считай, вся деревня в очереди стоит. Не знаю, что они в моем малевании нашли, художник же из меня, сам знаешь, так себе.

— Много ты понимаешь, — проворчал Кай, но вид у него теперь был довольный. — У тебя, может, техника неидеальная, зато атмосфера такая, что любо-дорого. А для домов, когда надо лютой зимой продержаться и не возненавидеть весь мир, именно это и ценно.

Он машинально бросил взгляд на картину, где яркое солнце согревало своим теплом густую траву. Я улыбнулась. Надо же: висит!

Наружная дверь с грохотом захлопнулась, и в горницу почти сразу же ввалился Бертран, ведущий на поводке лохматого, довольного жизнью Найка. Сам бывший камердинер, нынешний статус которого был до сих пор не до конца понятен никому из нас, выглядел не в пример более несчастным.

— Ох, и угуляла же меня эта псина! — выдохнул он, снимая с Найка поводок.

Тот весело пробежался по комнате, с наслаждением встряхиваясь. С густой шерсти полетели во все стороны мелкие брызги. Похоже, кто-то радостно бегал по лужам. Дождей, несмотря на

теплую погоду, в этом сезоне выпало немало.

— Все-таки, Герда, вот ты не обижайся, но кошки намного умнее собак, — наставительно сообщил Бертран.

— Это еще бабушка надвое сказала, — со смешком возразила я. — Один известный мне кот, конечно, был умнее. Зато собаки по деревьям не лазают и вообще послушные. Если только за котами не бегают, — подумав, добавила я. — Так, все, пора ведь уже! Праздник без нас начнется! Элин где?

— Да снаружи давно, в санях дожидается, — сообщил Бертран. — Говорит, ей на свежем воздухе хорошо.

— Что ж ты сразу не сказал? — возмутился Кай и выскочил за дверь, не забыв, впрочем, подхватить по дороге корзину.

Бертран, не спрашивая моего мнения, взялся за вторую. Стоило нам выйти наружу, как глаза начали щуриться на ярком солнце, а в ноздри ударил запах яблонь и свежескошенной травы. Элин действительно сидела в белоснежных, никем не запряженных санях. Она, как и прежде, казалась очень худой, и о ее положении можно было догадаться разве что по едва наметившемуся животу, да и то: если заведомо ничего не знаешь, внимания не обратишь.

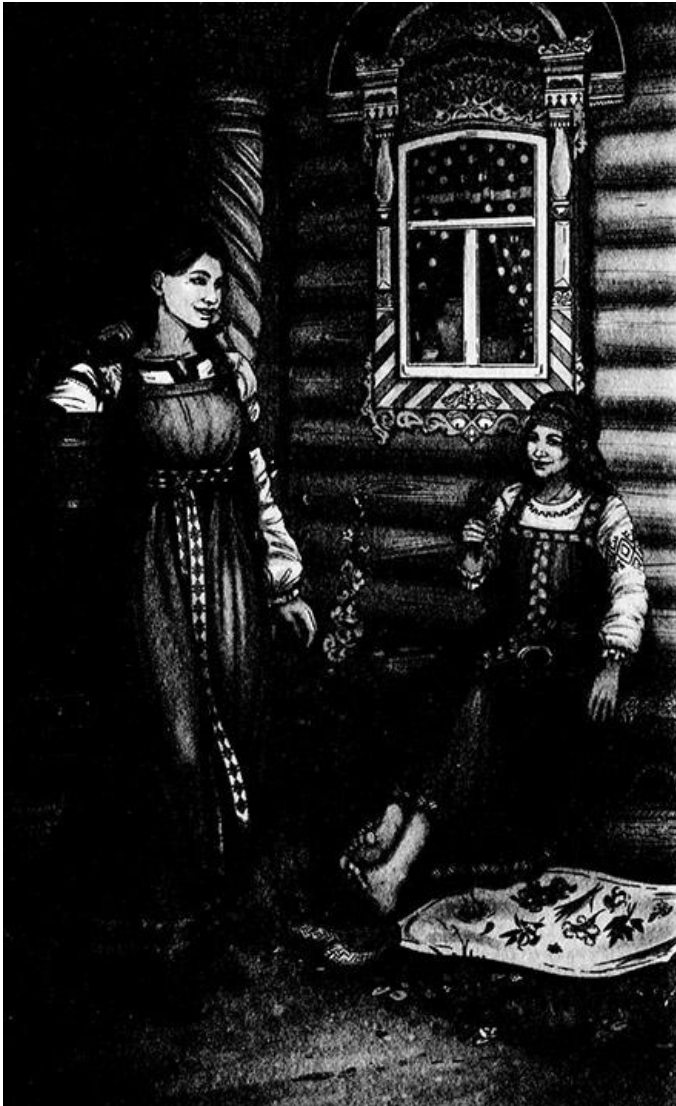
— А Ингвар-то что не приехал? — спросил Кай, усаживаясь напротив нас с Элин.

— Так праздник все-таки. Там сейчас без герцога никак, — пояснил Бертран, устраиваясь на месте возницы. — Ну что, все собрались? Готовы прокатиться с ветерком? — спросил он с прищуром, в котором мне почудилось нечто кошачье.

И сани стремительно взмыли к небесам.

Ирина Котова

Сказ о Белке царе подземном

Жил-был купец, богатый да удачливый, и были у него две дочери, умная и красивая.

Умная — это я, Алена, а красивая — сестра моя старшая, Марья-Искусница.

Так хороша она была, что на нее каждое утро парни со всей округи посмотреть сбегались. Высокая, чернобровая, сдобная, как мякиш хлебный — глаза сияют, щеки румяные, губы алые, коса до колен змеей стелется. Бывало, выйдет поутру с коромыслом по воду, а обратно уже налегке идет — за ней парни ведра тащат. Проведут до крыльца, а там отец стоит, бороду тербит, подкову задумчиво гнет — ручищи как дубы, кулаки как колоды. Видят его женихи, бледнеют и улепетывают.

Я каждое утро на это гляжу, на завалинке сижу, посмеиваюсь и шутки колкие отпускаю. С утра уже за травами на луга заливные да в лес дремучий сходила, в туюске принесла, разложила на холстине и перебираю. Руки сами работу привычную делают, а язык душеньку тешит, над воздыхателями сестринными издевается.

Парни морщатся, бычаться, но не отвечают, знают, что на отповедь нарвутся — так что на меня и не смотрят, за сестрой шагают. Да и смотреть, если честно, не на что — сама я с вершок, щуплая, на голове космы рыжей шапкой вьются. Нос картошкой, глаза серые, кожа бледная, да еще и в конопухах вся от головы до пят. И не умею ничего — разве что людей да зверей лечить, травы нужные находить. Травы меня любят, луга привечают, лес елями да березками кланяется, грибы крепкие подбрасывает. А вот по хозяйству у меня не ладится, хоть не ленивая я, но невезучая и косорукая. Возьму метлу — черенок сломаю, тесто замешу —

горшок треснет, за вязание примусь — всю пряжу запутаю.

А Марья у нас и правда искусница — все у нее спорится, пироги пекутся, щи парятся. И вышивает она, и вяжет, и поет так, что птицы от стыда замолкают. А у меня голосок слабенький, хоть и не противный, по мере сил ей помочь пытаюсь — но больше порчу, только и остается, что подпевать ей и шутками веселить.

Хорошо живем мы, душа в душу, друг друга не обижаем, батюшку уважаем.

Батюшку нашего, Якова Силыча, и в деревне уважают, за нрав степенный да кулаки тяжелые. Советоваться ходят, на свадьбы дорогим гостем зовут. А матушка наша, говорят, была раскрасавица да умница, но померла семнадцать годков назад, когда меня рожала.

Батюшка после этого год смурнее тучи ходил, по-черному пил, на нянек-мамок нас оставив. А потом проходил по деревне дед — калика перехожая, отца посохом святым по макушке огрел, словами диковинными обругал — протрезвел отец, калике в ноги поклонился, в дом его пригласил, как дорогого гостя угостил. Покаялся ему, обет наложить попросил. Посмотрел на нас калика — Марья в соплях, я на горшке, — и наказал дочерей пестовать и больше не озоровать.

Батюшка и сам заметил, что девки быстро, как грибы после дождя, выросли, и побожился, что с пьянью гиблой завязал, вторую жену брать не будет, сам нас и воспитает.

И воспитал, да так, что к Марье, как стукнуло ей тринадцать лет, со всех городов и стран поехали женихи свататься. И картавые, и гнусавые, и носатые, и чернявые — отказ получали, да не терялись, то-то у нас по деревне малята да подростки уже ребята бегали — кто белый, кто черный, кто узкоглазый, кто с носом орлиным. Девочек наших никто не стыдил, наоборот, охотнее брали — знать, своих детей будет много, раз от нечисти залетной и то понесла.

Мне б завидовать сестре любимой, но я не могла, потому что Марьюшка уродилась еще и доброты неслыханной. Она меня на руках с младенчества за мамушку носила, баюкала, нянюшке помогала, так что любила я ее безмерно. А то, что глуповата немного — так того за добротой и не видно.

Я же непонятно в кого пошла. Мало того, что корявенькая, так и характера вредного, языка острого. Как скажу чего — как крапивой обожгу. Так и прозвали меня, Аленка-Крапива. А я и не против, чем насмешки терпеть. С детства меня за рыжий волос и веснушки обильные дразнили, вот и научилась я огрызаться, язык отточила. Давно перестали уже, а у меня привычка язвить осталась.

И вот уехал как-то раз батюшка на ярмарку торговать. Обещал привезти мне книг заморских и свитков лекарственных, Марье платьев новых, да задержался что-то. Поскучали мы, поскучали, и пошли в лес, по грибы-ягоды. Хорошо сейчас в лесу, зелено, сытным грибным духом пахнет, хвоей и листьями прелыми.

Идем, щебечем, дары лесные собираем и не стесняемся: ягода в лукошко — ягода в рот. Заболтались и не заметили, как темнеть начало. Далеко ушли от дома, да в лесу нам ночевать не привыкать. Разожгли костер, нанизали на прутики белых грибов, хлеба с салом достали, воды в ручье набрали, ельник постелили — переночуем тут, а завтра обратно.

Но только грибы запеклись и от сала мясным духом запахло, как земля загудела, затряслась, разверзлась, и встал перед нами человек страшный.

Лицо молодое, а сам бледный, тощий, высокий, скулы острые, глаза темным огнем горят. Волосы, как вороново крыло черные, а виски седые. И сам на ворона похож. Одежда на нем богатая — штаны кожаные и кафтан черный парчовый, и сапоги до колен, и на груди цепь серебряная. А на поясе ремень с бляхой мерцающей, и сбоку к ремню кнут прикреплен. Шагнул подземный гость к нам — мы с Марьюшкой так и замерли.

— Ну что, девицы, — говорит он, а голос высокомерный, суровый, на рычание волчьего похожий, — прощайтесь, забираю я Марью-красу в подземное царство к себе царицей.

Марья это услышала — ах! — и в обморок упала. А я не растерялась — из костра горящее полено достала, встала с ним наперевес, сестру собой закрыв, и закричала:

— А по какому праву ты, червяк подземный, на мою сестрицу позарился? Даров не носил, сватов не слал, честной свадебкой побрезговал? Да и не назвался, не представился, может и

не царь ты вовсе, а нечисть перекинувшаяся. Не бывать этому!

Посмотрел он на меня и поморщился.

— Я, — говорит весомо, — Кашей Чудинович, подземного царства владыка, еще меня зовут Великим Полозом.

Рассмеялась я ехидно.

— Я себя тоже царевной-лебедью назвать могу, да только крылья у меня не отрастут белые.

Нахмурился гость, топнул ногой — и перекинулся в змея огромного, серебряного, сделал круг вокруг костра — а из-под брюха его золото сыпется и камни драгоценные. Дополз до меня, зубами щелкнул — я от страха пискнула, рукой закрылась. Гляжу — а уже стоит он передо мной снова в образе человеческого.

— Ну хорошо, — вздыхаю, — змей ты и есть змей. Но за хвост и пасть огромную, гадкую, сестру любимую отдавать? По какому праву?

— По тому праву, — отвечает уже раздраженно, — девка ты конопатая, злоязыкая, что батюшку вашего от трех смертей я спас. От ножа в драке кабацкой, от огня в доме вдовьем и от зубов волчьих в дороге. И пообещал он мне то, что дороже ему всего на свете. А это дочь его, Марья.

Тут меня обидой и кольнуло. Совсем я никудышная, раз и батюшке Марья дороже всего. Но как теперь старику сердце разбивать, с нелюбимой дочерью оставлять?

— Вот что, — я поленом для остратки помахала, — перепутал ты что-то, хозяин подземный. То ли слух у тебя уж не тот, то ли с пониманием туговато. Любимая у батюшки я, а Марьюшка несчастная дурочкой родилась, все песни поет, почти ничего не говорит, а чуть что — чувств лишается, сам видишь.

Кашей с сомнением посмотрел на Марьюшку, пригляделся — и заулыбался, как блаженный — и взгляд такой стал у него, масляный, чисто как у кота нашего, Тишки, при виде ведра с молоком.

— Ничего, — и аж ладонями одну о другую потер, — то, что немая, мне оно и надо, а за такие...

Я угрожающе махнула поленом.

— За такую красоту, — заменил он слово, — и дурость простить можно. Земли у меня богатые, сокровищ у меня тьма-тьмушая. Привыкнет. Что вам, девкам, еще надо — нарядов богатых да камней самоцветных, сразу ласковые делаетесь.

— Что же ты не женат до сих пор? — невинно поинтересовалась я. — Или нет в подземном царстве девок красивых, что ты к нам за невестой явился? Или все-таки хочешь, чтобы тебя любили, а не камни твои?

— Девки у нас, — отвечает хмуро, нетерпеливо, — много, да только никто с сестрой твоей красотой не сравнится, аж до моего царства слава о ней дошла. Гляжу на нее — не соврали люди, преуменьшили. Будет мне женой, будут дети у нас красивые.

Вижу, серьезно он настроен, на подначки мои не ведется, на уговоры не реагирует. Еще попыталась:

— Да и как же ты, чудо-юдо, грязью ведающее, собираешься с Марьюшкой моей деток делать? Думаешь, золото ей нервы успокоит? Она же тебя только увидела и сомлела. А ежели без одежды покажешься, так и вовсе преставится.

— Ничего, — повторил этот... червяк земляной и ухмыльнулся, — у меня там сады с яблочками живительными, молодящими, глядишь, тысячу раз помрет, а на тысячепервый привыкнет. А не привыкнет — справлю ей гроб резной, хрустальный, будет лежать там, а я ходить на нее любоваться.

Я как представила бедную Марьюшку в гробу хрустальном, под небом подземным, так жалко ее стало!

— Не, — говорю зло, — не отдам я ее тебе. Ты с батюшкой договаривался, да меня не спросил,

а я сестра ей родная, заботливая. Стеной встану — не отдам!

Он раздраженно отмахнулся, и сжала меня сила неведомая, а чурбан из рук вырвался, и, разбрасывая искры, обратно в костер поскакал, как жеребчик. Снова разверзлась земля, взял царь подземный Марьюшку на руки, свистнул, гикнул — и встал перед ним конь-огонь, грива алая, не зубы — клыки острые, не ржание у него — рык звериный. И Кашей, гад подземный, на коня этого прям с места и прыгнул. Унесет сейчас родную мою, где ее искать, как спасти?!

— Пстой! — закричала я в отчаянии. — Возьми меня вместо нее!

А он так высокомерно мне:

— А на что ты мне нужна, конопуха? Ты мне под мышку поместишься, я ж тебя и в постели-то не отыщу, — и со знанием дела Марью за зад ее округлый помацал.

— Ах ты ж волчий корм, — выплюнула я в сердцах, — сукин ты сын, тварь ненасытная! Руки убери, похабник, как не стыдно-то тебе!

Он ладонью двинул — и поднялся сарафан мой, в рот мне полез. Замычала я, кляп вытаскивая.

— Да и злая, — посетовал Кашей, пока я с сарафаном боролась, — и языком мелешь, не умолкая. Нет, не нужна мне такая жена.

Я ткань изо рта пока тащила, поняла, что сил у меня супротив полоза этого бессердечного нет, и решила к самому страшному женскому оружию прибегнуть — к слезам. Завыла, в три ручья залилась, за сапог его схватилась. Хороший сапог, дорогой, с заклепками серебряными.

— Возьми, — плачу как можно натуральнее, — не женой, служанкою! Я много умею, — вру и не краснею, только носом шмыгаю. — И места много не занимаю! Могу в собачьей будке спать, только отпусти сестру мою, гад ты земляной!

Он на меня даже с усталым удивлением каким-то посмотрел, сапогом двинул — я на землю села, — за уздцы коня тронул, тот рыкнул... И тут я вспомнила, какие нянюшка нам сказки рассказывала, и закричала:

— А давай поспорим? Неужто побоишься мне условие поставить? Не выполню — забирай сестру, а выполню — меня возьмешь! А не согласишься — на весь надземный мир ославлю, что царь подземный трус, девчонки испугался!

Взгляд его из удивленного стал изумленным, он аж головой потряс, что не ослышался.

— Некогда мне спорить, конопуха, — усмехнулся презрительно, — царством править не ягоды собирать. Я вон и жениться-то времени никак не найду.

— И похабных частушек сочинию, — пригрозила я. И так как терять было нечего, запела: — Ой да едет царь подземный, под собой коня несет, коник гривовую играет, царь наш... трясет...

Пела я на диво громко и противно. В лесу зашумело, захохотало — видать, леший услышал, понесся по своим владеньям разносить.

— У царя земель немало, — вошла я во вкус, — только нетути жены. Не ходите девки замуж за мужчину без кхр кхр...!

Я закашлялась — горло сдавило невидимой рукой, а со всех сторон слышался женский визгливый смех, — всадник щелкнул пальцами, и кикиморы-хохотуньи бросились врассыпную. У меня уже в глазах чернело — и тут горло отпустило.

— Времени тебе до рассвета, — сказал Кашей, и глазами горящими зло сверкнул. Спешился, опустил Марьюшку около костра. — Спрячешься так, что не найду, так и быть, возьму выкуп тобой. Будешь мне псарни да конюшни чистить, навоз убирать, пятки чесать и гостей моих вином обносить. Даю тебе три раза пробовать. А найду три раза — убью! С удовольствием убью, слышишь, девка ты черноротая? Беги, пеструха! Пошло твое время!

И кнутом он хлестнул у ног моих — подпрыгнула я и побежала. Долго бежала, и мчались со мной наперегонки кикиморы — руки сучьеватые, носы крючковатые.

— Бабушки, — взмолилась я, — помогите, милые, подскажите, куда бы мне спрятаться?

— Выкуп, выкуп! — заверещали они.

Сняла я тогда платок с волос и отдала им, и они его тут же на ленты порвали. Обвязались бантиками — смешные стали, красуются, — подхватили меня под локотки и понесли свозь чащу. Долго несли, пока не поставили перед огромным дубом.

О, что это был за дуб — царь дубов! Кроной в небо упирался, корнями наверняка в царство подземное проваливался.

— Лезь наверх, — кричат кикиморы, — на самом верху соколица гнездо свила, спрячься под крыло, не найдет он тебя там!

И я полезла. Лезла, лезла, вся исцарапалась, изревелась, но долезла. Вижу — верхушка дуба надвое расходится, а в той развилке огромное гнездо стоит. А в гнезде маленькие пушистые соколушки сидят — каждый в два раза меня больше, и соколица огромная как дом спит, голову опустив. Я тишком да нишком в гнездо пробралась, под крыло нырнула, затаилась и стала ждать.

И вдруг страшный гул раздался. Выглянула я из-под крыла — а то подземный царь на своем коне по воздуху скачет, меж деревьев вниз смотрит. Из-под копыт коня искры огненные летят.

— Где ты, — позвал меня Полоз, — девка? Выходи. Выйдешь сама — так уж и быть, не буду тебя убивать, отпущу.

Я сижу ни жива ни мертва. Он раз мимо проскакал, второй промчался. А на третий, слышу, остановился, к дереву подошел да как ударит по нему! Зашатался дуб вековой, а Кашей снизу кричит:

— Выходи, рыжуха, я под каждый листик заглянул, сам царь зверей передо мной ответ держал, негде тебе быть кроме как здесь!

Я затаилась — а соколица проснулась, соколушки пищат от страха. А дерево трясется — вот-вот упадет.

— Выходи! — кричит царь подземный, — а то срублю!

Я умоляюще на соколицу поглядела, а она курлыкает — мол, прости, девица, не помочь тебе — у самой детки маленькие.

Тут дерево затрещало, накренилось — я выглянула — а этот гад кафтан сбросил, в кору руками уперся и свалить пытается. И кренится дуб столетний, гнется, как пруттик. Запищал жалобно один из птенцов, соколица только крылом махнула — и не успела поймать, полетел он вниз.

— Лови! — заорала я дико, с гнезда свесившись. — Лови, червяк ты бешеный!!

Царь голову-то поднял — а на него с высоты огромной такая туша падает. Я уж обрадовалась, что раздавит, хотя соколенка жалко, конечно. Ничего, не испугался Кашей, руки поднял, птенца поймал и рядом с собой поставил. Соколенок пищит, а гад этот меня пальцем манит — мол, спускайся. А там высоко! А там страшно!

— Боюсь! — кричу. — Меня такймаешь?

А он руки на груди сложил и насмехается.

— Лезь, — говорит, — лезь, меньше времени на два оставшихся раза будет.

Ну я и полезла. Страшно до ужаса, а не показывать же перед врагом?

Спустилась, сарафан отряхнула, волосы пощупала — так и есть, без платка, кикиморам отданного, кудри встали торчком — шапкой жесткой вокруг головы.

— Так ты еще и рыжая как белка? — засмеялся он и за локон меня дернул. — Думал, конопатая да белобрысая.

И закручинился тут же:

— Что ж ты не спустилась, когда звал, теперь придется слово свое исполнять, тебя по третьему разу убивать.

— А ты, — осмелела я, — не хвались, не поймав девицы. И соколенка на место закинь, он-то ни в чем перед тобой не провинился.

Царь бровью повел, рукой махнул — и полетел соколенок вверх, к матери на радость.

А я снова припустила, побежала так, что только иголки от елок из-под ног полетели. Час бегу, два бегу, выбежала на берег реки темной, глубокой. А в реке той русалки играют, кувшинками как мячами перебрасываются, хохочут колокольчиками, волосы длинные пальцами чешут, в волосах тех цветы вплетены. Красивы русалки, только вот до пояса — девицы едва ли не краше Марьюшки, а ниже пояса — рыба рыбой.

Отдышалась я и взмолилась:

— Речные хозяйшкы! За мной царь подземный гонится, убить меня хочет! Помогите спрятаться!

А русалкы удивленно между собой переговариваются:

— Это Кащеюшка-то?

— Убить хочет?

— За пигалицей этой гонится?

— Да врет она все, за ним сами девкы бегают, на шею вешаются!

И вдруг раздался знакомый страшный гул — то царь подземный на охоту за мной выехал.

— Девочки, миленькы, — заплакала я, — да не вру я, не вру! Чем хотите поклянусь!

Тут самая старшая поближе подплыла, осмотрела меня с ног до головы.

— А это не ты, — говорит, — частушкы про него бесстыжыя сочинила, что кикиморы нам спели?

— Я, — пришлось покаяться.

Русалка обернулась к товаркам.

— Убьет, девочки, точно говорю. Спрячем?

— За выкуп, за выкуп!!! — закричали русалкы.

Я достала из кармашка гребень и кинула им.

— Мало, мало, — захохотали они. А гул уже очень громкий.

Я потянула с себя сарафан, скомкала и в воду бросила. Осталась в одной рубашке нательной да лапотках.

— Вот это дело! — прокричали русалкы. — Будет в чем на берег выходить, молодец сманивать. Нырять в воду, прячься под лист кувшинкы, а мы тебе пузырь воздушный начаруем, дышать сможешь.

Уже лес позади ревет, зарево поднимается на полнеба — ну я с обрыва в реку и сиганула. Сразу на дно ушла, за корягу уцепилась, под лист кувшинкы поплыла — и тут ко мне одна из русалок спустилась, с пузырем воздушным в руке.

— На, — говорит, — дыши, и не двигайся.

Я и замерла. Вижу, конь-огонь к воде подходит, попить наклоняется. И голос царя подземного слышу:

— А не видали ли вы, красавицы, деву тут рыжую да конопатую, на язык несдержанную?

— Не видали, Кащеюшка, — честным хором ответили русалкы.

— А если подумать? — говорит. И из карманов подарки достает — и камни самоцветные, и гребни резные. — Я весь лес объехал, в каждую нору заглянул, негде ей быть кроме как здесь.

А предательницы-русалкы с визгом к нему бросились, из-за гребней-камней чуть ли не

передрались.

— Ну что? — сказал Кашей. — По вкусу ли подарки мои? Откроете ли секреты?

И тут самая наглая из русалок засмеялась:

— А ежели ты каждую поцелуешь, глядишь, чего и вспомним!

— Ну, — ухмыльнулся гад подземный, — в очередь становитесь.

И начался на берегу такой срам, что я от возмущения чуть на берег не выскочила. Целовал он их смачно, со знанием дела, а русалки-то полуголые, ноги у них призрачные вместо хвостов, только чешуйки кое-где остались. Он их и целует, и наглаживает — а они только хохочут и крепче прижимаются. Развратник, злодей! Я отвернулась, но глаза бесстыжие сами назад косили, а уж щеки пылали так, что вода вокруг вскипеть должна была.

— Ладно, речные хозяйшкы, — довольно проговорил этот полоз любвеобильный, — выполнил я ваше желание, теперь и вы меня уважьте.

А русалки загоготали и кричат:

— Женщинам верить — себя не уважать!

И нырк в воду — только вокруг меня хвосты рыбы замелькали.

Кашей вздохнул так грустно, что мне даже почти жалко его стало, усмехнулся, рукав закатал, в воду вошел — и что-то забормотал. И вода надо мной мостом встала, попадали из нее на дно обнажившееся и русалки, и рыбы, и лягухи испуганные.

— Выходи, — говорит мне и глазищами своими сверкает, — проиграла ты.

А сам на мою рубаху зыркает.

Я волосы отжала, руками мокрую рубаху прикрыла и пошлепала по грязи на берег.

— Воду на место верни, — прошу сердито, — твари речные перед тобой ничем не провинились.

Он вторую бровь поднял, рукой дернул — и встала вода на место, снова потекла рекой.

— Ну что, — а голос грустный, — готовься к смерти, — говорит, — рассвет уж близко.

А я зубами стучу, от холода дрожу, и молвлю презрительно:

— Опять хвалишься, чудище земляное? Говорят, от поцелуев добрее становятся, а ты только злости набрался да бахвальства пустого!

А он так наставительно:

— Так вот ты почему такая злобная, белка ты мокрая, конопатая — веснушки аж сквозь рубаху просвечивают. Небось и нецелованная еще? — и задумчиво так: — Порадовать, что ли, убогую, перед гибелью.

— Это ты на что намекаешь, охальник? — взвилась я. — Не видать тебе моих поцелуев! От тебя еще и рыбой за версту несет!

В реке возмущенно заплескали русалочьи хвосты.

— Да и не очень-то хотелось, — отвечает, — ты ж не замолчишь, а замолчишь — так укусишь, а укусишь — так отравишь. Да и какая радость неопытную дурочку науке поцелуйной учить? Давай, не трать мое время, ложись на мох мягкий, буду тебя убивать.

— Что-то ты, змей похабный, мне зубы заговариваешь, — говорю, а сама подозрительно на тот мох смотрю — ну чисто перина на ложе. Русалки хихикают из реки, а сам царь подземный рубаху свою с тела тянет, на глаза мои округлившись смотрит, насмехается:

— А, может, попросишь сжалиться? За поцелуй, добром отданный, подумаю. Ты не смотри, девка, что озлился на тебя, не бойсь, буду ласковым.

А глаза так и сверкают, от моей одежды мокрой не отрываются. И хорош же, полуголый — куда там парням нашим, деревенским!

Я покраснела, на небо посмотрела — а оно сереет. Скоро уже солнце встанет.

— Найди сначала! — кричу. И побежала.

Бегу, бегу, а за мной страх по пятам несется, за сердце щипает, и слезы капаят. Неужто не спасу Марьюшку, неужто оставлю ее охальнику этому?

Бегу-бегу, а тут лес-то и кончился, и выбежала я на луг — трава по пояс, роса серебряная, цветы-васильки голубыми глазками на меня глядят: здравствуй, мол, Алена-целительница, рады тебе, кланяемся, кланяемся.

— Травушки! — взмолилась я. — Не погубите, спрячьте! Ищет меня царь подземный, убить хочет. Мне бы до рассвета продержаться!

Травушки заволновались, сильнее закивали, расступились, образуя ложе — я туда легла, они надо мной сплелись-заколосились, цветами покрыли. Лежу я, дыхание затаила — небо светлеет, вот-вот солнце взойдет.

И снова гул и грохот — скачет конь-огонь, зарево на все небо. Остановился недалеко, спешился Кашей.

— Попасись, Бурка, — говорит ласково, — отдохни.

А сам так задумчиво по полю начал бродить. Вокруг меня, как нарочно. Травы гладит, цветочки нюхает, на небо посматривает. Потом уселся почти на меня, вздохнул, достал трубку из камня искусно вырезанную, табачком набил и закурил. А я лежу рядом ни жива ни мертва.

— И куда, — молвит громко и задумчиво, трубочкой попыхивая, — белка эта драная подевалась? Чую, что рядом, а где, не пойму.

Я и вовсе дышать перестала. Докурил он, встал, да угольки из трубки на меня-то и стряхнул. И заорала, трава расступилась, а я вскочила, давай рубаху отряхивать.

— А, вот ты где, — смеется, — конопуха. — И снова руку в волосы мне запустил, за прядь дернул, лицо мое к солнцу поднял. — Ну что? Проиграла ты.

— Отпусти, — говорю тихо, потому что странно он ко мне клонится, страшно мне стало. Отпустил он — волосы набок мои убрал, видимо, чтобы меня, бедную, сподручнее душить было.

И тут мне на лицо солнечный лучик упал. Оказывается, уж несколько минут как из-за виднокрая круглым боком своим солнце поднялось.

— Это ты проиграл, — сказала я гордо, — хвастун!

Он на солнце посмотрел — лицо царское лучи вызолотили, в глазах янтарем заиграли.

— И правда, — с таким удивлением подозрительным, — как это я не заметил! Ну что, беда ты пестрая, пойдешь ко мне чернавкою. Будешь полы в моем тереме мыть, гостей привечать. Или хочешь, смилостивлюсь — коли первый поцелуй мне свой подаришь? Первый девичий поцелуй силу волшебную дает, от тридцати трех смертей спасает, если добром отдан.

А сам опять глаз от меня не отрывает, в лицо всматривается.

— Мне твои милости, охальник, не нужны, и я от своего слова не отказываюсь, — говорю гордо, — только Марьюшку дозволю до дома проводить да отцу письмо прощальное написать. И травушку потуши — сгорит тут все от угольков твоих, а цветы перед тобой ни в чем не виноваты.

Он помрачнел, рукой махнул — встала над полем туча черная, дождем проливным полила. Свистнул, гикнул — у меня чуть уши не лопнули. Зашумел лес, заволновался от свиста его.

— Дома твоя Марья, с дарами богатыми да выкупом. А отцу напишешь уж из царства моего. Не бойшься со мной ехать-то?

— Ничего не боюсь! — отвечаю презрительно, а у самой душа как зайчишка трусоватый трясется.

Подозвал он коня, схватил меня на руки, узду тронул — и провалился конь с нами сквозь

землю. Я от страха обмерла, зубами застучала, а Кащей одной рукой правит, другой меня к себе прижимает, и рука у него горячая, и глаза огнем во тьме горят.

Недолго мы во мраке скакали. Приземлился конь-огонь на пригорок — а там царство вокруг подземное лежит. Небо синее, как у нас, и по небу солнце точь-в-точь как у нас идет. Леса стоят зеленые, луга серебряные, а перед нами город широкий, а в городе том терем высокий, крыша золотом сверкает. Засмотрелась я на красоту и только потом почувяла, как Кащей мне в волосы лицом зарылся, усмехнулся, по животу меня гладить начал.

— Руки-то убери, — требую, — ишь прижался как к печке теплой. Не для тебя меня батюшка растил, не для тебя меня сестрица пестовала.

Он отодвинулся, чую — головой качает.

— И где, — говорит зло, — такие сорные цветы растут, сама с былинку, язык с лошадинку, колючек не счесть, самомнение с гору.

Довез он меня до терема молча — подбежали слуги, Бурку за уздцы взять пытаются, а он не дается, дичится. Царь подземный коня по холке потрепал, с него спрыгнул со мной на руках, рядом поставил. И мне все дружно кланяться начали.

— Чего спины ломите, — произнес недовольно, — не царицу я привез, чернавку новую. Авдотья! Ключница моя верная, повариха умелая!

Заорал так, что окна радужные в тереме затряслись. На крик тот на крыльцо вышла баба седая, с лицом добрым, тучная — еле в проем протиснулась. Сразу видно — повариха. Руку с черпаком к груди прижала и заохала.

— Ох, какой цыпленочек тощий, да ты ж ее, Кащеюшка, укатаешь! А волосья-то — чисто проволока золотая! А солнышко-то как ее любит! Думала, привезешь жену холеную да сисястую, а ты в кои-то веки на хорошую девушку глаз положил.

— Она, — хохочет злодей, — сама кого хочешь укатает. Не жена она мне и не будет. Долг пришла отрабатывать. Принимай в прислугу, сели к остальным чернавкам, будет на кухне тебе помогать.

— Ай-ай-ай, — покачала головой Авдотья, — какая же из нее прислуга? Ручки беленькие, кожа тонкая, она, небось, тяжелее ложки и не держала-то в жизни ничего.

Я руки за спину-то и спрятала, глаза опустила. А Полоз ее словно не слышит, по сторонам головой вертит.

— А где же, — говорит, — слуга мой верный, конюшенный? Отчего не встречает, отчего Бурку не принимает? Не пойдет конь мой в другие руки, взревнует.

Вздохнула Авдотья печально.

— Так спиной он мается, Кащей Чудинович, как уехал ты в верхний мир невесту искать, так и слег, не разгибается. Уж и в бане его парили, и отварами поили — лежит, помирает. Все конюшни, кроме Буркиного стойла, навозом завалены, кроме слуги твоего лошадки никого не подпускают, затоптать норовят.

Царь недовольно головой дернул, сам Бурку за уздцы взял и пошел к конюшням. И кто дернул меня голос подать?

— Вот, — бурчу ядовито себе под нос, — и сам злой, и тварей невинных, лошадушек, злодеями вырастил. Рядом с таким и я, даром что сама доброта, скоро ржать, кусаться и затоптать норовить захочу. На такого и глядеть-то страшно, понятно, почему женой никто к нему идти не желает.

Далеко же отошел, а услышал. Слуги не услышали, Авдотья не услышала — а у этого, что, вместо ушей как у летучих мышей лопухи за сто верст шепот чующие? Повернулся — и глаза янтарные от этой самой злости как омуты болотные черными сделались, змеиными. И страх сковал меня великий — пикнуть не могу, по спине как снегом сыпет, ноги ослабели.

— Прости, — пропищала через силу, — полоз подземный, — и рот-то себе руками зажала, взгляд невинный сделала, даже вверх куда-то посмотрела, мол и не я это вообще сказала, голоса небесные.

Поглядел царь на меня нехорошо, и к поварихе повернулся — отпустил меня ужас удушающий:

— Авдотья, — сказал, — передумал я. Посели эту говорливую в чулан под лестницей, накорми, выдай какую одежду похуже, дай лопату — пусть идет конюшни убирать, раз за тварей невинных так переживает. А ты, — обратился ко мне с усмешкою нехорошей, — помни, захочешь жизни сытой да ленивой, сама приди, ласково попроси, да поцелуй подари — будешь в лучших покоях спать, в золоте-самоцветах ходить.

— Не бывать этому! — отвечаю гордо, а у самой сердце от страха сжимается, и ком в горле горький стоит.

Авдотья пуще прежнего заохала, на меня с сочувствием поглядела, головой покачала и поманила за собой.

— Чем же ты, девка, — заворчала на меня, терем обходя, — Кащеюшку нашего-то прогневила? Не видала я, чтобы так он на тех, кто в юбке, ярился. На советников своих, оно конечно, бывало, как гаркнет, кулаком по столу ударит — терем трясется, а бабы при нем все как одна в золоте и неге, сами ласковыми кошками льнут.

— Да какая же из меня кошка, Авдотья-матушка? — ответила я, слезы сдерживая от страха пережитого.

Она остановилась, меня оглядела.

— Это да, — признала сочувственно, — мелкая да еще и рыжая, ни спереди поглядеть, ни сзади подержаться. А он, царь наш, рыжих не любит, а любит, чтобы мягко где надо было. То-то я удивилась, когда тебя увидела, не похожа ты на девок его, обрадовалась уже, думала, образумился — за невестой уехал, с невестой и приехал. Хотя, может, — тут она ругнулась непонятным словом, — ему экзотики захотелось?

Я носом от слова страшного на всякий случай начала шмыгать. И спросить боязно, что это за экзотик такой — может потеха какая, а то и вовсе корм змеиный, полозам положенный?

— Ну, милая, не плачь, — сердечно сказала повариха и обняла меня. — Небось все образуется. Не злой Кащей-то наш, гневливый только и гордый сверх меры. Видно правда привез тебя кровать свою царскую греть — не нужны ведь нам работницы, довольно их у нас в царских хоромах, да и чернавок не счесть. Что за долг-то у тебя, девонька?

— Не мой, — говорю, а сама соображаю, почему у царя богатого кровать холодная и зачем ее моим тельцем тщедушным греть, если кирпичей можно горячих из камина натаскать, — батюшки моего, вот и взял царь ваш меня отрабатывать, — а сама от тона ее доброго уже всамделишно всхлипываю.

Повариха головой качает — да слово за слово и вытянула из меня всю историю, и сама я не заметила, как на груди ее расплакалась, после того, как рассказала, как по батюшке да Марьюшке скучаю — и не увижу ведь их более.

А Авдотья вздыхает:

— Горе ты, горюшко, дитяtko избалованное! Видать сильно тебя батюшка нежил, работой не нагружал да мужа не искал. У нас-то к твоему возрасту уже свадьбы играют. Разве ж можно царям слово поперек молвить? Жизни ты не видала, как у Бога за пазухой у батюшки жила. И куда же тебе, белоручке, руки в навозе пачкать? Ты вот что, девка — раз нужны Кащеюшке твои поцелуи, умнее будь да тише. Сделай лицо поприветливей, улыбнись ему пару раз, на пороге спальни попадись — небось потешится с недельку и отпустит тебя с дарами богатыми. Не держит он дольше девок для постельных-то утех.

Тут я, наконец, и сообразила, о чем она толкует, отскочила. От возмущения даже слезы высохли мигом.

— Да что же ты про меня думаешь, Авдотья Семеновна! Не бывать этому — девичество мое для мужа любимого, а не в откуп змею подземному! А за меня не печалься, не боюсь я работы. А то, что не умею, так научусь. Некуда мне деваться, раз родные мои в верхнем мире остались. Работа хоть от тоски спасет.

Улыбнулась повариха, по голове меня погладила — ровно матушка, которой не помнила я.

— Ты прости меня, девонька. Не ошиблась я в тебе. Как зовут-то тебя?

— Аленю, — отвечаю сердито.

— Вижу я, — говорит ласково, — хорошая ты девка, честная. Помогу я тебе. Иди, переоденься, да на кухню приходи, накормлю тебя, а то тощая — в чем только душа держится?

Чуланчик, в который меня поселили, оказался маленький и грязный, с одним окошком небольшим, на задний двор выходящим. Только и поместились в каморке что охапка соломы, на который рогожку кинули, да стул колченогий. Посмотрела я на это богатство, вспомнила свою горницу, шелками обшитую, с мебелью добротной, искусными мастерами вырезанной, с окном огромным, вздохнула горько. Ну не собачья будка, и на том спасибо, хозяин приветливый.

Накормили меня кашей, дали сарафан из мешковины, платок старый, показали где умыться на заднем дворе, где по надобностям ходить. Вручили лопату.

— Ты, девка, — сказала мне Авдотья, — возьми у жеребят малых попону, натрись ею. А как зайдешь в стойла — песни пой бодрые, кони все боевые, любят пение-то. Всех слуг остальных они знают да дичатся, а на тебя удивятся, запах жеребчий почуют, авось и дадут лопатой поработать. А царя увидишь — потише будь да поласковой, может и смягчится хозяин наш, хоть на кухню тебя переведет.

— Спасибо, — поблагодарила я искренне, перехватила лопату поудобнее и пошла в конюшню. Сначала, как повариха велела, к жеребяткам зашла малым, попоной обтерлась, а потом и к боевым жеребцам за ворота шагнула.

А там... Навоза по колено, мухи роятся, вонь такая, что слезу выбивает, жеребцы огнем дышат, к себе не подпускают. Я к коню — а он на дыбы, я боюсь, но тихим голосом воркую, уговариваю его пустить меня, чтобы ему грязь больше не месить. Думала, затопчет, но нет — принялся, успокоился. Только с меня от страха семь потов сошло. Лоб я оттерла, чую — будто кто спину взглядом сверлит. Обернулась — а у стойла Кашей стоит, уздой играет, смотрит напряженно, жалостливо. Солнце в черных волосах скользит, лицо красивое золотит — хочешь не хочешь, а засмотришься. Но не до любования мне. Увидала я его, обозлилась, и все наказания Авдотьины у меня из головы вылетели.

— Что, — спрашиваю ехидно, — боишься, попорчу жеребчиков твоих?

— Боялся, голову тебе разобьют, убирать больше будет, — огрызнулся он и пошел вон, только воротами от души хлопнул. Я вслед ему с удивлением посмотрела, лопату перехватила и давай поле деятельности обозревать. А что смотреть — делать надо.

Я сначала по краешку — по краешку ходила, лопатой неловко тыкала, все ждала, что черенок сломается. А нет, видимо крепкие в подземном царстве лопаты делают. Лапти сняла — пачкать неохота, сарафан выше колен завязала и в навозе этом голыми ногами топчусь, лопатой махаю. Слезы по щекам катятся, а я песенки пою, бравурные, праздничные. Кони поначалу хрипели, бились, потом смотрю — притихли, слушают. Я тачку наполнила, бегом в яму тот навоз вывалила, и обратно. Так махаю и бегаю, махаю и бегаю. Уже пот лоб заливает, и несет от меня жутко, а кони присмирели, головами в такт песням машут, ржут ласково, будто все понимают.

— Ах вы бедные, — говорю ласково, — в такой грязи жить! Своего-то Бурку в чистом стойле держит, а тут что же такое творится! Неужто не нашлось убрать у вас смелых людей, кроме меня, несчастной? Царь навозный!

До вечера таскала я навоз. Ноги о камни сбила, руки лопатой до кровавых пузырей намозолила. Село солнышко — вышла я за ворота конюшни, в окошко к Авдотье постучалась.

— Добрая женщина, где бы мне помыться можно?

Она аж заплакала, на меня глядячи.

— Ой, девонька! Сейчас я тебе лохань горячей водой наполню, позову служанку помочь искупаться!

— Нечего чернавок баловать, — раздался вдруг знакомый голос из-за ее спины, — есть на заднем дворе корыто в сарае, пусть туда воды колодезной сама таскает, сама моется. А то изгадит тут все.

— Кащеюшка! — ахнула ключница. — Да как же ты!!!

— Не волнуйся, Авдотья Семеновна, — отвечаю гордо, — и правда лучше мне в сарае помыться, раз хозяину вашему, владельцу богатств неслыханных, ведра горячей воды мне жалко.

И пошла к колодцу. А за спиной моей ключница что-то сердито Кащею говорит, а тот мою спину взглядом своим янтарным опять так и сверлит.

Натаскала я воды ледяной, сняла сарафан, рубаху, дверь сарая поленом подперла и стала себя золой тереть. Тру, тру, а все равно пахну мерзко, и плечи у меня ноют от работы непривычной, и руки дрожат. Снова натянула сарафан да рубаху, вылила воду из тяжелого корыта, опять потащила ведра — а от холода пальцы сводит, губы немеют. Нашла у колодца глины синей кусок, нашла песка, им с глиной и оттерлась. И волосы помыла — пусть еще два раза пришлось за водой ходить, — и сарафан из мешковины отстирала, и рубаху, потом пропитанную.

К ночи только управилась. Натянула мокрую рубаху и сарафан и на ногах трясущихся пошла к терему, в свою кладовку. На стул одежду повесила, на солому упала, рогожкой укрылась, и так и заснула — не поев, не попив — сил не было. Только и успела, что у Авдотьи чернил попросить, лист бумаги и перо гусиное, острое.

Шесть дней я так навоз таскала, по вечерам ледяной водой мылась, а на седьмой закончила. Конюшня сверкает, полы соломой пересыпаны, вымыты, ясли отдраены, в них золотая рожь лежит. Попросила я скребок да гребень и пошла коняшек холить. Через день все у меня красавцы ходили, взор не оторвать. Да и в чистой конюшне дело пошло веселее — немного лопатой помахать, солому перестелить и стоишь себе, коня теплого обнимаешь, гриву ему чешешь, песни поешь.

Так стояла я, гребнем водила по гриве золотой и коню фыркающему на судьбинushку свою жаловалась, как услышала позади кхеканье тихое. Обернулась — а там дед старый, согнутый, руку за спину больную заложил, сам за столб в стойле держится и на коней глазами радостными смотрит.

— Ай да чудо-девка, — радуется, — ай да молодец! Лучше меня все убрала!

Смотрю — потянулись к нему жеребцы боевые, лошадушки и жеребята, носами тыкают, ржут ласково, а дед старый гладит их и плачет, пятерней слезы из глаз тусклых смахивает:

— Вы уж простите меня, родные, простите, златогривые! Помру я, видать, скоро, думал, некому будет вас пестовать. Попрощаться к вам пришел, еле дополз.

Так жалко мне его стало!

— Дедушка, — позвала почтительно, — а что же ты помирать собрался? От залома в спине еще никто не умирал! Или нет у вас лекарей умелых?

— Есть, — отвечает, — и лекари, да и сам царь-батюшка руки свои прикладывал, а только не вышло ничего. Боль снял, а на следующий день опять воротилась.

— Эх, — говорю презрительно на неумеху-полоза, — тут же не боль снимать надо, а ось твой позвоночный на место ставить. Ну-ка, дедушка, послушай меня. Попроси Авдотью баню затопить с крапивой жгучей да прутом можжевельным, надо распарить тебя как следует. Как раз царь на охоту уехал, не увидит ничего, не рассердится. И потом меня зовите, буду спину тебе ровнять. Да не бойся, я батюшку как только не крутила, когда он спину застужал, бывало, его и как тебя пополам скорчивало. У меня, — хвалюсь, — и атлас костный дома есть, и все жилы-связки знаю, и странствующий лекарь мне приемы костоправные показал. Потяну тебя, поломаю — хуже чем есть все равно не будет, а будет лучше, запрыгаешь, как молоденький.

Дед недоверчиво головой покачал, подумал:

— А давай, — рукой махнул, — девка, хуже точно уже не будет.

Вот пришел вечер. Задымила банька царская, задышала жаром. Прошло время, пришла ко мне Авдотья раскрасневшаяся, мокрая.

— Иди, — позвала, — девонька, ждет тебя дедушка Пахом.

Дед, как скрюченный стоял, так, не разгибаясь, и на лавке лежит, полотном по чреслам обмотанный. Закатала я рукава, подвязала юбку, платок на голову надела, чтобы не сморило от жара банного. Залом спинной прощупала — хорошо распарили, стали вокруг ося позвоночного жилы мягкими, тянущимися, — и давай деда Пахома мять — крутить, руки-ноги вертеть, выгибать, встряхивать, вокруг залама мышцы расправлять. Авдотья на все это смотрит и охает, а дедушка кряхтит и молится:

— Только не сломай меня, девка, ой-ой. Ай, душу Богу отдам, ай, страшно-то как!

А я пыхчу — ворчу, потом обливаясь:

— Старый уже, седой, а жалуешься, как дите малое, дедушка Пахом. Ну-ка потерпи, еще немного, и легче будет.

Крутанула я его в пояснице — щелкнуло в спине, и встал на место ось позвоночный. И тут же распрямился старый конюшенный, спину пощупал и недоверчиво на меня глядит.

— Починила, девка, старика! Починила-таки!

И в пляс норовит пуститься. А я смеюсь!

— Хватай, — кричу с хохотом, — его, Авдотья Семеновна, да спину ему крепко вяжи, и в тепло клади, чтобы ни сквозняка, ни ветерочка, завтра с утра встанет как новенький!

Авдотья меня расцеловала и наказала:

— Хватит тебе водой холодной мыться, застудишь себе родильное, саму себя труднее лечить. А тебе еще ребятишек вынашивать, мужу сыновей рожать. Помойся тут, попарься, сарафан постирай. А я тебе, пока Кашеюшка не видит, чистой одежды на смену принесу, да матрац мягкий в каморку брошу и одеяло пуховое.

— Спасибо, — ответила я тихо, — только если узнает, и тебе попадет, Авдотья-матушка. Помыться я тут быстренько помоюсь, нет сил моих от горячей воды отказаться, а прочих милостей не нужно.

Вздохнула повариха, правоту мою признавая, и повела деда Пахома кутать и спать укладывать.

Сняла я платок, стянула сарафан и сорочку, от работы влажные, распустила косу свою короткую — тут же волосы от пара мелким вьюном вокруг головы встали. Выстирала одежду, на полках разложила, поддала жара и стала сама мыться. Стою, натираюсь войлоком и песенку пою от счастья, ногами в лохани с горячей водой переступая. Сколько грязи с меня сошло — стыдно сказать! Разве отмоешься как надо глиной с песком?

Загрохотало в предбаннике — видать, Авдотья вернулась.

— Хорошо-то как! — закричала ей со смехом через дверь. — Заходи, погреешься!

Распахнулась дверь — а там Полоз стоит в клубах пара, и на нем штаны одни надеты. Смотрит на меня, и глаза его янтарем горят.

— Вот так мне удивление, — произнес медленно голосом своим рычащим, а глаза его тьмой жаркой заполнило, как он меня с ног до головы оглядел. — Вот и правильно. Смирилась, девка, решила встретить ласково? Не бойся, милая, и я ласковым буду, не обижу тебя, говорил уже.

А у меня коленки дрожат, зуб на зуб от ужаса не попадает. Прикрылась я руками, взгляд на лавку с одеждой своей бросила.

— А покраснела-то как, — говорит весело и штаны снимает, — чисто рак вареный. Правду говорят, что рыжие всем телом краснеют! И веснушки у тебя действительно с ног до головы, белочка!

Как штаны его в сторону полетели — тут я и поняла со всей отчетливостью, что дело мое плохонько.

— Рак-то рак, — отвечаю, с трудом взгляд отводя от тела Кашеева сильного и к полке отступая, — да не тебе его руками своими загребущими трогать, чудище ты похабное.

Помыться я пришла, а не тебя встречать, кто ж знал, что ты раньше времени с охоты воротиться?

— А мне все равно, — и голос такой медовый, что аж как кипятком по мне плеснуло, покраснелась я еще больше, — попалась ты, девка, не сбежишь теперь. У меня после охоты кровь играет, самое то дикую белку укротить.

Шагнул в баньку, дверь за собой прикрыл — а я сарафан к себе прижала, к стенке горячей прислонилась — навис Кашей надо мной, за плечи взял, к себе потянул. Перехватило у меня дыхание. Закрыла я глаза, смелости набираясь, зубы стиснула — искусаю, исцарапаю, не дамся!

Тут дверь опять распахнулась, царь обернулся, я из-под локтя его выскользнула, к Авдотье шмыгнула. Стою, трясусь, сарафан мокрый прямо на голое тело натягиваю.

— А что же, — недобро говорит повариха, — ты, царь-батюшка, тут делаешь?

— Да, — пискнула я, осмелев, — что же ты делаешь, охальник?

Тут ладонь Авдотьиной мне рот и накрыла. Замычала я, а она мне на ухо шикнула.

— А не забываешься ли ты, ключница моя верная, — рявкнул Кашей, лицом темнея, — это мой терем и баня моя, и я хозяин тут всех и вся! Я перед тобой ответ должен держать, или ты передо мной? Почему в царской моей помывочной чернавки тело свое грязное оттирают?!

Вздыхнула Авдотья от обиды, руки на груди сложила, рот мне освободила. И зря ведь, зря. Не хотела я говорить, само вырвалось!

— Эх ты, — говорю презрительно, — на саму Авдотью рычать вздумал! Нет у тебя ни стыда, ни совести! Не виновата она, не ругай, надежда-царь, я одна виновата! Сама я пришла, сама все натопила, не знала она ничего. Меня наказывай, а на нее не шипи! Что молчишь, к чему готовиться мне — за две-то лохани горячей воды и пар твой бесценный? К свиньям меня пошлешь или выпороть сам решишь? Не побоишься белы рученьки запачкать, гад ты... ыы... ыы... ыы...?

Это Авдотья за спиной моей ахнула и снова рот мне закрыла, а Полоз покраснел, побледнел от ярости, — то и гляди, тут меня и придушит.

— Беги, девонька, — мне повариха шепнула и в сторону шагнула, — беги быстро! Меня не тронет, что ты, а тебя точно прибьет ведь сейчас! И я не спасу!

Я и побежала. Ибо смелость смелостью, а жить мне вдруг очень захотелось, как я увидела, как мрачно Кашей на мою шею смотрит и желваками играет. Молода я еще для хрустального гроба-то! Забежала в каморку свою, стул колченогий к двери кое-как прислонила. Хлипкая преграда, а спокойнее так. Легла спать я на рогожку, а не заснуть мне — все чудится, что у двери кто-то остановился и войти хочет. Так в страхе и заснула.

А на следующее утро Авдотья Семеновна меня обняла, кашей накормила да петуха на палочке сладкого сунула.

— Эх, ты, — сказала жалостливо, — попала ты, девонька, задела Кашей за живое. Смелая ты и добрая, на защиту мою встала — то-то царь удивился! Да только не было в этом нужды — любит меня Кашеюшка, никогда бы не тронул. Рассказала я ему все — и как ты деда Пахома лечила, и как я баню топила, повинился передо мной царь, прощения попросил. Да и Пахом в подтверждение моим словам с утра уже лопатой машет, тебя славит. Да ты ешь, — велела, — одна кожа да кости остались. А потом приказал царь тебе к нему зайти, новую службу он тебе придумал. Не бойся, но и не перечь ему, Алена, иначе только жаднее до тебя станет. Мужики они такие, если дичь убегает и огрызается, только охочее становятся. Тише будь, милая, авось охладееет.

— Спасибо за советы и за кашу, Авдотья-матушка, вкуснее в жизни не пробовала, — жадно я ела после ночных переживаний, только за ушами трещало. Не верилось мне, что Полоз способен повиниться, да и идти к нему не хотелось, а надо. Долг отцовский шею гнет, слово я дала, да и дело у меня к Кашею есть. Всю неделю я родным весточку писала по строчке, жаловалась, как мне трудно. И перед тем, как подняться в царские хоромы, сходила в каморку и прихватила письмо — Кашею отдать, чтобы обещание свое выполнил, батюшке отправил.

Спрятала я письмо за ворот, поднялась в верхний терем, где еще не бывала. А там золотом все блестит, самоцветы величиной с кулак в стены вделаны, ковры драгоценные по полам стелятся, птицы чудесные в клетках поют.

А царь в парадной зале на черном троне сидит, указы диктует. Я зашла, у стеночки стала, и жду терпеливо. Вот вышли помощники, остались мы вдвоем. Думала, про баню заговорит. Нет, промолчал, будто и не было ничего. О другом речи завел.

— Сюда иди, белка рыжая, — недовольно позвал, — ну, скажи, как тебе служба у меня? Ни на что ли пожаловаться не хочешь, али попросить о чем? Не надумала ли поцеловать меня?

— Спасибо, змей подземный, — отвечаю гордо — а письмо огнем грудь жжет, — хорошая у тебя служба, легкая, да и разве мог ты меня чем обидеть или опозорить? Ты мужчина богатый и гордый, женщину никогда бы не обидел, правда? А поцелуи мои в службу не входят, я их не дарила никому и тебе не подарю.

Честное слово, извинка сама в тон попросилась, уж давила я ее, давила, да до конца не додавила. Погрознул царь, глаза огнем запылали, вижу — с усилием сдержался, чтоб не рявкнуть.

— А что, — спрашивает с усмешкой, — не огрубели ли руки твои белые?

Я на ладони свои саднящие посмотрела, за спину спрятала.

— Да ты что, чудо-юдо страшное, — говорю, — с чего там грубеть? Машешь лопатой и машешь. А только зачем ты меня позвал — разговоры разговаривать?

— А не хочешь ли ты, — интересуется подозрительно ласково, — поседничать со мной?

Ладонями хлопнул, ногой топнул — встал передо мной стол тяжелый, тонкой скатертью накрытый, а на столе том кушаний видимо-невидимо, и яблоки румяные, и грибы моченые, и поросенок печеный. И хлебушек сладкий, теплый, белый — ровно как Марьюшка дома пекла. Аж слюни потекли. Поняла я — извиниться так пытается Кащей. Да только не нужны мне такие извинения, не собака я, чтобы за кость хвостом вилять.

— Спасибо, — сказала я через силу, — да только не ровня я тебе, чтобы с тобой за один стол садиться. Сыта я кашей, Кащей Чудинович. Говори, какую следующую службу даешь.

Он головой покачал, с трона встал, ко мне подошел, за подбородок взял. Глаз я не опустила, пытаюсь улыбнуться — не выходит. Говорит мне Авдотья тише быть, а я как нарочно его дразню. А еще умной себя считаешь, Алена!

— Немочь бледная, рябая, — говорит, — и что это я тебе угодить пытаюсь, когда я здесь господин, и что захочу — то мое будет?

Я застыла, страшно мне стало — так зло на меня смотрел, дыхание переводил. Рукой по шее повел на плечо, с плеча рубаху мою нищенскую спустить пытается...

— Ты, — проговорила с усмешкой, прямо в черные глаза глядячи, — мне с навозом уже угодил, счастья добавил, ледяной водой дополнил, не пугай, чудовище грозное, мерзопакостное, работу давай.

— Пошла прочь, — руку отнял и как рявкнет, а у самого глаза огнем зажглись яростным, — псарня у меня есть, псы охотничьи, злые. Вычистишь, собак вымоешь, накормишь! А разорвут — туда тебе и дорога!

— Доброта твоя, — а голос у меня ласковый, медом льется острым, — не знает границ. Мог бы и к свиньям отправить, а что собаки? Собак я люблю.

Он усмехнулся невесело, взглядом своим ожег, ладонью бережно по щеке погладил — потянулась я за его рукой, зажмурилась — и отвернулся. И ушла я, так письмо и не отдала.

В псарне царской, забором огороженной, стоял визг и лай. Я у Авдотьи два ведра с костями взяла, к забору тому пошлепала — тяжелы ведра, да с водой было тяжелее к конюшням носить. Выслушала меня Авдотья, повздыхала:

— Нашла, — говорит, — коса наша черная на камень рыжий. Ох, дурные вы, дети, друг друга

изводить-то! Вместо того, чтобы миловаться и за ручки держаться. Слушай, Алена, научу я тебя, помогу, уж очень сердце за тебя болит. Оценилась с месяц назад во дворе одна сука, сходи к ней, добрая она, ласковая, с щенятами поиграй, будет от тебя щенячьим духом пахнуть, не тронут тебя псы.

Так я и сделала. Поиграла с кутятами, с щенятами лопухими — излизали меня всю, изнюхали так, что псиною я пропахла, а сарафан мой серый весь в собачьей шерсти извалялся, и пошла с ведрами костей к псарне.

Дошла я до ворот — собаки внутри юлами вьются, зверями дерутся — вздохнула, и открыла створки. И быстренько за собой закрыла.

Тут на меня зарычали, окружили, клыки щерят, вперед бросаются, воздух ноздрями тянут, порвать хотят. А я от страха с места двинуться не могу, ноги подвели, осела я на землю и заплакала.

«Ну, спасибо, — думаю, — Кашеюшка, отольются тебе мой страх и мои слезы. Не выживу тут, так прокляну, что всю жизнь меня вспоминать будешь».

Подвинула я ведра вперед, стараясь в крови не испачкаться — и то ли собаки очень уж голодны были, то ли щенячий запах помог, только накинулись они на угощение, на меня внимания не обращая, кости утаскивая. Вмиг ведра опустели. Поднялась я на негнущихся ногах, ведра прихватила и к воротам повернулась. А там Кашей стоит, плетью играет, глазами своими бесстыжими сверкает, и лицо у него виноватое и непримиримое.

— Что, — говорю почтительно, кланяясь, — проверить решил, не отравлю ли твоих песиков, не обижу ли? Небось и плеть взял, чтобы их от меня защитить?

— Да, — отвечает мрачно, — собаки-то у меня дорогие, попортишь еще. Но, вижу, справилась ты, не побоялась. Вот и корми, и убирай, пока не найдут мне нового слугу, чтобы за собаками ходил.

Развернулся, плетью с досадой о сапог щелкнул, искры высек и пошагал к терему. А я опять лопату взяла, и стала двор чистить, от рычания вздрагивая да песню напевая, чтоб не так страшно было.

Шесть дней я так убирала, по вечерам письмо родным дописывала, а на седьмой, когда пришла с ведром, уже прибежали все псы ко мне ластиться, в руки тыкаться, на грудь прыгать, в щеки лизать. А я смотрю — одна псина хромает, лапу к груди поджимает. Протянула руку посмотреть — так та собака меня за руку и тянула.

Я потихоньку-потихоньку, чтоб не видел никто, руку водой промыла, тряпицей замотала, и пошла за ворота искать траву лечебную, для себя да для твари бедной. Успела увидеть, что загнана в лапу длинная щепка, собака лапу лижет, а вылизать ее не может, уж и загноилось там все.

Трав много мне нужно было — после того, как деда Пахома я на ноги подняла, повадилась ко мне челядь ходить, лечения просить, так что за неделю я все Авдотьины запасы и израсходовала. И звать меня стали тут не обидно — Крапива, — а уважительно, Алена-целительница.

Долго шла я по стольному Златограду, на обилие шумного народа дивясь — тут и купцы, и крестьяне с телегами груженными, и такие же чернавки, как я, и господа богатые, важные. Дома богатые, дороги камнем выложены, а торговые ряды какие большие! Чуть не потерялась там, так засмотрелась!

Вышла за околицу, пошла на луга, где коровы пасутся толстые, царские, да точно так же пахнет землей и цветами, как у нас наверху. Набрала ромашки и крапивы, подорожника и мать-и-мачехи в подол, посидела на солнышке — надо вставать и на работу торопиться, да только сморило меня там, на лугу, в сон унесло.

И снилось мне, что подъезжает конь-огонь, а с него Кашей спрыгивает, злющий, что та крапива, окрикнуть меня хочет, но замолкает, надо мной склоняется и в уста меня целует. И сладко мне так от поцелуя царского, что прерываться не хочется, и руки его ласковые, и глаза жаркие, и шепот нежный «Душа моя, белочка рыженькая, ненаглядная...»

А очнулась от окрика грозного:

— Что, бельчонок, сбежать вздумала?

— Что ж орешь ты так, надежда-царь, — говорю недовольно, ухо потирая, — сам подумай, куда сбегу я, если мы под землей? Работу закончила, трав вот набрать пошла и под солнышком уснула.

— Оно и видно, — смеется с чего-то, настроение хорошее, и на ноги мои голые, ибо в подол трава собрана, смотрит. — Пospала на солнышке, и в два раза больше веснушек на щеках высыпало! — и по щеке меня погладил, губу задел, сам облизнулся. — Перегреешься ведь, заболеешь, белочка. Садись на Бурку, рыжая, домой тебя отвезу.

— Да какой это мне дом? — удивилась я, от него отступая. — Дом у меня где батюшка с сестрицей ласковой, а тут у меня тюрьма мрачная с хозяином злым, яростным.

Нахмурился он, за руку схватил — я и ойкнула, выдернула, к груди жму, баюкаю укушенную.

— А ну-ка, белка, руку покажи, — повелел Кощей. Я ладонь недовольно протянула, он тряпицу размотал, укус увидел, головой покачал и давай мне над запястьем заклинания шептать. Шептал-шептал, пока не зажило все. Погладил мне руку, да так и остался рядом, пальцы мои сжимая. Стоит, глаза туманятся, зубы скалятся, дыхание сбивается — тяжело, видимо, колдовство далось. Ой, тяжело — уже в волосы пальцы запустил, к губам клонится, не остановлю — быть беде!

— А чего это ты, владыка подземный, за простой девкой в погоню бросился, сам белы царски рученьки прикладываешь, не брезгуешь? — спросила я ядовито. — Али нравлюсь я тебе?

Он глазами сверкнул и рычит:

— Извести меня решила, беда-девка? Что ты жилы из меня тянешь, что, нос задрал, ходишь? Да ты знаешь, сколько таких, как ты, у меня бывало? На ночь приходят, кланяются, утром уходят, руки целуют!

— Это за что же целуют, — заинтересовалась я, — радуются, что только ночью потешился, на день не оставил? Так давай руку, поцелую два раза, чтобы и про меня мысли свои бесстыжие оставил.

— А целуй, — говорит зло, руку протягивая, — да приговаривай, — спасибо, господин.

Я ладонь его взяла — перстень зеленую мерцает, пальцы напряженные, наклонилась, и целую.

— Спасибо, господин, — говорю.

И еще раз.

— Спасибо, господин, — кланяюсь.

И еще.

— Спасибо, господин.

Он руку выдрал, зубами заскрипел, меня к себе дернул — только травы из подола и посыпались.

— Ох, белка, — хрипит, — доиграешься. Ох задеру сарафан да поучу тебя!

Тут я вижу, побелел весь, глаза огнем полыхают, руки жадные уже всю спину изгладили, сарафан вверх тянут. Все, Алена, довела мужика, нет бы остановиться раньше! Кто ж тебя, козу, на веревке дразнить тянул?

Струхнула я, глазки к земле опустила, голос тихонькой сделала.

— Прости, — говорю, — меня, владыка подземный, Полоз великий, хочешь, молчать буду, слова больше тебе не скажу?

— Ты лучше поцелуй меня, — просит меня в ответ сипло да с усилием, а сам пальцами волосы мои лохматые, кудрявые, перебирает, затылок мне трогает, шею ласкает. — Что я, страшилище какое?

— Да нет, — смотрю на него замороженно, — красив ты, Полоз, сам это знаешь.

— Или противен тебе? — спрашивает, по спине меня гладя. — Или боишься?

— Дивлюсь я с тебя, Кашей Чудинович, — отвечаю честно, — то ты весел, как солнышко, то хмур, как туча грозная. Улыбаешься — и самой улыбнуться хочется, а как мрачнееешь — так хоть под землю хоронись. Перемен настроения твоего боюсь, сейчас добр ты, а потом словом хлещешь. А тебя самого, нет, не боюсь. Сама удивляюсь, но не страшен ты мне.

— Так почему, — спрашивает ласково прямо в губы голосом своим рычащим, — одним поцелуем одарить не хочешь?

— Это ты, хозяин, с жиру бесишься, — твержу я, а сама про себя в ужасе — сейчас точно ведь завалит, и до сеновала не подождет. — Ты привык к лебедушкам сочным, мягким, да наскучило тебе однообразие — воробья захотел костистого, ворону горькую. Попробуешь, покривишься и снова к лебедям пойдешь, — отвернулась, в грудь его толкнула. — Не буду тебя целовать! Мои поцелуи батюшке родному, сестрице любезной, да другу сердечному предназначены. А ты уж точно не батюшка, не сестра, да и сердце мое не трогаешь.

Он меня как держал, к себе прижимая — так и отпустил резко, захохотал обидно.

— Да что ты о себе возомнила, — ревет грозно, — чернавка! Я в твою сторону и глянуть лишней раз боюсь, чтобы не испугаться. Мимо я проезжал, случайно тебя увидел — проветриться выехал, вот и решил пошутить, посмотреть снова, как краснеть будешь. Что ты там пожелала, молчать? Вот и молчи. Чтоб ни слова от тебя не слышал! И в город пешком пойдешь!

Вздохнула я — опять гордыня в нем вскипела, опять он словами меня отхлестал. Что же ты, царь, нетерпеливый такой, не видишь, что ли, как смотрю на тебя, меня обижающего? И такая горечь меня взяла горькая! Поклонилась ему в пояс, чтоб не видел, как слезы из глаз потекли, да так и стояла, пока он на коня не вскочил, бедного Бурку не прищпорил и не поскакал по лугам, злющий, как рой осиный.

А я, домой когда с травами вернулась, к собакам заглянула. Псица, что меня укусила, лежит, вздыхает, глазами виноватыми смотрит — мол, прости, не со зла я, а от боли лютой.

— Ну что ты, — бормочу, — не виноватая ты. Тут и человек-то с обиды кусается, а ты тварь четырехногая, неразумная.

Высыпала травы, взяла ножик острый — псица рычит, но смирно лежит — поддела щепу, вытянула ее, гной выпустила, травами обмотала. Сажу рядом с ней и плачу, а псица мне слезы слизывает, собачьим духом обдает — не плачь, девка, спасибо тебе за заботу. Вот собака — а ласковее и понимающей иного человека.

Пошла я на кухню, а там Авдотья Семеновна суетится, поварят гоняет.

— Велел царь наш угощение готовить, столы накрывать, — говорит, — иди помойся, помогать тебе придется. Гостей созывает, дружину свою верную, на пир, да невест приглашает, выбирать жену себе будет.

Я кивнула молча. Пошла воды в свой сарай натаскала, глины наковыряла, вымылась, одежду натерла, опять мокрую на тело надела и на кухню помогать.

Авдотья-то на нас покрикивает, указания дает, а я молчу.

— Да что же ты, онемела, что ли? — удивляется.

А я руками развожу и на рот показываю, не могу говорить и все тут.

Помрачнела повариха, нахмурилась, на потолок посмотрела, черпаком медным по печке постучала.

— Ох, — говорит, — и он дурень, и ты, девка, дура, лбы толоконные, дубовые, гордые. Видимо, пока не расшибетесь, не поладите.

А я знай себе тесто мешу, капусту крошу, пирожки леплю, в печь выкладываю — хорошо рядом с печкою, жар идет, одежда сохнет. Так до вечера мы готовили, а потом пришла я к себе в каморку, письмо перечитала... и порвала его. Побежала к Авдотье, попросила еще бумаги дорогой хитайской — и села писать.

«Батюшка родной, Марья моя любимая. Не бойтесь и не жалейте меня — жива я, забрал

меня Полоз великий, Кащей Чудинович, к себе в мир подземный. Ты, Марьюшка, себя не вини — не тебя он хотел, а меня, перепутал в темноте-то. И ты, батюшка, не печалься, что за долг твой я ушла — не обижают тут меня, живу в неге и радости, сплю до полудня на перинах пуховых, а потом сижу, орехи сладкие ем, медом запиваю. Выделил мне царь щедрыи самые лучшие палаты да десяток служанок, как царица тут живу в почете и уважении. Хорошо мне тут, хоть и скучаю я по вам, мои родные, очень сильно. Ну, даст Бог, свидимся. Алена, сестра ваша и дочь».

Свернула я письмо, набралась смелости и пошла в терем верхний. Поскреблась в дверь опочивальни царской. Он открыл, посмотрел на меня, усмехнулся печально.

— Что, — говорит устало, — неужто целовать пришла?

— Нет, — отвечаю смело, — пришла письмо тебе для родных моих отдать. Дал слово ты его отправить, царь подземный, исполни уж свое обещание.

И письмо ему протянула. Он его взял, губы скривил.

— Что, небось, написала, как тебе тут плохо?

— Конечно, — подтвердила я горячо, — все расписала, нажаловалась. Да и какое тебе дело?

— Я прочитаю, — пригрозил он, — чтобы не наврала ничего.

Я аж руками всплеснула, головой покачала.

— Так куда я без вранья-то, надежда-царь? Читай на здоровье, только пойду я, а то норы у тебя горячий, зашибешь еще ненароком.

— Когда это, — спрашивает нехорошо, — я тебя бил?

— А хотелось? — язвительно ответила я. Он осекся — а я улыбнулась горько и прочь пошла, в каморку свою.

А с утра проснулась — укрыта я одеялом пуховым, лежат на стуле колченогом поперх одежды моей сарафан богатый, узорами расшитый, платок новый, красный, да рубаха тонкая, нежная. Стоят рядом с лаптями сапожки червленые, носочки загнутые, пряжечки золотые. Тут и дверь отворилась, Авдотья появилась.

— А, проснулась, — говорит. — Вот тебе от царя нашего подарок, велел одеться да за стол сесть с ним по праву руку. А не наденешь, сказал, — будешь гостям прислуживать.

Я встала, а повариха меня осмотрела, руки толстые на груди сложила, вздохнула с жалостью:

— А почернела-то как, а похудела! Кормлю, кормлю, а все как в воду уходит. Еще бы, так урабатываться! Марш на кухню кашу есть, чтобы силы были!

Надела я сарафан свой старый и лапоточки, богатый дар аккуратно сложила на стул, на сапоги удобные с тоской посмотрела и пошла завтракать.

А Авдотья расстаралась — и каша тут, и расстегаи мясные, и пирожки сладкие, и взвар ягодный, медовый. Увидела меня, головой покачала.

— Вот дура-девка, опять Кащей позлить решила. Изведешь ты его, ох, изведешь. И тебя мне жалко, Алена, и его тоже — с каждым днем он чернеет, тоской съедаемый, на бояр кричит, на слуг рычит, а то вскочит на Бурку и давай гонять по полям, дурь выветривать.

Я молчу, глаза опустив. А она снова вздохнула.

— Ешь, — говорит, — чтоб ни крошки не осталось!

Меня дважды уговаривать не пришлось — все съела, выпила, вышла во двор — за лошадами поухаживала, псов покормила, опять ополоснулась и пошла поварихе с поварятами помогать столы накрывать. Туда-сюда хожу, кушанья ношу — то гусей печеных, то перепелок верченых, то картофель сладкий, то масло коровье нежное. Блюда золотые выставляю и кубки глубокие, вилки двузубые выкладываю — красиво в зале пиршественном, тепло и празднично.

А к терему тем временем красавицы подъезжают — одна другой лучше и глаже, в нарядах

красоты невиданной, в жемчугах-яхонтах. Их слуги Кашеевы встречают, в покои провожают — пусть красавицы отдохнут, прежде чем пред янтарны очи гада подземного предстать.

И дружина прибывает, коней у привязи оставляет. Шумно стало, громко в тереме — служанок щиплют, гогочут, девки повизгивают. Один меня сзади обхватил, я развернулась, словно случайно споткнулась, да блюдо-то со студнем поросячьим ему на голову и надела. Товарищи над ним ржут пуще коней, и он смеется, по коленям себя колотит — огонь-девка, будет с кем ночь коротать!

Сбежала я оттуда побыстрее, хорошо, рассаживались уже гости дорогие. Но недалеко убежала. Поймала меня Авдотья, кувшин с вином вручила и наказала:

— В пол смотри, ничего не говори, зовут — подливай, кувшин в бочке этой наполняй, — постучала по крутому боку бочки с вином, — на царя нашего глаз не поднимай, авось, пронесет сегодня, не натворишь дел, девка. Заговорит кто — не перечь, кивай, язык свой сдерживай. Все поняла?

Я кивнула молча, кувшин схватила тяжелый да в зал потащила.

А там уже пир горой! Вокруг царя невесты сидят, как лебеди рядом с вороном, ресницами трепещут нежно, румянцем заливаются, а сами из-под ресниц вокруг смотрят, на камни драгоценные в стенах да утварь дорогую.

А меж ними воины brave, богатыри удалые — шумят, здравницы кричат, меня зовут — не мешкай, наливай вина хмельного!

Кашей как меня увидел, сарафан разглядел, аж лицом потемнел, нож тонкий схватил да в стол вонзил. И манит меня пальцем к себе.

— Налей вина, девка, — сказал, когда подошла.

Я в чашу вина налила — он меня за руку схватил. Невесты царские затихли, на меня недобро глядя, и улыбнулась я послушно:

— Нужно ли тебе еще что-то, великий царь?

— Нет, — сквозь зубы цедит, — ничего не нужно.

Я руку высвободила, отошла, снова по кругу пошла, побежала кувшин наполнять, опять пришла наливать... так и бегала туда-сюда. Кашей пьет, взором тяжелым смотрит, а вокруг него девы юные внимание его привлечь пытаются.

— Ой, — слышу, говорит одна, — как у тебя тут красиво, Кашей Чудинович, и богато, а что же служанка твоя в тряпье ходит?

— Это что, мешок? — добавляет вторая, и они смеются — заливаются.

Я кувшин стиснула, снова по царскому знаку подошла, чашу его наполнила. Ох, не пил бы ты столько, Кашеюшка, вон глаза уже дико блестят, огнем светятся.

— Ой, — говорит третья, — а от нее, что ли, навозом несет?

И носик себе пальцами зажала. Я улыбнулась.

— А что, — снова говорит одна из невест Кашеевых, — что же она рябая такая? То ли дело я, кожа белая, ни родинки, ни пятнышка, чисто мрамор.

«С разводами», — хотела сказать я, но промолчала, зубы сжала.

— А у меня, — хвалится другая, — кожа как мука, нежная, мягкая да теплая.

«Паршой осыпается».

— Да и я не отстаю, — включилась третья, — моя как пух гусиный, гладкая, на ощупь приятная.

«И жира под ней как у гуся откормленного».

— Эй, девка, — зовет меня четвертая, — а откуда такие пятнистые, как ты, берутся?

Я молчу, улыбаюсь приятно, на Кашея не гляжу, ибо взгляну — кувшином огрею.

— Что молчишь? — рассердилась краса-девица. — Мне, дочке княжеской, не отвечаешь?

Вижу, царь чашу сжал, на меня искоса смотрит — в пол глаза опустила и не поднимаю их. Тут девица вскочила, как размахнется и меня своей рученькой пухлой по лицу приложила.

— Знай, чернавка, свое место!

И тут я расвирепела. Кувшин на нее вылила, на жемчуга-шелка, в Кашея кувшин тот бросила, трон его пнула.

— Чернавка? — говорю яростно, а по щекам слезы катятся. — Девка тебе навозная?! Будут меня твои бабы еще позорить!

Зашипела змеєю, и под визг дочки княжеской — выпороть ее, выпороть! — из зала побежала. Бегу, щека горит, перед глазами чернота стоит — только почуяла, как руки жесткие меня схватили, к телу горячему повернули, прижали. Ничего от злости дикой не вижу — только темный силуэт передо мной, у которого глаза огнем полыхают.

— Все вон! — орет, а сам на руки меня берет, к груди прижимает, идет куда-то и рычит: — Зараза ты бессердечная, белка ты дикая, извела ты меня, измучила, не могу из головы выбросить, не могу из сердца вытравить! Ну скажи хоть что-то, — шепчет, — не молчи, рыжюля, что же ты меня наказываешь!

А я молчу, в потолок гляжу, сердце в груди иссыхает, в головешку превращается. Мало, значит, унижал меня, мало работой непосильной нагружал, обижал, словом злым жалил, нужно было уродом перед миром всем честным выставить, чтобы надо мной гусыни его издевались!

— Белочка, — просит горько, — ты прости меня, дурака. Полюбил я тебя, когда ты от меня пряталась, за сердце твое доброе да отвагу немалую, за смешливость твою и пух твой рыжий выющийся. Да гордость взяла меня, что в пигалицу безродную втрескался, которой я не нужен и которая мне окорот дает, вот и дурил как умел, отвязаться от тебя пытался. Думал я, что сядешь со мной рядом на пиру сегодня, а опять ты меня обидела, вот и не заткнул куриц этих. Что же молчишь ты? Все равно моей будешь, белочка, не могу я больше. Простишь, — шепчет, себя убеждает, — одарю золотом, в палаты богатые переведу — простишь, обязательно простишь, авось и полюбишь меня потом.

Принес к себе в покои, а я молчу, на кровать бросил, а я все молчу. Сверху прилег, рубаху с себя стянул, целовать жарко начал. А я в потолок гляжу и молчу, на поцелуй те не отвечаю. Руками под подолом уже шарит, дышит горячо, рубаху на мне рвет, а я молчу — и только слезы из глаз катятся.

Застонал тогда Полоз, зарычал страшно, от меня откатился, на кровать сел, за голову схватился.

— В царстве моем, — говорит, — тысячи дев прекрасных, а я влюбился в белку дикую, прощать не умеющую. Слезы твои соленые, горькие, пуще раскаленного железа меня жгут. Не могу я так, не сладко мне целовать тебя, тело твое ласкать, без улыбки твоей, без согласия.

А я лежу и думаю: «Как же простить тебя, гад ты подземный, если ты до сих пор имени моего не знаешь? И сейчас на ложе свое не женой захотел возвести честною, а срамною полюбовницей?»

А Кашей на меня посмотрел, встал да рукой махнул.

— Все равно без тебя жизни нет. Прощай, белочка. Вот тебе кольцо мое заветное с изумрудом заговоренным — на палец наденешь, повернешь камнем вниз — в тот же миг наверху очутишься, в том же месте, откуда тебя забрал.

И кольцо свое с пальца стянул, на кровать помятую бросил, вздохнул тяжело, по волосам меня погладил — и вышел из опочивальни.

А через несколько минут услышала я звук рога боевого. Вытерла слезы, к окну тихонько подошла, вниз поглядела — дружина в седлах сидит, Кашей перед ними на Бурке гарцует.

— Вой мои верные, дружина моя храбрая! — кричит. — Зову я вас великанов на границе с Хель воевать! Давно они наши деревни грабят, крестьян в полон уводят. За мной!

И заклубилась пыль — помчались воины прочь, опустел двор, потянулись с него печальные невесты-лебедушки.

А я там же и сомлела, на постель царскую прилегла, под одеяло пуховое забралась, лежу реву, драгоценный шелк слезами мочу.

Под утро только вниз спустилась, в рубаху Кашееву замотавшись, сверху сарафан свой надев. Авдотья меня увидела, черпаком замахнулась.

— Иди, — говорит, — отсюда, бесстыжая. Думала я царевичей да царевен попестовать, а вместо этого жду вести жуткие. Довела дура дурака, поехал дурак дурну головушку в драке складывать.

А я к ней лацусь, по плечу глажу.

— А Расскажи мне про великанов, Авдотья Семеновна!

А повариха ворчит:

— Вот с Полозом моим была бы такой ласковой, как вокруг меня сейчас обвиваешься! И чем не пришелся тебе мужик? Да он бы тебя на руках носил, ноги целовал, если б раз хоть с добротой поглядела, улыбкой согрела. А так слово за слово, он словом рубит, да и ты поперец сечешь!

— Он меня уродиной считает, тетушка Авдотья, — вздыхаю. — То ласкает, то обижает, словами сечет. Потешится да выкинет, зачем ему девка рябая, рыжая?

— Это пусть он уж тебе скажет, — бурчит повариха, — зачем, ежели вернется. А про великанов расскажу, так и быть. Живут они на самом краю земли, во льдах могучих. Едят мясо человеческое, таскают детишек невинных, пояса черепами увешаны, у каждого дубина из дуба столетнего сделана, да пасть, в которую телега заехать может. Заревет такой — обвал случается, ногой топнет — твердь трясется. И повадились они к нам в царство Медное ходить, людей в полон уводить, страшную похлебку свою варить. Вот искал Кашей жену, чтоб наследничка оставить, чтобы род его волшебный не прервался, и потом пойти войною на злодеев-людоедов. Но кто ж знал, что вместо лебедушки послушной ему галка дерзкая приглянется?

А я слушаю и всем телом дрожу — а как съедят гада подземного с глазами его янтарными, улыбкой солнечной — когда не сердится, — с руками крепкими?

— Так что иди ты домой, девка, — говорит повариха, — раз уж он тебя отпустил. Ничем ты теперь ему не поможешь.

Я глаза опустила, обняла ее — жалко гада бешеного, но домой пуще хочется, — и кольцо изумрудное повернула камнем вниз.

И очутилась я не в лесу — в горнице своей. Сидит батюшка чернее тучи, Марья с лица спала, глаза все выплакала. Увидали меня, заахали, чуть в объятых не задушили.

— Как же ты вернулась, доченька? — спрашивает отец. — После письма твоего и не думал, что увижу тебя!

— Сам меня Кашей отпустил, батюшка, — говорю, — пожила у него и хватит.

Марьюшка сердится:

— Что же ты, батюшка, Алену не напоил-не накормил, а сразу с расспросами пристал?! Устала она небось от пути трудного!

Дорога моя из подземного мира одно мгновение заняла и никак меня не утомила, но не стала я сестричку поправлять. Кликнул отец стряпуху, велел обед богатый готовить, а пока повела меня Марьюшка в баню мыться-купаться. Ох, хорош был пар да вода горячая! Напарила меня сестричка любимая, спину натерла, одежду нарядную выдала, сама пироги да щи поставить успела. Смотрит на меня, волосы расчесывающую и радуется, обнимает меня ласково.

Спустилась я в трапезную пообедать — отец солнцем сияет, здравные речи говорит. Поели, да

стали меня сестрица да батюшка выспрашивать о жизни в подземном царстве. Всю я правду рассказала, ничего не утаила.

— Ты прости меня, доченька, — повинился отец, голову повесив, — я Кащею когда обещание давал, на монисто золотое кивал, что матушке твоей за рождение Марьюшки подарил. Ведь дороже его и у царя нету. А он видишь, злодей, на деток моих позарился.

— Но он же тебя спас, батюшка, — бормочу, кудри свои пальцами тереблю. — За это одно я ему всю жизнь кланяться должна.

— И работать тебя заставлял, черным трудом наказывал, — продолжает отец.

— Зато я лопаты больше не ломаю, — улыбаюсь, — и трудной работы не боюсь.

Батюшка посмотрел, нахмурился, бороду погладил.

— Да позором тебя покрыть намеревался...

— Да пугал больше, батюшка, — вздыхаю я, — так-то и пальцем не тронул... Все больше я его жалила, а терпел ведь...

Удивленно на меня посмотрели родные, да я и сама себе удивилась.

Проснулась я на следующий день в мягкой кровати своей. Рано проснулась, пошла за травками в лес сходила, вернулась, разложила их — а делать-то больше нечего! Взяла метлу двор подмести — работа так и спорится. Набрала воды в лохань, полы по терему вымыла. Пошла на кухню, Марьюшке помогла завтрак приготовить — она песню поет, я подпеваю, радуюсь.

Смотрят на меня родные и все удивляются, а я тоскую и тоску ту работой перебиваю. Но днем можно печаль делами заглушить, а куда ночью от нее денешься?

Так три дня я работала, а на четвертый с утра подошла к сестрице с батюшкой, поклонилась:

— Ты прости меня, отец, прости, сестрица любимая. Но вернулась я сюда, и вроде радоваться должна, а только тошно мне, тяжело, сердце льдом колет. Боюсь, сгинул там Кащей, а я до конца дней своих доживу и не узнаю, жив он или нет. Обрато я пойду, не сердчайте, и дайте мне свое благословение.

Марьюшка разрыдалась, а батюшка помрачнел, вздохнул тяжело.

— Не такой доли я тебе хотел, доченька, да видать, деваться некуда.

— Некуда, — киваю виновато. — Хоть и отпустил меня Полоз, а нужно нам слово держать, раз спас он тебя. Сам ты говорил, слово купеческое должно быть крепче стали. Ну же, обнимите меня и не поминайте лихом, родные мои. Авось еще свидимся.

Поплакали мы, пообнимались, дал мне батюшка с собой даров богатых, да свое родительское благословение. А Марьюшка воеет — слезами заливаается.

— Не плачь, — говорю ласково, — сестрица, как-нибудь все уладится, буду я вас навещать, будете вы ко мне приезжать.

Поцеловались мы, повернула я кольцо изумрудом наверх — да и очутилась у терема золотого в царстве подземном.

Гляжу вокруг — а погоды-то гневаются, небо тучами черными покрылось, ветер северный по земле бежит, ржут лошадки жалобно, псы воют тоскливо. Отворилась дверь, вышла на крыльцо Авдотья Семеновна — похудевшая, побледневшая.

— Ить вернулась никак? — говорит радостно. — Что забыла-то тут, девка глупая?

— Долг забыла отдать, — отвечаю, — принимайте обратно на хозяйство, Авдотья-матушка. А не слышно ли чего о дружине нашей?

Авдотья глаза щепотью вытерла, за щеки схватилась.

— Да уж три луны, считай, прошло, как уехали. И ни слуха о них, ни весточки. Только

зореньки встают кровавые, да идут холода с северов лютые.

— Это что же, — удивилась я, — три месяца меня не было?

— Ровно три, — кивнула повариха, — и три денечка сверху. Давно уж вернуться должны были с победою. А раз нет их — знать, беда случилась!

Я застыла, горло сжала ладонью.

— А как найти это царство Хель? — спрашиваю.

— Что его искать, детонька, — грустно ответила повариха, — вот откуда тучи снежные идут, там и Хель лежит ледяной, мраком укрытый.

Я мешки с дарами на землю побросала, постучала сапожками о землю, порылась в мешке, взяла тулупчик меховой да шапку с рукавицами.

— Я пойду, — говорю, — царя нашего выручать.

— Да куда ж ты пойдешь, деточка? — ахнула Авдотья. — Потеряешься, а не потеряешься — замерзнешь, а не замерзнешь — так съедят тебя.

— Ну и пусть, — отвечаю упрямо. — А только пока своими глазами его могилу не увижу, не успокоюсь.

Покачала головой повариха, дала с собой в дорогу яблок румяных и пирожков горячих, сала соленого да хлеба сушеного. Прыгнула я на коня верхом и поскакала навстречу тучам черным.

Долго я ехала, дни как камушки из-под копыт пролетали. Днем коня вскачь пускала, ночью под брюхом его ночевала, чтобы теплее было. Чем дальше, тем холоднее — уже и снег землю укрыв, поля с пшеницей заморозил, яблоки на яблонях почерневшие висят.

Много дней прошло — и доехала я до ворот ледяных меж двух гор высоких. Спешилась, гляжу — а у ворот тех вся дружина Кашеева в лед замороженная вместе с жеребцами стоит. Начала я метаться, Полоза искать — нет царя среди ледяных статуй, нет и его могилы.

Я коня отпустила, ночи дождалась, пошла к воротам тем огромным. Нашла трещинку во льду, внутрь проскользнула и обомлела. Горит во тьме прямо у ворот костер огромный, а у костра спинами ко мне сидят три великана ростом выше деревьев, похлебку варят и хвалятся.

— Завтра, — говорит один, — будет наш повелитель Кашея пытаться, голову ему отсекают. А потом пойдем мы войною на царство Медное.

— А почему, — ревет другой, — до сих пор его не убили, зачем хранили?

— Знает он, — отвечает третий, — слово заветное, заклинание могущественное, произнесешь — и будут служить тебе духи земные и небесные, и не будет никого в трех мирах сильнее. Повелитель его голодом и холодом пытал, плетью полосовал, железом каленым жег, а не сказал Кашей ничего. Вот господин терпение и потерял, казнить будет врагам в назидание да чтоб слово заветное никому другому не досталось.

Я послушала, слезы сдерживая. Главное — жив, а дальше справимся! Мышкой вдоль ворот к горе проскользнула, в темноту, и побежала вперед, сквозь пургу, к огромному дворцу, вдалеке виднеющемуся. Свет шел от того дворца белый, будто кто зачаровал его.

Долго я бежала. Ветром меня секло, градом било, замерзла я, устала — но успела к утру.

Посреди ледяной пустыни возвышался дворец повелителя страны Хель, как глыба слюдяная, прозрачная, ни окон, ни дверей в нем — одни ворота в стене. Ворота те великаны охраняют, от них через ров мост перекинут, а во рву вокруг дворца река ледяная течет.

Спустилась я к реке, пробралась под мост, и пошла тихонько на ту сторону, стараясь снегом не хрустеть. Побрела вокруг дворца — вдруг есть где щелочка? Увидела решетку морозную, протиснулась сквозь нее и попала в трубу водную, помоями замерзшими облепленную. Вышла я по ней на кухню тихую, прокралась во двор — край неба уже занимается, а во дворе ледяного дворца палач топор точит, колоду мочит.

Снова мышкой тихой прошуршала вдоль стеночки — во все двери заглядываю — спят за дверями великаны страшные, от храпа стены сотрясаются.

Нашла я темницу темную — у входа людоед сидит, дремлет. На цыпочках внутрь прокралась, иду мимо темниц, вглядываюсь. Вижу — стоит у стены за решеткой Кашей Чудинович, голову опустив, весь изрезанный-иссеченный, живого места на нем нет.

— Кашеюшка, — позвала я шепотом, за решетку схватившись. Не откликнулся он, словно мертвый на кандалах висит.

Всхлипнула я тут и заплакала горько. Плачу, к решетке прижавшись, зову его — и дрогнули под руками моими прутья, посыпались. Слезы мои горячие решетку растопили.

Я шагнула внутрь, прижалась к Полозу — ледяной он, вот-вот душа из тела упорхнет. Только жилка на шее едва заметно бьется. Подергала кандалы — из мерзлого они железа, слезами не растопишь.

— Кашеюшка, — зову и плачу, — проснись, помоги! Как мне спасти тебя, как выручить? Слышу я уже шаги палача твоего. Проснись, друг мой милый, не дай нам пропасть! Проснись же!

Дрогнули веки. Открыл Кашей глаза потухшие, больные, посмотрел на меня и губами разбитыми шепчет:

— Откуда, белочка? То ли сон мне снится чудесный, то ли морок напоследок повелитель холода навел.

— Да я это, змей ты неверующий, — всхлипываю, лицо его дыханием согреваю. Шире глаза он распахнул, застонал от бессилия.

— Ты зачем пришла, глупая? — сипит. — И меня не спасешь, и себя погубишь. Беги! Меня-то хитростью поймали, приковали, а ты еще спастись можешь!

А я тулупчик снимаю, кофту пуховую стягиваю, на него надеваю, подол сарафана рву, ноги ему обматываю. Приложила к груди ухо — сердце бьется медленно, того и гляди, остановится. Подняла я с пола камень тяжелый, к кандалам примерилась.

— Потерпи, — прошу, — немножко, Кашей Чудинович, сейчас сломаю я кандалы и тебя вытащу.

А он усмехнулся, глаза закатил и повис на цепях бездыханным. Я его схватила, к себе прижала, рыдаю — слезами заливаюсь!

— Не оставь меня, друг мой возлюбленный, кем хочешь тебе буду, хоть служанкою, хоть чернавкою, хоть девкой постельною, только не умирай!

Потянулась к нему и поцеловала в губы сухие, холодные, обняла крепко — не отпущу!

Вот уже и в коридоре шаги великаны раздались. А губы царские под моими потеплели, улыбнулись — и открыл Кашей глаза — живые, янтарем горят.

— Ох ты, белка, — говорит, — беспокойная, помереть спокойно и то не даешь. Придется тебя отсюда спасать, беда моя.

— Аленой меня зовут, — отвечаю сердито.

А он руками тряхнул — и полетели на пол кандалы, ладонями двинул — и на глазах раны его страшные закрылись. Прислушался — совсем близко шаги людоедовы.

— Посиди тут, Аленушка, — просит ласково, — хоть какой-то десяток минут. Негоже тебе видеть то, что я делать сейчас буду.

— Посажу, — говорю послушно, — ты только возвращайся.

Усмехнулся он весело, схватил меня, поцеловал крепко и ушел из темницы. Только я и успела увидеть, как в руке его меч кривой, огнем полыхающий, появился.

И услышала я грохот в коридоре — но не выглянула, страшно мне. Еще шумнее стало — заходил дворец ходуном. А я гляжу — по полу коридора кровь синяя потоком бежит. Убил

Кащей палача.

Раздался со двора звук сталкивающейся стали — я к окошку прикинула и увидела, как Кащей, став роста великого, с огромным великаном сражается. Силен король Хель, да Полоз сильнее — мечом машет, ветром вьется, от ударов уклоняется, а то и змеем гигантским обращается, начинает людоеда душить. Только бросились на него со всех сторон великаны, и я от страха от окна отпрянула, кулак закусила — страшно смотреть, как его там убивают.

Но затрещал дворец, плеснуло в окно темницы огнем — и заревели людоеды, прося пощады. А я сижу, мужчину с боя жду — обещала ведь.

Уж все трещинами пошло, начал дворец таять, водой меня заливать ледяной, а я сижу упрямо и жду его.

И тут дворец рассыпаться начал — я глаза-то от страха прикрыла, но с места не двинулась — и подхватили меня руки крепкие, вихрем наружу вынесли. Очутились мы у ворот ледяных меж двух гор — перед нами дружина замороженная, а за спинами нашими ледяное царство грохочет и тает, огнем полыхает, тучи черные над нами рассеиваются.

Кащей свистнул, ногой топнул — и рассыпался лед, дружину сковавший. Другой раз он свистнул — поднялся из земли конь-огонь. Вскочил Кащей на коня и понесся домой, в царство Медное, а за ним воины его верные. И я у него на руках сижу, греюсь, крепко держусь — не выбросит.

Быстро мы силой Кащеевой назад доехали, за один день. Я всю дорогу на руках у Полоза проспала. Прискакали к терему, высыпал во двор народ — и поднялся тут вой великий, от него я и проснулась. Людей сбежалось тьма тьмушая. А Кащей спешился, Авдотью обнял, меня с коня снял, за руку взял. В терем повел, в опочивальню свою — я встала у порога, в пол гляжу, а он переодевается, ходит вокруг, усмехается.

— Что, — говорит, — и правда чернавкой пойдешь?

— Пойду, — отвечаю тихо.

— И служанкою?

— Да, — говорю, губу закусив.

— И девкой постельною?

— Коли воля твоя будет, подземный царь, — шепчу неслышно.

— Вот беда, — кручинится, — есть у меня и чернавки, и служанки, да и девок постельных сколько захочу.

— Не нужна, — кричу, — так и скажи, что измываешься?!

— А вот жены нет у меня, — говорит ласково, — пойдешь, Алена, мне женой любимой, верною? Будешь меня без принуждения целовать, ложе делить, деток рожать?

Тут я ногой топнула и вазою, рядом стоящей, в гада подземного запустила. А он засмеялся, на руки меня подхватил да сразу, пока не передумала, к алтарю понес.

Только увидела нас Авдотья Семеновна, отругала словами бранными, и велела сначала в баню идти, потом одежду чистую надевать, а сама она пока гостей соберет и пир приготовит.

— Посмотрите на себя, — сказала и черпаком махнула, — чумазые какие, грязные, конским потом пропахшие, это не царская свадьба получится, а свинячья!

Пришлось послушаться.

А пока меня в бане мыли-чистили, привел жених мой батюшку да сестрицу любимую на свадьбу, прощенья у тестя будущего попросил, виной его умаслил. Вышла я из бани чисто солнышко ясное, улыбнулась мужу будущему — и растаял он, растерялся, под руку взял и повел жениться.

А потом и пир был на весь мир, и тосты заздравные, и гости радостные. И тьма в опочивальне

мужиной, и слова его жаркие, и руки крепкие, и уста меда слаще. Ох и яростен у меня муж оказался — что в схватке боевой, что в супружеской. Только под утро я уснула, к груди его прижавшись — и слышала, как шепчет он ласково, волосы мои перебирая:

— Нет краше и желаннее тебя, белочка, царица моя, Аленушка.

А ровно через девять месяцев народились у нас двое сыновей — один черный да спокойный, а другой рыжий да крикливый. И стали они расти, пока не превратились в богатырей могучих.

Но это уже совсем другая история. Вот сейчас я сыновей в люльках качаю, песни им напеваю, да сказку вам рассказывать заканчиваю. Как там говорится? Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец!

Ирина Котова

Марья-Искусница и Хозяин костяного замка

В далекой стране Гран-Притании, в замке молодого короля Яр-Тура шел пир. Сначала устроил король охоту, и теперь веселились воины его, пока на вертелах запекались кабаны и олени. Пили рыцари вино крепкое, закусывая перепелками и зайцами, слушали певцов и рассказчиков. Всем весело было, только один из пирующих, с рыжей косой до лопаток, сидел хмуро и воду простую попивал, виноградом закусывая.

Но никто этому не удивлялся. А то удивись или пошутишь — а потом пяточком свинячим обзаведешься или вовсе жабой на болоте прыгать будешь. Сэр Гавейн уж дошутился, третий месяц лягушкой квакает.

Только король Яр-Тур шутить с колдуном рыжим не боялся. Любил он его как младшего брата, да и тот ему спину всегда прикрыть готов был.

— Эй, друг мой Мерлин, — окликнул король весело. — Ты лицом своим кислым все вино нам сейчас сквасишь. Гляди, девок распугаешь, один ночевать будешь!

Захотали рыцари, но осторожно: плохо посмеешься — сюзерена обидишь, громко — а болота-то тут рядом, на любой вкус.

— Да уж распугает! — осмелел кто-то.

— Они к нему так и липнут, — поддержал второй.

— В любой деревне рыжего ребятенка с глазами разными встретить можно!

Король тоже засмеялся во все горло, голову запрокинув.

— О чем думаешь? — продолжил он, в перепелку крепкими зубами вгрызаясь.

— О том, — ответил колдун невозмутимо, — отчего во время грозы доспехи маленькими молниями колются, а волосы дыбом встают. Хочу я волшебство это, в воздухе разлитое, приручить. Еще в трудах грека Фалеса Милетского описываются опыты с янтарем...

Лица присутствующих приобрели явственное баранье выражение, кое-кто даже креститься начал на романский манер, а кто-то помянул Вотана и Ллеу с просьбой защитить. Король звучно зевнул и с сочувствием посмотрел на соратника.

— Вижу я, друг мой, нелегко тебе. Я бы тоже кислее уксуса сидел. Ну, — он поднял кубок, — что делать, раз наказал тебя Господь умом, терпи, неси свою ношу. А то, если хочешь, могу и по голове двинуть, — и Яр-Тур сжал огромный кулак, — мигом нормальным станешь. Вон сэр Юстас булавой на турнире по голове получил, так хоть и речь забыл, а зато всем довольный ходит, улыбается.

— Спасибо, добрый король мой, — с усмешкой сказал Мерлин и еще виноградину в рот закинул, — я, пожалуй, пострадаю без помощи твоей.

Оглядел король притихший пиршественный зал.

— Что приуныли, рыцари мои верные? — крикнул весело, снова кубок опрокидывая. — Не бойтесь, не заразно это! Мозговитость речами умными не передается!

На лицах некоторых прочиталось облегчение.

— А кто дальше нас байками веселить будет? — рыкнул уж захмелевший Яр-Тур.

Встал один из рыцарей, сэр Ульрик, кубок поднял — пришла его очередь.

— Побывал я этой зимой, — говорит, — в стране, что Русью Волшебной называют. Много там чудес я видел, которые нам и не снились, но и многое у нас есть, чего там нет. Нет на Руси ни одного эльфа, представляете? И о лепреконах там не слышали.

Зашумели рыцари, захотали — как не слышали, если эти поганцы на каждом шагу встречаются? Правда, поймать такого никому из них еще не удавалось.

— Зато оборотней в стране той пруд пруди!

— Что ты нам про оборотней рассказываешь? — крикнул один из слушателей. — Ты лучше скажи, хороши ли девки там? Или наши краше?

Сэр Ульрик на короля глянул, на королеву Джиневрию, славящуюся красотой и скромностью. Королева глаза опустила, но слушает с любопытством, и король Яр-Тур кивнул — продолжай, мол! И рыцари загудели требовательно. Только рыжий скучающе на гобелены закопченные смотрел и яблоко лениво жевал, не слушая рассказчика.

— Девки там хороши, — не разочаровал соратников Ульрик, — но мы-то знаем, что нет прекраснее на свете жены, чем наша добрая королева!

— Нет! — дружно загрохотали рыцари и подняли кубки за королеву.

— Но хвалятся на Руси, что именно у них живет девица красоты невиданной, которой нет на свете равных, — продолжил сэр Ульрик. — Не поверил я в это, конечно, кто может быть красивее нашей королевы?

— Никто! — с готовностью подтвердили рыцари и выпили повторно.

— Говорят, что на все руки она мастерица. Зовут Марья, Мэри по-нашему. Сватались к ней тысячи знатных женихов со всего мира, но девица так горда и своенравна, что всем отказала. А еще говорят, что сестра ее стала женой царя подземного, Кашея.

Как прозвучало имя Кашея, рыжий голову поднял, внимательно на рассказчика посмотрел.

— Завидная невеста, — почти трезво пробормотал кто-то из рыцарей. Зашептались воины задумчиво.

Расхохотался король Яр-Тур, на королеву свою с гордостью глядя. Ох, хороша! Стан тонкий, глаза оленьи, волосы как шелк, губы как розы нежные.

— Мало веры сказкам таким, — проревел он, — как известно, каждый тролль свои холмы хвалит. Нет равных Джиневрии моей!

— Нет! — с готовностью поддержали рыцари и снова выпили.

— Но, даже если вторая та девка по красоте, — продолжал Яр-Тур хмельно, — хочу я, чтобы жила она в земле гранпританской и ее славил, а не какую-то там Русь за морем. Вот мое слово: чтобы вас, рыцари мои верные, развеселить и узнать, кто хитрее и быстрее, спор я предлагаю. Кто девицу эту в жены возьмет, тому я подарю любую вещь, что он попросит. Кроме меча моего. — И король коснулся рукоятки Эксакалибура.

Зашумели воины одобрительно, заспорили — кто первым будет?

— И древо эльфийское отдашь, что летом цветет золотым листом, а зимой — серебряным? — спросил вдруг рыжий громко.

— А, Мерлин, друг, — рассмеялся король. — Давно ты это дерево себе на зелья забрать хочешь, в сад свой волшебный, знаю, знаю. Его не отдам, но вот тебе мое слово — возьмешь девку в жены, уговорю фейри, мне его подаривших, отдать тебе ветку на развод. Но неужто ты готов ради него жениться? Ты мне, помнится, говорил, что скорее в монастырь аббатом уйдешь, чем добровольно жену возьмешь!

— Уж очень награда заманчива, — ответил рыжий, поднимаясь. — Лист золотой с дерева того созревание любых зелий ускоряет, а серебряный — позволяет хранить хоть сто лет. Может, и женюсь.

Сидела я как-то летней порой у окошка горницы своей, песню тоскливую напевая, и цветы вышивала на скатерти белой. Рядом наша с Аленой нянюшка старая: уже почти слепая, а вышивает лучше, чем я, и песни у нее веселее. Скучно мне было — хотела я пойти за околицу батюшку с ярмарки встречать, но небо тучами черными затянуло и дождь летний полил. Молнии сверкают, гром грохочет, и девки с сенокосными корзинами во дворе носятся, одежду снимают с веревок, чтобы в терем нести, к печи на просушку.

Вот и взялась я за пядьцы: обед уж приготовила, в тереме чистота, а без дела не сидится мне — надо чем-то руки занять, если уж язык нечем. Нянюшку я люблю, но с ней не посмеешься, не пошутишь, как с Аленой, сестрой моей, тайны девичьи не обсудишь. А как Алена интересно мне книги ученые пересказывала! Я-то хоть читать умею и языкам обучена, ибо сызмальства слышала речь разную от иноземцев, с которыми батюшка торг вел, но поди пойми, что там

написано! А Алена разбиралась, словами простыми мне все рассказывала.

Очень я по ней нынче скучала.

Два года миновало с той поры, как она замуж за царя подземного вышла, за Кашея Чудиновича. Жили они в любви да согласии, и уж сыновья у них подрастали. Мы Алену навещали часто, а все равно печально расставаться было. Но что поделать, как ни крути, мужняя жена уже другой семье принадлежит, и заботы у нее другие.

— Какие там заботы, — смеялась она, — с близнятами няньки-мамки помогают, знай по правую руку от мужа сиди и царственно на всех поглядывай. Да за травами теперь с дружиной езжу, а не одна хожу, а так не запрещает Кашей мне травы ведать и лечить, почетно у них это, что царица сама на болящих руки возлагает. Разве что, — шепотом добавляла, — разрешает только детишек малых да баб смотреть, да я не спорю.

Я все равно вздыхала грустно. Кашей, видя печаль такую, приглашал нас в царство подземное к нему переселиться. Но отказался отец.

— Благодарствую, зять дорогой, — сказал он за обедом как-то, чашу вина выпив и усы с бородой отерев, — но я в селе своем родился, в нем и помереть хочу. Чтобы положили меня рядом с Аннушкой моей, женой любимой, — могилка ее тут уж девятнадцать лет, и я никуда не уйду. А ежели Марья захочет с Аленой жить, — посмотрел он на меня, — так неволить я ее не буду.

— Останься, Машенька! — Алена меня за плечи обняла и подбородок на плечо положила.

Ох и похорошела же она замужем: пополнела, величавой стала, волосы рыжие золотыми волнами на спину ложатся, обручем с камнями на лбу прижатые. Только улыбка такой же озорной осталась да глаза веселыми.

— Нет, сестрица, — покачала головой я, — у тебя своя судьба, а у меня своя. Останусь я с батюшкой, пока не найду друга сердечного, такого, чтобы мы с ним друг друга так же, как вы с мужем любили.

Переглянулись Кашей и Алена: зарумянилась сестра, усмехнулась лукаво.

— Тогда этого и буду тебе желать, Марьюшка, — сказала она. — Вижу, что за меня ты счастлива, а мне не будет больше счастья чем тебя счастливой видеть.

А какое уж тут счастье, если надоели мне женихи эти хуже горькой редьки? Раньше по два-три за день к воротам нашим подъезжали, а теперь, как прознали, что сестра моя царицей подземной стала, и десяток мог пройти. Пусть двадцать один год мне, уж перестарком слыть должна, но не останавливало это женихов. Я хоть и медленно соображаю, но и то дотумкала, что красивая жена — то хорошо, а ежели ты женой такой с царем породнишься, так это стократ лучше.

И каждого выслушай, каждому ответь ласково, чтобы не с обидой уехал, камень на сердце не увез.

— Хоть бы подольше с кем поговорила, узнала, что на душе, может и приглянулся бы кто, — ворчала нянюшка.

— Они-то со мной не говорить приезжают, — руками я разводила. — Им то, что у меня на душе, неинтересно. Хоть один бы про меня спросил. А то все про себя рассказывают, хвалятся. И одно и то же: «Слава о красоте твоей дошла и до моих земель, вижу, что не врут люди! Выходи за меня, Марья-Искусница, будешь мне дом украшать и детишек рожать!»

Так надоели эти женихи мне, что стала я им загадки загадывать трудные и службы давать шуточные, невыполнимые. Свяжи мне, мол, добрый молодец, рукавички из паутины, налей в кувшин света лунного, или из яиц вареных цыплят выведи, или принеси жемчужину из короны царя морского Тритона. И нам с нянюшкой и батюшкой веселее, и женихам не прямо отказываешь, обиды меньше, и невесту попроще едут искать. А если уж найдется тот, кто исполнит — к такому и присмотрюсь внимательнее.

Застучало вдруг за воротами, загудело.

— Неужто батюшка приехал, дождь нигде не переждал, товар попортить не испугался? —

удивилась я, в окно выглядывая.

А внизу, у ворот, конь невиданный стоит, красоты невероятной: сам белый, как из тумана сотканный, и крылья у него огромные. Бьет копытом, хрипит, а на спине у него наездник сидит, насквозь промокший. Лицо ястребиное, волос светло-рыжий в косу до лопаток собран, одежда кожаная иноземная, а к поясу посох короткий прикреплен, и наверху у посоха того зеленую горит.

Сразу понятно — колдун али волшебник заморский. Колдуны ко мне тоже сватались, на чем только не прибывали: и на коврах самолетных, и на повозках самоходных, и на слоне огромном ушастом. Один раз даже некромансер на коне костяном пакостном прибыл, так я, пока службу загадывала, зубом на зуб от страха не попадала.

— Кто там, Машенька? — сощурилась няня.

Поднял всадник голову, двор оглядывая, со мной взглядом встретился. Далеко, а холодом меня пробрало. Разглядела я: глаза у него страшные, разноцветные, один зеленый, кошачий, а другой черный, как у нежити какой.

Тут я струхнула и в горницу у окна спряталась. Это Алена у нас смелая да отважная — на мужа своего будущего с поленом пойти не побоялась, меня защищая, — а мне только мявкни рядом неожиданно, и я уже в обморок падаю. Даже тараканов тапкой с закрытыми глазами бью.

Слышу, девки санные меж собой переговариваются и посмеиваются:

— Еще один жених к Марье нашей приехал.

— Сейчас-то она и ему от ворот поворот даст.

— А конь-то какой крылатый! И жених красивый-то!

— Где ж красивый-то? Страшный, волком глядит.

— Рыжий, да еще и мокрый, что кот Тишка наш дворовый.

Тут я не выдержала, хихикнула и из окна снова выглянула. Дождь по-прежнему льет, а гость на меня смотрит, и по глазам вижу — слышал он девок наших шуточки. Оглядел он из-за ворот их высокомерно, и замолчали они, шустро в терем прыснули с корзинами наперевес.

— Вижу, неласково гостей тут встречают, — проговорил он, на иностранный манер слова наши русские выговаривая. — Не накормили, не напоили, в дом не пригласили...

— Обидчив ты больно, гость дорогой, — улынулась я как можно приятственней. — Но нет дома хозяина, батюшки моего, Якова Силыча, и гостей мне одной, девке незамужней, принимать не след. Да и ты хорош — не поздоровался, не сказал, как величать тебя да по какому делу приехал, а уже пеняешь.

Помолчал он, меня разглядывая. Привыкла я к взглядам таким, когда на меня как на вазу кхитайскую нефритовую или на картину, искусно намалеванную, смотрят.

— Я, — говорит, — Мерлин из земли Гран-Притании.

Что-то вспомнила я смутно из сказок, Аленой вслух читанных.

— Это тот Мерлин, что короля гранпританского, Яр-Тура, воспитал?

— Нет, внук я его, — отмахнулся колдун досадливо. — Его и девы озерной.

Всхрапнул конь туманный — неужто от бабушки подарок? А колдун продолжал:

— Услышал я, что есть на Руси Волшебной девица красы невиданной, равной которой на всем белом свете нет. И что мастерица она искусная, никто с ней не сравнится. Не знаю, как мастерство твое, да и неважно это. Но не соврала о красоте молва людская.

— И этот туда же, — буркнула я себе под нос. Так обидно мне стало! Все на лицо смотрят, а будь я злодейка какая или ведьма богомерзкая, и то все равно бы было?

— Ты поприветливей, поприветливей, Марьюшка, — няня меня шепотом просит, — по голосу слышу, хорош молодец!

— Так ты, — говорю приветливо, чтобы нянюшку не расстраивать, — только похвалить меня приехал, колдун иноземный?

Он как-то так хмыкнул задумчиво, меня продолжая разглядывать. По лицу вода течет, по волосам рыжим, а он внимания на это не обращает.

— Верно ли, — спрашивает в ответ, на вопрос мой не отвечая, — что Кашей-Полоз сестру твою в жены взял?

Я вздохнула. Ничем он от других женихов не отличается.

— Верно, — отвечаю, хмурясь. — У нас это на базаре бабки тоже обсуждают.

Усмехнулся колдун, засверкал глазами, но ничего на укол мой не ответил.

— Даже жаль, что враждуем мы сейчас. Проиграл спор он наш давний — кто первым жену себе берет, тот другому яйцо жар-птицы добывает. Но, на тебя, Марья-красавица, глядя, понимаю я, почему не устоял он. Ежели твоя сестра хоть вполовину так же хороша, как ты...

— Так раз тебе Кашей интересен, может, ты к нему напрямиком в подземное царство слетаешь и его самого спросишь? — перебила я его невежливо.

— Это что ты мне, красавица, провалиться так желаешь? — сощурился Мерлин с усмешкою.

— Да как же можно, гость незваный, — я глаза опустила, кончик косы застенчиво тереблю, — совсем не то я имела в виду. Похвалить ты меня похвалил, родство выяснил, может, к делу перейдешь? А то так, глядишь, под дождем простоишь и чешуей, как водяник, покроешься.

Слышу, опять девки хихикают из сеней терема нашего. И народ из села, несмотря на дождь, вокруг жениха собираться начал.

— К делу, говоришь, — медленно Мерлин повторил. — Замуж приехал тебя позвать, прекрасная дева. Выходи за меня, станешь моей леди, в замке моем хозяйкой, ни в чем отказа тебе не будет.

— А то, что с мужем сестры моей вы враждуете, тебе не помешает? — интересуюсь.

— Чем же мне помешает? — отмахнулся он. — Встречаться вам не обязательно, ты замужем, она замужем, где мужья, там и вы.

— Как ты все решил сразу, колдун иноземный. И что же я делать у тебя в женах буду, раз с родными встречаться нельзя? — спрашиваю ласково.

— А что ты здесь делаешь? — отвечает он с усмешкою. — Хочешь, вышивай, хочешь, платья себе шей. Драгоценных камней и тканей у меня видимо-невидимо, хоть каждый день наряды меняй. Главное, меня от дел моих не отвлекай: волшеббу я творю в башне своей да зверей лесных лечу, некогда мне на глупости отвлекаться.

— То есть тебя не отвлекай, детишек рожай и замок твой украшай? — подсказала я голосом елейным. — Какая жизнь-то мне сладкая предстоит, завидная!

— Можно и не рожать, ежели красу свою портить не хочешь, — пожал он плечами. — Меньше шума будет.

— Ишь что выдумал, — нянюшка бормочет, — без детишек куда мужу справному! Надо отца Василия попросить его святой водой облить, мигом плодиться и размножаться захочет! Или у жреца Анфона с капища Велесова иглу попросить и в одеяло воткнуть...

— Так что ответишь ты, Марья-Искусница? — колдун меня спрашивает. — согласишься женой моей стать?

Закончился дождь, растянулась на умытом небе радуга-красавица.

— Конечно, соглашусь, — отвечаю с улыбкою широкой. Разозлил он меня самоуверенностью своей: все уже порешал, как жить будем, что я делать буду, только у меня не спросил. Девки в предвкушении опять хихикают, селяне тоже хохочут, а я думаю, чего бы такого для волшебника неисполнимого загадать. — Уж не бывало сватовства у меня лучше, так ты красиво замуж меня зазываешь. Выйду, но не раньше, чем соткешь мне из радуги платье свадебное, чтобы честь по чести мне замуж выходить!

Посмотрел он недобро на меня.

— Отказываешь мне, дева? Так прямо и скажи.

— Не отказываю, колдун, а задачу ставлю, — говорю твердо. — Но, гляжу, не сильно-то ты меня в жены взять хочешь, раз с такой простой службой справиться не можешь. Или хвастаешься ты все, а сам и зерна ячменного наколдовать не сможешь?

Глаза его заледенели, уголком рта дернул, с коня соскочил, лицом к радуге стал. Похолодела я вся, нянюшке в руку вцепилась — а как сейчас исполнит службу?

А он руки поднял, к дуге небесной протянул — потекли к его рукам тонкие струи водяные, а в струях этих радуга отражается, переливается. Зашевелил он руками — и начало перед ним платье чудесное ткаться. Народ ахает, смотрит, да и я взгляд оторвать не могу от чуда такого.

Потускнела дуга разноцветная, а скоро и совсем пропала, а платье радужное уже готово: солнечным светом ткань горит, всеми цветами переливается. И смотреть-то больно на такое, не то что взять в руки.

— Неужто сделал? — ахнула нянюшка.

— Сделал, — отвечаю, себя мысленно коря за глупость. Поторопилась, а могла бы и потруднее что загадать. Например, пойти туда не знаю куда, найти то не знаю что... Хотя, судя по лицу колдуна высокомерному, он бы и эту службу исполнил.

Спустилась я из горницы, на крыльцо вышла, кивнула дружинникам отцовским, на страже оставленным, ворота отпирать, и пошла наружу, к жениху своему новоиспеченному.

А людей за воротами собралось видимо-невидимо, все село!

Стоит и колдун Мерлин, коня гладит, а через локоть у него платье свадебное радужное переброшено. И выражение на лице опять задумчивое, недовольное. Посмотрел на меня свысока, а я взгляд опустила. Сама виновата, по своей дурусти за гордеца замуж пойдешь!

— Ну что, люди хорошие, — говорит громко, к селянам обращаясь, — все условие Марьино слышали?

Зашумел народ.

— Все, — кричат соседи, — все!

— Выполнил я его?

— Выполнил, — кричат.

— А ты как считаешь, Марья-Искусница? — ко мне он обращается. — Выполнил я твою службу?

— Выполнил, — говорю сердито. — Не откажусь я от своего слова, колдун иноземный. Стану тебе женой.

Он меня еще раз осмотрел и усмехнулся.

— А что-то я подумал, — говорит, — слишком ты, Марья, капризна и горда. Да и вокруг пальца тебя обвести как раз плюнуть. Радуга — то преломление света солнечного, разве можно что-то из него соткать? Я тебя обманул, водяные струи зачаровал, а ты и поверила. Да, красива ты, не видал я красивее девки, но не дороже твоя красота моей свободы. Не нужна ты мне в жены, и никакое древо эльфийское этого не стоит.

Я как стояла, так и застыла, неверяще на него глядя. А он платье мне под ноги в грязь швырнул, на коня вскочил и улетел в небеса.

Зашептались селяне, на меня глаза — чудо-то какое, не Марья жениху отказала, а жених, ее получив, нос отворотил. А я платье подобрала, во двор ушла и только там расплакалась от обиды. Не пришлось я ему — но зачем же перед честным человеком меня позорить? Глупой назвал, в гордости обвинил, а самому шутки девичьи гордость поцарапали! Да у нас на каждом сватовстве над женихом так шуткуют, что мои уколы ему ласковой щекоткой бы показались! Правду, видать, бают, что при дворе Яр-Тура все малахольные...

Я со злости платье то порвать попыталась, порезать — а не режется оно, только сильнее солнышком сияет. Затолкала тогда в сундук и в подпол приказала спрятать.

Как приехал батюшка, рассказала ему все. Он бороду погладил, усы пощипал, и сказал:

— Не плачь, дочка, все к лучшему. Жаль только, что меня не было — показал бы я ему, как дочь мою обижать, не посмотрел бы на посох чародейский!

Я еще пуще заплакала, и обнял меня отец любимый, к груди прижал.

— Или, — говорит, — запал он тебе в сердце, оттого и плачешь?

Я головой замотала от возмущения.

— Да ты что, батюшка! Да я и думать о нем завтра забуду!

— Ну вот и хорошо, — улыбнулся отец. — Соседи пошепчутся и перестанут, а чтобы ты поскорее снова радостной стала, возьму я тебя на торг столичный завтра, Марья. Развеешься, накупишь нарядов и лакомств, и больше никакие колдуны тебя тревожить не будут!

Через неделю возвращались мы с батюшкой домой после торга столичного под охраной дружины верной, людей военных. Торг на рассвете каждый день начинался, и хорошо, богато прошел: десять возов товаров отец в стольный град привез, а обратно на одном мы ехали, гостинцы везли да запасы нужные. Остальные возы порожними следом шли.

Накупила я тканей цветных, утвари разной, и батюшке помогала рук не покладая; так занята была, что о колдуне рыжем почти и не вспоминала. А когда вспоминала, фыркала: тоже мне, жених! Рыжий, горбоносый!

Нет, Алена тоже рыжая, но у ней волос огненный, теплый, издали приметный, а у этого и рыжина-то выцветшая, холодная, белесая, и сам он холодный. Точно в жилах не кровь, а водица от девы озерной по наследству передалась.

Глупой меня назвал! Преломленье света, мол, не знаю! Да кто его знает-то вообще? Зато я борщи так варю, что любое преломленье из мыслей выбьет! Только о добавке думать будешь!

Злилась я и как ловила себя на том, что о колдуне думаю, так сразу из головы его выкидывала и за дело какое-нибудь принималась. Нечего в мыслях моих всяким рыжим делать!

Привез батюшка в столицу и ковры, которые я зимой ткала. Работа долгая, да и зима у нас небыстро проходит, что еще в трескучие морозы делать? Расхватали их в первый же день так быстро, что не все петухи трижды солнце поприветствовать успели. За последний ковер, с жар-птицей, в небе ночном крылья раскрывшей, и вовсе двое иноземцев чуть не подрались: толстый, в чалме золотой, кафтане пышном и туфлях загнутых, и худой, чернявый, словно палку проглотивший, со взглядом цепким. Он перед этим все батюшку выспрашивал, что за чудо-птица на ковре изображена: выдумал ли кто, или правда есть такая красота?

— Да у нас на Руси Волшебной только слепой их не видел. Стаями по осени летают, из Вирия прилетают, — степенно отвечал отец, — орут, как жабы на болоте, яблони объедают, паршивицы, и поймать сложно, и не отвадить ведь!

Заспорили покупатели между собой, слово за слово схватились, за грудки взялись — полетели пуговицы, затрещала ткань. Я за пологом лавки пряталась, наблюдая и посмеиваясь, а батюшка с помощниками его рукава закатывать начали — спорщиков разнимать, ежели до махания кулаками дойдет.

— Мне на половину женскую, любимой младшей жене в подарок! — толстый визжит.

— А мне хозяину моему в дар, колдуну великому! — тощий отвечает. — Зверей диковинных он собирает, жар-птицу давно ищет, много слышал о ней, а не видел!

Улучил момент тощий, батюшке монеты сунул, пальцами щелкнул, в ворона большого обратившись, ковер подхватил, и только его и видели. Я охнула, люди на торге остолбенели, вслед посмотрели-посмотрели... да и продолжили дела свои вести: диво случилось, да не сильно дивное — считай, в каждой деревне кто-то да волком или медведем оборачивается. А

тут ворона какая-то.

Долго после торга ехали мы с батюшкой по тракту лесному — уж дело к ночи пошло, а села родного все не видать. В дрему меня клонить стало, но я глаза таращу, боязно! Рядом-то с домом мы лес знаем, а тут мало ли что.

Помощники отцовы да дружина самострелы и сабли наготове держат: и разбойники озоровать в темноте могут, и стая волков напасть, а то и нечисть какая пугать начнет. Вот уже меж деревьев зеленые глаза лешего мелькнули, но батюшка лешего задабривал, регулярно носил ему в чашу хлеба с салом да самогона самого духовитого — и не трогал лесной хозяин отца. Вот стайкой кикиморы сучковатые пробежали, хихикая, волк завыл где-то, оборотень, наполовину оборотившийся медведем, побрел к малиннику... спокойно все было, в общем.

Но вдруг охнул батюшка, зашептались испуганно помощники, кобылка остановилась — и я, уже почти на тюках и свертках заснувшая, глаза распахнула. И увидела сквозь щелочку в возу ведьму, которая нам дорогу заступила: дряхлую, страшную, в лохмотьях каких-то, с носом крючковатым, лицом злобным, горбатую, на палку опирающуюся. Глаза гноящиеся она щурила, прямо на нас глядя.

Дурно мне стало от страха. А батюшка меня рукой к возу прижал и проговорил неслышно:

— Лежи, Марьюшка, не двигайся, не заметит она тебя!

Захехекала ведьма, руки потирая.

— Ох, давно я тут ждала, когда мне кто-то такой удачливый попадется, — проскрипела она, — такой удачливый, что даже неудача удачей оборачивается. Деньги к тебе так и льнут, старшая дочь красавица, младшая царя подземного жена... да только не страшен он мне, не указ, не указ! Э-хе-хе, — она закашлялась, — за что же у тебя удачу отнять, себе в здоровье перековать? А вот за что — не поздоровался ты со мной, невежливый ты, удача-купец!

— Да что ты, бабушка-ведуница! — не робкого десятка был батюшка, дружине знак подал не стрелять пока. Всяк знает, что ведьму убить — проклятие схлопочешь, а вот откупиться можно. — Я же молчу, потому что подарок тебе готовлю! Ткани лучшей, парчовой, — он достал из-за спины отрез и словно невзначай краешком меня прикрыл, — королевой в нем будешь!

— Обрезки мне, никому не годные, как побирушке, подбрасываешь? — плюнула ведьма. Я не увидела теперь, только слышала — тканью батюшка обзор мне закрыл.

— Лучшее полотно с торга! — бойко ответил отец. — И монет золотых на монисто...

— Небось фальшивые, — прокаркала старуха. Закашлялась снова. Мне и дышать страшно, но и любопытство гложет. Стала я ткань потихоньку в сторону отводить.

— И жеребчика возьми лучшего! — махнул рукой батюшка.

— Погубить меня хочешь? Упаду, костей не соберу.

— Спокойный он, как сон в раю, — не унимался батюшка, — можно на нем спать, а он тебя как на перине будет качать. И седло самое дорогое отдам, золотом-жемчугами украшенное! Ай, хорошо седло!

Замолчала ведьма, дыша с посвистом, дары разглядывая. Я как раз из-под полотна выглянула краешком глаза — и ведьма вдруг захрустела пальцами, захехекала снова.

— Дорогой откуп за удачу отдаешь, купец, да только и капли он твоей удачи не стоит! Но развлек ты меня, торгуясь. Так и быть, не возьму с тебя ничего.

Яков Силыч вытер ладонью пот со лба.

— Спасибо, бабушка, — поклонился, на возу стоя.

— А возьму с дочери твоей, Марьи, что в возу прячется, — сверкнула черными глазами ведьма. — Пусть отдаст мне свою красоту да молодость, и тогда и богатство твое, и удача при тебе останутся!

Обомлела я, задрожала — вот как глупость и любопытство мне отозвались.

— Не бывать этому! — захохотал отец и к ведьме обратился. — Хотел я с тобой по-хорошему, ведунница старая, да, видимо, по-плохому придется. А ну, прочь с дороги! — И он за поводья потянул, лошадь понукая двигаться. — Не отдам я тебе дочь свою, и удачи тебе моей не видать! Семь берегов на мне заклятых, нет тебе власти надо мной!

Захотела ведьма скрипуче, ударила клюкой в землю — и упал отец на возу недвижим, и заснул сном черным, проклятым. Я вскочила, трясую его, в лицо дую, слезами заливаясь. А старуха ближе ковыляет — охранники в нее стрелами целят, а стрелы от нее отскакивают.

— Пусть спит, касатик, — шепчет ведьма, — так удачу сподручнее забирать. И ее заберу, и красоту твою, Марья!

Я от страха схватила, что под руку попало, в ведьму кинула — оказался то отрез кружев франгалианских, белых, как кипень. Накрыли кружева старуху, ну чисто невеста. Злодейка на руки свои морщинистые под кружевами посмотрела и давай хохотать — а я, пока отвлеклась ведьма, поводья дергаю. Но не идет лошадка, будто каменная стоит.

Ведьма смеялась-смеялась, да вдруг как захрипит! Руки с пальцами крючковатыми вперед вытянула, зашипела что-то: потекла от батюшки к ней удача золотой пыльцой. Но не успела старуха ее поймать — рухнула, в корчах забилась да и померла там же. Пересмеялась.

Тут же лошадка заржала жалобно и в сторону от бабки пошла, еле я вытянула, чтобы на тракт вернулась. Там же, на дороге, обложили охранники ведьму хворостом и сожгли, а пепел собрали и в реку выбросили — чтобы и духу проклятого на этой земле больше не было!

Вернулись мы домой. Только батюшка все спит и спит, и просыпаться не собирается.

Достала я тогда из сундука с подарками Кашеевыми блюдце с золотой каемочкой, яблоко в саду поспелее сорвала, о сарафан его вытерла и покатила ладонью по блюду, приговаривая:

— Покажи, блюдце, сестрицу мою, Аленушку! Покажи, блюдце, Аленушку!

Катала так, катала, пока не закружилась на дне блюдца туман и не показалась в нем Алена. Тут я ей все и рассказала, и ее с Кашеем на помощь призвала. Оставили они детишек с мамками-няньками, и мигом к нам перенеслись.

Долго смотрел Кашей отца, заклинанья над ним тайные шептал, руками водил. Ночь бился, а к утру вздохнул и головой покачал.

— Я, — говорит, — вижу, что проклятье на нем черное, сонное, путами по рукам-ногам связало, проснуться не дает. Да не снять мне его, ведьма своей смертью его закрепила, вечным сделала. Пока не иссохнет Яков Силыч и не умрет, не спадет проклятье.

Мы с Аленой уж и плакать устали — сидим, обнимаемся, с горя поутру вареников с вишней налепили, так под слезы почти все вареники уже съели.

— Неужели сделать ничего нельзя? — спрашиваю я, носом хлюпая. — Столько чародеев в трех мирах, и никто помочь не сможет?

Задумался Кашей, начал шагать туда-сюда, да вдруг в змея огромного превратился, по кругу пополз. Я от страха на лавку забралась, а Алена смеется, за руку меня вниз тянет.

— Думать ему так сподручнее, — объяснила, — я и не пугаюсь уже, привыкла.

Я посмотрела-посмотрела.

— Понятно, — говорю, — что сподручнее, у него в таком виде башка в пять раз человеческой больше. Это ж в пять раз больше мыслей умных помещается!

Пока Кашей змеиной головой думал, мы еще вареников налепили, с творогом, да так увлеклись, что и напевать стали. Сварили, на стол поставили, посуду пошли мыть. Хорошая работа всегда горе прогоняет, легче делает.

— Надумал я, — вдруг раздался голос Кашея. Он обратно оборотился и уже вареник в рот засунул, жмурясь от удовольствия. И отвлекся, конечно, чтобы сестру похвалить. — С трех миров у меня в царском тереме повара, а лучше жены никто не готовит!

— Муж мой, видать, из полоза в соловушку перекинулся, — фыркнула Алена. — как поет!

Но видела я, что приятно ей, да и кому не приятно бы было?

— А что надумал-то, Кашей Чудинович? — поторопила я.

— Есть чародей один, — сказал он хмуро, — на острове большом Гран-Притании. Нраву тяжелого, кровной волшбой занимается, в любого зверя может оборачиваться, все растения по именам знает и волшебные зелья варит.

Я как про землю гранпританскую услышала, и про нрав поганый, поинтересовалась с предчувствием нехорошим:

— Не Мерлином ли его зовут, Кашей Чудинович?

— Мерлином, — удивился царь подземный. — Ты откуда про него знаешь, Марья?

Вздохнула я и все им рассказала — и про сватовство, и про то, как обидел он меня.

— Он это, он, — подтвердил Кашей, — глаз зеленый у него от деда, волшебника, а черный — от девы озерной. Им он проклятия видеть может. Слыхал я, что удалось сварить ему зелье чудесное, семь капель которого любое проклятье снимает. Десять лет он над ним бился, еще когда мы с ним в одном университетусе волшбу изучали у чародея Ибн Хоттаба.

— Так, может, отдаст тебе по старой дружбе? — обрадовалась Алена. — Или хотя бы продаст?

Кашей головой покачал.

— Говорю же, характер препоганый, да и в ссоре мы с университетских пор. Дружили мы крепко, но и соперничали, спорили по мелочи всякой. А потом разошлись пути наши. Чванлив уж больно оказался, а уж гордыни-то до небес.

— Кого-то я узнаю, — прошептала Алена смешливо, а когда муж взглянул на нее, рот зажала. — Ой, молчу, молчу! А что ж вы не поделили-то?

Царь подземный взгляд отвел и бурчит:

— А тебе того, любимая жена моя, знать не надобно.

— Бабу какую-то! — догадалась Алена. — Ах вы ж... И что? Его выбрала?

— Да какое-там, — хохотнул царь, — к Тритону женой ушла.

— Утопла, что ли? — шепотом уточнила я.

— Жива, — отмахнулся Кашей. — На острове Атлантида живет, жемчуга носит, детей Тритону рожает. Он тоже разнообразие любит, не только мавок да русалок морских привлекает.

— Это кто тут еще разнообразие любит? — сурово поднялась с лавки Алена.

— Я, но только в яствах, которыми ты меня угощаешь, — обнял ее Кашей, и я чуть не прослезилась. — Так что не отдаст добром мне зелье Мерлин, и в замок свой не пустит. Поссорились мы, по молодости и горячности слов друг другу злых наговорили, а потом отец мой и брат старший в битве с великанами погибли, вот и пришлось мне из университетуса уходить, корону примерять. Так и не помирились. Разве что, — задумался Кашей, — послать бояр и волшебников моих к нему с подарками и вестью, что долг я хочу вернуть? Есть в сокровищнице моей яйцо жар-птицы, найти его труднее, чем туман сетью поймать. Не устоит он, согласится!

Зачаровал Кашей батюшку так, чтобы семь седмиц ему как одна ночь пролетели, без еды, питья и нужд прочих. А пройдет семь седмиц — и умрет он от истощения, если проклятие не снимем.

Позвали меня родные к себе — негоже, мол, Марья, тебе одной оставаться, а с батюшкой под чарами не случится ничего.

— Не одна я, — говорю, — челядь батюшкина есть, и за ней пригляд нужен, да и дружина верная тут сидит, охраняет. Не случится со мной ничего, не волнуйся, Кашей Чудинович. Ты

иди, иди, не тревожься за меня, поскорее посольство отправляй, чтобы проклятье снять.

Ушли они с Аленой в царство подземное, к деткам да делам царским своим. Алена на прощание меня обняла, батюшку поцеловала. Я плачу, а ему хоть бы что — лежит, сопит во сне и даже всхрапывает, как богатырский конь. Хоть кому-то сейчас хорошо и спокойно.

Неделю я проходила в тоске глухой и слезах. Все делаю как раньше: по воду хожу, лошадям корма даю, обед варю, ковры тку, вышиваю, а на душе с каждым днем все тяжелее. Соседи мимо ходят, шепчутся, что кончилась удача-то Якова Силыча. И хоть батюшку в селе уважали, но все больше стали дом наш обходить, а меня на улице встретят — так на другую сторону переходят. А вдруг заразно это проклятье, вдруг и они удачу потеряют?

Одна радость — как разошлась весть, что батюшка под проклятье ведьмино попал, и женихи попропадали. Раньше-то один через ворота заглядывает, другой стучит, третий воды испить просит, а теперь тишь да благодать.

Через семь дней снова явились в терем наш Кашей с Аленой. Кашей злой, громы и молнии мечет, а Алена его успокаивающе по плечу гладит.

— Отказался он бояр моих и волшебников на земли свои пускать, — наконец, проговорил Кашей. — Те только к его замку направились, как срослись перед ними деревья, сучьями переплелись, и ворон громадный навстречу вылетел. «Никогда!» трижды прокаркал и обратно улетел. Говорю же, поганый у Мерлина нрав, и слуги поганые. Уж и птицей к нему долететь пытались — а напали вороны, отогнали, — и зверем добраться — нечисть лесная чуть не разорвала, — и через зеркало волшебное дозваться, так зеркало то кукиш показало и трещинами пошло.

— Злопамятный он, видно, сильно, — вздохнула я тяжело, шутки свои вспоминая.

— Я оскорбление проглотил, вторично послал бояр моих с посольством и дарами, так он бояр хоть в замок и пустил, но в лягушек превратил и обратно мне в сундуке хрустальном, водой наполненном, прислал. Еле я их расколдовал. А яйцо жар-птицы он себе оставил!

— Так что же нам делать, как батюшку выручать? — всхлипнула Алена. — Может, мне с посольством съездить? Не злодей же он жене мужней, матери двоих детей, «никогда» кричать и в лягуху обращаться!

— Не пуцу я тебя, — отказался Кашей зло, — не по рангу моей жене, царице подземной, на поклон к колдунишкам мелким ходить!

Алена рот открыла, на лицо непреклонное мужа посмотрела и закрыла со вздохом.

— Я просить пойду, — сказала я глухо, — по глупости моей ведьма батюшку околдовала, мне его и выручать. Попрошусь в услужение к колдуну, за зелье, сколько запросит, отработаю. Только надо мне, Кашей Чудинович, внешность поменять. А то узнает и точно на порог не пустит: обиделся он сильно на шутки мои при сватовстве. А если будет лицо другое, так, может, удастся зелье у него выпросить.

— Да что ты, Марьюшка, — ахнула Алена, — куда ты одна пойдешь?

— Опасно в лесах тех, — Кашей на меня так оценивающе поглядел, — зверей вокруг его замка много диких, охраняет границы нечисть всякая, а в лесу дремучем год блуждать можно и к людям не выйти. Хитростью к нему проникать придется.

— Я, может, и не хитра сильно, — твержу упрямо, — но в лесу мы с Аленой сызмальства бродим. Не может быть, чтобы и там ни тропиночки, ни таеночки к его замку не было. От зверей на дереве спрячусь, а нечисть угощением задобрить можно, а то и на помощь призвать.

Говорю, а у самой поджилки трясутся: куда ты пойдешь, Марья, да ты на дерево-то забраться не успеешь, волка увидишь и сомлеешь от страха!

Алена посмотрела на меня, видит, что бесполезно отговаривать, и только головой покачала.

— Страшно мне отпускать тебя, Марья, но, видно, делать нечего. Даст Бог, так получится у тебя то, что у волшебников и бояр не вышло.

Кашей гребень мой деревянный взял, что-то над ним пошептал и мне протянул.

— На, — говорит, — воткни в волосы, да смотри, не вынимай. Поменяет облик он тебе так, что никто узнать не сможет.

Я гребень над косой воткнула, к зеркалу подбежала — смотрит на меня из зеркала девка белобрысая с носом-картошкой и губами как вареники, сама тощая, глаза серые, брови-ресницы белые. Точно никто не узнает!

— Вот тебе еще подарок, — Кашей мне фигурку коня деревянную на бечевке протянул. — Надень на шею оберег этот. Им ты коня подземного из конюшен моих царских вызвать сможешь. Сейчас донесет тебя конь-огонь до границ леса Мерлина. До замка не сможет — вороны колдуна его мигом приметят и днем, и ночью. Живет у границы леса ведьма одна, нашим Ягам родственница. Скажешь, что я тебя надоумил, не обидит она тебя. А если службу сослужишь ей, глядишь, и поможет на земли колдуна проникнуть. Не любит она Мерлина больше, чем гостей незваных, говорит, глумлив сильно. А если встанет тебе нужда домой вернуться, трижды вокруг себя обернись и трижды ногой топни. И скажи «Стань передо мной, как лист перед травой». Конь перед тобой и появится.

Собрала я котомку, как в лес обычно мы с Аленой собирали: хлеб-соль, кремь и огниво, леденцов на палочках, лент да бус ярких — нечисть задабривать. Рубаху сменную взяла — путь-то длинный, — нож острый на пояс повесила.

Алену обняла, батюшку поцеловала, Кашея поблагодарила. Повернулась трижды вокруг себя, ногой топнула, как Кашей велел, слова заветные сказала, и появился передо мной конь-огонь. Я со страху глаза зажмурила, на него вскочила — а конь как прыгнет в воздух! И понес меня над полями, над лесами, вслед за солнышком.

Я сначала-то боялась, а затем любопытство пересилило, и вниз смотреть стала.

И вижу — остров большой за морем, а на одном краю того острова лес дремучий растет. Лежат среди леса луга, озеро большое блестит, и на берегу его стоит замок высокий белый, стеной огражденный, с высоты совсем маленьким кажется, с ладонь мою.

Опустил меня конь-огонь далеко от замка в лесу дремучем, у избушки малой. Избушка та ровно как у наших бабок-ежек на лапах посреди поляны стоит. Только лапы не куриные, а гусячьи, с перепонками. И у избушки, смотрю, гуси-лебеди пасутся, в пруду плещутся, гогочут, и их тут видимо-невидимо.

Сошла с коня, он снова деревянным оберегом стал, и я его на шею повесила. Пошла к избушке — гуси мне дорогу заступают, шипят, щиплются, да я привычная — сорвала прут длинный и разогнала их. Вокруг избушки частокол стоит, а на частоколе черепа сушатся, человечьи и звериные, а у избушки ступы вверх доньшками расположились — разные, а красивые какие! Одна красная лаковая, ровно как сапоги у батюшки праздничные, другая — в узорах восточных, хитрых, третья кружевом обшита.

— Повернись, — кричу, — избушка, ко мне передом, к лесу задом!

Повернулась избушка со скрипом, оханьем и криканьем. Поднялась я по крыльцу ветхому, в дверь постучалась, в окна грязные заглянула:

— Эй, хозяйка, есть дома?

Вздрогнула: на подоконник изнутри котяра большой вспрыгнул, да как замыкает истошно!

Я еще покричала, покричала. Дверь толкнула — и открылась она. А там! В паутине все, ветки какие-то под потолком висят, нетопыри да бабочки мохнатые потолок и стены облепили. На столе в горшках то ли тесто, то ли похлебка булькает, по запаху так забродила уж давно. Печь сажей покрыта, и нет хозяйки!

— И неудивительно, — под нос себе бурчу, — я бы тоже в грязи такой жить не стала. Ну что, — у кота спрашиваю, — когда хозяйка-то твоя прибудет?

А кот только шипит и лапой с когтями меня поймать норовит.

Походила я туда-сюда у дома, побродила, от гусей отбиваясь. Как, думаю, ведьму умилостивить, чтобы помочь мне согласилась?

Еще раз на грязные окна избушки посмотрела и обрадовалась:

— Так я ей порядок наведу, ужин приготовлю, печь истоплю, вот она меня и наградит!

Набрала я в лохань из колодца воды, в сундуке каких-то лоскутов цветных нашла, и давай там все вымывать! Нетопырей прогнала, бабочек выпустила, паутину собрала и с пауками во двор вынесла. Окна отдраила, из горшков все повыбрасывала и новое тесто поставила из муки, в ларе найденной. Печь растопила, полы помыла. Десять раз с ведром туда-сюда к колодцу бегала, и каждый раз гуси противные меня за ноги-руки щипали, синяки ставили.

Уж я их уговаривала!

— Для хозяйки вашей стараюсь, — говорю, — смотрите, как чисто стало!

А гуси еще пуще щиплются! Особенно два злющих попалося, до крови меня защипали. Так я от одного отмахнулась полным ведром, по башке попала, он бряк — и помер. А остальные от меня с гоготом прочь бросились.

Постояла я с гусем убиенным в руке, повздыхала... но не пропадать же добру? Ощипала его, обсмолила, приправами какими-то найденными в шкастулках обсыпала и в печь запекаться к хлебу поставила.

Ночь уже наступила, зажгла я свечи, в сундуке найденные. Странные, черные, со знаками непонятными, ну так кто тех бабок-ежек знает? Я тружусь, а кот все под ноги мне бросается и мяукает истошно.

Закончила я дела наконец, стол накрыла, сижу, хозяйку жду. А хлеб и гусь так пахнут вкусно! Я слюну глотала-глотала, да не выдержала, ножку жирную гусячью оторвала и крылышко, да кусочек хлеба отрезала. Ах, хорош хлеб оказался, да и гусь мягкий, будто халвой да пряниками всю жизнь питался! И приправы вкусные!

— Вот дура-де-е-евка! — вдруг слышу, говорит кто-то. Оборачиваюсь, а то кот! — Вот Яга приле-е-етит, не сносить тебе головы!

Я от страха как завизжу! Кот уши лапами зажал, глаза зажмурил.

— Что орешь, блаженная, — шипит, — как банши, будто понимаешь, что я говорю?

Я только вспомнить попыталась, не было ли среди приправ, которыми я гуся обсыпала, мухоморов толченых, как затряслась избушка, затанцевала. Загудело в небесах, засвистело. Гляжу в окошко вымытое — а на поляну, месяцем ярким освещенную, ступа приземляется золотая, словно карета царская. Вышла из нее баба моложавая, красивая, в платье, в котором и царевне надеть не стыдно будет. Лицо молодое у ведьмы, брови черные, а волосы седые в прическу искусную подняты.

— Так-так, — говорит Яга громко, — чую, человеческим духом пахнет. Гости, видно, у меня.

И в окно, из которого я выглядывала, как зыркнет! А глаза ее зеленым как полыхнут, и у меня по спине словно льдом посыпало.

— Незваные, — добавила хозяйка грозно.

Коленки у меня затряслись, и я нырк за печку! Там тепло, тесно, мыши шебуршатся весело. И кот тут как тут, сверху прыгнул.

— Найде-е-т, — мяучит, — тебя, дура-де-еевка, куда залезла? Уж я мяукал тебе, мяукал...

— Ты бы лучше мышей ловил, чем меня учил, — огрызнулась я и дальше за печку протиснулась. А сама голову повернула и на дверь смотрю, подглядываю. Ничему-то меня жизнь не учит!

Заскрипела дверь, распахнулась. Яга встала на пороге, оглядела избушку, за сердце схватилась и в обморок — бух!

— Это она от радости? — у кота шепотом спрашиваю.

— От радости-и, — мяучит ехидно, — беги, де-е-евка, прочь, а то она от радости такой и пришибить може-е-ет!

Я из-за печки осторожно выбралась, котомку свою прихватила. Не удержалась — кусочек хлеба в рот отправила, через Ягу переступила, чтобы бежать...

А она лежит, и не дышит, кажется. Совесть меня заела — присела я рядом, по щекам ведьму похлопала, воды в рот набрала, ей в лицо брызнула. А сама от страха едва рядом не падаю. Сейчас как очнется, да как окажется злой!

Яга глаза открыла, и я затараторила:

— Прости меня, тетушка Яга, что незваной гостьей пришла! Кащей сказал, тебе кланяться, у тебя помощи просить! Нужно мне к колдуну Мерлину попасть, на работу к нему наняться! Решила я тебе в службу убрать тут, ужин сготовить, а если недостаточно, то другую работу мне загадай, я все исполню!

Яга мутными глазами на меня посмотрела, снова избушку взглядом обвела и опять глаза закатила.

— Тетушка, — тереблю ее, трясую, водой поливаю, — тетушка, не спи на полу, замерзнешь! А, может, голодная ты? — сообразила я. — Может, гуся тебе дать откусить?

Тут она снова глаза приоткрыла.

— Ты, — спросила слабым голосом, — еще и гусей моих запекла?

— Одного, — ответила я испуганно, отскочила назад и блюдо с гусем ей протянула, — а что, не хватит тебе, тетушка Яга?

Яга взвыла голосом нечеловеческим, так, что я от страха с гусем на печку обратно забралась, а ей в ответ волки из леса на десять голосов провыли. Глазами опять сверкнула, мертвецкими, гнилушечными, ко мне метнулась. Задрала голову, руки ко мне протягивая, и тут ее взгляд за потолок зацепился.

— Паутина моя селекционная, — провыла она горестно, — нетопырчики мои с пометом целебным!

— Помета от них знатно было, — согласилась я шепотом.

Стала Яга по избушке метаться, сундуки открывая, в горшки заглядывая, и причитать, волосы свои седые дергая.

— Травы мои волшебные толченые! Зелья мои, годами настаиваемые! Ткани заговоренные! Свечи, ифритовыми пчелами сделанные! Все, все, что нажито трудом непосильным, вековым!

— А грязь на окнах тоже волшебная? — полюбопытствовала я тихо.

— Ой, да что же ты не замолчи-и-ишь никак, дура! — кот рядом замыкал и когтями мне в руку вцепился.

— Сама не знаю! — я ладонь раненую лизнула, кота за шкуру взяла и с печи сбросила.

Яга на меня опять посмотрела, скривилась, носом повела.

— Не замолчит, потому что гуся порошками волшебными натерла, — прорычала она, — один такой страх убирает, рот отворяет. Что с тобой-то делать, девица ты глупая? Ну уж Кащей, удружил так удружил. В камень тебя обратить или эльфам в услужение отдать? Ты хоть понимаешь, что каждая паутинка и пылинка тут дороже золота стоила?

Опустила я голову. Опять хотела как лучше, а только хуже сделала.

— Прости меня, тетушка Яга, — повинилась я. — Хотела я тебе доброе дело сделать, а оно вон как вышло. Не со зла я, очень мне хотелось тебе понравиться, чтобы к колдуну Мерлину помогла попасть.

Яга руки в бока уперла, брови подняла.

— И зачем тебе к гаду этому, девица?

Я с печи слезла и все ей рассказала — и про бабушку, и про ведьму, и про совет Кащея, от расстройства чуть ли не половину гуся за это время умяв. Умолчала о сватовстве только и о том, что заколдованный гребень в волосах у меня. Яга меня слушала, слушала, и как начнет улыбаться!

— Ну, — под нос себе бурчит, — вот и возможность сразу двоих проучить!

А громко у меня спрашивает:

— Так, говоришь, к Мерлину в услужение хочешь наняться?

И сама свою избушку выразительно оглядела.

— Хочу, тетушка, — кивнула я воодушевленно.

А она еще пуще улыбается.

— Помогу тебе, — говорит. — Конечно, помогу. Как такой славной девице не помочь?

— Ой, спасибо, тетушка, — я в пояс ей поклонилась. — Век доброты твоей не забуду. Но, может, поешь ты с дороги? — и половину гуся на блюде ей протягиваю. — Раз все равно я его зажарила.

Она на меня опять зверем оскалилась, потом головой покачала и очи к потолку подняла.

— Бери гуся, девка глупая, — махнула мне рукой. — Только кости все собери, даже самые малые. И голову гусячью, голову куда дела? Пойдем, покажу тебе, почему я есть его не стану.

Я с блюдом из избушки вслед за ней вышла в лес ночной, месяцем залитый. А там на поляне гуси-лебеди: кто спит, голову под крыло спрятав, а кто в пруду ныряет и гогочет. А я все слышу и все понимаю.

— Эй, куда ты, го-го-горбоклювый? Мой это го-головастик!

— Да сейчас, проворонил этого — нового-го-го ищи.

— Смотрите, смотрите, девка эта, убивица, с Яго-го-гой нашей идет.

— У-У-У, душегу-гу-губка!

— Кряка нашего-го-го зашибла, да и съела еще!

Я стою, глазами хлопаю.

— Это как это? — у Яги спрашиваю. — Это значит, кот говорящий мне не показался?

— Показался я е-ей, — кот из-за спин наших фырчит, — вот бе-е-естолковая, а?

— Не показался, — хмыкнула Яга. — Гуся такого волшебного, что ты съела, у меня все волшебники купить пытаются, ибо отведав мяса его, язык зверей понимать начинаешь.

А гуси ругаются:

— Ну пройди только мимо, мы тебе ноги-ги-ги все общиплем!

— Места живого-го-го не оставим!

Я прямо почувствовала, как бледнею.

— И надолго-го... тьфу!.. надолго это? — спросила дрожащим голосом.

— На всю жизнь, — засмеялась Яга злорадно.

— И никак не исправить?

— Никак, — сильнее Яга хохочет.

— И всех теперь слышать буду? И кур глупых, и поросят, и перепелок? — шепчу.

— Всех, — подтвердила хозяйка.

Тут я поднос с гусем на землю уронила и за голову схватилась.

— Это как же их есть, если они с тобой речи ведут? — говорю в ужасе.

— Никак, — фыркает Яга. — Я и не ем.

А я ее уже не слушаю.

— Это что же, выходит? Никаких щей и борщей наваристых? Прощай, сальце соленое, с чесноком верченое? Кабанчики запеченные, да жаркое перченое? А язык говяжий с хренком? А студень пороссячий с горчицей такой, что Богу душу отдать можно?

— Так, — Яга говорит голосом странным, — я тебя пожалела, но ежели не замолчишь, точно прибью сейчас.

— Кур нельзя, свинят нельзя, — печалюсь, — о, в земле франгалианской, говорят, лягушек едят, будто на курятину они похожи. Может, их можно?

— Лягухи с жабами самые болтливые, — отрезала хозяйка. — Еще и песни поют истошно.

— А рыбу-то можно? — спрашиваю с надеждой.

— Рыбу можно, — смилостивилась Яга. — У ней мозга не хватает говорить, только жрать и икру метать.

— Это что же, — почти плачу, — мне всю жизнь рыбьим мясом, да икрой красной и черной питаться?

— Отчего же, — говорит Яга, забавляясь. — Можно еще мелочью речной и морской пробавляться, раками, ракушками, гребешками да креветками. А еще медом и акридами, как старцы святые.

— Святые плохого не посоветуют, — оживилась я. — Тем более с медом. А что такое эти акриды?

— Саранча, — безжалостно просветила меня хозяйка, и я снова завyla тихонько.

— А это тебе уроком будет, девка, — строго сказала Яга. — Не лезь, куда не просят, а хочешь добро кому причинить — помни, что могут догнать и добром тем поперек спины отходить. От усердия и беда бывает. Ну, хватит слезы глотать. К лучшему это. Выгоду ты сама потом поймешь. Раз ты к колдуну наняться хочешь, то нечего о мясе думать. Мерлин тоже звериный и птичий язык понимает, оттого и не ест зверей и птиц. И в замке мяса его никому не подают.

— А, вот почему характер у него поганый такой, — бурчу сквозь слезы. — Без мяса-то любой мужик злобным станет. А как же ты мне, тетушка, к нему в замок попасть поможешь?

— Сейчас нужно одно дело доделать, а затем и к твоей беде перейдем. Ты гуся сюда прежде давай, — Яга мне говорит. — Лопату бери, яму рой. Сама натворила, сама и исправляй.

Ну, руки у меня крепкие, работы я не боюсь. Вырыла ямку малую, хозяйка туда гуся положила недоеденного, все косточки сложила, сама руками землей засыпала. Присела в платье своем роскошном на землю, ладони в холмик тот уперла, и давай что-то гортанным голосом петь. Глаза зеленым светятся, а у меня от голоса ее мороз по коже.

Зашевелился холмик, поднялась ведьма, руки отряхивая, а я стою, с места сдвинуться не могу. Раздалось шипение страшное, тени лунные от деревьев протянулись к нам, и вдруг холмик снизу крыло черное пробил!

Я взвизгнула, назад отпрыгивая.

А из-под земли выкопался гусь живой. Только голова, которую я открутила, да половина тела, которую съесть успела, черными перьями покрыты, а остальное — белыми. Выкопался, отряхнулся деловито, на меня посмотрел с укоризной.

— Эх ты, га-га-гадость с косою! — сказал и потопал вперевалочку к своим. А те радуются, шумят.

Так стыдно мне стало! Вздохнула я и к Яге повернулась. А она меня оглядывает.

— Хорошо, что ты бледная такая и лопухая, — говорит, а я радуюсь, что Кашеево колдовство не прознала она, значит, и колдуна обмануть должно. — Не любит Мерлин девок красивых.

— А почему? — наострила я уши.

— Говорят, по молодости полюбил он феири Весеннего двора, которая к бабке в гости заходила. Та им крутила, душу мотала, соки все высосала, насмеялась — мол куда тебе, смертному, на меня смотреть!

Так вот почему он на шутки мои невинные так недобро отреагировал. Это травма у него детская. Ну как вроде меня коза в три года боднула, так я их до сих пор побаиваюсь.

— А очень красивой та фея была? — спросила с любопытством. Посмотреть бы, какие такие феи рыжим колдунам по сердцу. Вот кого ему подавай!

Яга на меня посмотрела и вдруг по-матерински меня по макушке потрепала.

— Дите ты еще ведь, — смеется. — Как тебе сказать, Марья. Возьми самую красивую девку в трех мирах, и даже самая некрасивая фея ее стократ прелестнее будет. Но холодные они, как ручей студеной. Оттого и тянутся к людям, греются они о нас, но и презирают за то, что век наш короток. Всегда им нас мало, так что нет человеку с феями жизни.

— Это же обычной девке с такой не тягаться, — вздыхаю я.

Ведьма хмыкнула, ко мне склонилась и тихонько поведала:

— У них, когда из Холмов своих в наш мир выходят, всегда уродство какое-то есть. Лицом прелестны, телом прекрасны, но то уши волосатые, то хвост козлиный, то копыта, то колена в обратную сторону.

Мне аж на душе полегчало.

— У Мерлина-то глаза разноцветные тоже поэтому, — продолжила секретничать хозяйка. — Потому что бабка у него — фея, дева озерная. Но сам он смертный: в третьем и последующих поколениях только глаза и остаются, а еще способности к волшебству и понимание языка звериного. Ну ладно, хватит об этом, слушай меня, девка, — Яга к делу перешла. — Сам Мерлин живет в замке, построенном предком его из костей последнего из убиенных драконов.

Я вспомнила замок, с высоты увиденный, и поежилась.

— Брр. Это ж как жить в нем? И какого размера тварь та была?

— Раньше все были больше, — с грустью сказала ведьма, — и зверей волшебных видимо-невидимо в лесах и на полях водилось, и волшебники были сильнее. Но уходит волшебство из мира, пройдет время, и разойдется мир-Явь наш с миром подземным и вирием небесным, и будут о нас только в сказках вспоминать, как мы сейчас о драконах вспоминаем... Ну, — опомнилась она, — тебе этого не надобно, не бери в голову, девка. Кости те давно закаменели, постучишь — белый мрамор как есть. Но даже окаменевшие они старым волшебством пропитаны, так что не зря колдун там живет, силу из них тянет. Служат ему в замке духи, существа волшебные да вороны зачарованные — научил он их человеческий облик принимать.

— А люди разве ему не служат, тетушка? — шепотом спросила я. От рассказа ее кровь в жилах холодеет, но и любопытно — жуть!

— Мерлин животных пестует, лечит, а людей не любит. Есть там люди, но мало их, хоть он не простой колдун, а лорд, из благородных, значится. На землях его деревень дюжин шесть, не меньше. Живут там под его защитой крестьяне простые и ремесленники, землю пашут, лорду долю отдают. Боятся они его как огня, а все равно за помощью и судом к нему обращаются. Да и девок иногда работать в замок посылают, чтоб задобрить. Но все знают, что не работать они туда идут.

— А зачем? — спросила я с любопытством.

— Кхе-кхе, — как-то по-старушечьи закашлялась Яга. — Ну так он мужчина справный...

— Это точно, — вздохнула я.

— ...даром что колдун, а если приглянется какая, так и оставляет для утех.

— Вот же ж гад, — говорю сердито.

Ведьма хмыкнула, на меня весело глядя.

— Долго при себе не держит, отсылает с богатым приданым, они потом ходят королевами, невестами завидными. Те, кто не сбежал в первые же дни. Духов боятся, слуг-воронов, да и ночами над замком небо светится, тени видятся. Так что не удивятся твоему появлению стражники, примут за девку, золота желающую.

— А ежели правда позовет постель ему стелить? — испугалась я.

Яга меня оглядела, брови подняв.

— Ну, — говорит неуверенно, — он, конечно, злодей, и ему любое злодейство свойственно, но я бы на твоём месте не опасалась. Ты, главное, в замок попади, а уж встретишься с колдуном, и проси работы за зелье, убалтывай, как знаешь. Мое же дело небольшое — я тебе помогу к замку добраться, а дальше уж сама, — и она засмеялась, потирая ладони.

— А за что ты Мерлина не любишь, тетушка? — подозрительно осведомилась я.

Она рукой сердито махнула.

— Нос он от ведьм простых воротит. Хоть и молодой, тридцати годков еще не стукнуло, а знает и умеет стократ больше, чем я. А я в бабки ему гожусь! Помнится, с дедом его... эх, — она осеклась, — совсем другая это история. Дед его всем помогал, но сейчас к деде своей в Холм ушел. А то бы к нему попросилась. Услыхала я, что Мерлин карты небесные составляет и зелья свои варит, по положению звезд благоприятные дни вычисляя. Пошла к нему на поклон, научи меня, мол, астрометрии своей небесной. А он так глумливо на меня посмотрел и говорит: «Тебе, бабушка, конечно, о вечном и небесном думать уже давно пора, но даже это не заставит меня на знахарку лесную время тратить, от дела отрываться. Не беру я учеников!». И рукой махнул — я уже за стенами замка оказалась.

— И правда гад, вежливости не обученный, — выругалась я. — Сердцем он очерствел! Теперь, боюсь, и батюшке моему не поможет.

— Не спросишь — не узнаешь, — мудро заметила Яга.

— А как же ты меня к замку проведешь, тетушка? — спросила я.

— Завтра и покажу, — говорит. — А сейчас спать. Утро вечера мудренее. Спи, а я пока посмотрю, что в избушке после твоей... помощи спасти можно.

Казалось бы, должна я была ворочаться, волноваться, но ночь проспала так сладко, как никогда не спала. Кот-мурлыка ноги мне грел, мурчал, убаюкивая.

Поднялась я рано утром. Смотрю — на столе в горшках уже закваска снова стоит, в уголке над печкой паук опять паутину растянул, с десятков нетопырей и бабочек на потолке висит, цветные тряпки, коими я полы мыла, сушатся на окне. Яга меня кашей накормила, платье крестьянское гранпританское дала.

— А то твой сарафан больно приметный, — объяснила.

Провела меня мимо гусей к лесу. Гуси-лебеди молчат, от меня презрительно отворачиваются, а я и рада. И так кругом голоса и щебет: птички перекликаются, зайцы о найденных корешках кричат, ежики пыхтят натужно, но и их слова разбираю. Сто раз я уже пожалела, что гуся этого тронула. Этак и с ума сойти можно, всех вокруг слушая.

Встала Яга, руки трубой у губ сложила, и как завоет по-волчьи! Я чуть котомку свою не уронила.

Раздался ответный вой, а затем вышел через некоторое время на поляну громадный серый волчище. Почти седой, а на боку шрамы страшные даже под мехом видны.

— Никак добычу мне привела, Яга? — рычит.

Я за спину ведьме спряталась и оттуда выглядываю, а волк на меня смотрит и облизывается. Ему-то то, что я говорящая, не помешает!

— Не бойся, Марья, — говорит мне Яга, — не тронет он тебя. Я его когда-то давно волчонком вылечила, троллем порванного. Донесет он тебя до костяного замка Мерлина, пройдет чащу непроходимую, волчьими тропами проведет там, где не ступала нога человека. Ну, давай, с Богом. И если что в замке вымыть захочешь, ни в чем себе не отказывай!

Вцепилась я волку в шкуру, и понес он меня чащами и буераками. Долго бежал, долго, уж и

солнце припекать начало. Растрясло меня на спине его, укачало, носом стала я клевать. И тут волк как зарычит!

— Почти пр-р-рибежали, — говорит. — Пр-р-росыпайся, слезай! А то давно я мяса молодого не ел, еле дер-р-ржусь!

И зубами на меня щелк!

Я, еще не проснувшись, с него соскочила и спиной вперед поползла, котомкой прикрываясь. А он рыкнул насмешливо, развернулся и марш в кусты!

Оглянулась я, поднялась. Гляжу, кончился лес, и лежит передо мной озеро среди лугов и холмов цветочных, ровно как я сверху, со спины коня подземного видела. А на том берегу замок костяной стоит во всей красе: башня овальная белая, точно как из ребер огромных сложенная, к вершине сужается, и на самом верху площадка башенная с оградой. Стяг там колдуна трепещет — ворон черный, и над замком стая ворон кружит, на окна узкие садится, которые в стенах проделаны.

Донжоном такая башня называется, так Яга говорила. Стена вокруг замка высокая, тоже словно из костей сложенная, а в стене ворота, как пасть дракона поверженного, зубьями грозят, и мост от них через ров, словно язык черный. Ров вдоль стены прокопан, с озером соединен.

От моста дорога идет по лугам и холмам, и нет никого на дороге. Только далеко, там, куда она уходит, деревенька видна, да в поле косари работают.

Вздыхнула я, котомку подобрала и пошла вокруг озера к замку. Из-под ног зайцы выпрыгивают, ругаются, пташки порхают.

— На гнездо не наступи, на птенцов наших малых! — кричат.

Лягушки в озере квакают, увидели меня, друг другу передают новость:

— Девка какая-то к колдуну на потеху пришла!

Вдруг дрогнул замок, грохот страшный раздался!

Взвился над башней огненный шар, повисел-повисел, жаром все опалая, и потух. Лягухи замолчали, под воду посыпались, птицы над лесом в разные стороны метнулись, да и я присела, руками прикрываясь. А сама голову задрала, верчу ею — что за диво такое, как второе солнышко полыхнуло?

Показалось мне, что услышала я ругательства — такие, которые и повторять-то стыдно, — а затем разглядела и человека наверху, на башне, рыжего, с посохом, который зеленой звездой сиял. Колдун и ругался. Досадливо махнул рукой, развернулся и меня увидел сверху. Но не задержался, ушел обратно в башню.

Я голову в плечи втянула и почти вприпрыжку к воротам побежала. А вдруг он в дурном настроении огненными шарами не только в небеса кидается?

У ворот стражники с копьями стояли. Одежда военная кожаная, волосы черные, носы кривые — ну чисто вороны!

— Ты по какому делу, девица? — прокаркал тот, что слева.

— Пришла к колдуну на службу наниматься, — ответила тоненько, глаза опуская.

— Не велел хозяин девок пускать, — ворон говорит, — так что иди прочь!

Я растерялась, стою, котомку мну.

— Так раньше же не против был? — спрашиваю неуверенно.

— То раньше, — второй ворон говорит, — а как прискакал на своем жеребце, Облаке, две седмицы назад, так всех девок мигом золотом одарил, выгнал и велел не пускать больше. Ходит с тех пор мрачный, ругается...

— А много-то девок до этого тут гостило? — спрашиваю нехорошо.

Тут первый ворон сощурился.

— А чего это ты тут выпытываешь, девка? Не лазутчица ли ты от сэра Вольдемара? А ты, — на товарища набросился, — чего раскаркался? Ну чисто ворона!

— Да какая я лазутчица, — говорю жалобно, — сирота я при живом отце, помощи у колдуна за службу хочу просить. Пустите, дяденьки, а? Я никому не скажу!

— Иди отсюда, — ответили они хором и копыями мне дорогу перегородили.

Ну я и пошла. Далеко ушла, за холм, чтобы не видели меня, и стала думать, как в замок попасть. Ночи дожидаться, ров переплыть, да на стену попробовать забраться? Но стены гладкие, а я и по деревьям-то не сильно лазить умею, не то что по мрамору. Да и Кащей говорил, что вороны Мерлина и днем и ночью стражу несут, мигом приметят.

Бродила я вокруг замка, бродила, уж день к вечеру пошел. Вижу вдруг, беркут вниз в поле падает, да только не поймал никого: землю взрыл и с пустыми когтями улетел, на второй круг пошел. Гляжу, а там по полю мышки малые бегут, но не скрыться им, всех поймают и съест!

Жалко мне стало мышей.

— Эй, мышеньки! — кричу. — Бегите ко мне в рукав, я вас до норки донесу, от птицы защищу!

Мышки, с десяток их, ко мне прыгнули, по ногам забрались, в рукав спрятались. Налетел на меня беркут ширококрылый, едва лицо не расцарапал.

— Лети, — говорю, — отсюда, поищи добычу побольше! Стыдно маленьких обижать!

Он, надо мной зависший, хекнул, чуть ли не плюнул от досады, и медленно прочь полетел.

Отнесла я мышек к норке, они из рукава моего высыпали, по росту выстроились: от самой высокой, до самой мелкой, — и дружно поклонились.

— Спасибо, — пищат, — девка странная! Спасла ты нас, и мы тебе добро сделать хотим. Чем помочь тебе?

Я аж руками от радости всплеснула.

— Милые, — говорю, — серые, красивые, а не знаете ли, как в замок пробраться, на кухню колдуна Мерлина? Зла не замышляю я, на службу наняться хочу, а меня не пускают!

И еще хлеба им накрошила, чтобы совсем уж ублажить.

Мышки поели, пошуршали между собой.

— Идем, — пищит одна из них. — Есть тут ход подземный старый, в лес выходящий. Прямо в погреба замковые ведет. Проведем мы тебя туда!

Побежали мышки по холмам вокруг озера, мимо валунов, которые я десять раз обошла, пока думу думала. Остановились у одного из них, запищали.

— Наклоняйся сюда, девка! Да руку суй!

Я наклонилась и вижу — за валуном склон холма травой высокой скрыт, сплелась трава та, что кажется, что земля там. А я руку просунула — пустота!

— Спасибо вам, мышеньки! — говорю и хлеб им ломаю. — Спасибо!

Мыши хлебные ломти похватили и разбежались. Одна только остановилась и говорит:

— Добрая ты девка, хоть и блаженная, поэтому еще тебе подскажу. Хлебным мякишем уши закрой. Не пустой ход тот. Охраняет его дух страшный, банши, белая плакальщица. Нас, мелочь полевую, не трогает, а людей не пускает. Как увидит тебя — закричит, завоет, оглушит, там ты и помрешь.

Я как про плакальщицу услышала, задрожала. Пока с духом собиралась, мышка уже убежала.

Побродила я вокруг хода, повздыхала, да куда деваться? Залепила уши хлебным мякишем, нашла в лесу сук сухой толстый, кремнем с огнивом огонь добыла, сук подожгла и протиснулась в ход.

Сразу темнота и тишина меня обняли, землей и тленом пахло. Я вперед шагаю, а от страха зубы стучат. Сыро там, тени пляшут от огня, тесно — одному человеку едва пройти можно.

Стала я песенку веселую напевать, про соловушку и солнышко. И шагаюсь бодрее, и отвлекаешься — как вдруг под ногу что-то попало, и споткнулась я, чуть не полетев на пол.

Повела суком горящим и взвизгнула — лежат кости человеческие, точь как в Алениной книге лекарской были намалеваны, и скелет тот череп свой руками зажимает.

Зажмурилась я, дальше шагнула, еще громче напевая.

— Соловей, соловей, лети к со-о-олнышку!

Снова ногой на что-то наткнулась. Краем глаза посмотрела — еще кости лежат, и тоже видно, что помер человек, уши зажимая. Дальше я пошла, голос повышая:

— Спой мне песню свою во око-ныш-ко-о-о!

То и дело под ногами кости хрустели — много кто, видимо, в замок проникнуть пытался, да все и остались тут. Я о том, что сама могу рядом лечь, думать не смею, во всю мощь пою.

И вдруг ветер ледяной дунул из подземелья мне в лицо, пальцы выморозил, огонь затушил. Я моргнуть не успела, как встала впереди, проход перекрывая, женщина прекрасная в белых одеждах, с волосами черными, до пола отросшими, с провалами темными вместо глаз.

— Ой, — пискнула я, уши ладонями зажимая, и тут она тьмой в глазницах полыхнула, рот открыла — и завыло вокруг, заплакало, да так громко, что меня как подушкой тяжелой с ног сбило.

Долго она орала — я будто в трубе печной себя чувствовала, когда заслонка открыта и в ней ветер воет, — долго я жмурилась, уши зажимая. Если б не хлебный мякиш, не спаслась бы.

Только тишина наступила, я на ноги вскочила.

— Здравствуй, — говорю дрожащим бодрым голосом, — тетушка банши! Не серчай на меня, не кричи, не со злым умыслом я полезла сюда, а за помощью!

Дух снова глазами сверкнул, да как завизжит:

— Во-н!

Переждала я и этот раз. Наступила тишина.

— Как громко ты кричишь, тетушка, — говорю льстиво, дыхание переводя. — Думала я, что громче петуха нашего хишпанского никто не орет, но ты, тетушка, громче, залиvisteй. Да постой, — руками я замахала, видя, что снова орать собирается. — Пропусти меня, а я отдарюсь! Смотри, какие бусы у меня есть, красные, из камня гранатового, в дюжину рядов! — И бусы достала. — Хорошо к белому платью тебе эти бусы будут, сразу станет понятно — женщина видная, не какая-то там банши подзаборная! А если позволишь, то и косы тебе красными лентами заплету, — и за лентами я полезла, — у нас на Руси так все девки ходят, что на выданье. Самое то тебе будет! И леденцами могу угостить... — Я леденец вытянула.

Банши, уже рог открывшая, на подарки посмотрела, на меня. Метнулась вперед, бусы-ленты выхватила и пропала. Я так с леденцом в руках и осталась.

Ну хоть мордой другая, а повадки как у нашей русской нечисти: заболтать можно и откупиться. И слава Богу!

Я постояла там, хлебный мякиш из ушей не вынимая, леденец в карман сунула, дрожащими руками снова сук подожгла, кремнем об огниво не попадая, и пошла дальше, через кости переступая. Больше банши мне не показывалась.

Долго я шла, то вниз спускаясь, то наверх поднимаясь. Уж сук мой прогорел, и я дальше в темноте кромешной ступала, руки вперед вытянув. Думала, не кончится никогда подземелье, буду идти, пока без сил не упаду... и тут руками в дверцу деревянную уперлась.

Толкнула ее — дверца так легко подалась, будто ее каждый день открывали и смазывали... Запахло рыбой соленой, овощами лежалыми, молоком кислым, грибами сушеными. Припасов тут было видимо-невидимо. Прошла я мимо бочек больших, в два моих роста, мимо ледника с

рыбой разной и раками, лестницу увидела с дверью наверху. Поднялась и осторожно дверцу приоткрыла.

А там кухня дымит, печь большая горит, на печи котлы кипят! А за столом хлопочет повариха удивительная — ну чисто медведица наша, только морда плоская, мех короткий, уши круглые, и мне сама по пояс! Платье на ней надето парадное, фартук на талии подвязан. С ножом лучше человека управляется и ворчит что-то себе под нос, напевает.

Вижу — ларь стоит тяжелый в углу дальнем, рядом со столом, где посуда выставлена. Я за спиной поварихи по стенке к ларю пробралась, крышку открыла — а он пустой, только стены мукой припылены. Ну я туда и нырнула, щель малую оставила и сажу, подглядываю. Пережду, пока уйдет, а потом буду думать, что делать.

Тут в кухню мужчина вошел тощий, чернявый. Лицом ко мне повернулся, я чуть не ойкнула — это ж он на столичном торге ковер с жар-птицей уволок, в ворона оборотись.

— Эй, Эльда, — почтительно ворон позвал, — готов ужин-то хозяину?

— Готов, Доррин, готов, — мохнатая повариха заворчала, — сейчас, яблочко еще нарежу для аппетита. А то привередлив больно, не угодишь ему.

Ушли они с двумя подносами еды, и я ждала-ждала, пить захотела — ужас как. Выбралась из ларя быстро, нашла кувшин с водой, чуть ли не половину выхлебала и обратно в ларь забралась. Да и не дождалась повариху, заснула.

Проснулась я от петушиного крика, крышку приоткрыла — а за окнами небо чуть светлое, вот-вот солнышко взойдет. На кухне нет никого.

Как, думаю, колдуна задабривать, чтобы зелье мне отдал, на службу взял? Вылезла я из ларя, воды в лицо поплескала, попила, яблочко кисленькое погрызла, в ход подземный по своим делам сбегала — и давай во все ящики и лари заглядывать. Продуктов понабрала, печь разожгла и начала кашеварить.

Батюшка всегда говорил, что мужик, вкусно накормленный, сговорчивей теленка. Ну я и расстаралась.

Нажарила колдуну оладий тонких, сахарных, медом стопку залила. Испекла пирог с грибами сушеными и сыром мягким козьим, нарезала его, сама в рот кусок сунула, слюною давась. Хлеб поставила пышный, сбитень сварила. Как приготовилось — все на поднос выложила и снова в ларь спряталась.

Зазвенел на кухне колокольчик, и через несколько мгновений соткалась из воздуха повариха вчерашняя, поспешно фартук повязывая. И ворчит:

— Что ж ему не спится в рань такую, завтрак только через два часа подавать надобно! Верно, опять всю ночь в башне своей колдовал, про сон забыл! А что я ему сейчас принесу? Хлеб вчерашний и молоко кислое?

Тут увидела она поднос мой с разносолами, глаза потерла, огляделась. Одну оладью с блюда подцепила, в рот отправила.

— Ах, — говорит, — во рту тает, и на пиру богов подать не стыдно было бы!

От всего по кусочку попробовала.

— И не отравлено, — бурчит задумчиво, — и такая вкуснота, что язык проглотить можно! Это что же за помощник у меня такой тут завелся? — голос она повысила и оглядывается. — Выходи, покажись, не бойся!

Я в ларе сажу как мышка. А как выйдешь, и мигом из замка выгонят?

Она еще позвала меня, позвала, но тут вдругорядь колокольчик позвонил, она поднос подхватила и исчезла.

Вернулась нескоро с подносом пустым. Постояла с ним задумчиво.

— Не знаю, — говорит, — кто ты такой, помощник неведомый, да только первый раз наш хозяин ни крошки не оставил, все съел. И мне улыбнулся, спасибо сказал. На обед еще таких оладий с медом пожелал. Так что если ты хочешь обед ему приготовить, выходи, не бойся.

Уйду я сейчас и подсматривать не буду, матушкой-Дану клянусь.

И правда пропала она, была — и исчезла, только поднос с грязной посудой на пол лег.

Опять я из ларя вылезла, закатала рукава и принялась обед мастерить. Принесла с ледника рыбицы белой, поставила ушицу самую быструю и простую — всего-то семьдесят строчек в рецепте. Оладий снова напекла, кореньев с маслицем топленным и травами натушила, рагу сделала, сыром залила. Завертела грибы с чесноком и сметаной в листы виноградные, запекла под молочной корочкой. Ну, если он после этого у меня из рук есть не будет, точно не человек он, а ледышка бессовестная!

Как зазвенел колокольчик, снова я нырнула в ларь. Появилась повариха, головой покачала.

— Ах и помощник! — говорит, голос повысив. — Ай да молодец!

Поднос с трудом подняла и пропала с ним.

Вернулась, сияющая.

— Ох, хоть от записей своих оторвался, — болтает, посуду намывая, — а с каким аппетитом ел, нахваливал! Ну, — зовет, — покажись, помощник мой! Слово тебе даю, матушкой-Дану клянусь, не трону я тебя, кем бы ты ни был! Если девка ты — дочерью назову, если парень — сыном возьму, если старше меня — бабушкой или дедом величать стану. И от других уберегу... кроме хозяина, конечно, его слово превыше всего! А, может, помощь какая тебе нужна? Все сделаю, выходи! Очень уж ты меня порадовал!

Я вздохнула и крышку ларя откинула, из-под стола выбралась.

— Здравствуй, — говорю робко, — тетушка повариха...

Повернулась ко мне мохнатая, руками всплеснула.

— Девка человеческая! Ну надо же! А я-то думаю, отчего мне человеческий дух мерещится? Как же ты попала сюда, не пропускают ведь никого из ваших в замок?! Да не бойся! Сказала же, не трону. Зачем пришла?

— Помощь мне от вашего хозяина нужна, — призналась я. — Хочу о зелье его одним попросить.

— Отчаянная девка, — покачала головой повариха. — Хотя, — под нос себе пробурчала, — может, и не осерчает, если так недельку попытается, то точно пообреет! Ты вот что, на глаза пока никому не показывайся. Спрячу я тебя! А если спросит, отчего так вкусно стало, я про тебя и расскажу!

— А я бы и сейчас послушал, Эльда! — прогремел голос на всю кухню. Повариха аж подскочила, да и я взвизгнула, под стол метнулась. Выглядываю из-под него — в дверях рыжий колдун стоит, руки на груди сложив, и глазами своими страшными сверкает. А повариха головой понуро качает.

— Спустился я узнать, кто это разносолы мне такие готовит с утра, а тут что же получается? В моем замке от меня секреты? — задумчиво проговорил Мерлин.

— Да уж больно ты на расправу скор, хозяин, — повариха бормочет, — а тут в кои-то веки у меня помощница появилась. Не сердчай, оставь ее на кухне, а?

— Да, оставь меня, а? — тихонько вторю из-под стола. — Ем я немного, служить верно буду...

Он брови приподнял, нахмурился, меня разглядывая.

— А что за выговор у тебя странный? — спрашивает, вперед шагнув.

— Немтырем уродилась, — говорю, как Яга меня подучила, — до двенадцати годков не говорила, а затем булыжник с неба упал, по темечку меня стукнул, вот и заговорила.

Он усмехнулся, а глаза холодные, внимательные.

— Первый раз слышу, чтобы от удара русский выговор проявлялся. Чудеса!

— Не чудеснее, чем замок костяной и повариха мохнатая, — ответила я, едва заметно назад отползая.

Мерлин на повариху посмотрел, на меня.

— Так ты, — спрашивает, еще ближе подойдя, — где жила, что брауни не признала? В Гран-Притании их только слепой не видел. Или ты еще и слепой родилась, а от булыжника небесного не только заговорила, но и прозрела?

А голос такой мягкий, я аж заслушалась. Но назад еще отползла, к ларю, на всякий случай.

— Отчего это не признала, — отвечаю честным голосом, — да как это я брауню могла не признать! Просто не видела я, чтоб обеда они варили и поварешки держали! У нас на Рус... в деревне нашей таких не было!

Хмыкнул Мерлин, еще шаг вперед сделал.

— А как ты сюда попала? — говорит почти с нежностью. — Кто из слуг моих тебя пропустил?

Мохнатая брауни из-за его спины мне головой трясет — не сдавай, мол, никого!

— Да я, — говорю, вбок отползая, чтобы вскочить и дать стрекача, — сама зашла. Шла мимо, смотрю — замок стоит. Ну, думаю, зайду, хозяину завтрак-обед приготовлю. Авось не осерчает... Не осерчает ведь? — уточнила я у колдуна настороженно. А он как рывкнет:

— Ну-ка, явись передо мной тот страж, который девку человеческую в замок пропустил!

— Понятно, осерчал, — пробормотала я, юбку подхватила и понеслась к лестнице в кладовые. Лучше уж банши, чем в глаза эти страшные смотреть.

Но не убежала далеко — спеленали меня путы невидимые по рукам и ногам, лицом к колдуну развернули, за руки посреди кухни подвесили, как рыбешку за крючок. Забарахталась я, ногами дрыгая — а никак не освободиться мне.

Смотрю — встала перед колдуном банши вчерашняя. Одежды белые развеваются без ветра, волосы лентами красными переплетены, на шее бусы мои висят в двенадцать рядов.

— Как же ты, Магда, девку пропустила? — тихо поинтересовался колдун. — Разве не для охраны ты в том подземелье поставлена?

А она руки в бока уперла, ногой топнула.

— А так, хозяин! Ты мне ни разу слова приветливого не сказал, все приказы да угрозы, а девка со мной вежливо заговорила, уважительно. Я роду триста лет служу, никто из вас мне даже веревочки не подарил, а она мне ленты красные отдала и ожерелье драгоценное. Поставлена я врагов не пускать. Но не враг она тебе. Нет зла в девке этой, только добро. И тебе бы подбрее быть не помешало. Не только к зверям лесным, но и к людям простым!

— Это ты мне говоришь, вестница смерти? — насмешливо спросил колдун.

— Это я говорю, как прабабка твоя далекая, Мерлин внук Мерлина, — ответила банши сварливо. — Не всегда я вестницей была. Когда-то была я такой же молодой и прекрасной, как девка эта.

— Прекрасной? — колдун на меня посмотрел, губы насмешливо скривил.

— Но смерть не добра и не зла, смерть справедлива, тебе ли этого не знать, Мерлин-на-ту-сторону-ходивший, — продолжила банши. — Так что хочешь — развоплощай меня, а только вины своей я не признаю.

И белая плакальщица исчезла, а я под тяжелым взглядом Мерлина снова путы порвать попыталась. Не вышло.

— Тетушка банши дело говорит, — подсказала я, ежась. — Позволь мне остаться, великий колдун! Я все делать умею! И готовить, и ткать, и вышивать, и шить, и убирать! Захочешь — петь буду, слух твой ублажать!

— Только этого и не хватало, — пробормотал он. Пошел вокруг меня, хмурясь, вглядываясь, чуть ли не приносясь, как волчара вчерашний.

— Или не буду! — подхватила я понятливо. — Вообще молчать могу целыми днями! Только оставь, позволь службу тебе сослужить!

— Службу, — повторил колдун насмешливо. Руку протянул, по волосам меня погладил — и вытащил гребень чудесный. И расхохотался.

— То-то чувствую, что чужая волшба где-то рядом, а понять, в чем дело, не могу, — и он потер гребень в руках, скривился. — Кашеева волшба, — гребень на его ладони вспыхнул, сгорая. — Обманул бы он меня ранее, но не сейчас, когда я создал зелье, чужую силу рассмотреть помогающее. А это что? — он амулет в виде коня на шее моей качнул. — Понятно. Ну, это я забирать не буду, тебе еще пригодится.

И понимаю, что плохо дело, а что сказать, как заболтать — не придумывается. Зажмурилась я, чтобы думалось лучше. И в обморок никак не падается, когда надо, вот же беда! А то сомлела бы, он бы меня и пожалел, на руки подхватил, от красы моей неземной смягчился.

— Ну, вот и свиделись, Марья-Искусница, — усмехнулся Мерлин, вокруг шагая и смягчаться не собираясь. — Так зачем ты ко мне пришла, за тридевять земель, да еще под личиной чужой? Никак приглянулся я тебе, что задрал подол ко мне прибежала? Решила вокруг пальца обвести и женить на себе?

Я все жмурилась, а на словах этих глаза распахнула.

— Даже в мыслях не было! — возмутилась я. — Да мне на тебя посмотреть страшно, не будь нужды, я бы и на версту к тебе не подошла!

Вижу, помрачнел колдун, себя отругала и тут же попыталась исправиться: посмотрела ласково, глазами захлопала. Женихи, когда я так делала, дурели обычно и только улыбались блаженно.

— Эх, Мерлин, свет мой, это отчего у тебя первая мысль про женитьбу? — зажурчала я ручейком, пташкой нежной запела. — Небось, сам про меня все эти дни думал, ночей не спал, вот и выдал, что на уме вертится? Ну так уж и быть, сокол ясный... не так уж ты и страшен, если приглядеться. Рыжий опять-таки... Помоги мне в деле, за которым пришла — прощу я грубость твою и невежество, стану твоей женой, не буду противиться.

Он головой с изумлением покачал. С таким выражением на лице не жениться собираются, ой не жениться!

— А что за дело? — спросил колдун так же ласково, как я его сейчас журила. Сам за косу меня потянул, заставляя в глаза поглядеть — а они у него по-прежнему холодные, страшные. Замерла я: взгляд не отвести, не перестать на него смотреть.

— Батюшку моего ведьма прокляла, — поведала тихо. — Жить ему осталось шесть седмиц. Спит он сейчас сном наведенным, но с каждым днем тают его силы его.

— А сам Кашей проклятье снять не смог, значит, — пробормотал колдун, усмехаясь довольно. — А гонору-то, гонору было...

— Затем и пришла к тебе, Мерлин внук Мерлина. Сказал Кашей, что только ты помочь сможешь, что только у тебя зелье волшебное есть, которое любое проклятие снимает. Помоги мне, колдун, — голос у меня задрожал, слезы на ресницах замерли. — Век тебе благодарна буду, отслужу, как скажешь.

— Это как ты мне отслужишь? — спрашивает хрипло.

— Хоть всю жизнь тебе готовить и убирать буду, — вздохнула я. — Только помоги!

Он опять головой досадливо покачал.

— Ох и красива же ты, Марья, — пробормотал, косу мою отпуская. Отошел, отвернулся от меня и через плечо бросил:

— Кончилось у меня зелье, которое нужно тебе, а варить его месяц надо, и год еще настаивать. Нечем мне тебе помочь, Марья Прекрасная, и стряпня мне твоя без надобности.

— Неужели ничего сделать нельзя? — всхлипнула я. Смотрю, и брауни Эльда всхлипывает, лапой мохнатой слезы утирает.

— Отчего же, можно, — хмыкнул он, — если добыть золотой лист с древа эльфийского, который созревание любых зелий ускоряет. Да вот беда, отдаст король мне его, если я на тебе женюсь.

Я хоть и ума-то не быстрого, но догадалась.

— Это поэтому ты ко мне свататься прилетал? — спросила звеняще. — Чтобы какое-то там дерево получить?

— Дерево не какое-то, а уникальное, — недовольно ответил Мерлин. — Но даже ради него я женой тебя брать не хочу. Если и женюсь когда, то жена у меня будет тихая, скромная, под руку не лезущая, гордостью обделенная. А что до готовки твоей... обходился пищей простой и дальше обойдусь. Стряпуха у меня и так есть, а если на красоту захочу посмотреть, в окно выгляну.

— Но как же так можно! — крикнула я, а он рукой махнул.

— Прощай, Марья, — говорит. — И не вздумай через ход подземный идти обратно, засыплю я его! Есть у тебя амулет, чтобы коня подземного вызвать — улетай, чтобы я тебя и не видел больше! А то в лягушку превращу!

Тут в глазах моих потемнело, в ушах засвистело, и очутилась я за стеной замковой, за рвом, водой заполненным. Шагнула к воротам — а они зубьями клац! И закрылись. Я от злости ногами затопала.

— Ну погоди, Мерлин, внук Мерлина, — прокричала я через стену звонко, — ты еще сам у меня будешь прощения просить и остаться умолять! Разве можно так с будущей женой поступать?!

Лягушки в пруду захохотали, заливаясь. И в ответ мне грохнуло что-то, словно обвал где-то случился. Поняла я — сдержал свое слово колдун, засыпал подземный ход.

Я от злости порыдала, слезы поглотала, и побрела к лесу. Ничего у меня не осталось: ни котомки моей, ни откупа для нечисти. Только амулет в виде коня резного на груди, платье и лента в косе. А еще леденец сладкий в кармане — и все.

Села я на опушке леса, колени руками охватила, голову на них положила, и сижу, слезы роняю. Что делать дальше — не знаю. Домой ни с чем возвращаться или к Яге снова на поклон идти? А чем поможет она мне, раз сказала, что в замок самой мне нужно пробираться?

Так еще мало же пробраться, надо колдуна как-то на себе женить! Хотя это дело проще будет. Может, ученых слов я понять не могу, зато уж разобраться, запала ли я в сердце кому или нет, с полувзгляда способна. Не мудрена наука.

— Жена ему тихая нужна да послушная, — пробормотала я, носом шмыгая. — Мне, может, тоже муж нужен тихий и ласковый! И чтобы детей любил, как я люблю. А придется идти за рыжего, грубого, уче-но-о-го-о-о! Который еще и упи-ра-а-а-ется-а-а-а!

Тут я совсем разрыдалась и поревела от души. Несколько раз мне казалось, что смотрит на меня кто-то, а оборачивалась я — и не видела никого.

Там, на опушке, и заснула я. Так измаялась, что уже не боялась ни волков, ни нечисти, ни фейри, которые к себе в Холм уволочь могут.

Проснулась — замок среди лугов от солнышка восходящего сияет, вокруг трава в росе, а мне тепло. Посмотрела — лежу я, закутанная в плащ тяжелый на дорогой бархатной подбивке. Подскочила, головой завертела — нет никого. Только вокруг меня круг проведен, будто кто-то землю ровной линией вспахал. А за линией этой следов видимо-невидимо! И волчьи, и вроде как человечьи, но с пальцами крючковатыми, и кого-то, на двух копытах ко мне приходившего. Как я там не поседела, их увидев, — не знаю!

— Кто же ты такой, защитник неведомый? — спросила я громко. — Неужто у тебя, Мерлин, совесть проснулась?

Но никто не ответил мне.

— Кто бы ты ни был, спасибо тебе, — проговорила я. — Хоть кто-то меня не гонит, не насмешничает, а просто так помогает!

Встала я, косу переплела, лентой одной оставшейся повязала. В животе у меня забурчало, захотелось мне пить-есть. Я из озера воды попила и пошла в лес — может, хоть ягод найду каких, а потом уже буду думать, что дальше делать, как в замок попасть.

Нашла я место, где черники и малины видимо-невидимо росло. Грибов набрала навроде сыроежек наших и боровиков крепких. Их и так можно есть, сырыми, вот я и поела.

Ягода за ягодой, гриб за грибом, вышла я на странную поляну. Растут под дубом старым по кругу грибочки разные, а внутри круга этого трава и цветы примяты, будто плясал кто.

Я только на эту поляну зашла, нагнулась за крепкой сыроежкой, а гляжу, меж ветками дубовыми, под которыми грибы растут, паутины намотано видимо-невидимо. И в паутине этой человечек маленький бьется с крылышками сияющими — но никак ему не освободиться. Порхают вокруг такие же малявки, с мой мизинчик, паутину порвать пытаются, но только сами запутываются. И паук уже огромный к нему подбирается, блестящий, серый, словно каменный.

Я ветку взяла, паука далеко отбросила, человечка того выпустила. Закружили вокруг меня крошки с крылышками: сияющие, в одеждах из лепестков цветочных, на вид — точь-в-точь люди, девки и парни молодые, только размером с пальчик. Закружили, завертели!

— Вы кто такие? — спрашиваю.

— Мы — пикси, — пищат. — Спасибо тебе, что не побоялась братца нашего освободить! То не паук был, а троллиха старая, которая нашей силой питается!

Я побледнела, оглянулась — смотрю, троллиха горбатая на меня надвигается, сама серая, как камень, когти черные, ростом мне по грудь, лицо поросячье, только вместо пятачка нос картошкой, вся морщинами покрыта. На лицо мое посмотрела и вдруг сникла, побежала от меня в лес, ковыляя. Я так удивилась, что чуть за ней не побежала.

— Это что с ней? — спрашиваю у малышей.

— Под защитой ты, — кричат. — Знак тайный на лбу начерчен. Да не думай ты о ней, пойдем с нами плясать!

А я головой мотаю, назад отступая, в плащ кутаясь. Вспомнила я, как Алена сказки про фей лесных читала. Мол, могут они так заплясать, что перестанешь время ощущать и состаришься, а то и замертво падешь от усталости.

— Пойдем, — все тащат меня к полянке, — пойдем!

— Не умею я плясать, — говорю вежливо, — лучше я на вас посмотрю, феи лесные.

— Тогда откуп! — кричат. — Откуп давай, за то что на полянку нашу ступила!

— Так я же братца вашего спасла, — рассердилась я. — Куда вам откуп еще, малышня бессовестная?

Они захохотали.

— Мы и есть бессовестные, бесстыжие и неблагодарные, — пищат, чуть ли не по земле катаясь. — Тебе, девка глупая, надо было перед тем, как братца нашего освободить, три желания потребовать. А теперь откуп давай, а то затанцуем! И не вздумай плащом откупиться, не твой он, да и не возьмем, а то хозяин потом нас в бабочек превратит!

— А кто хозяин-то? — сощурила я глаза.

— Без оплаты не скажем! — кричат пикси вредными голосами. — Не скажем! И затанцуем сейчас! И на защитника не посмотрим, в своем мы праве! На нашу полянку ты зашла!

Ну ничем от нашей нечисти не отличаются! Разве что у нашей совести побольше.

Сунула я руку в карман, достала леденец сладкий на палочке.

— Вот, — говорю, — все, что есть у меня на откуп. Из самой Руси волшебной гостинец к вам приехал.

Схватили пикси леденец, драться стали за него. Разломали на мелкие кусочки, во рты пихают, делятся.

— Никогда, — говорят, — такого лакомства не ели. Ну, не будем тебя до смерти затанцовывать, девка! Порадовала ты нас! А кто хозяин плаща, не скажем, не скажем, мало

нам леденца! Прощай, ума набирайся, и из леса уходи скорее, а то не все такие добрые, как мы!

И порх от меня!

— Куда? — я им вслед закричала. — А мне помочь вы можете? В замок колдуна Мерлина попасть!

Они обернулись, кружат вокруг меня.

— А чем ты нам еще отплатишь? — смеются. — Сладости твоей нам недостаточно.

Я себя по карманам похлопала, ленту из косы вытянула.

— Ленту я вам подарю, малышня вы бесстыжая.

— Мало, мало, мало! — пищат. — Больше давай!

— Так что же вам дать, жадины? — спрашиваю.

Тут одна из малышек ко мне подлетела и как за волосы меня дернет!

— Волосы у тебя больно хороши. Длинные, шелковые, теплые. Отдай нам косу свою, девка! Мы из нее плащи на зиму будем ткать, чтобы и зимой из Холмов выходить, со снежинками танцевать, холода не боясь.

Я за косу схватилась, назад отступила.

— У нас на Руси, — говорю, — девка без косы — позор семьи. Только мужним косу режут. Лучше уж в подоле принести, чем без косы остаться!

— Ну тогда бывай, — и полетели пикси прочь.

Я вздохнула, косу в руках повертела...

— Пойдите, я согласна! — закричала им вслед. — Только помогите в замок пробраться! На кухню отнесите меня, к брауни Эльде! Целиком и живой, — добавила, — а то знаю я вас, шутников!

Вернулись они со смехом, как рой колокольчиков, обрезали мне косу по самый затылок. Стала голова без косы легкая-легкая. Ну, теперь обратного пути мне точно нет — только батюшку выручать. Батюшке-то все равно, есть коса у меня или нет.

Окружили меня пикси, завертелись вокруг, засияли — словно в столб сияющий окунули. Закрыла я глаза, а когда открыла — стою я уже на кухне Мерлина, а мохнатая Эльда спиной ко мне лук сердито рубит и ругается под нос.

Запищали пикси, полетели по кухне — кто яблоко тащит, кто сливу сладкую сушеную, кто ложку с медом, а Эльда за ними с веником побежала, с руганью. Похватали сладостей и только их и видели, один за другим в воздухе растворились.

— Вот поганцы, — Эльда хохочет, сгибаясь, веником обмахиваясь, — воришки мелкие, обманщики!

Повернулась, увидела меня и ахнула.

— Где же твоя коса, Марья?

— Пикси отдала, — и руки сами потянулись волосы погладить, пригладить растрепанные.

— Да зачем же все отдавать! Хватило бы и локона этим паршивцам! — ругнулась она. — В волосах столько силы скрыто, а ты им за пустяк подарила. Так зачем же ты вернулась, милая?

— Кому и пустяк, — вздохнула я, — а кому жизнь любимого батюшки. А вернулась, потому что надо мне хозяйина вашего задобрить. Пусть хоть гонит, хоть ругает, а не отстану, пока на мне не женится!

— Да, суров он, но и ты, гляжу, решительно настроена, — согласилась брауни, улыбаясь. — И хорошо. Давно пора ему жениться, куда мужику-то без жены? Мужик без жены дуреет, на звезды смотреть лезет, книги умные читать... Вот что, девка. Завтрак он уже съел, а обед еще

далеко. Отведу я тебя в помывочные, платье свежее дам, а потом и готовить можно. Если чего не хватит — воронам нашим скажи, они по всему свету достать нужное могут. Но всего довольно у нас в погребах, разве что совсем далекую редкость закажешь. Сготовишь, отнесешь ему обед сама. Улыбнешься, пирога преподнесешь, слов ласковых скажешь, может, и отгадет. Только не трогай у него в мастерских ничего, заклиная, а то осерчает, и обед вкусный не спасет! Нам он даже убирать там запрещает!

Ох и расстаралась я в это раз! Щей грибных наготовила, пирогов с рыбой жирною, красной, лучком и перцем сдобренной, с морковкой тушеной. А пшено рассыпчатое с белыми грибочками, рачьим мясом запечённым, маслом сливочным и репою? А сладость персиянская из теста тонкого, орехами и мёдом проложенного? Да после такого даже упырь неживой улыбнется и в пляс сорвется!

Зазвонил колокольчик к обеду, пошла я с подносом тяжелым к колдуну. Волосы короткие лентой повязаны, платье свежее надето, шагаю, а сама ни жива ни мертва. Прошла залу костяную пиршественную, гобеленами завешанную, с очагом громадным у стены, поднялась по лестнице витой в башню, мимо спальни хозяйской и мастерских колдуна, на самый верх, к комнате, где он зелья и заклинания свои испытывает и обедает, если от дел оторваться не может.

И то тут, то там встречались мне волшебные слуги. Ворон Доррин духа прозрачного распекал, за то что тот ночью цепями гремел, брауни молоденькие, поменьше, чем Эльда, залы всюю намывали, русалка длинноволосая на двух ногах с корзиной стираного белья во двор спешила, мелкий человечек какой-то в шляпе зеленой и с горшком золота в руках мимо пробежал — только буркнул «Еще одной жалованье платить, с золотцем расставаться, пусть и хозяйским». Слышались со двора удары молота по наковальне — видно, кузнец работал, — ржание лошадей из конюшен, мычание коров, квохтание куриц и ругань птичниц. Видела я и обычного человека, старенького садовника с пышными усами — он Эльде на кухню сито с горохом нес и морковку. Ну, хоть не одна я тут человеческого рода и уже душе приятнее.

Пока поднималась, запыхалась вся. Волосы из-под ленты выбились, в глаза лезут, и не поправить их никак. Встала я у двери круглой, по краям словно пламенем обугленной, постучала.

— Заходи, Эльда, — недовольно прозвучало изнутри.

Я кое-как спиной дверь толкнула, пятясь, с подносом вошла... и на что-то наткнулась, что-то смахнула на пол. Оглянулась через плечо, обмирая — за мной стол, а на полу две плоски лежат разбитые, и зелье разлитое вокруг дымком вьется, и пахнет черемухой и яблоком.

А за столом Мерлин стоит, вдыхая и выдыхая медленно. Ноздри раздуваются, глаза сверкают раздраженно. Я ойкнула, развернулась, еле поднос удержав, и к двери обратно пятиться стала.

— Куда же ты, Марья? — спросил колдун тоном нехорошим. Дверь за моей спиной клац — и закрылась.

— Да, думаю, позже найду, — пробормотала я суматошно, оглядывая комнату, чтобы знать, куда прятаться. А она огромная, круглая, с окнами высокими. Пахнет тут травой и едким чем-то. И очагов несколько — на одном как раз котел малый кипит, — и печь небольшая сложена. А беспорядок какой! Столов тут множество, заваленных бумагами, и полок по стенам с порошками и зельями, и банок разных, и плошек, и вещей разных невиданных, которых я и признать не смогла. Пол невымытый сто лет уже, наверное, пылищи всюду — хоть картошку сажай. А посреди всего безобразия на столе, на подставке круглой яйцо мелкое золотом сияет. Вот оно, Кашеем за спор отданное!

Пока я бардаку возмущалась и куда прятаться думала, колдун рукой движение сделал, и ключ в замке дверном провернулся с щелканьем.

— Нет, — покачал Мерлин головой, — позже ты не зайдешь. Потому что сейчас не выйдешь.

Я вздохнула, голову склонила. Злится-то как!

— Прости меня, — затараторила, — я ведь поклониться тебе пришла, поздороваться, аппетита пожелать отменного да накормить обедом вкусным. Не сердись, свет мой ясный, я тебе зельев этих наварю сколько захочешь!

А сама сделала еще несколько шагов назад и к двери спиной прижалась — уж очень злым

хозяин костяного замка выглядел.

— А рассказать, как ты обратно в замок попала, не хочешь? — проговорил колдун вкрадчиво, стол обходя.

— Не хочу, — честно призналась я, на него заворожено глядя и на всякий случай поднос удобнее перехватывая — чтобы врезать, если вдруг расшвыряет. — Если ты сейчас опять заупрямишься и меня из замка выкинешь, должно же у меня быть средство вернуться?

— Это средство тебя без волос оставило? — спросил он, руку протягивая и волосы мои хмуро трогая. — Зачем обрезала-то, Марья?

Мне волос до сих пор жалко было, а он еще и дров подбрасывает. Я губы надула, вздохнула расстроено.

— Вот и я думаю, зачем? Все ты виноват! С другой стороны, все равно мне в жены к тебе идти, так что раньше обрезать или позже, какая разница? Ты не вопросы задавай, сокол мой ясный, ты обедай давай. У меня уже руки отвалились поднос держать. Я вон тебе сколько всего наготовила.

— Ох Марья, Марья, — сказал он тяжело. Поднос забрал, на стол поставил, а сам ближе подошел и по щеке меня погладил. — Глупая ты девка. Сказал же, улетай домой, нет, ты в лесу, полном нечисти и зверей диких, остаться решила. Пришлось защиту ставить. Так тебе еще и поутру ума хватило сюда вернуться.

— Так это ты был! — обрадовалась я. — Вот видишь, добрый ты, Мерлин внук Мерлина. Глубоко внутри, конечно. Не зря я решила, что ты будешь хорошим мужем. А что глупая я, — говорю бодро, а самой обидно — жуть, — так ничего, у тебя-то ума на двоих хватит. Признавайся — хотел ведь, чтобы я вернулась?

Мерлин выдохнул, глазами раздраженно сверкнул.

— Или нет?.. — предположила я шепотом.

— Надоедливая, упрямая, — усмехнулся он, за горло пальцами меня обхватывая. А глаза теплыми стали, в душу мне смотрят, и сердце мое колотится, как заячье. — А красивая какая, зараза, смотрел бы и смотрел. Как бы тебя научить, чтобы больше ко мне не лезла, покой мой не нарушала? Не боишься совсем ничего?

— Тебя я не боюсь, — сказала я шепотом.

Он щеки моей губами коснулся и отступил.

— А зря, — и снова глаза его холодными стали. — Я тебе обещал, что в лягушку превращу, если ты вернешься?

— А как... кваааа! — завопила я, на пол падая. Забарахталась — ткань какая-то тяжелая меня с головой накрыла. Затем за ногу меня дернули, вверх подняли: увидела я, что лежит на полу платье мое огромное, амулет в виде коня и лента с волос, увидела лапки свои с перепонками и Мерлина, который меня вниз головой за лапку держал.

— Прощай, Марья, — сказал он, по брюшку меня почесал и зачем-то к окну понес.

— Чтоб у тебя бородавки по всему телу пошли, — проквела я обиженно и лапки на груди сложила. — Ну погоди! Я тебе в следующий суп перцу столько насыплю, что ты неделю с высунутым языком ходить будешь! Ну все, — задрыгалась я, — попугал и хватит!!! А ну, целуй меня обратно!

— Зачем? — заинтересовался колдун, у окна останавливаясь.

— Чтобы я снова девицей стала-а-а-а!

Этот злодей меня за лапку раскачал и из окна выбросил! Я уж думала все, разобьюсь, но меня словно рука невидимая подхватила и понесла за стену над садом чудесным, донжон окружающим, над кузней и конюшнями, над курятниками и оружейной... Плюхнуло вокруг, застрекотало что-то, я задергалась — и всплыла на поверхности рва, который замок окружал.

— А если меня цапля ка-ква-кая съест? — крикнула я в сторону стены. — Ты-то лягушек не ешь, а они да!

Поплавала кругами там, поплавала, ругаясь. Вспоминала женихов своих — были ведь среди них парни добрые, скромные, работающие, нет, мне колдуна подавай, да еще и с придурью!

Вечер уж наступил, солнышко к закату пошло. Лежу себе на воде, лапки за голову закинув, качаюсь, думаю думаю. Но не волнуюсь сильно — сейчас время ужина подойдет, колдун обо мне вспомнит и расколдует. Кто же после моей стряпни что-то другое есть захочет? Уж тогда я на нем и отыграюсь, только дай волю. Разве можно так с живыми людьми поступать?

Но скрылось солнце за горизонтом, а не вышел ко мне Мерлин. Вот упрямый какой! Сухарями давиться будет, а под венец — ни-ни.

Расстроилась я. К берегу подгробла, на кувшинку села, сижу и песню печальную напеваю. Проголодалась уже, да и скучно здесь. Лягушки остальные ко мне не приближаются, видимо, напугала я их ругательствами. Пою-то слова человеческие, а все равно слышу, что кваканье получается, и душевное такое, жалостливое, громкое! Пою и размышляю, что дальше делать.

Как теперь-то в замок возвращаться? Тут хоть девицей, хоть лягушкой, а замуж за Мерлина выходить надо. И что я, глупая, его в ответ поцеловать не додумалась? Алена мне шепотом говорила, что с Кашеем это лучше любых уговоров работает!

— Как прекрасно вы поете, леди, — прервал кто-то мои мысли, и я на аршина три вверх от неожиданности прыгнула. Обратно в воду плюхнулась, подняв рой брызг, выплыла на поверхность.

Смотрю — сидит на соседней с моей кувшинке лягух большой с грустными-грустными глазами и вздыхает.

— Не пугайтесь, леди, — проквакал он, на задние лапки привстал, переднюю к груди приложил и поклонился учтиво. — Очень я обрадовался, когда песню вашу услышал, сразу понял, что вы заколдованная дама. Никакая лягушка так не споеет. Меня зовут сэр Гавейн. Я такой же несчастный пленник Мерлина, как и вы. Заколдовал он меня три луны назад, и с тех пор я здесь.

Я от испуга уже отошла, слушая товарища по несчастью, и так жалко мне его стало! С именем не повезло, так еще и лягушкой сделали!

— А за что же Мерлин вас заколдовал, добрый сэр? — проквакала я.

— Да за пустяк, — он лапкой махнул расстроено. — Стихи я плету торжественные, на пирах читаю. Вот и про колдуна сочинил, прочитал — а он рукой махнул, и сказал, что буду я теперь за оскорбление у него рядом с замком полгода лягушкой жить. И король похмыкал, но согласился, что право имеет.

— А что за стихи-то? — поинтересовалась я жалостливо.

Сэр лягух на лапках задних приподнялся, переднюю вперед протянул и проквакал:

— Нет чести биться без меча, Кулачный бой — удел вилланов, Презренен бой и колдовством, В веках он не получит славы!

Закончил сэр Гавейн надрывно, и еще долго последняя рулада гуляла эхом над холмами и замком.

— Неужели за такие стихи обозлился? — удивилась я.

— Ну, — смущенно признался лягух, — я еще пошутил, что ему девок зачаровывать приходится, иначе бы ни одна его поцеловать не решилась, а предпочла бы лягушкою стать.

— За такое и у нас по морде можно схлопотать, — заметила я. — Обидно ведь. А повежливее как-то, поделикатнее шутить можно?

— Я — поэт! — квакнул лягух. — Я не могу фальшивить! Если кто за правду обижается, то я всегда готов на дуэли отстоять право писать и говорить, что душа велит! Но на дуэли, а не лягушкой в болоте! Теперь влачу я жалкое существование. Стихи мои только местным квакшам читаю, питаюсь мухами и комарами. Три месяца еще мне здесь пузыри пускать!

Как упомянул сэр Гавейн мух и комаров, так у меня в животе-то от голода и забурчало, и я облизнулась — показались мне они милее хлеба и меда. Испугалась я — дня тут не провела, а уже ожабиваюсь! Нет, нужно быстро в замок возвращаться! Но сначала поесть.

— Скажите мне, добрый сэр, — проговорила я мило и глаза опустила свои вытарашенные. — А нет ли тут чего-то кроме насекомых съедобного? Чего-нибудь не жужжащего?

— Я вас понимаю, леди, — квакнул он галантно, — сам дня три голодал, пока уже нестерпимо не стало, прежде чем начал мух ловить. Есть тут неподалеку у озера полянка с черникой, целый день она на солнышке. Поплыли туда, угощу вас ужином.

Ягод на поляне, куда мы выбрались, оказалось видимо-невидимо! И все крупные, солнцем прогретые, даже хмельные немного, подбродившие. Я их наелась, и так весело мне стало!

Поплыли мы обратно на берег рва к стене замка. Усадил меня сэр Гавейн на лист кувшинки, а сам давай стихи читать!

Я зеваю, глаза таращу и слушаю. В башне Мерлина свет горит, на костяной стене дозор ходит — духи светящиеся и люди-вороны темные. А мне сыто, хорошо, голова немного от хмельных ягод кружится. Вдруг гляжу — собралось вокруг лягушек видимо-невидимо, и все, замерев дыхание, поэта слушают, а как заканчивает он читать — по воде лапками бьют, вроде как хлопают так, и кричат «Преква-красно! Великва-колепно! Непоква-дражаемо!»

— Я их научил, — гордо мне сэр поэт сказал. — Культура каждой твари нужна!

Послушала я стихи, послушала. Подняла хмельную голову к башне — а там темно, окна не горят! Это значит, пока я тут мокну, квакаю, от культуры страдаю, Мерлин спокойно спать пошел?

И совесть его не мучает? Ну, погоди! Раз она не мучает, я помучаю!

И, улучив паузу в стихах, квакнула громко, чуть запинаясь — раньше-то я вина никогда не пила, а ягоды как вино подействовали:

— Сэр Гавейн, может, вы отдохнете? А то нам столько культуры не вынести за раз. А мы с друзьями нашими, — и я обвела лапкой тысячи зеленых поклонников поэта, — песни поем. Я, — добавила лстиво для лягух, — когда сюда шла, слышала, так красиво вы пели, душевно, а громко-то как! А еще громче сможете? И дольше? На всю ночь, например?

— Ну, можно, — неуверенно сказал сэр Гавейн. Но лягушки уже заволновались, заквакали.

— Да, мы можем!

— Ква-красиво поем!

— Громкоква!

— Давай песню, за-пе-квай!

И раздалось над рвом оглушительное верещание тысяч лягух. Гляжу, и сэр Гавейн голову задрал, заорал, да и я руладу многоголосую подхватила. Когда еще с жабами попою?

Засуетились за стеной, забегали по стене, факелами освещая. Камни в нас начали швырять, духи с завыванием сверху носиться, ругаться кто-то стал из воронов.

— Не сдавайтесь, братья и сестры мои! — патетически проквакал поэт. — Не запугать нас им! Все на тот берег!

Забулькало во рву, вскипела вода от тысяч пупырчатых, выбрались мы на другой берег и громче прежнего песню завели — так громко, что аж трава по холмам полегла. Я то пою, то хохочу — со стены на нас ругаются, духи воют, а нам хоть бы хны! Вот тебе, Мерлин, попробуй-то под хор наш перепончатый заснуть!

Вдруг светло стало на стене. Появился на ней колдун, себе дорогу посохом освещая. Волосы рыжие распущены, лохматый, сонный, в одних подштанниках полотняных. Я аж залюбовалась, но петь не забыла.

— Марья! — крикнул со стены со смехом. — Выходи, поговорим! А ну всем молчать! — и посохом полыхнул.

Лягушки попритихли, духи на место вернулись, замолчав.

— Не буду я с тобой говорить, — в ответ я проквакала гордо. — Ты все угрозами, а со мной лаской нужно. Иди спи в постель теплую, сухую, после ужина сытного... а мы тут еще поем!

Лягухи захохотали, ногами задргали.

— Обиделась, что ли? — Мерлин с усмешкой говорит. — Это хорошо, что обиделась. Ничего бы с тобой не случилось. Я тебя завтра, обиженную, расколдовать хотел и домой отправить, но могу и сейчас изо рта достать, если пообещаешь больше не возвращаться.

— А зачем меня изо рта доставать? — я ему отвечаю. — У меня тут друзья новые, культурные, хоть и не рыжие, а зеленые. Сэр Гавейн опять-таки, не в пример тебе, обходительный, стихи читает красивые, прекрасной дамой называет... мух жирных обещал ловить.

— Сэр Гавейн, значит, — сощурился рыжий. — За него замуж пойдешь?

— Э-э-э, — тревожно простонал сэр Гавейн.

— Пойду-то я за тебя, — рассудительно ответила я колдуну. — Куда ты от меня денешься? Но прежде душу вымотаю и извиняться заставлю. И ревновать, конечно же!

— Какая женщина! — воодушевился поэт. — Я, конечно, не предлагал, но если для дела нужно и от брака с злодеем этим вас спасти, я с радостью!

— Сейчас еще на год срок продлю, — сверкнул в его сторону глазами Мерлин, и тот в ужасе лапками рот зажал и за кочку спрятался. А колдун уже на меня смотрит, и то хмурится, то улыбается.

— Иди сюда, зеленая, — говорит мне с угрозой. — Пока ты еще что-нибудь не натворила.

— Чтобы ты меня выгнал снова? — спрашиваю, лапки на груди переплетя. — Или в червяка какого-нибудь превратил? Тогда мне и лягушкой неплохо!

Он волосы свои рыжие устало потер.

— Да что же ты хочешь от меня? — спрашивает.

— Женись на мне, — квакаю ему. — Получишь древо эльфийское, зелье сварить — и уеду я к батюшке, не буду тебе мешать!

— Да как ты не понимаешь, — говорит, — что обманом его не получить. Если схитрим, просто не дастся мне ветка. Нужно будет мне тебе настоящим мужем стать, долг супружеский исполнить.

— Так ты долга супружеского боишься? — догадалась я сочувственно, а сама при мысли, что постель с ним брачную делить придется, чуть от смущения под воду не нырнула. — Ну, потерпишь, зубы стиснешь и исполнишь, не переломишься, свет мой ясный. Все могут, и ты сможешь. На крайний случай зелье себе какое сварить. Супружескодолговое. Если без него не осилишь.

Лягушки опять хохочут, слышу, и на стене вороны от смеха хекают, призраки мерцают, ровно луна за облаками.

— Ох, Марья, Марья, — покачал Мерлин головой с усмешкой. — Не дразни. А то покажу, что я осилить могу и как.

Я уже и сама язык прикусила, а то от взгляда его на моей лягушачьей коже в десять раз больше пупырышек стало. Точнее, прикусила бы, если б было чем.

Колдун смотрел-смотрел на меня, морщился-морщился... а я молчу и глаз не отвожу. А чего морщиться, сам в лягушку обратил. Мог бы на красу мою любоваться сейчас!

— Ладно, — сказал Мерлин со вздохом, — больше я песен таких не выдержу. Пойдешь пока ко мне поварихой, Эльде помогать будешь. Только не лезь туда, куда не просят, Марья! И не трогай ничего без спроса, Бога ради! А я съезжу к твоему дому, на отца твоего посмотреть и каплю крови его взять. Попробую сварить другое зелье на основе крови его, чтобы расколдовать.

— А если не выйдет? — спрашиваю настороженно. — Батюшке-то жить осталось без малого шесть седмиц!

— А не выйдет за пять недель новое зелье сделать, то на шестой женюсь, — пообещал он кисло. — Станешь мне женой, отнесу тебя к королю. Отдаст Артур мне ветку, я в зелье старое, уже сваренное, лист добавлю, оно созреет мгновенно, и с ним тебя домой и отпущу.

— Так почему сейчас-то это не сделать? — возмутилась я квакающе. — Отчего противишься ты так? Чем я тебе нехороша? Разве я плохой женой буду? Да я тише травы могу сидеть в замке твоём, если уж тебе тишина так нужна. Только деток мне сделай, отвлечешься от учености твоей раз пять... или десять на долг супружеский, а там уж воспитаю как-нибудь без отца... одна-одинешенька...

И так мне жалко наших будущих детей стало, что голос сорвался и срочно порыдать захотелось. Но я сдержалась.

А Мерлин меня так посмотрел тяжело и говорит:

— Всем ты хороша, Марья, но я ведь тоже человек, и хочу, чтобы жена моя за меня по любви шла, а не по долгу или ради батюшки.

Тут и нечего мне сказать в ответ оказалось. И стыдно мне стало — жуть. О себе-то и батюшке пекусь, сама хочу мужа, чтобы мы с ним как Алена с Кашеем друг друга любили, а о Мерлине не подумала, и чего он хочет, не соизволила узнать.

Протянул рыжий мне руку, я ров переплыла, прыгнула ввысь — и силой волшебной меня подхватило, на ладонь к нему перенесло.

— Нашлась же на мою голову, — проворчал он, к груди меня прижимая. И прочь со стены пошел.

— Прощайте, прекрасная дама! — донеслось изо рва печальное.

— Постой! — я из руки колдуна громко квакаю. — Сэра Гавейна-то расколдуй! Хватит ему там бедовать, нелегкая среди лягух жизнь совсем.

Мерлин хмыкнул, рукой назад махнул и дальше пошел. А за стеной плеск раздался и крик:

— Спасибо, прекрасная леди! Век доброты вашей не забуду!

Я попыталась на плечо Мерлину прыгнуть: любопытно же посмотреть, каков сэра Гавейн в человеческом облике. А колдун меня рукой еще сильнее к груди прижал и буркнул:

— Куда? Не на что там смотреть! Спокойно сиди. — И к воронам своим обратился, которые на стене все это время стояли и наши препирательства слушали. — Штаны ему принесите. Накормите и дайте переночевать. А утром чтобы духу его тут не было!

Принес Мерлин меня в свою башню — платье мое там на столе аккуратно сложено, амулет и лента рядом. На стол ссадил, слово волшебное прошептал — и отвернулся почти сразу, когда я человеком стала. Но взглядом таким окинуть успел, что я согрелась мгновенно.

Я со стола спрыгнула быстрее, чем когда лягушкой была! Поспешно платье натянула, лентой волосы перевязала. Руку понюхала свою — будто тиной от нее пахнет. А Мерлин стоит спиной и молчит.

— Ну что? — говорю бодро. — Точно сейчас прямо жениться на мне не хочешь? Я тебя, наверное, даже смогу полюбить, хоть и не сахарный характер у тебя, колдун. И уезжать тогда мне не придется. Вон моя Алена Кашея полюбила, а чем ты хуже?

Мерлин вздохнул тяжело и ко мне повернулся.

— Марья, — сказал он тихо, но так, что морозом по спине посыпало. — Иди к Эльде. А то не выдержу и точно в дерево превращу. Чтобы глупости болтать не могла.

И я не пошла — побежала, спиной взгляд его чувствуя. Вот каким убедительным может быть!

Так как людей в замке мало было, а слугам волшебным постели без надобности, поселила

меня Эльда отдельно, в комнатке рядом с кухней — большой, с кроватью почти царской, с лоханью тут же для мытья такой огромной, что туда и конь колдуна мог бы легко поместиться.

— Это, — объяснила мне брауни, — для гостей, на пирах упившихся. Чтобы на верхние этажи не тащить, прямо рядом с пиршественным залом их размещали. Иногда вповалку, семь рыцарей на одной кровати. А поутру в воду студеную в лохани окунутся и хоть вместо мычания речи вести смогут. Только давно тут пиров не было, — загрустила она. — Последний раз король Яр-Тур со двором приезжал семь лет назад. Но королю тут скучно, охотиться нельзя, сиди себе рыбу лови и цветочки нюхай. Да до этого еще хозяин с Кашеем из университета прилетал, вот тогда отец хозяина пир устроил в честь друзей!

— А где же сейчас отец Мерлина и матушка? — спросила я тихонько.

Брауни рукой горестно махнула.

— Погибли они, когда дед со злодейкой Морриган боролся, короля Яр-Тура защищая. Король тогда совсем безусым был, в замке нашем сил набирался и бою обучался. Тут-то они с хозяином младшим и побратались. И короля сберег Мерлин-старший, и внука, а сына с невесткой, видишь, нет. Ну, твои это теперь покои, Марья. Платья свежего тебе хозяин велел из сундуков матушки его набрать, принесу сейчас.

И она, утерев слезы, растворилась в воздухе, оставив меня обживаться.

И стала я на кухне кашеварить, стараться, чтобы Мерлину угодить. Когда настроение хорошее, и колдовство ведь лучше получаться должно, так? А мне очень уж надо было, чтобы у него все получилось.

Не обманул он, на следующий же день, после того как в лягуху меня обратил, полетел к батюшке моему. Я как раз поутру с садовником стареньким общалась, узнавала, какие нужные травы и овощи с фруктами в саду растут, когда услышала шум крыльев. Голову задрала — а с башни всадник на коне облачном вверх сорвался и в небесах скрылся.

Уж я его ждала, ждала! Обед ему приготовила самый вкусный — помимо похлебки грибной и пирожков с яблоками пол-утра лепила вареники с красной рыбой жирненькой, с лучком жареным и картошечкой: такой запах от них сытный по замку пошел, что и Эльда не выдержала, с десяток умяла, нахваливая; вороны один за другим ко мне заходили и угощения просили, и даже лепрекон два вареника украл, в рот сунул и пробурчал, давась:

— Ничего лучше золота быть не может, но пирожки эти вареные где-то очень близко!

Схватил блюдо с дымящимися варениками, в шляпу свою высыпал и был таков! Пришлось еще лепить.

Руки-то делают, а в голове мысли невеселые крутятся. А ну как не сможет Мерлин батюшке помочь? И вдруг, если зелье без листа эльфийского сварить не выйдет, отступится он от слова своего, как бы я сейчас ни старалась, откажется на мне жениться?

— Надо как-то ему настолько нужной стать, чтобы не отказался! — сказала я себе наставительно. Я часто с собой разговаривала вслух, так думалось легче. — Но, — и сама себе пальцем погрозила, — никуда не лезь, Марья, ничего хозяйского не выбрасывай. А то Бабе-Яге уже помогла!

Чтобы работа споро пошла и страхи отступили, стала я песню напевать задорную, как дома привыкла. Пою, а пташечки за окном мне подпевают, слова повторяют. Тю-у, тю-у, тю-ю-ю-у! Смешно так выходит, сил нет! Я то смеюсь, то дальше песню пою, вареники спешно доделывая. Иначе прилетит хозяин замка, а я в первый же день его голодным оставлю.

«Ну, — тут я посмотрела на горшочки с похлебкой и блюдо с пирожками, — почти голодным».

Птички за окном кричат:

— Еще пой давай, еще!

В кухню влетели, я на них тряпкой махнула сердито:

— Смотрите, чтоб нигде тут не нагадили, ничего не стащили, а то выгоню!

А они под потолком носятся и просят:

— Еще песенку, хозяйка строгая, очень уж нам понравилось с тобой петь!

Я руки в муку окунула, чтобы вареники обваливать сподручнее, и запела простенькую, девичью, звонкую. Пташки мне подпевали-подпевали, да вдруг как стайкой к окну метнулись и прочь вылетели.

— Давно тут в замке никто не пел, — услышала я голос колдуна насмешливый. — У меня даже в ушах зазвенело.

— Я больше не буду! — обернулась поспешно и локтем вмазалась в миску с мукой: подлетела вверх миска, поднялось белое облачко, и зачихала я, вся с ног до головы усыпанная.

Рыжий ближе подошел, по носу мне провел пальцем — а он в муке.

— И кто, — проворчал, щурясь, — тебя искусницей назвал? Тебя надо несчастьем называть.

— Это ты еще мои вареники не попробовал, иначе бы рот не открылся такую крамолу сказать, — шлепнула я его по руке. — И не попробуешь, если еще что по поводу моей неумелости скажешь!

Мерлин выразительно белый пол и белую меня осмотрел, но промолчал мудро. Вот, и перевоспитанию поддается ведь! А я вздохнула, безобразие вокруг оглядев.

— Никогда криворукой не была. А вот как ты рядом, неуклюжей становлюсь, как котенок недельный. Околдовываешь ты меня, что ли?

Мерлин как-то странно на меня посмотрел, за руку к себе потянул, и тут Эльда в кухню заглянула. Охнула, меня, мукой обсыпанную, увидев, за сердце схватилась.

— Хозяин, — голос укоризненный и со слезой, — ты за что же Марью призраком обратил? Неужто так рассердила тебя? Она, конечно, иногда бестолковая, но руки-то золотые были! А пела как? А красавица какая была?

— Вот, — подтвердила я горделиво, — слушай, что тебе слуги верные говорят. Ну, кроме того места, где бестолочью обзывают. Это какая-то брауни языкатая тоже моих вареников больше не получит!

Эльда в меня вгляделась, руки наши сплетенные увидела и в сердцах на пол плюнула.

— Напугали, — говорит, улыбаясь умильно. — Ну, любите, любите, дело хорошее.

И снова исчезла.

Я от колдуна отступила, вареники доделанные в горшок с кипящей водой побросала, тряпку взяла и давай все намывать. А он стоит, смотрит на меня задумчиво и молчит, и я сама первая заговорить боюсь, хотя нужно про батюшку спросить. Духу набралась, голову подняла — и поняла, почему молчит. Он уже пол миски готовых вареников умял, пока я тут страдала!

— Вкусно? — спрашиваю с прищуром намекающим.

— Ум-м-м, — промычал колдун и аж глаза закрыл от удовольствия. И за следующим потянулся. А я его тряпкой с мукой по рукам — хрясь!

— А кто тут в искусности моей сомневался? Отдам-ка я их воронам, стражникам твоим. Они хоть слово «спасибо» знают, даром что птицы обращенные.

— Ты уже и воронов моих очаровала, — проворчал Мерлин, глаза сузив.

— Это потому что ворон — птица умная и невесту хорошую издалека видит, — сказала я поучительно. — Никто тут меня в жены брать не хочет, так может, мне гнезда начать учиться вить? А что? Сидишь себе на яйцах, каркаешь, муж червяков носит, монеты золотые и блестяшки всякие для тебя ворует.

— Ох, Марья, Марья, — привычно колдун головой покачал, по носу меня щелкнул, шагнул назад и к делу наконец-то перешел. — Слетал я к отцу твоему. Тяжелое на нем проклятье, смертью ведьминской закрепленное. Взял у него крови, — и Мерлин достал из сумки, к поясу прикрепленной, кубик ледяной, а в кубике том шарик кровяной заморожен. — Посмотрим,

хватит ли у меня мастерства эту задачу решить.

— Ты уж постарайся, Мерлин внук Мерлина, — попросила я жалобно.

— Да уж ради своего покоя постараюсь, — хмыкнул он, подхватил еще вареник и был таков.

Дни шли за днями, недели за неделями. Я исправно разносолы готовила, замковый люд радовала, Мерлину в башню его захламленную носила — и ведь иногда даже головы не поднимет, не улыбнется: склонится над столом своим, мешает что-то и не видит больше ничего.

Я поднос с едой на стол ближайший поставлю, за Мерлином понаблюдаю — уж очень он увлечен во время работы, бормочет что-то, бранится, — на яйцо жар-птицы полюбуюсь и выхожу. А там дверью посильнее хлопая, чтобы отвлекся и поел хоть, и бегом вниз по лестнице — уж очень ругается он вслед.

— Марья, — сказал один раз сурово, от зелий своих оторвавшись как раз когда я из мастерской его сбежать собиралась. — Ты же должна ступать медленно, величаво, как у вас на Руси принято.

— Я могу, — подтвердила я и, чтобы не сомневался, глаза опустила, голову, наоборот, гордо подняла, и павою прошла от стены до стены, на колдуна искоса поглядывая, улыбкой нежной одаривая.

— Вижу, — сказал он хрипло, меня взглядом затуманенным провожая. — Так о чем это я? Кхм. Да. Да. Вижу. Тогда почему от тебя столько шума? Тебе отвлекать меня не совестно?

— Совестно, — пробурчала я, у двери замерев. — Но и на щеки смотреть твои впавшие, свет мой ясный, сил никаких нет. У меня все из рук валится, если вокруг кто-то недокормленный остался. Так что лучше ты на меня рассердишься, но достаточно сил будешь иметь, чтобы зелье приготовить. А то упадешь от голода, и что тогда? Мужчина должен быть широкий и лоснящийся, чтобы конь под ним кряхтел, а не доходягой каким-то!

Мерлин раз, два моргнул, поволока из глаз его пропала — и сощурился он.

— Да уж, — ответил едко, — вижу, что не будет мне покоя, пока зелье не доделаю. Иди уж, кормилица моя. А хлопнешь еще дверью — она тебе в следующий раз что-нибудь прищепит, — снова меня оглядел и добавил: — Что-нибудь красивое.

Времени свободного у меня оказалось много. Я и с брауни мелкими уже замок потихоньку мыть начала, и кладовые перебирать, и платье себе перешивать — а мало мне работы все равно, к большому я привыкла. Задумала я в свободное время Мерлину подарок сделать — ковер еще один соткать с жар-птицей, на ветку слетевшую за яблоком. Чтобы всю жизнь вспоминал меня, когда я уеду! Попросила у Эльды ниток да раму ткацкую, и пока светло было меж завтраком и обедом, знай себе привычно челнок гоняла, узор набирая.

А когда глаза болеть начинали, выходила я на озеро с слугами-воронами рыбку половить или в лес грибов-ягод набрать. Но чаще в саду чудесном гуляла, который вокруг донжона разбит был.

Сад этот рос в несколько колец, дорожками разделенных, и чего только тут не было! И травы заморские, и апельсины испанские, и персики персидские! И деревья с листьями пышными, кои садовник пальмами называл, и лоза, которая первые этажи башни увивала. А цветов! Видимо-невидимо! Но больше всего мне нравилось за волшебными растениями наблюдать. Видела я и папоротник наш русский, который каждую ночь призрачным цветком расцветал, и черный шиповник с цветками огненными, и дерево поющее с корнями живыми, как руками к себе компост подгребающими, и мандрагору, что сама из земли выкапывалась и на солнечную сторону закапывалась. Волшебные деревья и травы по всему саду росли, но ближе к башне кольцо только из них и состояло.

Старенький садовник вотчину свою очень любил, и про траву каждую мне целый день готов был рассказывать. Да и сама я отсюда часто брала листья и травы для готовки.

Кого не встречала я в замке и вне его — человека или существо волшебное, — всяк меня привечал, всяк здоровался. Вот что вареники с картошкой делают! Лучше всякого приворота

работают!

Видела я за эти дни много зверей — все они приходили к колдуну, и всем он помогал, никому не отказывал. Как-то стояла я у окна кухни, лук чистила, а прямо через ворота олень с оленихой пришли. Олень-то, красавец, свободно шествовал, а олениха, видно, что брюхатая, на одну ногу припадала, еле ковыляя. Остановились они в саду чудесном, вышел к ним Мерлин, и давай олениху на полянке напротив окна кухонного осматривать.

И гладил ее, и уговаривал ласково. Руки на башку пятнистую положил, прошептал что-то — легла олениха послушно на бок, глаза закрыла. Олень рядом тревожно переступал копытами.

— Помогаю я ей, помогаю, король лесов, — успокаивающе рассказывал ему колдун, — не причину вреда и больно не будет. Правильно сделал, что ко мне ее привел. Говоришь, волки напали, отбиться смог? Придется в лес мне сходить. Уговор у нас был, что не трогают они оленят и олених, которые потомство ждут. А нарушили — будут наказаны.

Олень рога ветвистые склонил и слушал внимательно. А Мерлин, пока говорил, и раны на ноге и боку зельем каким-то протер, и зашил иглой острой — олениха даже не дернулась.

И так отточены были его движения, так он ворковал со зверями лесными, что я стояла и млела, и улыбалась. Волосы рыжие солнышко высветило, глаза строгие, внимательные, губы, когда шил по живому, поджал... тепло мне было за ним наблюдать.

А когда закончил он, оленихе что-то прошептал — и проснулась она, поднялась.

— Еще несколько дней хромать будешь, — сказал он ей. — А затем пройдет все.

Ушли звери. Мерлин инструмент и горшочки с зельями свои собрал и меня увидел. Я за окном и спряталась. А сама стою и улыбаюсь — и чего засмущалась?

Как-то улетел колдун с утра, а на улице дождик зарядил — ни погулять, ни в саду поработать. Я обед приготовила, над ковром потрудились, пока глаза слезиться не стали, а времени еще до обеда много и Мерлин в замок не возвращался. Тело затекло, просит размяться тяжелым трудом. А то я тут пышнее теста стану с этим бездельем.

Вышла я из комнатки своей в залу пиршественную, направо хозяйственный взгляд кинула, налево. Все чисто — брауни каждый день стараются, намывают.

Пошла я к Эльде приставать, работу себе требовать. А она с садовником сидит: корешки какие-то на посадку перебирают и болтают, ровно наши старушки на завалинке.

— Если так руки чешутся, — отмахнулась она от меня, — иди лестницу башенную вымой. Брауни мои после обеда ее мыть собирались, так что можешь у них тряпки и бадью забрать и сама поработать.

Обрадовалась я. Закатала рукава, скинула обувку, тряпку выкрутила и давай ступеньку за ступенькой вверх намывать! Ух, хорошо, наклоняешься, разгибаешься, разогреваешься, пот со лба утираешь, песни поешь!

Так бойко мне эта лестница далась, что не заметила, как у круглой двери в верхнюю мастерскую Мерлина оказалась. Выше только на площадку башенную уже подниматься, туда, где колдун коня своего облачного призывает и откуда улетает-прилетает.

А дверь-то запылена ужас как, обуглена, и ручка не блестит!

Я и дверь намыла. Подумала-подумала, воровато внутрь заглянула, снова беспорядку поплевавшись, и быстренько дверь изнутри протерла. Пыли там было чуть ли не с палец! Колдун все равно не заметит, а мне на душе спокойнее.

Отошла я от двери, смотрю, следы мои по полу грязному мокрые — увидит ведь, что я тут была! Я их затерла, а лучше не стало: около двери полоса чистая, а остальное все грязное. Тут и слепой разницу заметит.

— И зачем я только к двери этой подошла? — пробормотала я тоскливо, мастерскую колдуна оглядывая с предчувствием нехорошим. Полы грязные так и манят искучительно: «Вымой нас,

Марья, вымой!» А внутри словно кто-то мне шепчет «Ты уже у Бабы-Яги наубирала, иди отсюда, пока не поздно! А то точно сейчас вернется и в червяка превратит!»

— Да я аккуратненько, — пообещала я неуверенно и стала у колдуна в мастерской полы мыть. В окна поглядываю, чтобы, если Мерлин прилетит, убежать поскорее, и заодно то, что в прошлые разы в башне не рассмотрела, рассматриваю. Ничего не трогаю, ни к чему не прикасаюсь, только тряпкой орудую и что на полу валяется у столов — на столы поднимаю.

А там! Зелья булькают, какие на жаровнях, какие на кусках льда огромных, какие в горшках больших над паром. Кольца мерцающие лежат: от одного холодом тянет, на втором глаз зеленый за мной следит, третье в воздухе парит. Камни какие-то, корешки, порошки, цветочки и много чего еще, чего я доселе не видела и опознать не смогла. Зеркало на стене висит большое, в раме черной. А посреди мастерской яйцо жар-птицыно на подставке янтарем солнечным, золотом сияет и виден внутри птенец маленький, корявенький.

Как все вымыла, побыстрее к двери пошла, радуясь, что успела. Сейчас подсохнет пол, и Мерлин в рассеянности своей и не заметит, что он чище стал.

Кинула тряпку в бадью, и только собралась дверь открыть, как зашипело на одном из столов. Я осторожно к горшку выкипающему подошла и не знаю, что делать: оставить как есть — зелье выкипит, жаровню затушит, снять — как бы хозяин меня за самоуправство домой не отправил. А зелье кипит-выкипает, цвет меняет — из зеленого синим стало, затем светлой лазурью окрасилось, а после и вовсе в бесцветное превратилось.

Решилась я чуть зелья вычерпать — так я делала, если бульон у меня на кухне через края горшка переливался. Взяла кувшинчик какой-то, ложку большую глиняную, над горшком склонилась, на зелье дую и в кувшинчик его переливаю. Перестало оно выкипать. Я заулыбалась, мысленно себя похвалила... и по привычке как на кухне своей ложку в рот сунула, попробовать.

Меня как льдом с ног до головы прострелило! Ойкнула я, ложку отбросила — снадобье, даром, что кипящее, ледяным оказалось. Язык онемел у меня, но быстро прошел.

И тут слышу — сверху стук копыт. Мерлин вернулся!

Я бегом к двери мытой метнулась, за ручку взялась — и чуть не закричала. Потому что ручку вижу, дверь вижу, а ладони своей не вижу!

Я обратно побежала, к зеркалу. Нет меня в зеркале! Столы стоят, зелья кипят, яйцо жар-птицы светит янтарем, а я вместе с одеждой прозрачной стала!

Тут я за голову схватилась! Ну что же так выходит, что я только хуже делаю! Сейчас еще Мерлин придет, точно выгонит ведь! Он уже бадью и тряпки наверняка снаружи увидел.

Дверь заскрипела, и зашел в мастерскую колдун рыжий. Да на пороге и замер. А хорош-то как: глазами сверкает, в руках повод конский держит, сам в одежде дорожной кожаной.

Я рот себе зажала, чтобы не ойкнуть, и на пол чистый опустилась, меж столами поползла. Может, зелье это отпустит скоро, так я лучше спрячусь где-нибудь, чтобы Мерлину не попасться. А не отпустит — пойду к нему с повинной.

— Так-так, — ползу и голос мрачный слышу. — Это кто же у меня тут похозяйничал? Кто запрет мой нарушил?

Я голову еще в плечи втянула, хотя видеть меня он не может. Стыдно мне — не передать! Но не так стыдно, как страшно и смешно. Как дитя нашкодившее прячусь, а не девка заневестившаяся!

Мерлин вперед прошел, к яйцу жар-птицы, и я от него по кругу поползла. Дверь он открытой оставил, сейчас бы выбраться, и больше никогда, никогда тут ни пылинки не трону!

— Брауни, что ли, мои самоуправством занялись? — говорит задумчиво, по кувшинчику с выкипевшим зельем постучав. — Придется их наказать, из замка выгнать...

Тут я и остановилась, на колени поднялась, сурово на колдуна глядя. Вот же тиран, без суда верных слуг наказывать! А он мимо меня смотрит, боком стоит, — и вдруг взгляд прямо на меня перевел.

— Или, — усмехнулся, — сама признаешься?

Я ойкнула, с места сорвалась и к двери бросилась, забыв про невидимость свою. А дверь перед моим носом снова клац — и закрылась. Я развернулась, а колдун уже за спиной моей стоит, и лицо ничего хорошего не обещает. Ну, думаю, надо как-то спасти ситуацию.

— И с кем это ты тут разговариваешь, сокол ясный? — поинтересовалась я, запыхавшись. — Нет тут никого, не видишь, что ли?

— С девкой одной бедовой, — колдун ответил, как-то странно ко мне то одной стороной лица поворачиваясь, то другой. — Которую одним глазом отчего-то вижу, а вторым нет. Не знаешь, почему?

— Знаю, — пробормотала я печально. — От доброты и заботливости своей пострадала, как всегда.

— А я-то думал, от любопытства неумемного, — он усмехнулся. За руку меня взял, запястье губами потрогал.

— Ты что это делаешь? — подозрительно поинтересовалась я. А сама руку не отнимаю. Мягкие у него губы, нежные.

— Раз ты добровольно зелье на себе испытать решила, надо же посмотреть, как оно на кровоток твой повлияло, на самочувствие. Голова не кружится? — И он в глаза мне заглянул, к вискам пальцы приложил.

— Нет, — отмахнулась я. Подождала терпеливо, пока он меня щупал, чуть ли не в зубы заглядывал, бормоча себе под нос что-то. Терпела, терпела, да не утерпела: — А расколдовывать ты меня будешь, свет мой ясный?

— А зачем? — поднял он брови. — Я тебе говорил, не лезть никуда и не трогать ничего?

— Говорил, — признала я и вздохнула. Душераздирающе вышло.

— Вот и походишь пособием наглядным. Должен же я видеть, как невидимость сходит — целиком, или органами отдельными, селезенкой там или печенью, или как пятнами линиями...

Я как представила себя линиялой, или того хуже, из одной селезенки состоящей, так и пошатнулась, колдуна за руку схватив. И понимаю, что воспитывает он меня так, а все равно страшно.

— Или, может, — говорит, забавляясь, — сначала платье станет видимым, а ты потом? Или наоборот?

Нет, думаю, тут просто так не отделаюсь. Всклипнула, чтобы слезы красиво потекли, ресницами затрепетала, губами задрожала.

Он усмехнулся, брови поднял.

Ну погоди, думаю, бессердечный!

— Не погуби! — простонала рыдательно и ладонь его, которую держала, к груди своей двумя руками прижала. Мерлин так и замер, глаза опустив. — Я тебе отслужу!

— Ну нет уж, — проворчал колдун, отмерев, и поспешно назад шагнул, из пальцев цепких моих высвободившись, — двойного усердия ни я, ни замок мой не вынесут. Хватит и однократного, за зелье против проклятия. Что делать-то с тобой, Марья?

— Расколдовывай меня уже, — попросила я жалобно. — Все я осознала и поняла. Хотя, — тут я ногой топнула, сердясь на бесчувственного рыжего, — нечего грязь вокруг себя разводить! Тут какая хозяйка выдержит, за тряпку не схватится? Грязь в доме почище свербит, чем в носу перед чиханием! Хочешь не хочешь, а чихнешь, то есть уберешь!

— А ты здесь хозяйка? — спросил он, глазами сверкнув.

— А кто еще? — огрызнулась я. — Ты еще тут кого-то видишь?

— Ох, Марья, Марья, — сердито покачал он головой. — Я и тебя-то вижу с трудом. Ты понимаешь, глупая, что могла зелье выпить, от которого замертво бы упала? Хорошо хоть, яйцо жар-птицы не трогала, иначе и сгореть можно. Хотя, — он зло и тоскливо рукой

махнул, — надо уже спрятать его надежно, чтобы не навредило никому. Все равно бьюсь над ним, бьюсь, а птенец не выводится.

Я рот открыла, чтобы вопрос задать — и закрыла. Ну его, злить. Лучше подарок сделаю, может, и сердиться перестанет. Только глаза опустила, дабы не догадался, что задумала что-то.

И колдун усмехнулся, по щеке меня погладил.

— Прощу на этот раз, — сказал он, и я свои руки увидела. — Но, Марья, — добавил он тихо, склонившись к уху моему, и у меня опять по коже морозом посыпало, — клянусь, еще куда залезешь или что-то в мастерской тронешь — оставлю заколдованной на год, не меньше. Понятно?

Я вспомнила, как он выполнил обещание превратить меня в лягуху, и поспешно закивала, глаз не поднимая. Пусть сердится, пусть. Как уедет в ночь, я ему такой подарок сделаю, что он меня больше никогда глупой не назовет!

Дождалась я, когда вечером, до заката солнца Мерлин куда-то на коне своем облачном улетел, и пошла на кухню. С Эльдой болтаю, а сама угощение мешаю: сварила я медовухи сладкой, замочила в ней мешок зерна пшеничного и изюма крупного, яблок в нее порезала. Попросила ворона Доррина корыто под яблоню в саду поставить, и угощение получившееся туда вывалила, размешала. Под вечерним солнышком летним такой дух от него пошел! Пчелы тут же налетели, а птички брагу чуют и не трогают.

— И что, — Эльда меня спрашивает, — неужто прилетят?

— Конечно, — говорю гордо. — Только ты в замке спрячься и не выходи. Пугливые они. И я спрячусь, только еще в свиристелку посвистеть нужно.

Брауни с сомнением лапки сложила.

— Не натворила бы ты чего еще, Марья. Хозяин-то суров у нас. Не нужно бы его терпение испытывать.

— Да что тут можно натворить, — рассмеялась я и рукой махнула. — Иди, — говорю, — и не переживай. Мерлин только рад будет, вот увидишь, неделю потом станет меня нахваливать.

— Ну... если так, — проворчала брауни и в воздухе растворилась.

А я пошла по саду бродить. Видела я тут во время прогулки родник, который прямо из земли сам по себе бил — я еще удивилась, как тут он появиться мог? А вокруг рос тростник озерный, необычный такой, голубоватый. Я тростинку одну себе срезала, дырочку провертела и свиристелку сделала. Стемнело, села я под яблоню рядом с корытом, и давай свистеть переливчато! Посвистела-посвистела, от яблони отошла, в розах залегла и в небо звездное смотрю — нет ли где пятнышек огненных?

Только вдруг от озера шум раздался такой, будто по поверхности воды сотней ладоней звучно бить начали. Зашумело, затряслась подо мной земля, раздалось за стеной ржание на десятки голосов, и на стену дальнюю костяную вскочил жеребец призрачный! Сам лунным светом светится, будто из воды состоит, покрыт чешуйками крупными перламутровыми, а глаза алым горят!

И будто прямо на меня смотрит. Заржал зло, копытом по стене ударил — брызнула вода во все стороны с такой силой, что до меня долетела. И со стены прыгнул, на меня понесся, а за ним — еще десятка два коней водяных!

— Матушка пресвятая! — охнула я, из роз выползла, подол подобрала и к замку помчалась. Со стены вороны что-то кричат, Эльда дверь распахнула, гляжу, руки ко мне протягивает, а глаза огромные, круглые, испуганные!

— Ложись! — кричит.

Я упала у дуба старого, слышу — над головой просвистело что-то. Посыпались на спину листья и желуди, я приподнялась, а далеко впереди конь водяной опустился, вход в замок мне перекрыв. Развернулся, на меня пошел. Копытами бьет, на дыбы встает, а за спиной, слышу, уже табун его меня настигает. Сейчас ведь растопчут, разотрут! И сад весь колдунский

потопчут!

Отчего-то именно при мысли о саде мне хуже всего сделалось. Привстала я на колени, руки к коню протянула.

— Кося, косенька, — зову ласково, от страха умирая, а сама на ноги встала и пояс длинный с платья разматываю: у нас на Руси всякая девка коня на скаку остановить может, а вдруг и с водяным сработает. — Красивый косенька, сильный какой...

Конь на меня прыгнул, скалится, зубами острыми, волчьими клацает — и табун его подлетел, понеслись они вокруг нас и дуба старого по кругу. Я в сторону успела шагнуть, пояс жеребцу на шею набросила: он взбрыкнул, загудел, алыми очами бешено вращая, и пояс порвался, и я не выдержала, снова на землю упала, руками прикрываясь. Хлипкие пояса в этой Гран-Притании. Все, пропала, раздавит сейчас!

— Назад! — раздался голос громкий. Я глаза открыла — а передо мной стоит Мерлин в дорожной одежде, посохом своим в морду коню сияя, и тот, хрипя, пену роняя, отступить начал. — Под моей защитой она!

А табун водяной со всех сторон зашуршал, завыл:

— Наша она!

— Нас сама призвала, по доброй воле!

— Должна с нами под воду русалкой уйти!

Я вскочила, к колдуну на грудь упала, вцепилась от страха так, что пальцам больно стало.

— Не отдавай меня, — прошу, обмирая, и лицо на груди его прячу, — не виноватая я, они сами пришли!

— Марья, — Мерлин сквозь зубы цедит, меня по спине поглаживая, — тебя обнимать, конечно, приятно, но так я нас защитить не смогу.

Я ойкнула, за спину ему перебралась и там уже обняла. Горячий он оказался, или я так от страха замерзла?

— Тростниковую песнь сыграла, — конь водяной провыл, прохрипел и на колдуна боком пошел — да тот посохом отмахнулся. — Наша она по праву! Не смеет смертная кельпи вызывать!

— Никого я не звала, врут они все! — возмутилась я, и теперь уже со спины в колдуна крепче вцепилась: если и унесут, то только с ним. — Точнее, звала, но не их!

— Марья, — оглянулся Мерлин и проговорил так страшно, что вой коня мне песней нежной показался. — Ты тростник у родника ледяного не рвала?

— Рвала, — призналась я глухо.

— Свистела в него?

— Свистела, — начала я всхлипывать.

— А это тростник, мне бабкой подаренный, девой озерной, — сказал он шипяще, желваками играя. — Я его для зелий использую. У нас всяк знает — если подуть в голубой тростник, вызовешь кельпи, унесут тебя под воду.

— Да откуда ж я знать могла! — возмутилась я сквозь слезы. — В саду-то ты ничего не запрещал трогать! Я уж сколько раз отсюда укроп да морковку дергала!

— Отдай нам, отдай, отдай, — снова зашелестели, завыли кони, глазами алыми мерцая и нас ближе обступая. — А то и ее съедим, и тебя, и тебя, не посмотрим, что внук хозяйки!

— Угрожать мне вздумали? — усмехнулся колдун сквозь зубы и как рывкнет: — Прочь пошли, отродье тинное! Моя она! Твари безмозглые, нечисть поганая! Хотел я с вами договориться, откуп дать, да только обнаглели вы, да забыли, что я могу. Прочь!

Ругался он так, что я заслушалась. Но не удивилась — у нас на Руси все так же, если нечисть откупа не берет, ее бранными паскудными словами обругать нужно. И чем крепче, тем им обиднее и тем вернее прогнать можно.

Мерлин посохом махнул — кельгш, нас обступивших, словно ударом ветра по кругу снесло, мириадами брызг сияющих рассыпало, покатило волной пенистой перламутровой по саду переломанному. Заржали они из пены жалобно, будто натуральные кони, побежали прочь, из волны выныривая — а посох у Мерлина в руке превратился в бич длинный, светящийся, и колдун бичом этим кельпи хлестал, до самых дальних дотягиваясь.

Затихло все, убежали кони водяные в озеро. Я по-прежнему колдуна со спины обнимаю — а он дышит тяжело, и сердце у него так и колотится.

— Так кого, — спросил он зло, не поворачиваясь, — ты там звала?

Я от него отступила, сад оглядела — луна полная светит, а в саду разгром такой, что плакать охота. Грядки перепаханы, цветы лежат, деревья поломаны. И корыто под сломанной яблоней целехонько стоит.

Мерлин на меня посмотрел — я руки сжала и не знаю, что сказать. Чую, рот открою — и тут же он меня рядом с топинамбуром вытоптаным закопает.

— Больше всего, — проговорил он, — я тебя выгнать сейчас хочу. Чтобы никогда больше не видеть. Этот сад еще дед мой сажать начал, отец продолжил и я подхватил. А теперь что с ним?

Я губу закусил и молчу, и слезы по щекам катятся. Вот и порадовала ты, Марья, хозяйина. Да что же это такое — я за всю жизнь столько не натворила, сколько здесь, в Гран-Притании, с бабо-ежкиного дома начиная. И правда, что ли, глупая я совсем?

Мерлин ругательство под нос пробормотал, развернулся и в башню пошел. А я следом побрела на ногах дрожащих — там меня Эльда подхватила, побранила шепотом, вином горячим сладким напоила и спать уложила.

А проснулась я от птичьего крика истошного. В окно солнышко утреннее светит, из сада вопли доносятся. Я улыбнулась, платье накинула, в сад побежала.

При свете дня не так страшны потери оказались в саду — с одной стороны от донжона только вытоптано было, и в основном цветы и овощи огородные, немного деревьев поломано, и, самое главное, кольцо волшебных растений осталось нетронутым!

Я не успела оглядеться, как появился в дверях колдун. Мрачный, помятый, раздраженный. Хотел сказать что-то...

— Ку-у-и-и-и-ч-х-е-е-и-ч-хе-е-е-е-е, — опять вопль над садом каркающий пронесся, да такой громкий, что я поморщилась.

— Скажи мне, что ты тут ни при чем, — проговорил Мерлин едко, едва ор затих. — Хотя... на что я надеюсь? Тишины здесь с твоего появления нет. И, видно, не будет, пока не уедешь.

Я решила не обижаться: причины для плохого настроения у него действительно были. Поманила за собой, а когда к яблоне подошли, гордо руки на груди сложила и на сердитого колдуна торжествующе посмотрела.

— Это подарок тебе от меня, — сказала я ласково. — Уж прости за вчерашнее, сокол мой ясный. Хотела тебе радость сделать, да с тростником, видишь, напутала...

— Ку-у-и-и-и-ч-х-е-е-и-ч-хе-е-е-е-е, — заорали снова из-под яблони. Колдун молча смотрел на трех сияющих золотом жар-птиц, развалившихся вокруг корыта с хмельным яблочным зерном. От похмелья они едва шевелили крыльями, распускали павлиньи золотые хвосты, но орать, вытягивая длинные шеи, не забывали. Что орут, я не понимала — видать, стонали просто бессвязно.

— Подарок, — наконец, проговорил он непонятно.

— Ну да, — ответила я со смехом. — Ты же печалился, что птенец не вылупляется. А как он без мамки-то вылупится? Цыпленку курица нужна, утенку утка, а жар-птенец жар-птица. Иначе никак! И то, куриное яйцо утке можно подложить, а жар-птичьего не подложишь, птица-то не простая, волшебная, птенца своего не только теплом, но и волшебством питает...

— И ты помочь решила, — подсказал колдун вкрадчиво.

— Конечно, — обрадовалась я его понятливости. — У нас каждый ребенок из сказок знает, как жар-птицу приманить. Тут скорее думать надо, как их потом прогнать. А то они тебе все яблоки в саду поклюют.

— Ку-у-и-и-и-ч-х-е-е-и-ч-хе-е-е-е-е, — затосковали сразу две крылатые пьянчужки из вирия.

— А орут как, правда? — гордо спросила я. — Куда там твоей банши. Ты им зерна насыпь, а яйцо рядом положи. Какая-нибудь да сядет высиживать. Но смотри, они по зиме все равно в вирий улетают, холодно им здесь...

Мерлин на меня хмуро посмотрел, и я осеклась.

— Или не рад ты? — спросила дрогнувшим голосом. — Я же для тебя... — и снова слезы к глазам подступили.

— Ку-у-и-и-и-ч-х-е-е-и-ч-хе-е-е-е-е, — жалобно поддержала меня ближайшая жар-птица. Раздались булькающие звуки — кажется, ее тошнило.

— Ну чисто сэры рыцари поутру, — раздался позади сострадательный голос Эльды. Мы к ней обернулись, она на нас посмотрела, лапой махнула и поспешно в замок убралась.

— Я рад, — сказал Мерлин мрачно, снова птиц оглядывая. — Давно мечтал увидеть. И птенца высидеть удастся... Спасибо тебе, Марья.

Я недоверчиво шмыгнула носом и вытерла его рукавом.

— Ку-у-и-и-и-ч-х-е-е-и-ч-хе-е-е-е-е, — отозвалась еще одна потерпевшая.

— Но они всегда так орать будут? — безнадежно поинтересовался колдун.

— Угу, — отозвалась я грустно и затараторила, увидев, как взгляд его переменялся, пугающим стал: — Пока зима не наступит. Или все яблони выкопать придется. Яблоки они любят, потому что в вирии больше всего яблонь растет. Так наши сказки говорят. Только в мире райском все наоборот, когда у нас лето — у них зима, а когда весна — у них осень. Поэтому зимой и весной они не показываются, у них самих яблок вдоволь, а летом и осенью, когда у нас поспевают, спасу от них нет. До вас не долетают, наверное, потому что ближе всего им из вирия на Русь-то лететь, у нас иногда, в погоду ясную, даже небесные города разглядеть можно.

— Как их разглядеть, если они в другом мире находятся? — усмехнулся Мерлин, к птицам подходя, на корточки перед ними присаживаясь.

— Я сама не видела, — пожалала я плечами, обиженная его насмешкой, — нянюшка рассказывала, что в старые времена так было. Но ведь раньше и подземное царство в озерах и колодцах разглядеть можно было!

— Верно, — согласился Мерлин задумчиво. — И Холмы чаще раскрывались.

— Ку-у-и-и-и-ч-х-е-е-и-ч-хе-е-е-е-е, — заорала птица, приподняв башку и голося прямо в лицо колдуну. Он покачал головой и устало потер пальцами висок.

— Спасибо тебе, Марья, — угрожающе повторил, поднимаясь.

Я настороженно улыбнулась — Мерлин ближе подошел, надо мною навис.

— Только я очень прошу, — проговорил он почти ласково, морщась, как от головной боли. — Если ты еще какой-то подарок мне сделать захочешь, ты со мной прежде его обсуди, хорошо? Вот сказала бы ты мне заранее, я бы клеть большую где-нибудь в лесу подготовил... подальше, или заклинание создал, ор их приглушающее... а теперь срочно его придется делать, обо всем остальном забыв.

Наклонился ко мне и добавил, в глаза так пронзительно глядя:

— Потому что сейчас я не знаю, чего мне больше хочется, Марья, — этим крикунам шею свернуть, или тебе.

— Ку-у-и-и-и-ч-х-е-е-и-ч-хе-е-е-е-е, — раздалось из-под яблони, и я, обиженно развернувшись, пошагала на кухню. Бесчувственный он, этот рыжий. И неблагодарный!

Через несколько дней у меня самой уже голова от ора птиц райских трещала, и даже Эльда на меня нехорошо так смотрела, будто прикидывая, не стоит ли отравить, а вороны и прочие слуги волшебные даже пирожками не задабривались. К Мерлину я теперь с подносом на цыпочках заходила, ставила его неслышно, и побыстрее удалялась. Готовила я ему так, что он меня сто раз простить должен был, но он даже взгляда на меня не поднимал.

Яйцо с подставки в его мастерской пропало, а вскоре и крик прекратился. Жар-птицы продолжали у нас в саду пастись, а когда клюв открывали — короткое чириканье раздавалось, и они тут же его закрывали и начинали всполошенно бегать кругами, словно пытаюсь найти свой голос.

Я за тишину Мерлина уже расцеловать готова была. Но вот только он меня вообще не замечал.

Садовник старенький, Джон, все в саду порядок навести пытался, и я ему по мере сил помогала: ветки сломанные резала, цветы пересаживала, грядки восстанавливала. Все лучше, чем от обиды дуться. Так прошла еще неделя, в которую я голос колдуна и не слышала.

Вышла я как-то после завтрака в сад, а там репа заросла сорняками. Ну, я заткнула подол платья за пояс, рукава закатала и давай пропалывать. Шаг за шагом, грядка за грядкой: сменилась репа мятой, а мята морковкой, а дальше шагнула я к лютикам, а там и капуста, и крыжовник уже поспел — собрать надо бы. Солнце припекать стало, и я в тень перебралась, поближе к башне, но внимательно смотрю — на первое кольцо сада не захожу, именно там непонятные растения волшебные растут, именно там я тростник голубой срезала.

Затем компоста притащила, и так в розах увлеклась, прикорм им под корни подкидывая, что когда меня по рукам и ногам скрутили и ввысь подняли, не сразу даже завизжала.

То лоза оказалась, которая стену замка обвивала. И не подходила я к ней — а она сама через дорожку сада перебралась из кольца волшебных растений и меня выцепила. Высоко вздернула — аккуратно напротив окон колдуна. Он как раз спиной ко мне стоял, рубаху надевал.

Сначала я на спину его любовалась. Хорошая у него спина, жилистая, и плечи такие... крепкие, даром что тощий. Потом вспомнила, что лучше мне сейчас на глаза ему не попадаться. А затем вниз поглядела и поняла, что уж лучше к колдуну, чем отсюда падать.

Помаялась-помаялась и кашлянула тихонько.

Он, рубаху натянув, вздрогнул и ко мне повернулся. Помолчал, оглядывая.

— И тут от тебя покоя нет, — сказал хмуро. — Зачем к древостражу-то полезла, Марья?

— Да вот не знала, как на тебя посмотреть, свет мой ясный, — ответила я ласково. — Не поверишь, сколько дней ходила, мечтала слово от тебя доброе услышать, да подглядеть, как ты рубаху надеваешь.

Мерлин брови поднял, усмехнулся.

— Я могу снова ее снять, — предложил.

Я опять вниз покосилась. Высоко, а лоза-то тонюсенькая!

— Давай, — говорю, через силу улыбаясь, — мы с тобой поговорим, когда под ногами у меня пол будет твердый. Тогда и снимешь, и наденешь, хоть дюжину раз.

— А, может, тебя так оставить, чтобы ты не лезла никуда больше? — спросил он задумчиво.

— Да не трогала я древостража твоего! — чуть не заплакала я от обиды. — Сам он ко мне приполз, на компост позарился, наверное! Видишь, даже дерево дурное — и то любит то, что я готовлю!

Лоза меня обиженно встряхнула, а я хотела еще что-то язвительно ответить, но вместо этого губу закусила, чтобы не расплакаться, потому что высоко! Так-то храбрюсь, но страшно мне — жуть!

Мерлин слезы мои увидел, нахмурился, рукой по кругу повел — древостраж меня аккуратно в окно к нему просунул и на пол поставил. Отпустил, и я бы там и рухнула, если бы колдун меня не подхватил. Только я из рук его выбралась, платье молча оправила — а то одна тонкая

рубаха под ним была просвечивающая, — и к двери пошла, стараясь ровно держаться. А саму со стороны в сторону мотает: ноги от страха подкашиваются и голова кругом идет.

— Опять обиделась? — Мерлин из-за спины моей усмехнулся.

— А я женщина, мне положено, — говорю гордо, не оборачиваясь. — Не все ж тебе от меня отворачиваться и как на пустое место глядеть. Больше седмицы мне слова не сказал! Хотя, я погляжу, тут что хозяин, что питомцы у него — грубияны!

Лоза волшебная за стенкой обиженно зашуршала, в ближнее ко мне окошко просунулась и бросила в меня пучок листьев.

— Срублю! — пригрозила я, и она снова спряталась за стену. А Мерлин тем временем ближе подошел. Я, как увидела, что подходит, снова к двери голову гордо повернула. Но успела рассмотреть — висит на стене напротив кровати колдуна ковер мой, с жар-птицей золотой. И на сердце потеплело, но и сердито мне — сил нет!

— А тебе, — спросил он и аккуратно меня за руку сзади взял, — так со мной поговорить хочешь?

— Да не очень-то, — ответила я сурово, на ладонь его покосилась и отбросила ее, — но ласковое слово всем приятно. Я стараюсь, стараюсь, вчера вон похлебку тебе царскую сделала, пятидюжинную, а в ответ — молчок?

— Какую-какую? — спросил Мерлин. А по голосу слышу — улыбается, злодей!

— Пя-ти-дю-жин-ную, — повторила я по слогам. — Это значит, что в ней пять дюжин ингридиентов!

— Какая сложная работа, — рассмеялся он, смехом затылок мне пощекотав.

Я от возмущения даже повернулась, в глаза его разноцветные уставилась.

— А скажешь — нет? Все пять дюжин запомнить — самое легкое! Главное меру в каждой травинке и специи знать! Чуть что не доложишь — и ешь потом, а будто чего-то не хватает, чуть переложить — и один вкус все остальные забивает. Вот ты зелья свои варишь, должен понимать, а куда же!

Колдун улыбался, улыбался, и вдруг нахмурился.

— Постой, — говорит, — ты хочешь сказать, что шестьдесят ингридиентов для похлебки наизусть помнишь?

Я на него как на дурня посмотрела.

— Нет, — ответила язвительно, — на ходу выдумываю! Конечно, помню. Я первый раз под присмотром нянюшки готовить начала — мне и четырех годиков не было. Знаешь, сколько всего выучила уже? Батюшка, если какое блюдо новое в стране дальней или у купца иноземного попробует, уже знает, что мне нужно рецепту записать и привезти. И специи разные покупал, травы иноземные. Мне ж один раз понюхать, пощупать, и ввек не перепутаю, — все-таки похвасталась я.

— А пропорции помнишь? — поинтересовался он внимательно. — Меру, сколько чего брать, — пояснил, видя, что я не поняла.

— А-а-а, — я рукой махнула, — это, конечно же, помню. Но тут разве это главное?

— А что? — спросил колдун, улыбаясь. И прядь, упавшую мне на лицо, пальцами убрал.

— Гармоника вкуса, — ответила я наставительно и головой мотнула: не трогай, мол, не простила я тебя. — Бывает, по рецепте все сделаешь, пробуешь — а не то. Не хватает чего-то. Добавишь травинку или перчинку — и все, расцветает похлебка или каша, да так, что и в вирии подать не стыдно! Вот какая сложная наука! А ты носом крутишь.

И я пальцем перед его носом помахала укоризненно. А Мерлин на палец этот посмотрел и зачем-то спросил:

— А читать ты обучена?

Тут я окончательно рассердилась.

— Ты что же, — говорю, — совсем меня глупой считаешь? Я, конечно, не такая умная, как ты, и думаю медленно, но чтению и счету давно обучена. У меня ж бабушка — купец! Глаголицу нашу знаю, романское письмо, греческое, персидское...

Я перечисляла, а у колдуна глаза все недоверчивей щурились. Книгу он какую-то подхватил, мне под нос сунул.

— Что тут написано? — говорит.

А почерк там мелкий, слова некоторые размыты, но вижу, что романское письмо, знакомое мне. Я пальцем водить стала и читаю.

— Возьми три меры мандрагоры молодой, когда месяц в стрельце будет, добавь полмеры тимьяна, в меду сваренного...

Тут я на колдуна взглянула — мол, убедился? А он головой покачал и велел:

— Дальше читай!

— ...десятью часть меры на шерсть мышиную, помета нетопыринога полмеры...

Тут я вспомнила порядок, который у Бабы-Яги навела, и снова устыдилась. Но читать не перестала. Долго читала, раза в три тут было больше ингредиентов, чем в похлебке вчерашней царской. Закончила, наконец — аж язык пересох.

— А теперь повторяй. Наизусть, — Мерлин мне сказал и книгу отобрал, под мышку себе сунул.

— Странные у тебя забавы, свет мой ясный, — проговорила я с тревогой и лоб ему потрогала. Сначала ладонью, а затем, как положено, губами прикоснулась. — Да нет, — заключила, — горячки нет вроде.

— Ох, Марья, Марья, — с улыбкой покачал он головой, и я так от этого растаяла, что и забаве его противиться не стала. Ладонь ко лбу уже своему приложила, чтобы сподручнее вспоминать было, и начала перечислять:

— Мандрагоры молодой три меры, и чтобы месяц в стрельце был, полмеры тимьяна...

Я говорила, говорила, затем на него жалобно взглянула.

— А мне все повторять, да? Язык сейчас отвалится.

— Хватит, — колдун махнул рукой, а сам на меня с удивлением таким смотрит, что я загордилась. — Так ты же сплошь из талантов состоишь, Марья.

— А то, — сказала я и приосанилась. — Может, я и не так умна, как ты, но тоже кое-что умею!

— Ты не глупая, — ответил он рассеянно, о чем-то задумавшись. — Ты наивная и увлекающаяся. А усердия твоего на три ума хватит, только его контролировать нужно и прикладывать правильно. Ну-ка, — поднял Мерлин голову, — пойдем со мной.

— Куда? — испугалась я, еще не решив, похвалил он меня сейчас или обругал.

— Проверить я кое-что хочу, — проговорил он. — В мастерской моей.

Завел меня в комнату на вершине башни. Как и в прошлые разы, со всех сторон зелья разные или кипели, или булькали, или туманом разноцветным исходили, а по стенкам полок видимо-невидимо, и там места пустого нет от кувшинчиков, горшочков, мешочков, чем-то заполненных, плошек, пучков трав.

Сначала он эти горшочки и мешочки снимать стал, называть и мне давать трогать, нюхать и даже на язык пробовать. Половину полок попробовали, уж я умаялась, и проголодалась-то! А затем взял Мерлин с маленькой жаровни горшочек, в котором зеленое что-то медленно варилось, на стол поставил, ложку большую достал, меня к себе поманил. Я на ложку посмотрела, на горшок, и головой в ужасе замотала.

— Нет-нет, я хоть и не ученая, как ты, Мерлин сын Мерлина, а уж ты меня на всю жизнь научил, что не надо зелья пробовать!

— Да не бойся, — говорит он, — я тебе ничего опасного не дам.

— Не буду пробовать, — повторила я непреклонно и отвернулась.

— Значит, врала, — хмыкнул он вкрадчиво, — когда говорила, что на вкус можешь определить, что в похлебке есть, а чего не хватает?

— Так то похlebка! — возмутилась я. — А тут зелье твое! Попробуешь и в нетопыря обернешься какого-нибудь!

— В нетопыря не обернешься, — сказал колдун честным голосом и опять меня к себе поманил.

Я поняла, что не отвязусь от него. Подошла, глаза зажмурила, рот открыла и с ложки все проглотила. А открыть глаза не смогла.

— Ну что, — со смешком поинтересовался Мерлин, — запомнила состав? Не бойся только, сейчас я тебя расколдую... это зелье окаменения.

А сам подошел ко мне со спины, и по голове меня гладит, и от рук его как мураши теплые разбегаются. Приятно, аж мурчать хочется. Надо злиться, а я млею.

«Ну, — думаю лениво, — только расколдуй. Я тебя так окаменею!»

Как двигаться смогла, глаза распахнула — Мерлин передо мной стоит. Я рот открыла, чтобы все высказать... и вдруг чувствую, что-то не так. Голову свою пощупала, ниже руками провела — а там волосы мои на месте! Пусть не ниже колен, как были, а до пояса, но это ж не растрепка моя короткая, которую никакими лентами в порядок не приведешь!

У меня даже дыхание перехватило и слезы на глаза выступили. Я к зеркалу метнулась, одним боком повернусь, другим, руками всплескивая, собой любуюсь — а затем быстро ленту, вокруг головы повязанную, сняла и косу заплела себе. И к Мерлину повернулась.

— Спасибо тебе, — сказала дрожащим голосом, и в пояс ему поклонилась. — Думала, не видать мне больше красоты моей! Я тебя отблагодарю!

— А как? — заинтересовался колдун, зачем-то ближе подходя.

— Да я тебе... — я слов не находила, — я тебе... таких оладий напеку, каких ты никогда не ел!

Он засмеялся невесело и по носу меня щелкнул.

— Ты лучше скажи, что в зелье окаменения было?

Я задумчиво губы с остатками зелья облизала, а колдун вздохнул и отошел на несколько шагов.

— Корень пырея, — начала я пальцы на руке загибать, — яичная скорлупа, панцирь черепаший толченый, маково зерно, масло кунжутное... и еще что-то, не признала я.

— Я тебе и не давал того, что не признала. Чешуя василиска — ее попробовав, можно и навсегда окаменеть, — проговорил Мерлин с удовольствием, а я поежилась и пообещала себе никогда и никуда в мастерских колдуна не лезть. — Но и того, что ты перечислила, довольно.

— Для чего довольно? — насторожилась я. А сама улыбаюсь — приятно мне похвала!

Он пальцами по столу постучал, косу свою рыжую потерял.

— Слишком много я мазей и зелий создал, а записи все разрозненные, вон где лежат, — и он на стол в углу указал, на котором ворох листов бумажных свален был. У меня опять руки зачесались там порядок навести. — Есть на полках и отца моего зелья, и деда — записи либо утеряны, либо вообще их не было. Давно хочу я книгу учетную создать с рецептами, да некогда мне. А ты мне помочь можешь. Дам я тебе амулет защитный — никакое зелье на тебя не подействует. И будешь зелья пробовать, названия с горшков и кувшинов списывать и состав записывать. А я уже сам потом по памяти меры буду проставлять и недостающие ингредиенты. Поможешь мне, Марья?

— Конечно, — сказала я радостно. — Помогу, конечно!

С той поры стали мы мирно жить и бок о бок много времени проводить. Теперь с утра я и завтрак, и обед готовила, затем мы с Мерлином в столовой вместе ели, а затем в мастерские его поднимались. Сидела я там тише воды, ниже травы. Зелья пробовала, на листы кхитайские состав записывала, а как набиралась кипа толстая, так сшивала и книгу делала.

А Мерлин рядом свои снадобья и мази варил. В минуты такие у него взгляд опять становился отсутствующим, и не дай Бог отвлечь вопросом каким или словом! Я раз попыталась, так он в горшок что-то не то сыпанул, и под самый потолок пламя зеленое загудело! Колдун пламя заклинанием загасил и мне ничего не сказал, но я все поняла и язык прикусила.

Но часто бывало, что заканчивал он работу, ставил снадобье какое-нибудь доходить, и тогда сам начинал что-то рассказывать, ужасно интересное: про страны дальние, про университетус свой, про задумки свои мудреные, в которых я половину не понимала, но слушала, смотря на глаза его горящие, усердно кивая и его уму ужасаясь. Либо на вопросы мои отвечал, не высокомерно, а по-доброму, чуть дразнясь иногда. Но я на него не обижалась.

Залетали иногда в окна вороны с письмами, частенько заглядывал внутрь конь облачный и ржанием угощение выпрашивал. Я тайком ему оладьи скармливала — уж очень умильно он клал башку на подоконник, губешки раскатывал и «т-п-р-р-р» ими делал.

Во второй половине дня я ковер свой ткала и садовнику помогала, осмотрительно к кольцу волшебных растений не приближаясь. Хотя с лозой мы подружились — я ей делала вкусный компост, а она со мной играла — щекотала, под ноги подкрадывалась.

Мерлин же либо из замка улетал, либо лечением занимался, либо гостей принимал волшебных. Кого я только не видела за это время! И чародеев в колпаках черных, и в тюрбанах персиянских, и в фесках, и волшебниц противных!

Ладно, волшебницы как одна были красавицами писаными, но все равно противными. Чем они там с колдуном занимались, о чем общались, не знаю, а подслушивать гордость не позволяла.

Хотя я бы подслушала, но во время приема гостей ставил Мерлин на лестнице двух стражников, которые никого не пускали. Даже на шажочек вон ту ступеньку протереть.

Так прошли пять седмиц, и все ближе был тот день, когда зелье волшебное, на батюшкиной крови сваренное, готово должно было быть. Позвал Мерлин меня как-то в тайную комнату рядом с мастерской и показал: стоит на медленном огне котелок небольшой, варится, а в нем зелье светится цветом медовым, солнечным.

— Три дня варить осталось, — сказал мне колдун. — На четвертый съезжу к отцу твоему и попробую проклятье с него снять.

— Вот оно какое, зелье чудесное, — ахнула я. — Только бы удалось тебе все, Мерлин, совсем немного же осталось! Не может у тебя не выйти же!

— Вот и проверим, — хмыкнул он, а вижу, приятно ему. — Глядишь, и жениться не придется.

— Да уж не хотелось бы, — пробормотала я, переливы солнца в зелье рассматривая.

— Не хотелось бы? — проговорил он совсем рядом со мной. А голос странный! Я к нему обернулась — а колдун меня взглядом так и сверлит. Тут я подвох почувяла, а где — не пойму.

— Так сам же говорил, — сказала я, лоб морща, — что тебе за нелюбимую идти неохота. Да и мне за нелюбимого тоже не хочется. Нет, — заспешила я, видя, что он нахмурился, — я тебе хорошей женой буду, если обеты дам, но по любви же лучше?

— Лучше, — согласился он задумчиво. Еще раз меня оглядел хмуро и велел:

— Вот что, Марья, ты иди. Делом мне надо заняться.

— Да что я сказала-то не так?! — возмутилась я, ногой топнув.

— Все так, — усмехнулся он невесело. — Иди. И завтра не приходи, и вообще больше не

приходи, работать мне надо. Через три дня все и решим.

Я и пискнуть не успела, как он меня выставил. Постояла у двери, постояла, развернулась, косою по спине хлопнув, и вниз пошла.

Ну его, только душу рвет мне. Сказал бы, что не так, неужто язык бы отсох? Хуже дитя малого. Лучше уж с конем его дружить. Вот Облаку дашь хлеба — он и дальше у тебя из рук есть будет. А мужики отчего-то сложнее. Особенно один, рыжий.

Стал Мерлин опять хмурым ходить, молчаливым. Я ему на следующий день завтрак принесла, поздоровалась ласково, обиду свою проглотив, улыbnулась теплее солнышка — ну чтобы лучше работалось ему, чтобы зелье быстрее создавалось. А Мерлин волком на меня поглядел, чуть ли не скалясь, и отвернулся.

А к обеду и вовсе приказал, чтобы Эльда ему подносы носила.

— Ест, чуть ли не мурчит, как кот, — брауни мне шепотом докладывала. — А вид потом блаженный, ровно кто по шерсти ласково погладил! Чем не угодила-то ему, Марья?

Я только вздыхала обиженно и руками разводила. Скучно мне стало без наших с колдуном разговоров и подшучиваний, без работы в мастерской его, да и взгляды его горячие ой как мне кровь грели. А теперь? Даже если мимо проходит, кивнет, чуть не заморозив, и не остановится, за руку не возьмет, головой не покачает, «Ох, Марья, Марья» не скажет. Вот и пойми, чем обидела его!

С горя я ковер с жар-птицей быстро закончила. А как подарить — не знаю. Скатала и в уголок поставила.

Так прошло три дня, наступило утро четвертого. Я всю ночь не спала, ворочалась, за батюшку переживая. Всего два дня осталось из семи седмиц, Кашеем отпущенных!

И с утра все из рук валилось. Кашу пересолила, булочки с яблоками перепекла, одни головешки остались, хлеб не поднялся, молоко убежало... Эльда на все это и меня, едва не плачущую, посмотрела, по спине меня погладила, головой покачала.

— Садись, — говорит, — у окошка и не трогай ничего. Толку сегодня с тебя не будет.

Села я, в окно смотрю, на ладонь голову положив, и вздыхаю. И радоваться надо, что батюшку не сегодня, зельем новым, так завтра, после замужества, разбудить выйдет, что домой я вернусь, а у меня слезы на глаза наворачиваются. Прикипела я к замку этому, везде тут моей рукой все налажено, каждую грядку и цветок знаю. Даже лепрекон перестал при встрече горшок за спину прятать, а один раз даже на золото взглянуть дозволил. С другого конца залы, но это ничего.

Еще бы хозяин замка сквозь меня не смотрел. А так уеду и уеду, он только обрадуется, что покой его никто не нарушает и перед глазами не мелькает. И вспоминать не будет!

— Ну и ладушки, — пробормотала я со слезою и пальцем в окно погрозила. — И я тебя тоже вспоминать не буду!

— Иди поешь, Марья, — ласково позвала меня Эльда.

— Не хочу, — пробурчала я, а губы-то дрожат, вот-вот разрыдаюсь.

— Кашка сладенькая, ну? — продолжила уговаривать меня брауни. — Смотри, и сыра я нарезала овечьего! Запах — ух! Съешь и никакой тоске места в голове не останется. Ну-ка, повернись!

От сыра и правда тянуло так, что не только тосковать, но и жить не хотелось. Я от окна, носом шмыгнув, повернулась, и брауни передо мной миску с кашей поставила, густой, на молоке сваренной, с озерцом масла желтого растопленного посередине, медом политой, ягодами сахарными обсыпанной. Хлеба вчерашнего нарезала, сыра под нос сунула.

— Я больше никогда есть не смогу, — поведала я горько, на кашу покосясь. Пальцы словно сами собой малинку, в меду сваренную, подхватили и в рот отправили.

— Конечно, конечно, — сентиментально поддержала меня Эльда, Мерлину поднос собирая. — Эх, молодость, молодость!

— И готовить не буду, — твердо пообещала я, пласт сыра вонючего кусая. — Раз никто этого не ценит!

— Конечно, конечно, — повторила Эльда, улыбаясь. — А слезы-то откуда, Марья?

— Сыр это вышиб, — открестилась я, отдышавшись. — Ох, и забористый! Им же нечисть отгонять можно, Эльда!

— И я говорю — хороший! — обрадовалась брауни, поднос подхватывая. — Ну, пошла я.

Осталась я одна тосковать. Вздыхала, вздыхала, ложку в руках катая, да сама не заметила, как все умяла — ни крошки не осталось.

Спустилась Эльда быстро, с улыбкой.

— Хозяин тебя позвал, — говорит. — Велел собрать, что с собой возьмешь, и наверх к нему подниматься.

Я так и подскочила! Брауни обняла, попрощалась, поблагодарила за все и наверх побежала. А что мне брать-то? Все у меня с собой.

Колдун ждал меня наверху, у двери в свою мастерскую. Хмурый, в одежду дорожную одетый; коса рыжая плотно заплетена, на боку сумка прикреплена, за спиной посох с камнем зеленым висит. Увидела я Мерлина и оробела отчего-то: наверх мигом домчалась, а к нему медленно подошла, глаза опустив. И что сказать — не знаю.

— Все готово, — проговорил он отрывисто, по сумке своей похлопав. — Полетим сейчас. Только ты так замерзнешь, Марья. Облако высоко поднимается и летит быстро. Плащ мой почему не взяла?

Я только рот открыла, чтобы сказать, что мне чужого не нужно, как колдун что-то прошептал, руки вперед вытянув — и упал на них плащ тяжелый. Мерлин мне на плечи его и набросил, расправил, на груди завязал. По подбородку меня пальцем погладил, воздух набрал, чтобы сказать что-то... и не сказал. Он молчит, и я молчу, глаза опустив — и тишина тяжелая, гнетущая.

— За мной наверх ступай, — приказал он и добавил тихо: — Надо уже с этим закончить.

Облако, жеребец колдуна крылатый, куда быстрее коня Кашеева оказался и выше туч летел, так, что и землю-то не всегда разглядеть можно было. Мерлин меня перед собой усадил, заклинание прочитал, чтобы от ветра защитить — а все равно холодно. Я спиной к его груди горячей прижалась, он меня обнял — согрелась я, и от ровного движения крыльев задремала. Сказалась бессонная ночь.

— Марья, — вдруг на ухо мне проговорил Мерлин, — просыпайся.

От его голоса по коже мураши побежали, прямо от уха и до пяток. Улыбнулась я разнеженно, потянулась...

— А то, — продолжил он мрачно, — я руки уже не чувствую.

Я глаза и открыла, и он тут же обнимать меня перестал. Гляжу — Облако уж во дворе нашем стоит, у терема, и сбежалась к нам вся челядь и дружина батюшкина. Стоят, шумят, судачат, нянюшка из окна выглядывает, слезу утирает. А Мерлин позади меня рукой трясет и ругается.

Как я в терем вошла, бросилась ко мне нянюшка, обняла крепко.

— Вернулась, голубушка моя! Вернулась, душенька! Надолго ли?

Тут она на Мерлина посмотрела, сощурившись.

— А не тот ли это, — говорит строго, — молодец из Гран-Притании, что моей Марьюшке пред всем честным народом нагрубил?

— И каждый день об этом жалел, — мрачно покаялся колдун.

— Исправился он, — поддержала я. — Добрый стал, ласковый, слова грубого не скажет...

Мерлин глазами сверкнул, но промолчал.

— Так поладили? Это хорошо, — обрадовалась нянюшка, слезы утирая. — А то тут столько воинов молодых свататься приезжало, из вашей, из Гран-Притании, Марью искали, а нет ее! Столько женихов упустила, которые никакого проклятья не боятся! — Тут она рукой махнула. — Да зачем же я о них, если вы вдвоем приехали? Свадебку, небось, играть думаете? Или, — тут она подслеповато в плащ Мерлина на моих плечах всмотрелась, — уже, раз плащом своим ее накрыл? В старые времена других обрядов не было, плаща хватало.

— Нет еще, нянюшка, — торопливо проговорила я, видя, как Мерлин тоже на плащ посмотрел и усмехнулся задумчиво.

— Ну хоть звал? — сурово спросила няня. На лица наши каменные посмотрела и снова рукой пухлой махнула. — Ну, это дело ваше. Да надо же Алене сообщить скорее! — спохватилась она. — Заезжали они к нам каждую седмицу, про тебя спрашивали, а я и не знаю ничего!

— Алене я сама яблочко по блюдечку покатаю, если удастся все. А надолго ли вернулась, сейчас и узнаем, — сказала я и Мерлину в глаза заглянула жалобно. — Пойдем к батюшке поскорее, уж сил никаких нет ждать!

Зашли мы в комнату батюшкину. Спал он, как прежде, сладко, с похрапыванием, только исхудал весь, и борода длинная отросла. Раньше-то в теле был, ручищами подковы гнул, а теперь... Тяжело на него глядеть было. Я у кровати встала, с нянюшкой обнялась крепко и стала за Мерлином наблюдать.

Достал колдун из сумки крошечный кувшинчик с зельем, открыл крышечку — и потянуло по комнате духом медовым, радостным. Открыл он отцу рот, зельем покапал, и я дыхание затаила: потек по коже батюшкиной солнечный свет, вздохнул он несколько раз, глаза силясь открыть... стали вдруг видимыми пути черные, дымные, его обвивающие, истончились, пылью черной посыпались...

...и потух свет золотой, и снова отец задышал спокойно, а проклятье темное, не до конца побежденное, тоже невидимым стало.

Я руку ко рту от отчаяния поднесла и на Мерлина посмотрела. А он головой покачал, зубы сжимая.

— Не вышло, — сказал глухо. — Силы мало в зелье, чтобы проклятье порвать.

Я губы кривлю, на него смотрю — страшно мне. А он взглядом тяжелым меня окинул и отвернулся.

— Ну, — проговорил в сторону, — видно, никуда не денешься. Идем, Марья. Мало времени у нас, нужно в Лэндон лететь.

— Хозяюшка! Да куда же ты! Марьюшка! — снова заплакала старая няня. — Да хоть пирожков поешь на дорогу!

А я ее обняла руками дрожащими, в лоб поцеловала. И слов нет. Как про замужество и ночь брачную шутить — так оно все легко, а как подумаю, что вот уже, сегодня в постель одну ляжем, так едва сознание не теряю.

— Не плачь, старая, — проговорил колдун мрачно. — Скоро хозяйка вернется твоя. Завтра и вернется.

— Правда? — нянюшка у меня спросила, в глаза с надеждой заглядывая.

А у меня как ножом по сердцу провели. И холодно мне стало, и больно.

— Правда, — сказала тихо и еще раз обняла. — Правда, милая.

Вышли мы во двор. Нянюшка мне целую корзину пирожков вручила, да еще и кувшин с компотом ягодным! Мерлин на коня вскочил, на меня сверху глянул.

— Ну что, — спросил сквозь зубы, руку протягивая, — готова? Повезу тебя сразу к королю, он нас волей своей и обвенчает. Завтра утром вернемся в замок, я лист золотой в зелье положу и тут же к отцу твоему полетим.

— Готова, — сказала я, руку ему в руку вкладывая. Он меня к себе и поднял, снова обнял крепко, и мы под взглядами челяди опять в небеса улетели.

Долго летели. Но не спала я в этот раз — смотрела на землю сквозь облака, пирожки жевала и думу думала, как же жить-то дальше. И Мерлин молчал, меня придерживая и раз за разом руку в корзину с пирожками запуская.

Только Облако то и дело весело ржал и по тучкам скакать принимался, как жеребенок несмышленный. Ну никакой чуткости у коней этих волшебных!

Принес нас крылатый жеребец в центр Гран-Притании, к замку короля Яр-Тура. Стоит замок на берегу реки: высокий, широкий, серый, со множеством башен, а на башнях стяги от ветра трепещут. Вокруг Лэндон, город большой лежит, жизнь в нем так и кипит. И в дворе замковом народу видимо-невидимо, не то, что у Мерлина.

Я бы в другой раз оробела, но мне и уже так страшно было, так что когда колдун меня с Облака снял и за руку в замок повел, я на негнущихся ногах пошла, в ладонь его вцепясь — мимо рыцарей и оруженосцев, мимо слуг и служанок, мимо псов вертлявых и котов, на солнце пригревшихся, мимо стражи и всякого люда придворного, мимо дам бледнолицых, шушукующихся.

— О, прекрасная леди! — услышала я вдруг, когда мы вошли в очередную каменную залу. Повернула на ходу голову, а у стены трое мужчин стоят. Двое высоких, с плечами мощными, в одежде черной, черноволосых и черноглазых, оба с прищуром неприятным — сразу видно, что братья. А третий симпатичный, одетый в камзол бархатный, сам невысокий и пухлый, а взгляд вдохновением горит. По взгляду я его и узнала, точнее, по глазам, чуть вытарашенным.

— Сэр Гавейн? — уточнила я, и он улыбнулся широко, руку к груди приложил и поклонился.

— К вашим услугам, леди!

Мерлин зубами скрипнул и меня быстрее вперед повел.

— Не нужна ли вам помощь? — крикнул обеспокоенно поэт.

— Необучаемый какой, — процедил колдун сквозь зубы и что-то назад шепнул. Оттуда раздалось бульканье и громкая икота.

— Злой ты, — пробубнила я укоризненно, едва за Мерлином поспевая. — Он же не сделал ничего!

— Теперь и не сделает, — ответил колдун ледяным тоном. — Пока не улетим, икота не прекратится. Вот что, Марья, — он хмуро огляделся. — Ты от меня никуда не отходи. Хоть все тут королю Яр-Туру верны, а между собой грызутся почище псов. Не нравится мне, что Мортимер и Малоун тут оказались.

— Это те двое, на медведей черных похожие?

— Они, — буркнул колдун. — Внуки волшебницы Морриган, но сила волшебная от бабки только одному досталась, Малоуну. Зато здоровья бычьего и хитрости обоим сполна передалось. Не верю я им, хоть еще их отец Милфой, сын Морриган, молодому Яр-Туру клятву верности принес. Давно мы с их родом враждуем, давно хотят они за бабушку свою, моим дедом побежденную, отомстить, и замок костяной себе забрать. Но короля боятся, да и со мной в открытую столкнуться опасаются. Не задумали бы сейчас чего.

Я еще сильнее в его руку вцепилась. И отчего это я не додумалась в нашем селе пожениться? Отец Василий бы Мерлина святой водой обрызгал, убедился бы, что не дьявольское отродье и не горит в корчах, и быстро бы нас по новому обычаю и обвенчал. А если б не было его, то и к Велесовому жрецу можно было бы подойти, поклониться... там еще все быстрее бы вышло.

Пока я размышляла, вывел меня Мерлин в залу светлую, большую. Народу там оказалось видимо-невидимо! По стенам между гобеленами с гербами оружие висело: мечи, секиры и щиты, а на возвышении в другом конце залы стояли два трона. Сидел на одном из них русоволосый и бородатый король Яр-Тур, в короне, плаще красном, в одежде простой, и что-то человеку, пред ним склонившемуся, величественно говорил. А рядом с королем — королева. Издалека видно, что красавица несравненная: белолицая, нежная, тонкая, в платье богатом. Я по сравнению с ней замарашка замарашкой, да еще и в груди, и в бедрах раза в три больше.

Королева на меня посмотрела, сверху донизу глазами обвела с любопытством. И что-то супругу шепнула на ухо.

Мерлин меня дальше вел, руки не отпуская, и народ перед нами начал расступаться, да так поспешно, будто дотронуться до колдуна боялся. А Яр-Тур голову поднял, раздраженно отослал просителя, хохотнул и заревел:

— О, друг мой, Мерлин! Наконец-то навестил своего короля, вспомнил обо мне!

А сам с трона сбежал, легко, словно юноша, к нам пошел и колдуна обнял крепко.

— Рад я, рад, — сказал, улыбаясь. И Мерлин улыбался, на него глядя. Король же меня обошел, языком поцокал, ладони потирая. А я молчу, рот боюсь открыть. Скажу еще что-нибудь, и себя опозорю, и колдуна.

— Красива, красива, — ворчливо сказал Яр-Тур. — Вижу, не врал люди. И скромна-то как, глаза в пол, молчалива! А что ж говорили, что горда и своенравна?

— Врал, как всегда, — откликнулся Мерлин невозмутимо. — Из скромности женихам отказывала, вот обиженные и пустили молву.

Так мне на сердце тепло стало!

— Так что же ты ее сразу ко мне не привел? — спросил король строго, колдуна по плечу хлопнув. — Говорят, уж пять седмиц у тебя живет! Ты это мне свои языческие привычки брось — в грехе жить!

Тут щеки у меня и запылали, а Мерлин на меня посмотрел, усмехнулся и спросил у короля вкрадчиво:

— Кто говорит?

— Ик, — раздалось приглушенное сзади, и я, обернувшись, укоризненно на сэра Гавейна посмотрела.

— Или вы уже свадьбу сыграли? — сощурился Яр-Тур, на плащ колдуна на моих плечах глядя точь-в-точь как нянюшка моя поутру. — Без меня?

— Ну как же без тебя, мой король, — засмеялся Мерлин. — Как поладили, сразу к тебе привез. Благослови нас, назови мужем и женой. И об обещании своем не забудь!

— Помню, помню, — хохотнул Яр-Тур. — Будет тебе ветка с древа эльфийского. А что же торопишься так? Давай свадьбу сыграем, как положено, чтобы три дня замок не спал, а собаки от сытости даже лаять не могли! Епископа позовем, ну и жертвы богам старым принесем, чтобы не обижались. Как я с Джиневрией своей венчался, — и король с нежностью во взгляде на королеву свою посмотрел. У меня сердце так и затрепетало — вот она, любовь, как у Алены с Кашеем!

— Не гневайся, мой король, но нет, — покачал головой колдун. — Сам знаешь, не люблю я этого, еще заколдую кого-нибудь с досады.

— Ик, — испуганно пронеслось по зале.

— Обвенчай нас сейчас властью своей, — попросил Мерлин, на Яр-Тура глядя, — и повезу я жену в свой замок.

— Ну хорошо, — несколько разочарованно проревел король. — Кого другого я бы заставил все честь по чести сделать, но слишком люблю тебя, друг мой, брат названный. Сейчас так сейчас.

Отошел и на трон сел, величественно рукой махнув.

— Подойдите ко мне!

Подошли мы, на колени перед королем встали, головы опустили. Сердце у меня колотится — жуть!

— Согласен ли ты, Мерлин, сын Мерлина, внук Мерлина, взять эту женщину в жены? По доброй воле, чтобы беречь и любить ее до конца дней своих? — строго спросил король.

— Да, — твердо ответил колдун, пальцы мои сжимая.

— Согласна литы, Мэри, дочь... чья ты дочь, дитя? — спросил Яр-Тур нетерпеливо.

— Якова, ваше величество, — проговорила я тихо.

— ...Мэри, дочь Иакова, взять этого мужчину в мужья? По доброй воле, чтобы беречь и любить его до конца дней своих?

— Да, — прошептала я.

— И... — король задумался, — как там. Ах, да! Пусть те, кто против этого брака, говорят сейчас или молчат вечно!

— Я против, ваше величество! — раздался голос из-за наших спин. — Справедливость ваша давно известна, защищаете вы слабых и обиженных, поэтому молю — не отдайте невинную девицу чудовищу! Смотрите, как она запугана!

Я так удивилась, что повернулась. А там один из черных братьев стоит, то ли Мортимер, то ли Малоун. И на Мерлина с нехорошим обещанием смотрит.

— Это кто тут запуган? — прошептала я колдуну непонимающе.

— Ты, — с усмешкой сказал он. — Хотя, согласен, они не знают, что я тебя больше боюсь.

— Против она! — крикнул злодей, почти без мужа меня оставивший. А я только на жизнь мужнюю настроилась и к ночи брачной мысленно подготовилась!

— Я не против, — сказала я поспешно и громко. — Я очень даже за!

И к Мерлину ближе на коленях подползла. А то отнимут еще его у меня.

— И даже если узнаешь, что у него в каждой деревне по ребенку прижито? — искусительно спросил смутьян. — Вот отправят к вам в замок, как воспитывать подкидышей будешь?

— Их послушать, то я всю жизнь только детей и делал, — проворчал колдун. — Не верь, Марья, это наследие фейри. У всех, у кого в роду есть перворожденные, глаза разные.

— Ну, — сказала я бодро, — даже если не так, то в чем беда? Детей я люблю, у нас на Руси за ними приглядывать радость. Чем больше, тем лучше! Тем более рыжих, как ты.

Он как захохочет!

— Вот видите, люди добрые, дамы честные, рыцари храбрые, братья по оружию! — заорал то ли Мортимер, то ли Малоун, и пальцем в меня ткнул. — Она же заколдована! Смотрите, что говорит! А как она на него смотрит, как умалишенная! Околдовал он ее и запугал!

Колдун на меня недоуменно взглянул, и я ему так же в ответ ресницами захлопала.

— Все здесь слышали песнь славного сэра Гавейна, — продолжал смутьян, — про жизнь его нелегкую среди жаб и лягух, про то, как попала в ров к нему дева заколдованная красы неземной, и как удалось сэру Гавейну армию лягушачью собрать и колдуна почти победить! А когда проклятый колдун армию в бегство обратил, сэр Гавейн красноречием своим и стихами прекрасными убедил его себя расколдовать и деву отпустить! Но только колдун и тут обманул — деву угрозами заставил с собой остаться и замуж за него выйти, а то отца ее не расколдует!

Народ одобрительно зашумел. Я на поэта посмотрела — а он стоит, краской заливаается.

— Слышал, слышал, — усмехнулся король. — Все так и было, сэр Гавейн?

— Почти-ик, — отозвался сэр врун жалобно. — Но не совсем. Почти не совсем. Или совсем не почти, — он воздел руки к потолку и с отчаянием крикнул: — Я — поэт, а не летописец, мне — ик! — нужно, чтобы песнь красивой вышла и за сердце брала! Да кому — ик! — нужна правда?

Сэры рыцари и прекрасные дамы понимающе загудели.

— Но про отца правда? — въедливо уточнил то ли Мортимер, то ли Малоун.

— Правда, — печально икнул Гавейн, избегая встречаться со мной взглядом. Вот закончится все, сама попрошу Мерлина снова его жабой сделать!

— Вот видите, люди добрые! Может, сэр Гавейн и приукрасил доблесть свою, — громко заявил

крикун, — но то, что не по своей воле красавица за колдуна замуж идет — истинная правда! Запугал, околдовал!

— Это серьезное обвинение, Мортимер, — сказал король веско и ко мне обратился: — Отвечай, дитя, по доброй ли воле за моего друга Мерлина выходишь?

— Конечно! — ответила я горячо. — Больше всего этого желаю. Лучше никого в целом свете нет!

Мерлин усмехнулся, а за спиной зашептались, кто-то засмеялся.

— Он добрый, — продолжила я, королю в глаза глядя. — Животных лечит, помогает им! А то, что людей не любит... ну, причуда такая, у умных бывает. Вон на сэра Мортимера посмотришь и тоже думаешь, за что их любить? А Мерлин знает, какой умный? Да он такие заклинания читает, от которых у меня голова через пять слов болит! Гневливый, правда, — вспомнила я и тут же добавила поспешно, — но отходчивый! И красивый, — добавила, уж совсем смущаясь. — Стряпню мою хвалит...

Яр-Тур губы держал строгими, но в уголках глаз его морщинки смешливые собрались. И королева смотрела так ласково, как матушка. Ближе-то понятно мне стало, что она старше меня, но все равно красива, как льдинка резная на солнце.

— Вы послушайте ее! Точно, околдована! — крикнул тот же смутьян, и я, вновь оглянувшись, на него волчицей посмотрела. Но народ в зале зашумел одобрительно. — Пусть боги нас рассудят! Требую бой за деву русскую! Честный бой, не колдовством, а на мечах, чтобы мы с колдуном на равных были! И кто победит, тот и невесту получит, и ветку волшебную!

Король задумался.

— Похоже, не любят тебя тут? — краешком губ поинтересовалась я у колдуна.

— Не любят, — согласился он спокойно. Он вообще как-то очень спокоен был. Покосилась на него: смотрит на меня и улыбается. — Красивый? — переспросил шепотом.

— Не красивее меня, — буркнула я сердито и смущаясь. Тут меня у него отбирать собираются, а он глупостями всякими интересуется!

— Что скажешь ты, Мерлин? — спросил король с усмешкой. А сам едва ли не руки от удовольствия потирает. Я на него посмотрела и чуть не плюнула: у нас в деревне мужики тоже перед хорошей дракой аж расцветали. — Готов за невесту свою драться?

— Я и без невесты от драки никогда не отказывался, — откликнулся Мерлин, поднимаясь. Посох свой со спины снял, мне отдал.

— Может, поцелуешь на удачу? — спросил тихо, за руки меня взяв. А у меня от переживаний зуб на зуб не попадает!

— Ты только победи, — попросила я жалобно. — И я тебя так расцелую! Да что там расцелую! Я тебе оладий напеку!

Он засмеялся, легко лба моего губами коснулся и пошел со стены меч брать. А я с посохом у трона стою и не знаю, куда деваться. На королеву посмотрела, а она мне глазами в уголок залы показывает и шепчет:

— Иди, там подождешь, а то в горячке боя и задеть могут!

Отошла я в угол, вцепившись в посох, а руки влажные! Расступились вокруг меня люди дворовые, чтобы я все видела. А у меня в животе от страха сосет так, что перед глазами черные круги идут.

— Начинаем! — крикнул король. — И пусть бой этот будет честным, а сталь покажет, кто прав!

Колдун мой взглядом меня нашел, и я ему кулаком погрозила — только попробуй не победи, мол!

Он усмехнулся, отвернулся и навстречу медведеобразному сэру Мортимеру пошел. Против него как мальчишка против воина матерого. Столкнулись мечи с таким грохотом, что я присела и в ушах у меня заболело! И зазвенели, застучали, не останавливаясь, закричали бойцы, зарычали, в раж боевой впадая!

Люд придворный ахнул, рыцари загалдели, к центру залы все шатнулись, обзор мне закрывая. Я то на цыпочки привстаю, чтобы видеть все, то приседаю и жмурюсь, ибо страшно! Кажется, должен был уже Мортимер снести противника, но колдун с тяжелым мечом так легко управлялся, что я только диву давалась. Ни разу его с мечом не видела!

Народ волнуется, подзуживает, король то и дело себя от удовольствия по бедрам хлопает, королева смотрит величественно, спокойно, а я посох сжимаю — так хочется этого Мортимера по голове трясут и закончить все это безобразие.

— Ик! — вдруг раздалось сбоку.

Я покосилась туда — стоит рядом сэр Гавейн бледный, взгляд прячет. Я и отвернулась сердито.

— О, прекрасная дама, — прошептал он горячо, — простите меня, простите за обман мой! Хочу я — ик! — искупить свою вину! Услышал я, что колдуна собираются обманом победить! Пойдем, надо предотвратить это!

У меня сердце застучало.

— Как предотвратить? — шепчу в ответ. А мечи все звенят, но уже медленней — устали бойцы.

— Покажу сейчас, — тихо пообещал он и меня за руку потянул. — Скорее — ик! — скорее, а то погибнет колдун!

Я за ним не пошла — побежала. Народ на нас не смотрел, боем увлеченный, так и прошли мы вдоль стены под грохот мечей за занавесь какую-то. А там коридор, а в коридоре дверь малая. Открыл эту дверь сэр Гавейн, меня к себе поманил. Я внутрь шагнула, хотя неладное мне что-то почудилось. И тут дверь захлопнулась, посох Мерлина у меня из рук вырвали, меня ловко по рукам-ногам связали. Уж я извивалась, мысленно себя за глупость и доверчивость кляня! Затылком кому-то в лицо вмазала, мыча и брыкаясь, а не смогла отбиться!

Развернули меня — рядом стоит брат Мортимера, Малоун, и кровь, из носа бегущую, утирает, а у стеночки — сэр Гавейн, испуганно руки на груди сложив и еще более на лягушку похожий.

— Прекрасная дама, мы — ик! — вас спасли от этого злодея! — объявил он. — Вы сейчас на меня сердиты, должно быть...

— Му-му-му-му! — промычала я злобно сквозь кляп, пытаюсь руки распутать.

— ...но как только сэр Малоун вас расколдует, — икая, продолжил поэт, — вы поймете, что только ради вас, меня от колдуна спасшей, я на это пошел, и добрым словом вспомните несчастного слугу вашего! Сейчас мы вас из замка выведем, отвезем к священнику ближайшему, он вас с добрым сэром Малоуном обвенчает, и будете вы навсегда от колдуна проклятого спасены!

— Му-му? — спросила я скептически, на сэра Малоуна глядя. На злодея он похож был, а не на добряка. И он меня не разочаровал — тукнул сэра поэта по голове кулаком, тот глаза в кучу свел, «вот и верь после этого людям» пробормотал и на пол осел. Ну хоть икать перестал.

— Зачем нам этот слюнтяй, правда, красавица? — проговорил Малоун с усмешкой нехорошей и какой-то ветошью Гавейна накрыл: мол лежит мешок и лежит себе. — Идеалисты хуже блаженных иногда. Ну-ка, пошли. Пока мой брат там твоего колдуна и короля отвлекает, пока тебя хватятся, искать станут и догадаются, куда делась, мы далеко уехать успеем. Мортимер своей жизнью жертвует ради мести и справедливости!

«Какой справедливости?» — хотела спросить я и опять замычала. Но он меня понял.

— Долго мы ждали, — сказал он, — пока у Мерлина слабое место появится. Очень он силен, поэтому в волшебном бою его можно победить только на моей земле, силой нашего рода напитанной! Давно готовились, но не думали, что так удачно сегодня дело сложится! Отвезу тебя в замок родовой, туда, куда и королевская армия не пройдет, а как придет Мерлин за тобой, там его и порешу, отомщу за бабушку свою! А там и короля с трона скину, без защиты Мерлина ослабленного. Если бы не дед колдуна, старый Мерлин, то я бы королем сейчас был, а не Яр-Тур! Ну, хватит разговоров...

И этот добрый человек что-то прошептал: онемела я, окаменела. Он веревки с меня снял, накидку на меня накинул какую-то и за руку за собой повел. А я шагаю, как овечка, и ни слова сказать не могу, ни дернуться! Позади звон мечей, крики зрителей, ахи и охи дам, и никто не

знает, что невесту-то похищают!

Мимо многих людей мы проходили, и все сквозь меня глядели. Видимо, и накидка непростая была, что стала я для них невидимкою.

Вывел меня сэра Малоун на одну из башен замка королевского, платок из кармана вытащил, на камень кинул — превратился платок цветной в ковер самолетный, от нетерпения как жеребчик подпрыгивающий. Посадил меня волшебник на ковер, и полетели мы прочь со свистом.

Долго летели. Я на боку лежала, в темнеющее небо смотрела, на птиц пролетающих, и изо всех сил желала, чтобы Мерлин догадался, где мы, чтобы спас меня поскорее.

Малоун то и дело оглядывался — краем глаза я это видела — и усмехался довольно, и ковер понукал быстрее лететь.

— Что, — спросил, по боку меня похлопав, — может, и не так ты дорога колдуну, как показалось?

Ух, много я ему могла бы ответить! Но только мысленно плюнула в глаза его бесстыжие и пожелала провалиться.

И тут ковер действительно как дрогнет, словно по нему ладонью хлопнули, и как провалится вниз! Понесся, снижаясь, задергался — Малоун выругался, назад посмотрел...

— Догнал, погань! — прорычал досадливо. — Ну ничего, немного осталось, а я тобой прикроюсь!

Зашуршал ковер по деревьям и вниз свалился. Волшебник меня подхватил, не дав разбиться, на землю опустил, к себе прижал и попятился, оглядываясь.

И я смотрю — неподалеку домик маленький охотничий стоит, ручей какой-то течет, дубы растут, и среди дубов Мерлин к нам идет. Глаз зеленый свечой зловещей в темноте светится, на одежде кровь видна, а лицо такое, что на месте сэра Малоуна я бы уже покаялась и священный сан приняла, чтобы всю жизнь во искупление поклоны бить.

— Остановись! — прокричал Малоун. — Иначе развею сейчас невесту твою! А позволишь тебя связать — отпущу ее! Не дури, колдун, посох твой у меня, а без посоха ты и вполтину не так силен!

Муж мой несостоявшийся, словно и не слышал его, ладонью повел — и меня из рук волшебника вырвало силой невидимой, к Мерлину за спину забросило. Едва взглянул он на меня, прошептал что-то — и умерла я, застонала, набок валясь.

— В дом иди, Марья! — рявкнул колдун, и я откуда-то силы в себе нашла, поднялась, к дому поковыляла, оглядываясь.

— Зря ты пришел, Мерлин, — проревел Малоун, руки поднимая.

Покатилась от рук его волна огненная, все на своем пути сжигающая, да только мой колдун ладонь вперед вытянул — и остановилась волна, зашипела, пытаясь до него дотянуться. Я ахнула — так жаром меня опалило.

— В дом! — рявкнул мне Мерлин. — И чтобы даже в окна не выглядывала!

И тут как грохотнет сила огненная, и как полыхнет в ответ белым светом от рук его! Засиял бой колдовской, а я, подол подобрав, уже не оборачиваясь, в дом побежала. Еле дверь открыла, заметалась по дому — трясется весь, а снаружи в окнах вспышки разноцветные мелькают и гремит так, что оглохнуть можно. Я под кровать и спряталась.

Быстро все затихло. Но я вылезать не спешу, лежу тише мышки, голову закрыв. Скрипнула дверь, раздались шаги — и остановились перед моим лицом сапоги Мерлина.

— Вылезай, — сказал он с усталой насмешкой, — победил я его.

Я оттуда выбралась — а колдун стоит, смотрит на меня и улыбается криво. И руку мне протягивает.

Я за ладонь его схватилась, к нему приникла, и давай всхлипывать! А он меня по голове гладит

и смеется:

— Видишь, на что я ради оладий твоих готов?

— Я тебя еще расцеловать обещала, — тихо напомнила я, голову подняла и губ его губами коснулась. Тихонечко так. Отодвинулась, в глаза ему заглянула тут колдун выдохнул шумно, обнял меня так крепко, что я застонала — и в ответ меня поцеловал.

— Думал я, — сказал он, оторвавшись, когда я уже не соображала ничего, — что лучше твоих обедов ничего быть не может. Так вот поцелуй твои — лучше, Марья.

— Распробовал, что ли? — с сомнением поинтересовалась я, глаза скромно опутив. А сама рубаху его тереблю, плечи горячие глажу.

— Нет, — усмехнулся он и снова целовать меня начал. Да так забористо! Очнулись мы уже на кровати смятой, в обнимку, едва отдышаться способные. Закутались в одеяло и заснули до утра.

А утром разбудил нас грохот двери открывшейся. Мерлин меня к себе подтянул, одеялом укрыл — а я глаза еле разомкнула и вижу: стоит в дверях король Яр-Тур и на нас смотрит.

— Прилетели ко мне вороны твои, — сказал громко, — сообщили, что у моего охотничьего домика бой волшебный произошел. Я сюда и поспешил, свиту далеко позади оставив. Ну, — рассмеялся он, — гляжу, обряд вы сами уже весь почти прошли.

Я от смущения еще больше под одеяло забила, Мерлину под мышку, и ногой попыталась рубаху свою нижнюю достать. Колдун меня к себе прижал, в висок поцеловал и усмехается.

— Доказал ты, друг мой, право на жену, — величественно продолжил король. — Плодись и размножайся, как говорится. А это вам мой подарок свадебный.

И ветку чудесную, золотом светящуюся, легким звоном гудящую, на стол положил. Развернулся, еще раз нас оглядел, хохотнул и к двери пошел. Но задержался.

— Ах, да, — молвил, повернувшись, — совсем забыл. Объявляю вас мужем и женой! Хотя вы и сами справились, гм, справились, да. И, — понизил он голос, — Мерлин, ты бы каменного Малоуна с рожей перекошенной из леса убрал, нечего жену пугать.

И он наконец-то вышел, оставив нас, еще не проснувшихся, одних.

— Ну что, — сказал колдун шепотом, когда затихли шаги Яр-Тура снаружи. — Готова ли ты со мной всю жизнь прожить, жена моя любимая?

— Конечно, готова, — ответила я тихо. — Никто мне больше не нужен.

— И мне, — признался он. — Я тебя как в окне дома твоего увидел, так и понял, что пропал. А уж когда второй раз ты в жизни моей появилась и вверх дном ее перевернула... и увидел я, что не гордая ты вовсе, а добрая и смешная... я с собой боролся, тебя неволить не хотел, чтобы не шла ты за меня ради долга...

Я фыркнула.

— А сейчас что изменилось?

— А услышал я, как ты королю меня нахваливаешь, — сказал он с усмешкой. — И понял, что из чувства долга и ради отца так хвалить не будешь. Значит, люб тебе я...

— Я это тогда же поняла, — закивала я важно. — Что такой колдун, со всех сторон хороший, мне самой нужен!

— Ох, Марья, Марья, — покачал он головой и снова меня поцеловал. И на некоторое время нам опять стало не до разговоров.

Что еще рассказать? Добрались мы спешно до замка, зелье с листом эльфийским смешали, а затем на Русь полетели. Батюшка мой после первой же капли проснулся! Сначала на Мерлина хмурился, но когда тот повинился и честь по чести руки мою попросил, смягчился.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал отец. И свадьбу все же настоял сыграть.

Пригласили мы в замок гостей видимо-невидимо! И короля Яр-Тура с королевой, и волшебников разных, и брауни с воронами, и Кашея с Аленой и племянниками, и нянюшку с бабушкой. И даже Бабу-Ягу, которая вновь к мужу моему в ученицы напросилась.

Привезла нянюшка с собой платье, мне Мерлиным на сватовстве из радуги сотканное. Его-то на свадьбу я и надела. Колдун как меня в нем увидел, так и замер, оглядывая глазами блестящими. Ткань тонкая вышла, прохладная, словно шелковая, перламутровая, с бликами радужными.

— Ничего себе, какое я украшение для тебя со злости сотворил, — проговорил он, усмехаясь. — И как бы зол не был, а мерку-то как точно на взгляд снял, все рассмотреть успел!

На свадьбе-то Мерлин с Кашеем и помирились. А куда им деваться было — с одной стороны я мужу улыбаюсь, с другой Алена своего по плечу гладит и к бывшему другу подталкивает. Супротив женской воли ни один ворчун не сдюжит! И даже два ворчуна.

Поначалу Мерлин с Кашеем сквозь зубы друг другу приветствия цедили, затем оттаяли, говорили долго, былые дни вспоминая, смеялись, ходили на жар-птиц смотреть, на сад волшебный... а прощались, уже обнимаясь и обещая друг к другу в гости часто ходить.

А ковер с жар-птицей я на свадьбу мужу подарила. Висит он теперь у нас в спальне супружеской и о том, как я птиц призывала, напоминает. Утром проснусь, Мерлина обниму, волосы его рыжие лениво перебираю, и на ковер смотрю, улыбаясь. И представляю, как народятся у нас детки, и буду я им сказку рассказывать, как с отцом познакомились и каких только дел тут, в замке, не натворили.

А он зайдет, послушает мои сказки, усмехнется улыбкой своей кривой, и скажет:

— Ох, Марья, Марья... Да тебе сэр Гавейн в подметки не годится!

Я же пальцем ему погрожу ласково и отвечу:

— Главное, чтобы за сердце брало, правда?